

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН

БАЙРОН

3

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
1974

ДЖОРДЖ ГОРДОН
БАЙРОН

✧ СОЧИНЕНИЯ В ТРЕХ ТОМАХ ✧

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1974

ДЖОРДЖ ГОРДОН
БАЙРОН

✧ СОЧИНЕНИЯ В ТРЕХ ТОМАХ ✧
ТОМ ТРЕТИЙ

ДОН-ЖУАН

ПОЭМА

Перевод с английского

Т. Гнедич

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1974

И (Англ)
Б17

Редакционная коллегия:

О. Афонина, М. Кургинян, В. Левик

Комментарии

Н. Дьяконовой

Издание подготовлено на основе тома 67

Библиотеки всемирной литературы:

Джордж Гордон Байрон.

Паломничество Чайльд-Гарольда. Дон-Жуан

Оформление художника

А. Лепятского

Б $\frac{70404-212}{028(01)-74}$ 160-74

ДОН-ЖУАН

К Госвященне

1

Боб Саути! Ты — поэт, лауреат
И представитель бардов, — превосходно!
Ты ныне, как отменный тори, ат-
тестован: это модно и доходно.
Ну как живешь, почтенный ренегат?
В Озерной школе все, что вам угодно,
Поют десятки мелких голосов,
Как «в пироге волшебном хор дроздов;

2

Когда пирог подобный подают
На королевский стол и разрезают,
Дрозды, как полагается, поют». —
Принц-регент это блюдо обожает.
И Колридж-метафизик тоже тут,
Но колпачок соколику мешает:
Он многое берется объяснять,
Да жаль, что объяснений не понять.

3

Ты дерзок, Боб! Я знаю, в чем тут дело:
Ведь ты мечтал, с отменным мастерством
Всех крикунов перекричав умело,
Стать в пироге единственным дроздом.

7

Силенки ты напярэг довольно смело,
Но вмиг на землю сверзился потом.
Ты залететь не сможешь высоко, Боб!
Летать крылатой рыбе нелегко, Боб!

4

А Вордсворт наш в своей «Прогулке»
длительной —
Страниц, пожалуй, больше пятисот —
Дал образец системы столь сомнительной,
Что всех ученых оторопь берет.
Считает он поэзией чувствительной
Сей странный бред; но кто там разберет,
Творенье это — или не творенье,
А Вавилонское столпотворенье!

5

Да, господа, вы в Кезике своем
Людей получше вас всегда чурались,
Друг друга вы читали, а потом
Друг другом изошренно восхищались.
И вы сошлись, естественно, на том,
Что лавры вам одним предназначались.
Но все-таки пора бы перестать
За океан озера принимать.

6

А я не смог бы до порока лести
Унизить самолюбие свое, —
Пусть заслужили вы потерей чести
И славу, и привольное житье.
В акцизе служит Вордсворт — всяк при месте;
Ваш труд оплачен — каждому свое.
Народ вы жалкий, хоть поэты все же
И на парнасский холм взобрались тоже.

7

Вы лаврами скрываете пока
И лысины и наглость, но порою
Вы все-таки краснеете слегка.
Нет, я вам не завидую; не скрою —

8

Я не хотел бы вашего венка!
Притом ведь лавры получают с бою:
Мур, Роджерс, Кэмбел, Крабб и Вальтер
Скотт —
Любой у вас всю славу отобьет.

8

Пусть я с моею музой прозаичной
Хожу пешком — а ваш-то конь крылат!
Но да пошлет вам бог и слог приличный,
И славу, и сноровку. Как собрат,
Я воздаю вам должное — обычный
Прием, которым многие грешат! —
Едва ль, на современность негодуя,
Хвалу потомков этим заслужу я.

9

Но тот, кто лавры хочет получить
Лишь от потомства, должен быть скромнее:
Он сам себе ведь может повредить,
Провбзгласив подобную идею.
Порой эпоха может породить
Титана, но как правило — пигмеи
Все претенденты. Им, читатель мой,
Один конец — бог ведает какой!

10

Лишь Мильтон, злоязычьем уязвленный,
Взывал к возмездью Времени — и вот,
Судья нелицемерный, непреклонный,
Поэту Время славу воздает.
Но он не лгал — гонимый, угнетенный,
Не унижал таланта, ибо тот,
Кто не клеветет, кто не льстит, не гнется,
Всю жизнь тираноборцем остается.

11

О, если б мог восстать, как Самуил,
Он, сей старик, пророк, чей голос властный
Сердца монархов страхом леденил!
О, если б он воскрес, седой и страстный!

Глаза слепые он бы обратил
На злобных дочерей. Но и несчастный
Не льстил бы он ни трону, ни венцу,
И не тебе, моральному скопцу,

12

Преступник Каслрей — лукавый, ловкий,
Ты холеные руки обагрил
В крови Ирландии. С большой сноровкой
Ты в Англии свободу придушил.
Готовый на подлейшие уловки,
Ты тирании ревностно служил,
Надетые оковы закрепляя
И яд, давно готовый, предлагая.

13

Когда ты говоришь парадный вздор,
И гладкий и пустой до омерзенья,
Льстецов твоих — и тех смолкает хор.
Все нации с усмешкою презренья
Следят, как создает словесный сор
Бессмысленного жернова круженье,
Который может миру доказать,
Что даже речь способна пыткой стать.

14

Гнусна твоя бездарная работа:
Одно старье латать, клепать, чинить.
Всегда страшит твоих хозяев что-то,
И это — повод нации душить.
Созвать конгресс пришла тебе охота,
Чтоб цепи человечества скрепить.
Ты создаешь рабов с таким раденьем,
Что проклят и людьми и провиденьем.

15

Ну, что о сущности твоей сказать?
Имеешь ты (или, верней, Оно)
Две цели: удушать и угождать.
Кого и как — такому все равно:

Привык он, как Евтропий, услужать.
В нем, правда, есть достоинство одно —
Бесстрашие, но это уж не смелость,
А просто чувств и сердца омертвелость.

16

Куда бы я глаза ни обратил,
Везде я вижу цепи. О Италия!
Ведь даже римский дух твой погасил
Сей ловкий шут, презренная каналаия!
Он ранами Ирландию покрыл,
Европа вся в кровавой вакханалии,
Везде рабы и троны, смрад и тьма,
Да Саути — их певец, плохой весьма.

17

Но, сэр лауреат, я все ж дерзаю
Сей скромный труд тебе преподнести.
Особой лести я не обещаю —
Я ближе к вигам и всегда почти
Цвет желто-голубой предпочитаю.
До ренегатства мне не дорости,
Хоть без него живется многим худо —
Тем, кто не Юлиан и не Иуда...

Песнь первая

1

Ищу героя! Нынче что ни год
Являются герои, как ни странно.
Им пресса щедро славу воздает,
Но эта лесть, увы, непостоянна:
Сезон прошел — герой уже не тот.
А посему я выбрал Дон-Жуана:
Ведь он, наш старый друг, в расцвете сил
Со сцены прямо к черту угодил.

2

Хок, Фердинанд и Гренби — все герои,
И Кемберленд-мясник и Кеппел тут;
Они потомством Бапко предо мною,
Как пред Макбетом, в сумраке встают,
«Помет одной свиньи», они толпою
По-прежнему за славою бегут,
А слава — даже слава Бонапарта —
Есть детище газетного азарта.

3

Барнав, Бриссо, Дантон, и Кондорсе,
Марат, и Петигон, и Лафайет —
Вот Франция во всей своей красе,
(А все-таки забывчив праздный свет.)

Жубер и Ош, Марсо, Моро, Дезэ —
Смотрите-ка: им просто счету нет!
Недавно их венчали лавры славы,
Но не приемлют их мои октавы.

4

Наш Нельсон — сей британский бог войны —
Достоин славы гордого угара,
Но вместе с ним давно погребены
И лавры и легенды Трафальгара.
Нам силы сухопутные нужны,
И моряки встревожены недаром:
Великих адмиралов имена
Забыл король, забыла вся страна!

5

И до и после славного Ахилла
Цвели мужи, не худшие, чем он,
Но песнь поэта нам не сохранила
Ни славы их, ни доблестных имен.
И потому мне очень трудно было
В тумане новых и былых времен
Найти героя вовсе без изъяна —
И предпочел я все же Дон-Жуана!

6

Гораций говорил, что «*medias res*»¹
Для эпоса — широкая дорога.
Что было раньше, волею небес
Поэт потом покажет понемногу,
Влюбленных приведа под сень древес,
В пещеру или к пышному чертогу,
За ужином, в саду или в раю —
Где он посадит парочку свою.

7

Таков обычный метод, но не мой:
Мой метод — начинать всегда с начала,
Мой замысел и точный и прямой,
В нем отступлений будет очень мало.

---

¹ «Середина дела» (лат.).

Начну я просто первую главой
(Каких бы мне трудов она ни стала).
Я вам хочу подробно описать
Отца и мать героя, так сказать.

8

В Севилье он родился. Город, славный
Гранатами и женщинами. Тот
Бедняк, кто не был в нем, — бедняк подавно.
Севилья лучшим городом слывет.
Родители Жуана благоправно
И неизменно жили круглый год
Над речкою, воспетой целым миром
И называемой Гвадалкивиром.

9

Его отец — Хосé, понятно, «дон»,
Идальго чистокровный, без следа
Еврейско-маврской крови, — был рожден
От грандов, не робевших никогда.
Не всякий граф, маркиз или барон
Был на коне так ловок, господа,
Как дон Хосе, зачавший Дон-Жуана,
Зачавшего (об этом, впрочем, рано)...

10

Его мамаша столь была умна,
Такими отличалась дарованьями,
Что повсеместно славилась она
И всех ученых затмевала знаньями.
Их честь была весьма уязвлена,
И затаенной зависти стенаньями
Отметили они наперебой
Инесы превосходство над собой.

11

Творенья Лопе вдоль и поперек
И Кальдерона знала эта дама:
Когда актер припомнить роль не мог,
Она ему подсказывала прямо.

Добро бы ей Финэгл в том помог:
Но сам Финэгл, позабыв рекламу
И лавочку прикрыв, глядел, дивясь,
Как у Инесы память развилась.

12

Она имела ум математический,
Держалась величаво до жеманности,
Шутила редко, но всегда аттически,
Была высокопарна до туманности,
Чудила и морально и физически
И даже одевалась не без странности:
Весною в шелк, а летом в канифас —
Все это бредни, уверяю вас!

13

Она латынь (весь «Pater noster»¹) знала
И греческие буквы превзошла,
Французские романчики читала,
Но одолеть прононса не могла.
Родным испанским занималась мало;
В ее речах царила полумгла,
Ее сужденья на любые темы
Являли теоремы и проблемы...

14

Еврейский и английский языки
Инеса без труда постигла тоже:
Она считала, что они «близки»
И в некоторых случаях похожи.
Читая песнопенья и стихи,
Она вопрос обдумывала все же —
Не одного ли корня, что Эдем,
Известное британское «god damn»?²

---

¹ «Отче наш» (лат.).

² Черт побери (англ.).

Она была живое поученье,
 Мораль и притча с головы до ног,
 И походила в этом отношенье
 На Ромили: он был ужасно строг,
 Когда судил чужие прегрешенья,
 А сам себе советом не помог:
 Самоубийцей став сентиментальным,
 Провозглашен был просто ненормальным.

Как миссис Триммер книжки поучительные,
 Как Эджуорт ожившие романы,
 Как Целебса супруга умилительная,
 Она была моральна и жеманна.
 Едва ли в ней черту предосудительную
 Нашла бы даже зависть. Как ни странно,
 Она была вот тем-то и страшна,
 Что всех пороков женских лишена.

Она настолько нравственной была
 И к слову искушенья непреклонной,
 Что ангела-хранителя могла
 Освободить от службы гарнизонной.
 Точнее были все ее дела
 Хронометров завода Гаррисона.
 Я б мог сравнить ее высокий дар
 С твоим лишь маслом, дивный Макассар!

Она была бесспорно совершенна, —
 Но к совершенству свет и глух и нем.
 Недаром прародители вселенной
 Хранительный покинули Эдем:
 Они в раю (скажу вам откровенно)
 И целоваться не могли совсем!
 А дон Хосе, прямой потомок Евы,
 Любил срывать плоды с любого древа.

Хосе, беспечный смертный, не любил
 Речей мудреных и людей ученых,
 Куда хотел и с кем хотел ходил,
 Не замечая взоров возмущенных;
 Но за его поступками следил
 Синклит ханжей, клеймить пороки склонных,
 И *двух* его любовниц называл,
 Хотя *одна* — и то уже скандал!

Инеса, несомненно, знала цену
 Своим высоким и моральным качествам,
 Но и святая не снесет измены
 И даже может отказаться начисто
 Бороться с чертом; кротости на смену
 Тогда приходят разные чудачества,
 А коль святая станет ревновать,
 То тут супругу уж недобровать.

Совсем нетрудно справиться с мужчиной,
 Коль он неосторожен и не прав:
 Он хочет ускользнуть с невинной мипой,
 Но тут его хватают за рукав.
 Он следует за гневной «половиной»,
 Она ж, во утвержденье дамских прав,
 Хватает веер, а в руке прелестной
 Он хуже всякой плетки, как известно.

Мне очень, очень жаль, что за повес
 Выходят замуж умные девицы.
 Но что же делать, если бедный бес
 Ученым разговором тяготится?
 (Я ближних соблюдаю интерес,
 Со мной такой ошибки не случится;
 Но вы, увы, супруги дам таких,
 Признайтесь: все под башмачком у них!)

Хосе нередко ссорился с женою.
 Дознаться, «почему» и «отчего»,
 Пытались все друзья любой ценою,
 Хоть это не касалось никого.
 Злословия порок всему виною!
 Но я вполне свободен от него:
 Супругов я улаживаю ссоры,
 Но сам-то я женюсь весьма не скоро.

Я пробовал вмешаться. Я имел
 Отличные намеренья, признаться,
 Но как-то я ни разу не сумел
 До них ни днем, ни ночью достучаться:
 Дом словно вымер, словно онемел.
 Один лишь раз (прошу вас не смеяться!)
 Жуан случайно среди бела дня
 Ведро помоев вылил на меня.

Он был похож на юркую мартышку —
 Хорошенький, кудрявый, озорной.
 Родители любили шалунишку,
 И только в этой прихоти одной
 Они сходились. Надо бы мальчишку
 Учить и жучить, но они со мной
 Советоваться вовсе не хотели
 И портили сынишку как умели.

Итак — я не могу не пожалеть —
 Супруги жили плохо и уныло,
 Мечтая каждый рано овдоветь.
 Со стороны, однако, трудно было
 Их внутреннюю распрю разглядеть:
 Они держались вежливо и мило,
 Но вот огонь прорвался, запылал —
 И явно обнаружился скандал.

Инеса к медицине обратилась,
Стремясь *безумье* мужа доказать,
Потом она с отчаянья пустилась
Его в *дурных инстинктах* упрекать,
Но все-таки ни разу не решилась
Прямые доказательства назвать:
Она считала (так она твердила),
Что честно перед богом поступила.

28

Она вела старательно учет
Его проступкам; все его записки
Цитировать могла наперечет
(К шпионству души любящие близки).
Все жители Севильи круглый год
Инесе помогали в этом сыске:
Уж бабушка на что стара была —
А ведь и та чего-то наплела!

29

Инеса созерцала без волнения,
Подобно женам Спарты прошлых лет,
Казнимого супруга злоключенья,
Надменно соблюдая этикет.
От клеветы и злобного глумленья
Несчастный погибал, а *дъстивый* свет
В ее великолепном равнодушии
С восторгом отмечал великодушие.

30

Прощаю осторожное терпенье
Моим друзьям, которые молчат,
Когда по мере сил и разуменья
Вокруг меня завистники кричат;
Юристы не такое поведенье
Названьем «*malus animus*»¹ клеймят:
Мы мстительность пороком полагаем,
Но если мстит другой — не возражаем.

---

¹ Злой умысел (*лат.*).

А если наши старые грешки,
 Украшенные ложью подновленной,
 Всплывут наружу,— это пустяки:
 Во-первых, ложь — прием традиционный,
 К тому же господа клеветники
 Увлечены враждой неугомонной,
 Не замечают, что из года в год
 Шумиха только славу создает.

Сперва друзья пытались их мирить,
 И родственники думали вмешаться.
 А я, уж если правду говорить,
 Советовал бы вам не обращаться
 Ни к тем и ни к другим. Большую прыть
 Явили и законники, признаться,
 В надежде гонораров. Только вдруг —
 Скончался неожиданно супруг!

Скончался. Умер. О его кончине
 Жалели горячо и стар и млад
 По той весьма естественной причине,
 Что рассуждать о ближнем всякий рад.
 Мне намекал юрист в высоком чине:
 Процесс-то был скандалами богат.
 Любители острот и диффамаций
 Лишились самой лучшей из сенсаций.

Он умер. Вместе с ним погребены
 И сплетни, и доходы адвоката:
 Любовницы пошли за полцены,
 Одна — еврею, а одна — аббату.
 Дом продан, слуги все разочтены,
 И, как ни принял свет сию утрату,
 Оставил он разумную жену
 Его грехи обдумывать — одну.

Покойный дон Хосе был славный малый —
 Могу сказать: его я лично знал,—
 Он образ жизни вел довольно шалый,
 Но я его за то не осуждал:
 Он был горяч, игра его пленяла,
 И страсти он охотно уступал.
 Не всем же жить в таком унылом стиле,
 Как Нума, именуемый Помпилий!

Но, какова бы ни была цена
 Его грехам, он пострадал довольно,
 И вся его искуплена вина.
 Подумайте, ему ведь было больно,
 Что жизнь его и честь осквернена
 Женой и светской чернью сердобольной.
 Он понял — кроме смерти, для него
 Уже не остается ничего.

Он умер, не оставив завещанья,
 И стал Жуан наследником всего —
 И сплетен, и долгов, и состоянья,
 А маменька почтенная — его
 Опекуном. Такое сочетание
 Ролей не удивило никого:
 Единственная мать уже по чину
 Надежный друг единственному сыну.

Умнейшая из вдов, немало сил
 Инеса приложила и старания,
 Чтоб сын ее семьи не посрамил,
 Которою гордилась вся Испания.
 Жуан, как подобает, изучил
 Езду верхом, стрельбу и фехтование,
 Чтоб ловко проникать — святая цель —
 И в женский монастырь, и в цитадель.

Инеса постоянно хлопотала
 И очень беспокоилась о том,
 Чтоб воспитанье сына протекало
 Отменно добродетельным путем:
 Руководила и во все вникала
 С большим педагогическим чутьем.
 Жуан отлично знал науки многие,
 Но, боже сохрани,— не биологию!

Все мертвые постиг он языки
 И самые туманные науки,
 Которые от жизни далеки,
 Как всякий бред схоластики и скуки;
 Но книжек про житейские грешки
 Ему, конечно, не давали в руки,
 И размноженья каверзный закон
 Был от его вниманья утаен.

Трудненько было с классиками им:
 Ведь боги и богини резво жили
 И, не в пример испанцам молодым,
 Ни панталон, ни юбок не носили.
 Педантов простодушием своим
 Смущали и Гомер, и сам Вергилий;
 Инеса, что совсем не мудрено,
 Боялась мифологии давно.

Мораль Анакреона очень спорна,
 Овидий был распутник, как вы знаете,
 Катулла слово каждое зазорно.
 Конечно, оды Сафо вы читаете,
 И Лонгин восхвалял ее упорно,
 Но вряд ли вы святой ее считаете.
 Вергилий чист, но написал же он
 Свое «Formosum pastor Corydon»¹.

---

¹ «Пастух Коридон к красавцу» (лат.).

Лукреция безбожие опасно
 Для молодых умов, а Ювенал,
 Хотя его намеренья прекрасны,
 Неправильно пороки обличал:
 Он говорил о ближних столь ужасно,
 Что просто грубым слог его бывал!
 И, наконец, чей вкус не оскорбляло
 Бесстыдство в эпиграммах Марциала?

Жуан, конечно, классиков зубрил,
 Читая только школьные издания,
 Из коих мудрый ментор удалил
 Все грубые слова и описанья.
 Но, не имея смелости и сил
 Их выбросить из книги, в примечанья
 Их вынес, чтоб учащиеся вмиг
 Их находили, не листая книг.

Как статуи, они стояли рядом,
 Казалось, педагогика сама
 Их выстроила праздничным парадом
 Для юного пытливого ума,
 Покамест новый ментор мудрым взглядом
 Их не пошлет в отдельные дома,
 По разным клеткам, строчкам и куплетам,
 Где место им назначено поэтом.

Семейный трюфель их украшен был
 Картинками, какими украшали
 Такие книжки. Но излишний пыл
 Художники при этом допускали:
 Не раз глазком молящийся косил
 На многие занятные детали.
 Инеса этот трюфель берегла,
 Но Дон-Жуану в руки не дала.

Читал он поученья, и гомилии,
 И жития бесчисленных святых,
 Отчаянные делавших усилия
 Для обузданья слабостей своих
 (Их имена известны в изобилии).
 Блаженный Августин, один из них,
 Своим весьма цветистым «Искушеньем»
 Внушает зависть юным поколениям.

Но Августина пламенный рассказ
 Был запрещен Жуану: этим чарам
 Поддаться может юноша как раз.
 Инеса, осторожная недаром,
 Обычно с сына не спускала глаз,
 Служанкам доверяла только старым,—
 Что и при муже делала она.
 Сия метода женская умна!

Итак, мой Дон-Жуан все рос да рос,
 В шесть лет — прелестный мальчик,
 а в двенадцать
 Мог, если ставить правильно вопрос,
 Уже прелестным юношей считаться.
 Конечно, он не знал греховных грез
 И был способен много заниматься:
 Все дни он проводил, покорен, тих,
 В кругу седых наставников своих.

В шесть лет он был ребенок очень милый
 И даже, по ребячеству, шалил;
 В двенадцать приобрел он вид унылый
 И был хотя хорош, но как-то хил.
 Инеса горделиво говорила,
 Что метод в нем натуру изменил.
 Философ юный, несмотря на годы,
 Был тих и скромн, будто от природы.

Признаться вам, доселе склонен я
 Не доверять теориям Инесы.
 С ее супругом были мы друзья;
 Я знаю, очень сложные эксцессы
 Рождает неудачная семья,
 Когда отец — характером повеса,
 А маменька — ханжа. Не без причин
 В отца выходит склонностями сын!

Я сплетничать не буду, но сказать
 Хочу со всею честностью моею:
 Когда б хотел я сына воспитать
 (А я его, по счастью, не имею!),
 Не согласился б я его отдать
 В Инесин монастырь; всего скорее
 Послал бы я мальчишку в пансион,
 Где попросту учиться мог бы он.

Там все-таки, скажу без хвастовства я,
 Как следует учили нас, ребят.
 Я греческие буквы забываю,
 Но многое я помню — *verbum sat!*¹ —
 И многое отлично понимаю.
 Я, в сущности, конечно, не женат,
 Но сыновей возможных воспитание
 Обдумывал как следует заранее.

В шестнадцать лет молодой испанец наш
 Был строен, ловок, хорошо сложен;
 Догадлив и умен почти как паж,
 Почти мужчиной мог назваться он;
 Но маменька его впадала в раж
 При этой мысли, подавляя стон:
 Уж в самом слове «зрелость», ей казалось,
 Ужасное значенье заключалось!

---

¹ Сказанного достаточно! (лат.).

Среди ее бесчисленных друзей
 (Чи качества описывать не стану)
 Была и донна Юлия. Ей-ей,
 Красавица без всякого изъяну!
 Все прелести присущи были ей,
 Как сладость — розе, горечь — океану,
 Венере — пояс, Купидону — лук...
 (Как Купидону лук! Преглупый звук!)

Ее глаза, блиставшие пленительно,
 Могли на предков-мавров намекать.
 В Испании оно предосудительно,
 Но факты невозможно отрицать!
 Когда Гренада пала и стремительно
 Пустились мавры в Африку бежать,
 Прабабка донны Юлии осталась
 В Испании и вскоре обвенчалась

С одним идальго. Кровь ее и род
 Упомянуть, я думаю, не лестно:
 Досадного скрещенья пород
 Не любят наши гранды, как известно,
 А потому они из года в год
 Берут себе в супруги повсеместно
 Своих племянниц, теток и кузин,
 Что истощает род не без причин.

Но это нечестивое скрещенье
 Восстановило плоть, испортив кровь.
 Гнилое древо вновь пошло в цветенье;
 Наследники дородны стали вновь,
 А дочери — так просто загляденье.
 (Мне, впрочем, намекали, что любовь,
 Законом не стесненная нимало,
 Прабабке нашей донны помогала!)

Сей обновленный род и цвел и рос,
 Давал побеги, листики и почки.
 Ему последний отпрыск преподнес
 Прекрасный дар в лице последней дочки:
 Она была прелестней всяких грез
 (Я говорил об этом с первой строчки),
 Милее розы и нежней зари
 И замужем была уж года три.

Ее глаза (охотник я до глаз!)
 Таили пламя гордости и счастья,
 Как темный полированный алмаз.
 В них было все: и солнце и ненастье;
 А главное, мелькало в них не раз
 Какое-то — не то что сладострастье,
 А тайное движение мечты,
 Разбуженной сознаньем красоты.

На лоб ее прекрасный и открытый
 Ложились кольца шелковых волос,
 Румянец озарял ее ланиты,
 Как небеса — зарницы теплых гроз;
 Она была стройна, как Афродита:
 А статность — я хочу сказать всерьез —
 Особенно в красавицах ценю я:
 Приземистых толстухек не терплю я.

Вполне корректен был ее супруг
 Пятидесяти лет. Оно обычно,
 Но я бы променял его на двух
 По двадцать пять. Ты скажешь: неприлична
 Такая шутка? Полно, милый друг, —
 Под южным солнцем все звучит отлично!
 Известно, у красавиц не в чести
 Мужья, которым больше тридцати.

Печально, а придется допустить,
 Что вечно это солнце озорное
 Не хочет бедной плоти пощадить:
 Печет, и жжет, и не дает покоя.
 Вы можете поститься и грустить,
 Но сами боги в результате зноя
 Нам подают губительный пример.
 Что смертным — грех, то Зевсу — адюльтер!

О, нравственные северные люди!
 О, мудрый климат, где любой порок
 Мороз и успокоит и остудит!
 Снег, я слышал, Антонию помог...
 На севере любовников не судят,
 Но с них берут порядочный налог
 Судейские, признавшие недаром
 Порок довольно выгодным товаром.

Муж Юлии, Альфонсо, я слышал,
 Был — по своим годам — мужчина в силе;
 Их брак довольно мирно протекал,
 Зазорного о них не говорили.
 Он никогда жену не упрекал,
 Но подозрения его томили:
 Он, говоря по правде, ревновал,
 Но признаков того не подавал.

В нежнейшей дружбе — странный род
 влечения! —

С Инесой донна Юлия была,
 Она, однако, не любила чтенья,
 Пера же просто в руки не брала.
 Но, впрочем, я слышал предположенья
 (Хотя молва завистлива и зла),
 Что в юности Альфонсо и Инеса
 Окутывались облаком Зевеса.

И, сохраняя дружбу прежних дней —
 Конечно, в форме сдержанной и милой, —
 Инеса (этот метод всех умней)
 Его супругу нежно полюбила:
 Нежней сестры она бывала с ней
 И вкус Альфонсо каждому хвалила, —
 И сплетня, как живуча ни была,
 А укусить Инесу не могла.

Я сам не разобрался, видит бог,
 Как Юлия все это принимала.
 Спокойно, без волнений и тревог
 Ее существованье протекало,
 И вымысел смутить ее не мог,
 И ревности она не понимала:
 Не разрешала пагубных проблем
 И не делилась тайнами ни с кем.

Жуан любил, играя, к ней ласкаться.
 И в этом ничего плохого нет:
 Когда ей — двадцать, а ему — тринадцать,
 Такие ласки терпит этикет.
 Но я уже не стал бы улыбаться,
 Когда ему шестнадцать стало лет,
 Ей — двадцать три, а три коротких года
 Меняют все у южного народа!

И он переменился и она:
 Они при встречах стали молчаливы,
 Он был смущен, а донна — холодна,
 И только взоры их красноречивы.
 Она понять бы, кажется, должна
 Значенье сей тревоги справедливой,
 А не выдавший моря Дон-Жуан
 Не сознавал, что видит океан!

Но холодность ее дышала тайной,
 И так тревожно нежная рука
 Руки Жуана словно бы случайно
 Касалась осторожно и слегка,
 Что юноша тоской необычайной
 Томился — бессознательно пока!
 Прикосновенья магия простая
 Опасней волшебства, я так считаю.

Она не улыбалась, но подчас
 Так ласково глаза ее блестели,
 Как будто скрытой нежности запас
 Жуану передать они хотели.
 Очаровать одним сияньем глаз
 Все женщины умеют и умели.
 Сама невинность прячется за ложь —
 Так учится притворству молодежь!

Но страсти беспокойное движенье
 Нельзя ни подавить, ни даже скрыть,
 Как в темном небе бури приближенье.
 Напрасно вы стараетесь хитрить,
 Подделывать улыбки, выраженья,
 Неискренние речи говорить:
 Насмешка, холод, гнев или презренье —
 Все это маски только на мгновенье.

Украдкой разгорающийся взор,
 Запретного румянца трепетанье,
 Рукопожатья ласковый укор,
 Смятенье встреч, томленье ожидания,
 Невинной страсти тайный разговор —
 Прелюдия любви и обладанья.
 Но ежели любовник — новичок,
 То для развязки надобен толчок.

Да, Юлии прекрасной состояние
 Опасно было — что и говорить,—
 Во имя веры, чести, воспитания
 Она его сперва хотела скрыть,
 Потом решила — странное желание,
 Способное Тарквиния смутить,
 Святой мадонны попросить защиты,
 Поскольку тайны женщин ей открыты.

Она клялась Жуана не встречать,
 Но с маменькой его в беседе чинной
 Невольно не могла не примечать,
 Кто открывает двери из гостиной.
 Не он... Опять не он... Не он опять!
 Вяля мадонна женщине невинной,
 Но Юлия, внезапно став грустней,
 Решила впредь не обращаться к ней.

Должна ли добродетельная леди
 Пугливо убежать от искушенья?
 Уверенная в доблестной победе,
 Она его встречает без смущенья:
 В спокойных встречах, и в живой беседе,
 И в дружеском, живом нравоученьи
 Она докажет юноше стократ,
 Что он ничуть не более, чем брат.

И даже если все же (бес хитер!)
 Проснется в сердце чувство поневоле,—
 Легко перебороть подобный вздор
 Раз навсегда простым усиьем воли.
 Пусть о любви напрасно молит взор:
 Простой отказ — одно мгновенье боли!
 Красавицы! Рекомендую вам
 Сей хитрый способ верности мужьям.

Притом ведь есть же чистая любовь,
 Какую сам Платон провозглашает,
 Какую херувимы всех сортов
 И пожилые дамы воспевают,—
 Гармония духовных голосов,
 Когда сердца друг друга понимают.
 От такой гармонии, друзья,
 Не прочь бы с донной Юлией и я.

В дни юности, далекой от порока,
 Влюбленность безыскусна и чиста:
 Сперва целуют руку, после щеку,
 А там, глядишь,— встречаются уста.
 Я это говорю не для упрёка,
 Я верю, что невинна красота,
 Но если нарушают меру эту,—
 Моей вины, читатель, в этом нету!

Итак, решила Юлия моя,
 Любви запретной воли не давая,
 Жуану преподать — сказал бы я:
 Святую дружбу. Как на лоне рая,
 Он мог бы, чистой страсти не тая,
 Быть счастлив, безмятежно расцветая,
 И даже обучиться,— но чему —
 И ей неясно было и ему.

В кольчуге благородного решенья,
 Она теперь уверена была,
 Что ей уже не страшно искушенье,
 Что честь ее упорна, как скала,
 И что она, отбросив опасенья,
 Предаться чувству нежному могла
 К тому, о ком мечты ее пленяли...
 (Была ль она права, увидим дале!)

Что ничего плохого в этом нет,
 Она не сомневалась ни мгновенья:
 Жуан — дитя! Ему шестнадцать лет!
 К чему запреты, тайны, подозренья?
 Безгрешен сердца чистого совет.
 (Ведь жгли же христиане без стесненья
 Друг друга, ибо так, любой считал,
 И всякий бы апостол поступал.)

А ежели б Альфонсо вдруг скончался?..
 Хотя и в тайниках заветных грез
 Подобный случай ей не представлялся:
 Он вызвал бы потоки горьких слез!
 А если б он возможен оказался...
 (Для рифмы добавляю «inter nos»¹,
 Точнее — «entre nous»², чтоб ясно стало,
 Что по-французски Юлиа мечтала.)

Но если б это все-таки стряслось
 (Лет через семь — и то не будет поздно), —
 Жуан бы подучился и попрос
 И мог бы жизнь рассматривать серьезно,
 И нашей донне долго б не пришлось
 Томиться вдовой долей многослезной:
 Их дружбы серафическая связь
 Естественно бы в нежность развилась.

А что об этом думал мой Жуан?
 Волненьем непонятым пламенея,
 Он видел все сквозь розовый туман,
 Восторженный, как томная Медея
 Овидия, на грани новых стран.
 Он ожидал, предчувствием пьянея,
 Что очень скоро с ним произойдет
 Какой-то коренной переворот.

¹ Между нами (лат.).

² Между нами (франц.).

Задумчивый, тревожный, молчаливый,
 В тени дубрав блуждая как во сне,
 Своей тоской печальной и счастливой
 Томился он в блаженной тишине.
 (Живых страстей приют красноречивый —
 Уединенье нравится и мне.
 Точней — уединенье не монаха,
 А нежащегося в гареме шаха.)

«Когда, Любовь, о божество весны,
 Сливаешь ты покой и упоенье,—
 Ты царствуешь! Тебе покорены
 Блаженство и святое вдохновенье!»
 Стихи поэта этого сильны,
 Но странное он выражает мнение,
 «Сливая» «упоенье» и «покой» —
 Я помеси не видывал такой!

Мне непонятно это сочетание:
 Поэт хотел заметить, может быть,
 Что в мирном, безопасном состоянии
 Привыкли мы и кушать и любить...
 Об «упоенье» да еще «слиянье»
 Я даже не решаюсь говорить —
 Но о «покое» — возражаю смело:
 «Покой» в минуту страсти портит дело!

Жуан мечтал, блуждая по лугам,
 В зеленых рощах солнечного лета,
 Он радовался чистым ручейкам,
 И птичкам, и листочкам в час рассвета.
 Так пищу идиллическим мечтам
 Находят все любезные поэты,
 Один лишь Вордсворт не умеет их
 Пересказать понятно для других.

Он (но не Вордсворт, а Жуан, понятно)
 Прислушивался к сердцу своему,
 И даже боль была ему приятна
 И как бы душу нежила ему.
 Он видел мир — прекрасный, необъятный,
 Дивился и печалился всему
 И скоро вдался (сам того не чуя),
 Как Колридж, — в метафизику прямую.

Он думал о себе и о звездах,
 О том, кой черт зажег в какой-то день их,
 О людях, о великих городах,
 О войнах, о больших землетрясениях,
 Терялся в фантастических мечтах,
 В заоблачных носился похождениях,
 Вздыхая о луне, о царстве фэй
 И о глазах красавицы своей.

Иным присуще с отроческих лет
 Такое свойство мыслить и томиться,
 Но кто любовью тайною согрет,
 Тот может этой страсти научиться.
 Жуан привык, как истинный поэт,
 В заоблачные сферы уноситься,
 И томной жажде встретить идеал
 Пыл юной крови очень помогал.

Он любовался листьями, цветами,
 В дыханье ветра слышал голоса,
 Порою нимфы тайными путями
 Его вели в дубравы и леса.
 Он, увлеченный нежными мечтами,
 Опаздывал на два, на три часа
 К обеду — но не сетовал нисколько:
 Еда его почти не занимала!

Порою он и книги открывал
 Великих Гарсиласо и Боскана:
 Какой-то сладкий ветер навевал
 От их страниц мечты на Дон-Жуана,
 В его груди волнение вызывал
 Их нежный бред, как сила талисмана.
 Так вызывают бури колдуны
 В наивных сказках милой старины.

Жуан бродил, уединясь от света,
 Не понимая собственных стремлений.
 Ни томный сон, ни вымысел поэта
 Не утомляли смутных вожделений:
 Ему хотелось плакать до рассвета,
 На чью-то грудь склонившись в умиление
 (А может, и еще чего-нибудь,
 О чем я не решаюсь намекнуть).

От Юлии укрыться не могли
 Его томление и его скитанья.
 Они, быть может, даже разожгли
 В ее умильном сердце сострадание,
 Но странно, что они не привлекли
 Инесы неусыпного вниманья.
 Она ему не стала докучать
 Вопросами и предпочла молчать.

Хочу отметить странное явление:
 Известно, что ревнивые мужья,
 Жену подозревая в нарушении...
 Какая это заповедь, друзья?
 Седьмая ли? Восьмая ль? Я в сомнении!
 И вы забыли — так же, как и я!
 Короче говоря — в своей тревоге
 Мужья легко сбиваются с дороги.

Хороший муж, как правило, ревнив,
 Но часто ошибается предметом:
 С невинным он угрюм и неучтив,
 А окружает лаской и приветом
 Какого-нибудь друга, позабыв,
 Что все друзья коварны в мире этом.
 А после друга и жену клянет,
 Но собственной вины не признает.

Недальновидны часто и родные:
 Не в силах уловить их зоркий взгляд
 Того, о чем подружки озорные
 Шутливо и лукаво говорят,
 И только результаты роковые —
 Явленье непредвиденных внучат —
 Повергнет, в семьях порождая грозы,
 Папашу — в ярость, а мамашу — в слезы.

Но где была Инеса, не пойму!
 Признаться, я имею подозренье,
 Что не случайно сыну своему
 Она не запретила «искушенья»,
 Полезного и сердцу и уму,
 А также укреплявшего сомненье
 Альфонсо относительно цены
 Красивой и молоденькой жены.

Случилось это вечером, весной,—
 Сезон, вы понимаете, опасный
 Для слабой плоти. А всему виной
 Предательское солнце — это ясно!
 Но летом и под хладною луной
 Сердца горят. Да что болтать напрасно:
 Известно, в марте млеет каждый кот,
 А в мае людям маяться черед.

Двадцатого случилось это мая...
 Вы видите: любитель точных дат,
 И день и месяц я упоминаю.
 Ведь на полях веков они пестрят,
 Как станции, где, лошадей меняя,
 Перекладные фатума гостят
 Часок-другой, а после дале мчатся,
 А богословы смотрят и дивятся!

Случилось это все часу в седьмом,
 Двадцатого, как я заметил, мая.
 Как гурия в раю, в саду своем
 Сидела томно Юлия младая.
 (Все краски для картины мы найдем,
 Анакреона-Мура изучая.
 Он заслужил и славу и венец.
 Я очень рад: храни его творец!)

Но Юлия сидела не одна.
 Как это вышло — посудите сами...
 Оно, конечно, молодость, весна...
 Но — языки держите за зубами! —
 С ней был Жуан. В том не моя вина.
 Они сидели рядом. Между нами,
 Скажу вам, что не следовало им
 В такую ночь весною быть одним.

Как нежно рдело на ее щеках
 Ее мечты заветное волнение!
 Увы, Любовь, весь мир в твоих руках:
 Ты — слабых власть и сильных укрощенье!
 И мудрость забываем мы и страх,
 Волшебному покорны обольщенью,
 И часто, стоя бездны на краю,
 Всё в невинность веруем свою!

О чем она вздыхала? О Жуане,
 О том, что он наивен и хорош,
 О нежном, платоническом романе,
 О глупости навязчивых святош,
 Она вздыхала (я скажу заранее)
 О том, что воли сердца не поймешь,
 О том, что мужу, как уже известно,
 Давно за пятьдесят, коль молвить честно.

«В пятидесятый раз я вам сказал!» —
 Кричит противник, в споре свирепея.
 «Я пятьдесят куплетов написал», —
 Вещает бард, и публика робеет:
 Ох, как бы он их все не прочитал!
 При слове «пятьдесят» любовь мертвеет...
 Лишь пятьдесят червонцев, спору нет, —
 Поистине прекраснейший предмет!

Спокойную и честную любовь
 К Альфонсо донна Юлия питала
 И никаких особенных грехов
 Покамест за собой не замечала.
 Не торопясь в ней разгоралась кровь,
 Руки Жуана юного сначала
 Она коснулась словно бы своей —
 Ну разве только чуточку нежней.

Его другую руку, как ни странно,
 Она нашла на поясе своем, —
 И вот начало каждого романа,
 Что мы из каждой книжки узнаем!
 Но как могла мамаша Дон-Жуана
 Оставить эту парочку вдвоем?
 Она-то как за ними не следила?
 Моя мамаша б так не поступила!

Затем прелестной Юлии рука
 Жуана руку ласково пожала,
 Как будто бы, не ведая греха,
 Продлить прикосновение приглашала.
 Все было платонически пока:
 Она б, как от лягушки, убежала
 От мысли, что такие пустяки
 Рождают и проступки и грешки.

Что думал Дон-Жуан, не знаю я,
 Но что он сделал, вы поймете сами:
 Он, пылкого восторга не тая,
 Коснулся дерзновенными устами
 Ее щеки. Красавица моя
 В крови своей почувствовала пламя,
 Хотела убежать... хотела встать...
 Но не могла ни слова прошептать.

А солнце село. Желтая луна
 Взошла на небо — старая колдунья;
 На вид она скромна и холодна,
 Но даже двадцать первого июня
 За три часа наделает она
 Таких проказ в иное полнолуние,
 Каких за целый день не натворить:
 У ней на это дьявольская прыть!

Вы знаете опасное молчанье,
 В котором растворяется душа,
 Как будто замирая в ожиданье:
 Природа безмятежно хороша,
 Леса, поля в серебряном сиянье,
 Земля томится, сладостно дыша
 Влюбленной негой и влюбленной ленью,
 В которой нет покоя ни мгновенья.

Итак: не разжимая жарких рук,
 Жуан и донна Юлия молчали;
 Они слышали сердца каждый стук
 И все-таки греха не замечали.
 Они могли расстаться... Но вокруг
 Такую прелесть взоры их встречали,
 Что... что... (Бог знает что! Боюсь сказать!
 Уж я не рад, что принялся писать!)

Платон! Платон! Безумными мечтами
 Ты вымостили опасные пути!
 Любое сердце этими путями
 До гибели возможно довести.
 Ведь все поэты прозой и стихами
 Вреда не могут столько принести,
 Как ты, святого вымысла угодник!
 Обманщик! Плут! Да ты ведь просто сводник!

Да... Юлия вздыхала и молчала,
 Пока уж стало поздно говорить.
 Слезами залилась она сначала,
 Не понимая, как ей поступить,
 Но страсти власть кого не поглощала?
 Кто мог любовь и разум помирить?
 Она вздохнула, вспыхнула, смутилась,
 Шепнула: «Ни за что!» — и... согласилась!

Я слышал — Ксеркс награду обещал
 За новое в науке наслажденье...
 Полезная задача, я б сказал,
 И, несомненно, стоит поощренье.
 Но лично я, по скромности, считал
 Любовь за некий вид отдохновенья:
 Нововведений не ищу я — что ж?
 И старый способ, в сущности, хорош.

Приятно наслаждаться наслаждением,
 Хотя оно чревато, говорят,
 Проклятьем ада. С этим убеждением
 Стараюсь я уж много лет подряд
 Исправиться, но с горьким сожаленьем
 Я замечаю каждый листопад,
 Что грешником я оказался снова,
 Но я исправлюсь — я даю вам слово!

У музы я прощенья попрошу
 За вольность. Не пугайся, образцовый
 Читатель! Грех, которым согрешу,
 Есть только маленькая вольность слова.
 Я в стиле Аристотеля пишу.
 У классиков устав весьма суровый;
 Вот почему, предвидя злой укор,
 Я о прощенье поднял разговор.

А вольность в том, что я предполагаю
 В читателе способность допустить,
 Что после ночи на исходе мая
 (Что я уже успел изобразить)
 Младой Жуан и Юлия младая
 Успели лето целое прожить.
 Стоял ноябрь. Но даты я не знаю,
 Не разглядел: мешала мгла густая!

Отрадно в полночь под луною полной
 Внимать октав Торкватовых размер,
 Когда адриатические волны
 Веслом и песней будит гондольер;
 Отраден первых звезд узор безмолвный;
 Отрадно после бури, например,
 Следить, как выступает из тумана
 Мост радуги на сваях океана!

Отраден честный лай большого пса,
 Приветствующий нас у двери дома,
 Где просветлеют лица и сердца
 Навстречу нам улыбкою знакомой;
 Отрадны утром птичьи голоса,
 А вечером — ручья живая дрема;
 Отраден запах трав, и тень ветвей,
 И первый лепет наших малышей!

Отраден сбор обильный винограда,
 Вакхического буйства благодать;
 Отраднo из ликующего града
 В обитель сельской лени убежать;
 Скупому — груды золота отрада,
 Отцу — отрада первенца обнять,
 Грабеж — солдату, моряку — награда,
 А мщенье — сердцу женскому отрада.

Отраднo неожиданно узнать
 О смерти старца, чье существованье
 Нас, молодежь, заставило вздыхать
 О преизрядной сумме завещанья:
 Иные тянут лет по двадцать пять,
 А мы — в долгах, в надеждах, в ожиданье —
 Даем под их кончину векселя,
 Процентами евреев веселя.

Весьма отраднo славу заслужить —
 Чернилами или кровью, все едино;
 Отраднo ссорой дружбу завершить,
 Когда к тому имеется причина;
 Отраднo добродетель защитить,
 Отраднo пить изысканные вина,
 Отраден нам родного неба свет,
 Уроки и забавы детских лет.

Но выше всех отрад — скажу вам прямо —
 Пленительная первая любовь,
 Как первый грех невинного Адама,
 Увы, не повторяющийся вновь!
 Как Прометей, бунтующий упрямо,
 Украд огонь небесный у богов,
 Мы познаем блаженство — пусть однажды, —
 Впервые утолив святую жажду.

Конечно, человек — престранный зверь,
 И странное находит примененье
 Своим чудесным склонностям. Теперь
 У всех экспериментом увлеченье:
 Мы все стучимся в запертую дверь.
 Таланты процветают, без сомненья:
 Сперва поманят истиной, а там
 Исподтишка и ложь подсунут вам.

Открытий много, и тому причина —
 Блестящий гений и пустой карман:
 Тот делает носы, тот — гильотины.
 Тот страстью к костоправству обуян.
 А все-таки — открытие вакцины
 Снарядам антитеза. В ряде стран
 Врачи от оспы ловко откупаются:
 Она болезнью бычьей заменяется.

Мы хлеб теперь картофельный печем,
 Мы трупы заставляем ухмыляться
 Посредством гальванизма, с каждым днем
 У нас благотворители плодятся,
 Мы новые проекты создаем,
 У нас машины стали появляться.
 Покончили мы с оспой — очень рад!
 И сифилис, пожалуй, устранят!

Он из Америки явился к нам,
 Теперь его обратно отправляют.
 Растет народонаселенье там,
 Его и поубавить не мешает
 Войной или чумой: ведь все друзьям
 Цивилизация предоставляет.
 Какая ж из общественных зараз
 Опаснейшей является для нас?

Наш век есть век прекрасных разговоров,
 Убийства тела и спасенья душ,
 Изобретений и ученых споров.
 Сэр Хэмфри Дэви — сей ученый муж —
 Изобретает лампы для шахтеров.
 Мы посещаем полюсы к тому ж.
 И все идет на пользу человечью:
 И Ватерлоо, и слава, и увечья.

Непостижимо слово «человек»!
 И как постичь столь странное явленье?
 Пожалуй, сам он знает меньше всех
 Своих земных путей предназначенье.
 Мне очень жаль, что наслажденье — грех,
 А грех — увы! — нередко наслажденье.
 Любой из нас идет своим путем,
 Живет и умирает... А потом?

Ну что «потом»? Ни вы, ни я не знаем.
 Спокойной ночи! Ждет меня рассказ.
 Стоял ноябрь, туманы нагоняя;
 Надвинув башлыки до самых глаз,
 Белели горы. В скалы ударяя,
 Ревел прибой. И в очень ранний час,
 Покорное режиму неизменно,
 Ложилось солнце — скромно и степенно.

Была, как часовые говорят,
 «Глухая ночь», когда кричит сова,
 И воет ветер, и в печи горят
 Приветливо и весело дрова
 И путника усталого манят,
 Как солнечного неба синева...
 (Люблю огонь, шампанское, жаркое,
 Сверчков, и болтовню, и все такое!)

В постели донна Юлия была;
 Спала, наверно. Вдруг у самой двери
 Ужасная возня произошла...
 Я, правда, в жизнь загробную не верю,
 Но мертвых разбудить она могла,
 Я заявляю вам, не лицемеря.
 Потом раздался голос: «Ах, творец!
 Сударыня! Сударыня! Конец!»

Сударыня! Хозяин за дверями,
 Сюда ведет полгорода с собою!
 Ах, я не виновата перед вами!
 Я не спала! Вот горе-то какое!
 Откройте им скорей! Откройте сами!
 Они уже на лестнице; гурьбою
 Идут сюда! Но убежать легко:
 Он молод, и окно невысоко!..»

Но в этот миг Альфонсо показался
 В толпе друзей, среди факелов и слуг;
 Никто из них ничуть не постеснялся
 Прелестной донне причинить испуг;
 У многих лоб уже давно чесался
 От шалостей хорошеньких супруг,—
 Примеры заразительны такие:
 Простишь *одну* — начнут шалить *другие!*

Не понимаю, как и отчего
 Безумное закралось подозренье,
 Но грубости идальго моего
 Не нахожу я даже извиненья.
 Ревнивец безрассудный! От кого,
 Чему и где искал он подтвержденья,
 Ворвавшись в дом с толпой ретивых слуг!
 Тому, что он — обманутый супруг.

Проснулась донна Юлия и стала
 Вздыхать, стонать и жалобно зевать,
 А верная Антония ворчала,
 Что донне помешали почивать.
 Она поспешно взбила одеяло,
 Подушки взгромоздила на кровать,
 Чтоб показать ревнивому герою,
 Что на кровати, точно, спали *двое* —

Служанка с госпожой. Не без причин
 Красавицы пугливы. В самом деле:
 Страшась и привидений и мужчин,
 Разумно спать вдвоем в одной постели,
 Пока не возвратится господин.
 А он еще последние недели
 Приходит очень поздно, как на грех,
 Ворча, что «возвратился раньше всех»!

Тут наша донна голос обрела:
 «В уме ль вы, дон Альфонсо? Что случилось?
 Какая вас причуда привела?
 Что с перепоею ночью вам приснилось?
 Зачем до свадьбы я не умерла?
 Я жертвою чудовища явилась!
 Ищите же! Но я вам не прощу!..»
 Альфонсо мрачно молвил: «Поищцу!»

И он и все, кто с ним пришел, искали:
 Комоды перерыли, сундуки,
 Нашли белье и кружевные шали,
 Гребенки, туфли, тонкие чулки
 (Чем женщины от века украшали
 Часы безделья, неги и тоски),
 Потом еще потыкали с отвагой
 Во все диваны и портьеры шпагой.

Иные заглянули под кровать
 И там нашли... не то, чего хотели,
 Окно открыли, стали толковать,
 Что и следов не видно, в самом деле!
 Посоветались шепотом опять
 И комнату вторично оглядели,
 Но странно: ни один не мог смекнуть,
 Что и *в постель* бы надо заглянуть!

«Ищите всюду! — Юлия кричала. —
 Отныне ваша низость мне ясна!
 Как долго я терпела и молчала,
 Такому зверю в жертву отдана!
 Смириться попыталась я сначала!
 Альфонсо! Я вам больше не жена!
 Я не стерплю! Я говорю заранее!
 И суд и право я найду в Испании!

Вы мне не муж, Альфонсо! Спору нет —
 Вам и название это не пристало!
 Подумайте! Вам трижды двадцать лет!
 За пятьдесят — и то уже немало!
 Вы грубостью попрали этикет!
 Вы чести осквернили покрывало!
 Вы негодяй, вы варвар, вы злодей, —
 Но вы жены не знаете своей!

Напрасно, вам доставить не желая
 Ревнивого волнения, вопреки
 Советам всех подруг, себе взяла я
 Глухого старика в духовники!
 Но даже он однажды, отпуская
 Мои невинно-детские грехи,
 С улыбкою сказал шутливо все же,
 Что я на дам замужних не похожа!

Из юношей Севильи никого
 Моим кортехо я не называла.
 Что видела я в жизни? — Ничего!
 Бои быков, балы да карнавалы!
 Суровой честью нрава моего
 Я всех моих поклонников пугала!
 Сам граф О'Рилли мной отвергнут был,
 Хоть он Алжир геройски покорил.

Не мне ль певец прославленный Каццани
 Шесть месяцев романсы распевал
 И не меня ль прекрасный граф Корньяни
 Испанской добродетелью назвал?
 У ног моих бывали англичане,
 Граф Строганов к любви моей взывал,
 Лорд Кофихаус, не вымолив пощады,
 Убил себя вином в пылу досады!

А как в меня епископ был влюблен?
 А герцог Айкр? А дон Фернандо Нуньес?
 Так вот каков удел покорных жен:
 Нас оскорбляет бешеный безумец —
 К себе домой нахально, как в притон,
 Приводит он ораву с грязных улиц!
 Ну что же вы стоите? Может быть,
 Жену вы пожелаете избить?

Так вот зачем вчера вы толковали,
 Что будто уезжаете куда-то!
 Я вижу, вы законника призвали:
 Подлец молчит и смотрит виновато!
 Таковую массу глупостей едва ли
 Придумали бы вы без адвоката!
 Ему же не нужны ни вы, ни я,—
 Лишь низменная выгода своя!

Вы комнату отлично перерыли,—
 Быть может, он напишет протокол?
 Не зря ж ему вы деньги заплатили!
 Прошу вас, сударь, вот сюда, за стол!
 А вы бы, дон Альфонсо, попросили,
 Чтоб этот сброд из комнаты ушел:
 Антонию, я вижу, стыдно тоже!
 (Та всхлипнула: «Я наплюю им в рожи!»)

Ну что же вы стоите? Вот комод!
 В камине можно спрятаться! В диване!
 Для карлика и кресло подойдет!
 Я больше говорить не в состоянье!
 Я спать хочу! Уже четыре бьет!
 В прихожей поискали бы! В чулане!
 Найдете — не забудьте показать:
 Я жажду это диво увидеть!

Ну что ж, идальго? Ваши подозренья
 Пока вы не успели подтвердить?
 Скажите нам хотя бы в утешенье:
 Кого вы здесь надеялись открыть?
 Его происхожденье? Положенье?
 Он молод и прекрасен, может быть?
 Поскольку мне уж больше нет спасенья,
 Я оправдаю ваши опасенья!

Надеюсь, что ему не пятьдесят?
 Тогда бы вы не стали торопиться,
 Свою жену ревнуя невпопад!..
 Антония!! Подайте мне напиться!!
 Я на отца похожа, говорят:
 Испанке гордой плакать не годится!
 Но чувствовала ль матушка моя,
 Что извергу достанусь в жертву я!

Быть может, вас Антония смутила:
 Вы видели — она спала со мной,
 Когда я вашей банде дверь открыла!
 Хотя бы из пристойности одной
 На будущее я бы вас просила,
 Когда обход свершаете ночной,
 Немного подождать у этой двери
 И дать одеться нам, по крайней мере!

Я больше вам ни слова не скажу,
 Но пусть мое молчанье вам покажет,
 Как втайне я слезами исхожу,
 Как тяжело печаль на сердце ляжет!
 Я вашего поступка не сужу!
 Настанет час — и совесть вам подскажет,
 Как был он глуп, и жалок, и жесток!..
 Антония! Подайте мне платок!..»

Она затихла, царственно бледна,
 С глазами, пламеневшими мятёжно,
 Как небо в бурю. Темная волна
 Ее волос, рассыпанных небрежно,
 Ей затеняла щеки. Белизна
 Ее атласных плеч казалась снежной.
 Откинувшись в подушки, чуть дыша,
 Она была как ангел хороша.

Синьор Альфонсо был весьма сконфужен.
 Антония, по комнате носясь,
 Косилась на осмеянного мужа,
 Управиться с уборкой торопясь.
 Отряд ревнивцев был обезоружен,
 Их ловкая затея сорвалась;
 Один лишь адвокат, лукавый малый,
 Не удивлялся этому нисмало.

Насмешливо приглядывался он
 К Антонии, мелькавшей суетливо.
 В проступке был он твердо убежден
 И ожидал довольно терпеливо,
 Когда он будет вскрыт и подтвержден.
 Давно он знал, что искренне правдивы
 Лишь наши лжесвидетели, когда
 Владеют ими страх или нужда.

Но дон Альфонсо вид имел унылый
 И подлинно достойный сожаленья,
 Когда из нежных уст супруги милой
 Выслушивал упреки и глумленья.
 Они его хлестали с дикой силой,
 Как частый град равнины и селенья,
 И он, улик не видя никаких,
 Был обречен покорно слушать их!

Он даже попытался извиняться,
 Но Юлия тотчас же принялась
 Стонать, и задыхаться, и сморкаться;
 И, в этом усмотрев прямую связь
 С истерикой, решил ретироваться
 Наш дон Альфонсо, на жену косясь,
 И, бурные предвидя объясненья
 С ее родней, набрался он терпенья.

Он слова три успел пробормотать,
 Но ловкая Антония умело
 Его смутила: «Что тут толковать!
 Мне, сударь, и без вас немало дела!
 Синьора умирает!» — «Наплевать! —
 Пробормотал Альфонсо.— Надоело!»
 И, сам не зная, как и почему,
 Он сделал, что приказано ему.

За ним ушел, провалом огорчен,
 Его угрюмый posse comitatus,
 Всех позже — адвокат; у двери он
 Пытался задержаться: адвокату
 Смущаться не пристало, но смущен
 Он был, что в доказательствах — hiatus¹.
 Антония могла его теперь
 Без церемоний выставить за дверь.

Как только дверь закрылась,— о, стенанье!
 О, женщины! О, ужас! О, позор!
 О, лживые прекрасные созданья,
 Как может мир вам верить до сих пор! —
 Произнесу ль ужасное признание?
 Едва лишь дверь закрылась на замок,
 Как Дон-Жуан, невидимый доселе,
 Слегка примятый, вылез из постели!

Он спрятан был и ловко и умно,
 Но где и как — я обсуждать не смею:
 Среди пуховиков не мудрено
 Упаковать предмет и покрупнее.
 Оно, наверно, душно и смешно,
 Но я ничуть Жуана не жалею,
 Что мог он утонуть в волнах перин,
 Как в бочке Кларенс, сей любитель вин.

---

¹ Пробел (лат.).

И наконец жалеть его не след,
 Поскольку он грешил по доброй воле
 И сам, нарушив божеский завет,
 Себе готовил горестную долю.
 Но, право, никому в шестнадцать лет
 Раскаянье не причиняет боли,
 И лишь за шестьдесят и бес и бог
 Подводят нашим шалостям итог!

Как выглядел Жуан — мы не видали,
 Но в Библии легко об этом справиться:
 Врачи царю Давиду прописали
 Взамен пиявки юную красавицу.
 В достойном старце силы заиграли
 Живей, и не замедлил он поправиться.
 Однако я не знаю, как Давид, —
 А Дон-Жуан имел унылый вид!

Но каждая минута драгоценна:
 Альфонсо возвратится! Как тут быть?
 Антония, умевшая мгновенно
 Разумные советы находить,
 На этот раз не знала совершенно,
 Как новую атаку отразить.
 А Юлия молчала, отдыхая,
 К щеке Жуана губы прижимая.

Жуан уже прильнул к ее губам
 И плечи ей поглаживал устало,
 О страхе позабыв. «Да полно вам! —
 Антония сердито прошептала. —
 Пооди служи подобным господам!
 Дó глупостей ли нынче? Все им мало!
 Мне этого красавчика пора
 Упрятать в шкаф до самого утра!

Я вся еще дрожу! Помилуй бог!
 Ведь этакая вышла суматоха!
 И — да простится мне! — такой щенок
 Виновник был всего переполоха!
 Ох, я боюсь, хозяин очень строг!
 Не кончились бы шутки наши плохо!
 Я потеряю место, — ну, а вы
 Останетесь как раз без головы!

И что за вкус? Ну, будь мужчина статный,
 Лет двадцати пяти иль тридцати,
 Оно, пожалуй, было бы понятно, —
 А то мальчишка, господи прости!
 Ну, лезьте в шкаф и стойте аккуратно —
 Хозяин может в комнату войти;
 Не шаркайте ногами, не сопите.
 А главное — пожалуйста, не спите!»

Но тут Альфонсо — грозный господин —
 Ее прервал внезапным появлением.
 На этот раз он был совсем один
 И потому с угрюмым нетерпеньем
 Ей сделал знак уйти. Не без причин
 На госпожу взглянула с сожаленьем
 Антония, потом свечу взяла
 И, сделав книксен, вежливо ушла.

Альфонсо постоял минуты две
 И принялся опять за извиненья:
 Он лепетал о ветреной молве
 И о своем нелепом поведении,
 О смутных снах, о шуме в голове;
 Ну, словом, речь его была смешенье
 Риторики и несурзных фраз,
 В которых он мучительно увяз.

Но Юлия, не говоря ни слова,
 Ему внимала. Женщина молчит,
 Когда оружие у нее готово,
 Которое супруга поразит!
 В семейных ссорах, в сущности, не ново,
 Что тот приемлет равнодушный вид,
 Кто за намек твой на *одну* измену
 Тебя уликой в *трех* сразит мгновенно!

Она могла бы многое сказать
 По поводу известного романа
 Инесы и Альфонсо. Но молчать
 Она предпочитала. Разве странно,
 Что ради сына, уважая мать,
 Она щадила уши Дон-Жуана?
 А может быть, другим развлечена,
 Про эту связь не вспомнила она.

Но я еще причину угадал
 Ее вполне разумного молчанья:
 Альфонсо никогда не намекал
 (Из робости, а может — по незнанию!),
 К кому он нашу донну ревновал.
 Инесы допустив упоминанье,
 Она могла б по верному пути
 Его на след Жуана навести!

В столь щекотливом деле очень вреден
 Один намек. Молчанье — это *такт*.
 (Для рифмы нужен «такт» — язык наш беден,
 Октава — тиранический контракт!)
 Мне хочется сказать, что наши леди
 Умеют «замолчать» опасный факт.
 Их ложь умна, изящна, интересна —
 И даже им к лицу, коль молвить честно!

Они краснеют — это им идет,
 И мы им верим, хоть они и лживы.
 Притом же отвечать им не расчет:
 Они обычно так красноречивы,
 Вдыхая, так кривят прелестный рот
 И опускают глазки так красиво,
 Потом слезу роняют, а потом —
 Мы вместе с ними ужинать идем.

Итак, Альфонсо каялся. Меж тем
 Красавица, ему не доверяя,
 Его еще простила не совсем,
 И, о пощаде полной умоляя,
 Стоял он перед ней уныл и нем,
 Как изгнанный Адам у двери рая,
 Исполнен покаянья и тоски.
 И вдруг... наткнулся он на башмаки!

Ну что же — возразите вы — не чудо
 Увидеть в спальне дамский башмачок!
 Увы, друзья, скрывать от вас не буду:
 То были башмаки для крупных ног!
 Альфонсо покраснел. Мне стало худо!
 Я, кажется, от страха занемог!
 Альфонсо, форму их проверив тщательно,
 Вскипел и разъярился окончательно.

Он выбежал за шпагою своей,
 А наша донна к шкафу подбежала:
 «Беги, мой милый друг, беги скорей! —
 Она, открывши дверцы, прошептала,—
 В саду темно, не видно сторожей,
 На улицах еще народу мало!!
 Я слышу, он идет! Спеши! Спеши!
 Беги! Прощай, звезда моей души!»

Совет, конечно, был хорош и верен,
 Но слишком поздно был преподнесен
 И потому, как водится, потеряв.
 Досадой и волненьем потрясен,
 Одним прыжком Жуан уж был у двери,
 Но тут с Альфонсо повстречался он:
 Тот был в халате и во гневе яром,
 Но сбил его Жуан одним ударом.

Свеча потухла. Кто-то закричал,
 Антония вопила: «Воры! Воры!»
 Никто из слуг на крик не отвечал.
 Альфонсо, озверевший от позора,
 Жестокою расправой угрожал.
 Жуан в припадке пылкого задора
 Как турок на Альфонса налетел:
 Он жертвою быть вовсе не хотел.

Альфонсо шпагу выронил впотьмах,
 Чего Жуан, по счастью, не заметил.
 Будь эта шпага у него в руках,
 Давно б Альфонсо не было на свете.
 Они, тузя друг друга впопыхах,
 Барахтались, как маленькие дети.
 Ужасный час, когда плохой жене
 Грозит опасность овдоветь вдвойне!

Мой Дон-Жуан отважно отбивался,
 И скоро кровь ручьями полилась
 Из носа мужа. Он перепугался
 И выпустил соперника, смутясь.
 Но, к сожаленью, рыцарь мой остался,
 Из цепких рук его освободясь,—
 Как молодой Иосиф из Писания,
 В решительный момент без одеяния!

Тут прибежали слуги. Стыд и страх!
 Какое зрелище предстало взору:
 В крови синьор, Антония в слезах,
 И в обмороке юная синьора!
 Следы жестокой схватки на коврах:
 Осколки ваз, оборванные шторы.
 Но Дон-Жуан проворен был и смел
 И за калитку выскочить успел.

Тут кончу я. Не стану воспевать,
 Как мой Жуан, нагой, под кровом ночи
 (Она таких готова покрывать!)
 Спешил домой и волновался очень,
 И что поутру стали толковать,
 И как Альфонсо, зол и озабочен,
 Развод затеял. Обо всем как есть
 В газетах все вы можете прочесть.

Расскажет вам назойливая пресса,
 Как протекал процесс и сколько дней,
 Какие были новые эксцессы,
 Что говорят о нем и что о ней.
 (Среди статей, достойных интереса,
 Гернея стенограмма всех точней:
 Он даже побывал для этой цели
 В Мадриде, как разведать мы успели.)

Инеса, чтобы как-нибудь утих
 Ужасный шум великого скандала
 (В Испании уж не было таких
 Со времени нашествия вандала!),
 Двенадцать фунтов свечек восковых
 Святой Марии-деве обещала,
 А сына порешила отослать
 В чужих краях забвенья поискать.

Он мог бы там набраться новых правил,
 Узнать людей, усвоить языки,
 В Италии б здоровье он поправил,
 В Париже излечился б от тоски.
 Меж тем Альфонсо Юлию отправил
 Замаливать в монастыре грехи.
 Я чувств ее описывать не стану,
 Но вот ее посланье к Дон-Жуану.

«Ты уезжаешь. Это решено
 И хорошо и мудро, — но ужасно!
 Твое младое сердце суждено
 Не мне одной, и я одна несчастна!
 Одно искусство было мне дано:
 Любить без меры! Я пишу неясно,
 Но пятна на бумаге не следы
 Горячих слез: глаза мои горды.

Да, я любила и люблю — и вот
 Покоем, честью и души спасеньем
 Пожертвовала страсти. Кто поймет,
 Что это я пишу не с огорченьем?
 Еще теперь в душе моей живет
 Воспоминанье рядом со смиреньем.
 Не смею ни молить, ни упрекать,
 Но, милый друг, могу ли не вздохать?

В судьбе мужчин любовь не основное,
 Для женщины любовь и жизнь — одно,
 В парламенте, в суде, на поле боя
 Мужчине подвизаться суждено.
 Он может сердце вылечить больное
 Успехами, почетом, славой, но
 Для нас одно возможно излечение:
 Вновь полюбить для нового мученья!

Ты будешь жить, ласкаем и любим;
 Любя, лаская и пленяя многих,
 А я уйду с раскаяньем моим
 В молчанье дней молитвенных и строгих.
 Но страсти пыл ничем непобедим:
 Я все еще горю, я вся в тревоге!
 Прости меня! Люби меня! Не верь
 Моим словам: все кончено теперь!

Да, я слаба и телом и душой,
 Но я способна с мыслями собраться.
 Как волны океана под грозой,
 Мои мечты покорные стремятся
 Лишь к одному тебе. Одним тобой
 Могу я жить, дышать и наслаждаться:
 Так в компасе настойчивый магнит
 К заветной точке рвется и дрожит.

Все сказано, но у меня нет силы
 Проститься навсегда с моей весной.
 Я так тебя любила, друг мой милый,
 Такой жестокий жребий предо мной!
 Зачем меня страданье не убило?
 Мне суждено остаться вновь одной,
 Разлуку пережить и удалиться,
 Тебя любить и о тебе молиться!»

Она писала это *billet doux*¹
 На листике с каемкой золотою:
 Казалось, было ей невмоготу
 Скрепить письмо печатью вырезною
 С девизом нежным «*Elle vous suit partout*»²,
 Что означает: «Я всегда с тобою»,
 С подсолнечником, верности цветком,
 Который всем любовникам знаком.

¹ Любовная записка (*франц.*).

² Она всюду следует за вами (*франц.*).

Вот первое Жуана приключенье.
 О новых я не смею продолжать:
 Мне нужно прежде умное сужденье
 И вкусы нашей публики узнать:
 Их милость укрепляет сомненье,
 А их капризам надо потакать.
 Но если одобренье заслужу я,
 То через год даю главу вторую.

200

Эпической была наречена
 Моя поэма. В ней двенадцать книг,
 Любовь, страданья, бури и война,
 И блеск мечей, и тяжкий лязг вериг,
 Вождей, князей, героев имена,
 Пейзажи ада, замыслы владык:
 Все без обмана, в самом лучшем стиле,
 Как нас Гомер с Вергилием учили.

201

Давно мы с Аристотелем друзья:
 Сей *vade mesum*¹ каждому годится.
 Его поэтов дружная семья
 Влюбленно чтит, им хор глупцов гордится.
 Прозаик любит белый стих, но я
 За рифму: дело мастера боится!
 А у меня запас всегда готов
 Сравнений, и цитат, и острых слов.

202

Есть у меня отличие одно
 От всех, писавших до меня поэмы,
 Но мне заслугой кажется оно:
 Ошибки предков замечаем все мы,
 И эту доказать не мудрено:
 Они уж слишком украшают тему,
 За вымыслом блуждая вкривь и вкось,
 А мне вот быть правдивым удалось!

¹ Путеводитель; буквально: «Иди за мной» (лат.).

А ежели вы склонны сомневаться,
 Узнаете вы правду из газет,
 Могу и на историю сослаться,
 На оперу, на драму, на балет;
 Да наконец, уж если признаваться,
 Я расскажу вам (это не секрет!):
 Я видел сам недавно, как в Севилье
 Жуана черти в бездну утащили!

Уж если я до прозы снизойду,
 То заповеди напишу поэтам:
 Я всех моих собратий превзойду,
 Подобным занимавшихся предметом,
 Всем вкусам я итоги подведу
 И назову сей ценный труд при этом:
 «Лонгин с бутылкой», или «Всяк пьет
 Будь сам себе закон и Стагирит».

Чти Мильтона и Попа; никогда
 Не подражай мужам Озерной школы:
 Их Вордсворт — безнадежная балда,
 Пьян Колридж, а у Саути слог тяжелый;
 У Кэмбела стихи — одна вода,
 А трудный Крабб — соперник невеселый;
 От Роджерса ни строчки не бери
 И с музой Мура флирта не твори.

Не пожелай от Созби ни Пегаса,
 Ни музыки, ни всего его добра,
 Не клевети на ближних для прикрасы
 И сплетнями не оскверняй пера,
 Пиши без принужденья, без гримасы,
 Пиши, как я (давно уже порал),
 Целуй мою лозу, а не желаешь —
 Ты на своей спине ее узнаешь!

Уж если вы хотите утверждать,
 Что этот мой рассказ лишен морали,
 То мне придется искренне сказать,
 Что вы его ни разу не читали!
 Рассказ мой весел, не хочу скрывать.
 (Я враг правоучительной печали!)
 В двенадцатой же песне я хотел
 Изобразить всех грешников удел

Но тем из вас, чей извращенный разум,
 Улик и сплетен разбирая хлам,
 Все доводы опровергая разом,
 Не веря мне и собственным глазам,
 Твердит про «аморальную заразу», —
 Я вам скажу — пиитам и попам:
 «Вы просто лжете, дорогие сэры!
 Точнее — заблуждаетесь без меры!»

Я рад во вкусе бабушек писать.
 Я ссориться с читателем не смею,
 Мне все же лавры хочется стяжать
 Эпической поэмою моею.
 (Ребенку надо что-нибудь сосать,
 Чтоб зубки прорезались поскорее!)
 Я, чтоб читатель-скромник не бранил,
 «Британский вестник» бабушкин купил.

Я взятку положил в письмо к издателю
 И даже получил его ответ:
 Он мило обещал (хвала создателю!)
 Статью — хвалебных отзывов букет!
 Но если он (что свойственно приятелю)
 Обманет и меня, и целый свет
 И желчью обольет меня язвительно,—
 Он деньги взял с меня, ему простительно.

Но верю я: священный сей союз
 Меня вполне спасет от нападения,
 И ублажать журналов прочих вкус
 Не стану в ожиданье одобренья!
 Они не любят наших юных муз,
 И даже в «Эдинбургском обозренье»
 Писатель, нарушающий закон,
 Весьма жестокой каре обречен.

«Non ego hoc ferrem calida juvena»¹, —
 Гораций говорил, скажу и я:
 Лет семь тому назад — еще до Бренты —
 Была живее вспыльчивость моя:
 Тогда под впечатлением момента
 Удары все я возвращал, друзья.
 Я б это дело втуне не оставил,
 Когда Георг, по счету третий, правил.

Но в тридцать лет седы мои виски,
 Что будет в сорок — даже и не знаю:
 Поглядывать я стал на парики.
 Я сердцем сед! Еще в начале мая
 Растратил я хорошие деньки,
 Уж я себя отважным не считаю:
 Я как-то незаметно промотал
 И смелости и жизни капитал.

О, больше никогда на сердце это
 Не упадет живительной росой
 Заветный луч магического света,
 Рождаемый восторгом и красой!
 Подобно улью пчел, душа поэта
 Богата медом — творческой весной;
 Но это все — пока мы сами в силах
 Удваивать красу предметов милых!

¹ «Я не стерпел бы этого в дни пылкой юности» (лат.).

О, никогда не испытаю я,
 Как это сердце ширится и тает,
 Вмещающая все богатства бытия,
 И гневом и восторгом замирает.
 Прошла навек восторженность моя.
 Бесчувственность меня обурекает,
 И вместо сердца слышу все ясней
 Рассудка мерный пульс в груди моей..

Минули дни любви. Уж никогда
 Ни девушки, ни женщины, ни вдовы
 Меня не одурачат, господа!
 Я образ жизни избираю новый:
 Все вина заменяет мне вода,
 И всех страстей отбросил я оковы,
 Лишь скупости предаться я бы мог,
 Поскольку это — старческий порок.

Тщеславию я долго поклонялся,
 Но божествам Блаженства и Печали
 Его я предал. Долго я скитался,
 И многие мечты меня прельщали;
 Но годы проходили, я менялся.
 О, солнечная молодость! Не я ли
 Растрачивал в горячке чувств и дум
 На страсти — сердце и на рифмы — ум...

В чем слава? В том, чтоб именем своим
 Столбцы газет заполнить поплотнее.
 Что слава? Просто холм, а мы спешим
 Добраться до вершины поскорее.
 Мы пишем, поучаем, говорим,
 Ломаем копья и ломаем шеи,
 Чтоб после нашей смерти помнил свет
 Фамилию и плохонький портрет!

Египта царь Хеопс, мы знаем с вами,
 Для памяти и мумии своей
 Себе воздвиг над многими веками
 Гигантский небывалый мавзолей.
 Он был разграблен жадными руками,
 И не осталось от царя царей,
 Увы, ни горсти праха. Так на что же
 Мы, грешные, надеяться-то можем?

Но все же, философию ценя,
 Я часто говорю себе: увы,
 Мы — существа единственного дня,
 И наш удел — удел любой травы!
 Но юность и у вас и у меня
 Была приятна, согласитесь вы!
 Живите же, судьбу не упрекая,
 Копите деньги, Библию читая!..

Любезный мой читатель (а верней —
 Любезный покупатель), до свиданья!
 Я жму вам руку и на много дней
 Вам искренне желаю процветанья.
 Мы встретимся, пожалуй, попоздней,
 Коль явится на то у вас желанье.
 (Я от собратьев отличаюсь тем,
 Что докучать я не люблю совсем!)

«Иди же, тихий плод уединенья!
 Пускай тебя по прихоти несет
 Веселых вод спокойное течение,
 И мир тебя когда-нибудь найдет!»
 Уж если Боб находит одобренье
 И Вордсворт понят — мой теперь черед!
 Четыре первых строчки не считайте
 Моими: это Саути, так и знайте!

Песнь вторая

1

О вы, друзья, кому на обученье
Цвет молодежи всех народов дан,—
Секите всех юнцов без сожаленья
Во исправленье нравов разных стран!
Напрасны оказались наставленья
Мамаши образцовой, и Жуан,
Чуть только на свободе очутился,
Невинности и скромности лишился.

2

Начни он просто школу посещать,
Учись он ежедневно и помногу,
Он не успел бы даже испытать
Воображенья раннюю тревогу.
О, пламенного климата печать!
О, ужас и смятенье педагога!
Как был он тих, как набожен! И вот
В шестнадцать лет уж вызвал он развод.

3

По правде, я не слишком удивлен,
Все к этому вело, судите сами:
Осел-наставник, величавый тон
Мамаши с философскими мозгами,

Хорошенькая женщина и дон
Супруг, слегка потрепанный годами,—
Стеченье обстоятельств, как назло,
Неотвратимо к этому вело.

4

Вокруг своей оси весь мир кружится:
Мы можем, восхваляя небеса,
Платить налоги, жить и веселиться,
Приспосаблия к ветру паруса,
Чтить короля, у доктора лечиться,
С попами говорить про чудеса,—
И мы за это получаем право
На жизнь, любовь и, может быть, на славу.

5

Итак, поехал в Кадис мой Жуан.
Прелестный город; я им долго бредил.
Какие там товары южных стран!
А девочки! (Я разумею — леди!)
Походкою и то бываешь пьян,
Не говоря о пенье и беседе,—
Чему же уподобит их поэт,
Когда подобных им на свете нет!

6

Арабский конь, прекрасная пантера,
Газель или стремительный олень —
Нет, это все не то! А их манеры!
Их шали, юбки, их движений лень!
А ножек их изящные размеры!
Да я готов потратить целый день,
Подыскивая лучшие сравненья,
Но муза, вижу я, иного мненья.

7

Она молчит и хмурится. Постой!
Дай вспомнить нежной ручки мановенье,
Горячий взор и локон золотой!
Плепительно-прекрасное виденье

В душе, сияньем страсти залитой!
Я забывал и слезы и моления,
Когда они весною при луне
Под «фаццоли» порой являлись мне.

8

Но ближе к делу. Маменька послала
Жуана в Кадис, чтобы блудный сын
Пустился года на три — срок немалый —
В чужие страны странствовать один.
Таким путем Инеса отрывала
Его от всех, казалось ей, причин
Грехопадений всяческих: не скрою,
Был для нее корабль — ковчегом Ноя.

9

Жуан велел лакею своему
Упаковать баулы кочевые.
Инесе стало грустно — потому,
Что уезжал он все-таки впервые
На долгий срок. Потом она ему
Вручила на дорогу золотые
Советы и монеты; наш герой
Из этих двух даров ценил второй.

10

Инеса между тем открыла школу
Воскресную для озорных детей,
Чей нрав неукротимый и тяжелый
Сулил улов для дьявольских сетей.
С трех лет младенцев мужеского пола
Здесь розгами стегали без затей.
Успех Жуана в ней родил решенье
Воспитывать второе поколение.

11

И вот готов к отплытию Дон-Жуан;
Попутный ветер свеж, и качка злая:
Всегда в заливе этом океан,
Соленой пеной в путников швыряя,

Бурлит, чертовской злобой обуян.
Уж я-то прав его отлично знаю!
И наш герой на много-много дней
Прощается с Испанией своей.

12

Когда знакомый берег отступает
В туманы моря, смутная тоска
Неотвратимо нас обуревает —
Особенно, конечно, новичка.
Все берега, синяя, исчезают,
Но помню я — как снег и облака,
Белая, тают берега Британии,
Нас провожая в дальние скитания.

13

Итак, Жуан на палубе стоял.
Ругались моряки, скрипели реи,
Был ветер, постепенно исчезал
Далекий город, пятнышком чернея.
Мне от морской болезни помогал
Всегда би́фштекс. Настаивать не смею,
Но все же, сэр, примите мой совет:
Попробуйте, худого в этом нет.

14

Печально он на палубе стоял,
Взирая на Испанию родную.
Любой солдат, который покидал
Свою отчизну, знает боль такую;
Любой душой и сердцем трепетал,
Любой в минуту эту роковую,
Забыв десятки гнусных лиц и дел,
На шпиль церковный горестно глядел.

15

Он оставлял любовницу, мамашу
И, что важней, не оставлял жены.
Он сильно горевал, и — воля ваша —
Вы все ему сочувствовать должны:

И нам, испившим опытности чашу,
Часы прощанья все-таки грустны,
Хоть чувства в нас давно оледенели,—
А наш красавец плакал в самом деле.

16

Так плакали Израиля сыны
У Вавилонских рек о днях счастливых,—
И я б заплакал в память старины,
Да муза у меня не из плаксивых.
Я знаю, путешествия нужны
Для юношей богатых и пытливых:
Для упаковки им всего нужней
Листки поэмы ветреной моей.

17

Жуан рыдал, и слез текли ручьи
Соленые — в соленое же море.
«Прекрасные — прекрасной» — ведь сии
Слова произносила в Эльсиноре
Мать принца датского, цветы свои
На гроб Офелии бросая. В горе,
Раскаяньем томимый и тоской,
Исправиться поклялся наш герой.

18

«Прощай, моя Испания,— вскричал он.—
Придется ль мне опять тебя узреть?
Быть может, мне судьба предназначала
В изгнание сиротливо умереть!
Прощай, Гвадалкивир! Прощайте, скалы,
И мать моя, и та, о ком скорбеть
Я обречен!» Тут вынул он посланье
И перечел, чтоб обострить страданье.

19

«Я не могу,— воскликнул Дон-Жуан,—
Тебя забыть и с горем примириться!
Скорей туманом станет океан
И в океане суша растворится,

Чем образ твой — прекрасный талисман —
В моей душе исчезнет; излечиться
Не может ум от страсти и мечты!»
(Тут ощутил он приступ тошноты.)

20

«О Юлия! (А тошнота сильнее.)
Предмет моей любви, моей тоски!..
Эй, дайте мне напиток поскорее!
Баттиста! Педро! Где вы, дураки?..
Прекрасная! О боже! Я слабею!
О Юлия!.. Проклятые толчки!..
К тебе взываю именем Эрота!»
Но тут его слова прервала... рвота.

21

Он спазмы ощутил в душе (точней —
В желудке), что, как правило, бывает,
Когда тебя предательство друзей,
Или разлука с милой угнетает,
Иль смерть любимых — и в душе твоей
Святое пламя жизни замирает.
Еще вздыхал бы долго Дон-Жуан,
Но лучше всяких рвотных океан.

22

Любовную горячку всякий знает:
Довольно сильный жар она дает,
Но насморка и кашля избегает,
Да и с ангиной дружбы не ведет.
Недугам благородным помогает,
А низменных — и в слуги не берет!
Чиханье прерывает вздох любовный,
А флюс для страсти вреден безусловно.

23

Но хуже всех, конечно, тошнота.
Как быть любви прекрасному пыланью
При болях в нижней части живота?
Слабительные, клизмы, растиранья

Опасны слову нежному «мечта»,
А рвота для любви страшной изгнанья!
Но мой герой, как ни был он влюблен,
Был качкою на рвоту осужден.

24

Корабль, носивший имя «Тринидада»,
В Ливорно шел; обосновалось там
Семейство по фамилии Монкада —
Родня Инесе, как известно нам.
Друзья снабдить Жуана были рады
Письмом, которое повез он сам.
О том, чтобы за ним понаблюдали и
С кем нужно познакомили в Италии.

25

Его сопровождали двое слуг
И полиглот-наставник, дон Педрилло, —
Веселый малый, но морской недуг
Его сломил: всю ночь его мутило!
В каюте, подавляя свой испуг,
Он помышлял о берегу уныло,
А качка, все сдвигая набекрень,
Усиливала страшную мигрень.

26

Да, ветер положительно крепчал,
И к ночи просто буря разыгралась.
Хоть экипаж ее не замечал,
Но пассажирам все-таки не спалось.
Матросов ветер вовсе не смущал,
Но небо испугало. Оказалось,
Что паруса приходится убрать,
Из опасенья мачты потерять.

27

В час ночи шквал ужасный налетел,
Швырнул корабль с размаху, как корыто;
Открылась течь, и остов закрипел,
Большая мачта оказалась сбита.

Корабль весь накренился и осел,
Как раненый, не чающий защиты;
И скоро, в довершение беды,
Набралось в трюмах фута три воды.

28

Часть экипажа, устали не зная,
Взялась за помпы, прочие меж тем
Пробоину искали, полагая,
Что можно бы заткнуть ее совсем.
Напрасный труд: упрямая и злая
Вода, наперекор всему и всем,
Просачивалась буйно сквозь холстину,
Тюки белья, атласа и муслина.

29

Ничто б несчастным не могло помочь —
Ни стоны, ни молитвы, ни проклятья,
И все ко дну пошли бы в ту же ночь,
Когда б не помпы. Вам, мои собратья,
Вам, мореходы Англии, не прочь
Чудесные их свойства описать я:
Ведь помпы фирмы Мэнна — без прикрас! —
Полсотни тонн выкачивают в час.

30

С рассветом буря стала утихать
И даже течь как будто ослабела.
Матросы, не решаясь¹ отдыхать,
Насосами работали умело.
Но к ночи ветер поднялся опять,
И море беспокойно заревело,
А ураган, набравшись новых сил,
Корабль одним ударом накренил.

31

Измученный, лежал он без движенья,
На палубы нахлынула вода.
(Картин пожаров, битв и разрушенья
Не забывают люди никогда,

Но, хоть рождает боль и сожаленье
Разбитые сердца и города,
Всем уцелевшим, как давно известно,
О катастрофе вспомнить интересно.)

32

Матросы, топором вооружась,
Грот-мачту торопливо подрубили,
Но, как бревно, лежал, не шевелясь,
Как будто ослабевший от усилий,
Больной корабль; тревожно суетясь,
Фок-мачту и бушприт они свалили —
И, как старик, что превозмог недуг,
Корабль с усилием выпрямился вдруг.

33

Естественно, что в час такой плачевный
Всех пассажиров ужас обуял:
И аппетит их, и покой душевный
Жестокой бури приступ нарушал.
Ведь даже и матросы, к повседневной
Опасности привыкнув, каждый шквал
Встречают смело, только дозой грога
И рома ободренные немного.

34

Ничто так не способно утешать,
Как добрый ром и пламенная вера:
Матросы, собираясь умирать,
И пили и молились свыше меры;
А волны продолжали бушевать,
Клубились тучи в небе мутно-сером,
И, вторя вою океана, ввысь
Проклятья, стоны и мольбы неслись.

35

Но Дон-Жуан один не растерялся,
Находчивость сумел он проявить:
Он вынул пистолет и попытался
Безумство на борту остановить,

И экипаж ему повиновался;
Они страшились пули, может быть,
Сильней, чем волн, хоть моряки считают,
Что во хмелю тонуть им подобает.

36

Идти ко дну готовясь через час,
Они просили грогу. Но упорно
Жуан им отвечал: «Меня и вас
Погибель ждет, но умирать позорно
В обличье скотском!» Власти подчинясь,
Ему внимали пьяницы покорно,
И сам Педрилло, выбившись из сил,
Напрасно грогу у него просил.

37

Старик несчастный был разбит совсем:
Он жаловался громко, и молился,
И каялся в грехах, и клялся всем,
Что он теперь вполне переродился;
Теперь, не отвлекаемый ничем,
В науки б он прилежно погрузился,
Никто его не мог бы соблазнить
Для Дон-Жуана Санчо Пансой быть.

38

Потом опять надежда появилась —
К рассвету ветер несколько утих.
Но с прежней силой течь возобновилась;
Усилий не жалея никаких,
Команда вновь за помпы ухватилась,
А два десятка слабых и больных
На солнце сели, кости прогревая
И к парусам заплаты пришивая.

39

Желая течь хоть как-нибудь унять,
Они под киль поддели парусину.
Пусть кораблю без мачт не совладать
С разгулом урагана и пучины,

Но никогда не нужно унывать,
Встречая даже страшную кончину!
Хоть умирать приходится лишь раз,
Но как — вот это беспокоит нас!

40

Швыряли волны их и ветры били
По воле и по прихоти своей.
Матросы и руля не укрепили,
И отдыха не знали много дней,
Но ждали все же наступленья штиля
(Надежда подкрепляет всех людей).
Корабль, конечно, плыл еще куда-то,
Но по сравненью с уткой — плоховато.

41

Пожалуй, ветер стал ослабевать,
Зато корабль держался еле-еле,
И все, кто начал это сознавать,
Насупились и явно оробели;
Притом воды им стало не хватать.
Напрасно в телескоп они глядели:
Ни паруса, ни полосы земли —
Лишь море предвечернее вдали.

42

А к ночи снова буря разыгралась,
И в трюме и на палубе опять
Вода, как накануне, показалась.
Все знали, что теперь несдобровать.
Все помпы отказали. Оставалось
На жалость волн и бури уповать, —
А волны столь же к жалости способны,
Как люди в дни войны междоусобной.

43

Вот плотник, со слезами на глазах,
Измученный, явился к капитану.
Он был силен, хотя уже в годах,
Не раз уж он по злому океану

Отважно плавал, и отнюдь не страх
Его заставил плакать,— но не странно,
Что он заплакал: он семью имел
И в страшный час детей своих жалел.

44

Корабль тонул. Мольбы и заклинания,
Все пассажиры начали кричать:
По сотне свеч угодникам заранее
Несчастные старались обещать.
Иные в этом хаосе стенания
Спешили шлюпки на море спускать,
Один к Педрилло бросился в смятенье,
Прося хоть у него благословенья.

45

Иные наряжались, торопясь,
Как будто на воскресное гулянье;
Иные рвали волосы, крестясь,
И плакали, кляня существованье;
Иные, в лодке плотно умясь,
Утешились на время от сознанья,
Что лучше корабля хороший челн
Противиться способен гневу волн.

46

Но, к сожаленью, в этом состоянье,
Усталые от страха и тоски,
Они тащили в диком состязанье
Куда попало кадки и тюки.
Ведь, даже умирая, о питанье
Мечтают люди, смыслу вопреки!
Но в катер погрузили очень мало:
Мешок с галетами и бочку сала.

47

Зато в баркас успели взять и ром,
И хлеб, слегка подмоченный, и мясо —
Свинину и говядину; притом
Воды бочонок взяли для баркаса

И даже пять огромных фляг с вином —
По существу, немалые запасы!
Хотя при обстоятельствах таких
И на неделю б не хватило их.

48

Все остальные лодки потеряли
В начале шторма. Впрочем, и баркас
Был в жалком состоянии и едва ли
Мог долго продержаться. Но сейчас
Не думали об этом: все мечтали
За борт скорее прыгнуть, чтобы час
Урвать у жизни: всем уж ясно стало,
Что лодок для спасенья не хватало.

49

Вот сумерки, как лиловатый дым,
Над водною пустыней опустились;
Ночь надвигалась облаком густым,
И лица всё бледнее становились:
За этой пеленой, казалось им,
Черты чего-то гневного таились.
Двенадцать дней их страх сводил с ума,
Теперь его сменила смерть сама.

50

Кто в силах был — трудились над плотом:
Нелепая затея в бурном море;
Хотя смешного мало было в том,
Но остальные, облегчая горе,
Над ними насмехались. Крепкий ром
Подогревал веселье. В страшной своре
Полубезумцев, полумертвецов
Их дикий смех казался визгом псов.

51

К восьми часам бочонки, доски, реи —
Всё побросали в море, что могли.
По небу тучи, сумрачно темнея,
Скрывая звезды, медленно ползли.

80

От корабля отчалив поскорее,
Как можно дальше лодки отошли.
Вдруг черный остов дрогнул, накренился
И как-то сразу в воду погрузился.

52

И тут вознесся к небу страшный крик,
Прощанья с жизнью. Храбрые молчали,
Но вой трусливых был смертельно дик;
Иные, в волны прыгая, рыдали,
И волны жадно поглощали их,
И снова пасть пучины разевали.
Так в рукопашной схватке в жажде жить
Спешат враги друг друга задушить.

53

Вот над могучим воем урагана
Еще один последний общий стон
Рванулся в тьму полночного тумана
И снова, громом бури заглушен,
Умолк в пустыне черной океана;
Но ветер доносил со всех сторон
Лишь крики одиноких утопавших —
Агонию пловцов ослабевавших.

54

Нагруженные лодки отошли
Заранее, но те, кто были в них,
Едва ли верить искренне могли
Теперь в спасенье бранных тел своих,
Куда бы волны их ни понесли.
В баркасе только тридцать было их,
А в катере лишь девять поместилось,
Погрузка неразумно проводилась.

55

Все прочие — душ около двухсот —
Расстались с христианскими телами.
Утопленник недель по восемь ждет,
Носимый океанскими волнами,

Пока святая месса не залет
Чистилища безжалостное пламя;
А месса нынче, что ни говори,
Обходится порою ффранка в три!

56

Жуан помочь Педрилло постарался
Спуститься своевременно в баркас;
Несчастный педагог повиновался
(Он весь дрожал, не осушая глаз).
Жуан отлично всем распорядился;
Он, верно б, и своих лакеев спас,
Но вот беда — Баттиста, он же Тита,
Погиб из-за пристрастья к aqua vita ¹.

57

И Педро не был вовремя спасен
По вышеупомянутой причине:
На катер неудачно прыгнул он
С кормы — и канул в пенистой пучине,
Неведеньем блаженно упоен.
Вино, в его виновное кончине,
Жестокость волн смягчило для него:
Он утонул — и больше ничего.

58

К отцу хранил герой наш уваженье —
Его собачку он с собою вез.
Опасности почуяв приближенье,
Метался и скулил несчастный пес.
Обычно катастрофы и крушенья
Предчувствует собачий умный нос!
Схватив собачку эту, вместе с нею
Жуан мой в лодку прыгнул, не робей.

---

¹ Водка; буквально: жизненная вода (лат.).

Деньгами второпях наполнил он
 Свои карманы и карман Педрилло —
 Наставник, истощен и потрясен,
 Повиновался робко и уныло;
 Но твердо верил наш отважный дон
 В свое спасенье, молодость и силы,
 А потому в такой ужасный час
 Собачку и наставника он спас.

А ночь ревела, ветер бесновался,
 Громады волн вставали с двух сторон,
 И парус то испуганно вздувался,
 То опадал, от ветра защищен
 Стеной воды, и на корму бросался
 Обрушившийся вал. Сквозь свист и стон
 Они друг друга слышать перестали,
 Промокли все до нитки, все устали.

Разбитый катер вдруг нырнул во мрак,
 И больше тень его не появлялась.
 Баркас еще держался на волнах;
 Из одеял к веслу какой-то парус
 Приделали матросы кое-как.
 Но всем собратьев гибель вспоминалась,
 Всем было жалко сала и галет,
 Доставшихся акулам на обед.

Вот солнце встало пламенно-багровое —
 Предвестник верный шторма; тут одна
 Возможность — бурю вытерпеть суровую
 И ждать, чтоб успокоилась она.
 Всем ослабевшим — средство образцовое —
 По ложке дали рому и вина
 С заплесневелым хлебом; все устали.
 И все в лохмотьях жалких замерзали.

Их было тридцать, сбившихся толпой,
 Оборванных и дремлющих устало:
 Иной сидел с покорностью тупой,
 Иной лежал, иного даже рвало;
 От холода и сырости ночной
 Их лихорадка лютая трепала,
 И только небо покрывало их —
 Измученных, голодных и больных.

Мне говорили, что желанье жить
 Способно и продлить существованье:
 Больные могут воле́й победить
 Любое тяжкое заболевание,
 Предохраняя жизненную нить
 От ножниц Парки. Страха трепетанье
 Опасно смертным — робкий человек
 Свой краткий укорачивает век.

Но старички, живущие на ренту,
 Живут, как я заметил, дольше всех
 И внуков, ожидающих момента
 Кончины их, частенько вводят в грех.
 Но, впрочем, за хорошие проценты
 Дают нам под наследство без помех
 По векселям ростовщики-евреи,
 Хотя они всех кредиторов злее.

В открытом море эта жажда жить
 Обуревают нас: ни сила шквала,
 Ни буря не способны победить
 Сердца пловцов, упорные, как скалы.
 С опасностью и случаем шутить —
 Удел матросов; так всегда бывало —
 И аргонавты, и библейский Ной
 Спасались этой жаждою одной!

Но люди плотоядны от рождения,
 Как тигр или акула; с юных лет
 Желудки их привыкли, к сожаленью,
 Иметь мясное блюдо на обед.
 Конечно, аппарат пищеваренья
 И овощной приемлет винегрет,
 Но трудовой народ привык, признаться,
 Свиной и говяжьей питаться.

На третий день попали моряки
 В глубокий штиль — прозрачный, тихокрылый.
 Как в солнечной лазури голубки,
 По океану судно их скользило.
 Распаковав корзинки и мешки,
 Они поспешно подкрепили силы,
 Не думая о том, что, может быть,
 Им каждой крошкой нужно дорожить.

Последствия легко предугадать:
 Провизию довольно быстро съели,
 И выпили вино, и стали ждать,
 Что ветер их погонит прямо к цели.
 Баркасом было трудно управлять:
 Одно весло на всех они имели,
 Припасов не имея никаких.
 Какая ж участь ожидала их?

Четыре дня стояла тишина
 И паруса висели бездыханно.
 В спокойствии младенческого сна
 Едва качались волны океана,
 А голод рос, как грозная волна.
 На пятый день собачку Дон-Жуана
 Убили, вопреки его мольбам,
 И тут же растащили по кускам.

Иссохшей шкуркой на шестые сутки
 Питались все, но продолжал поститься
 Жуан: ему мешали предрассудки
 Папашинной собачкой подкрепиться.
 Но, побежденный спазмами в желудке,
 Решил передней лапкой поделиться
 С Педрилло: тот и половинку съел,
 И на вторую жадно посмотрел.

Семь дней без ветра солнце пожирало
 Бессильные недвижимые тела,
 Простертые как трупы. Даль пылала:
 В ней даже тень прохлады умерла.
 Ни пищи, ни воды уже не стало,
 И молчаливо, медленно росла
 Предвестием неотвратимых бедствий
 В их волчьих взорах мысль о людоедстве.

И вот — один товарищу шепнул,
 Другой шепнул соседу осторожно,
 И шепот их в зловещий тихий гул
 Стал разрастаться грозно и тревожно.
 Никто не знал, кто первый намекнул
 На то, что все скрывали, сколь возможно.
 И вдруг решили жребии метать:
 Кому судьба для братьев пищей стать.

Опи уж накануне раскромсали
 Все кожаные шапки и ремни
 И съели. Пищи взоры их искали,
 Хотели мяса свежего они.
 Бумаги, впрочем, сразу не достали,
 Поэтому — о муза, не кляни
 Жестоких! — у Жуана взяли силой
 На жребии письмо подруги милой.

Пришла минута жребии тянуть,
 И на одно короткое мгновенье
 Мертвящую почувствовали жуть
 Все, кто мечтал о страшном насыщенье.
 Но дикий голод не давал заснуть
 Вгрызавшемуся в сердце их решенью,
 И, хоть того никто и не желал,
 На бедного Педрилло жребий пал.

Он попросил их только об одном:
 Чтоб кровь ему пустили; нужно было
 Ему лишь вену вскрыть — и мирным сном
 Забылся безмятежно наш Педрилло.
 Он умер как католик; веру в нем
 Недаром воспитанье укрепило.
 Распятые он поцеловал, вздохнул
 И руку для надреза протянул.

Хирургу вместо платы полагалось
 Кусок отличный взять себе, но тот
 Лишь крови напился; ему казалось,
 Что как вино она из вены бьет.
 Матросы съели мясо. Что осталось —
 Мозги, печенка, сердце, пищевод —
 Акулам за борт выброшено было.
 Таков удел несчастного Педрилло.

Матросы съели мясо, я сказал,
 За исключением тех, кого действительно
 Сей вид мясоедения не прельщал.
 Жуан был в их числе: неудивительно —
 Уж если он собачку есть не стал,
 Считая, что сие предосудительно,
 Не мог он, даже голодом томим,
 Позавтракать наставником своим!

И он был прав. Последствия сказались
 Обжорства их в конце того же дня:
 Несчастные, безумствуя, метались,
 Кошунствуя, рыдая и стенья,
 В конвульсиях по палубе катались,
 Прося воды, судьбу свою кляня,
 В отчаянье одежды раздирали —
 И, как гиены, с воем умирали.

От этого несчастья их число,
 Я полагаю, сильно поредело.
 Но те, кому покамест повезло
 В живых остаться, думали несмело,
 Кого бы снова скушать; не пошло
 На пользу им сознание злого дела
 И зрелище жестокой смерти тех,
 Кто объедался, позабыв про грех.

Всех толще был помощник капитана,
 И все о нем подумывали, — но
 Прихварывал он что-то постоянно;
 Еще соображение одно
 Спасло его от гибели неожиданно:
 Ему преподнесли не так давно
 По дружбе дамы в Кадисе в складчину
 Подарок, удручающий мужчину.

Педрилло уж никто не доедал:
 На аппетит усердных едоков
 Невольный страх пррядком повлиял.
 Жуан, ко всем превратностям готов,
 Куски бамбука и свинца жевал;
 Когда же случай им послал нырков
 И пару альбатросов на жаркое, —
 Покойника оставили в покое.

Пусть те, кого шокирует из вас
 Удел Педрилло, вспомнят Уголино:
 Тот, кончив свой трагический рассказ,
 Грыз голову врага. Сия картина
 В аду ничуть не оскорбляет глаз;
 Тем более уж люди неповинны,
 Когда они друзей своих едят
 В минуты пострашней, чем Дантов ад.

Лишь ночью ливнем тучи разразились.
 Как трещины засушливой земли,
 Страдальцев губы жаждою кривились,
 Ловили капли влаги, как могли.
 Когда б вы в Малой Азии родились
 Иль без воды дней десять провели,—
 В колодец вы мечтали бы спуститься,
 Где, как известно, истина таится.

Дождь ливмя лил, но эта благодать
 Жестокой жажды их не облегчала,
 Пока не догадались разостлать
 На палубе остатки одеяла;
 Его, понятно, стали выжимать
 И воду пили жадно, одичало,
 Впервые ощущая, может быть,
 Насколько велико блаженство пить.

Глотая воду, как земля сухая,
 Их губы оставались горячи,
 Их языки чернели, опухая,
 В иссохшем рту, как в доменной печи.
 Так, о росинке нищих умоляя,
 В аду напрасно стонут богачи!
 И если это правда, то действительно
 Доктрина христианства утешительна.

Среди скитальцев были два отца
 Измученных и два печальных сына.
 Один держался бодро до конца,
 Но умер вдруг, как будто без причины.
 Старик отец взглянул на мертвеца,
 Перекрестился истово и чинно,
 «Да будет воля божья!» — произнес
 И попрощался с первенцем без слез.

Второй ребенок слабеньким казался,
 Он был изнежен и немного хил,
 Но долго мальчик смерти не сдавался,
 Поддерживал в нем дух остатки сил.
 Отцу ребенок слабо улыбался
 И слово утешенья находил,
 Когда в чертах отца, с надеждой споря,
 Мелькала тень разлуки — ужас горя.

И, наклонясь над мальчиком своим,
 Не отрывая глаз, отец унылый
 Следил за ним, ухаживал за ним.
 Когда страдальцев ливнем оживило,
 Ребенок был уж вовсе недвижим,
 Но взор померкший радость озарила,
 Когда из тряпки в рот ему отец
 Хоть каплю влаги выжал наконец.

Ребенок умер. Пристально и странно
 Смотрел отец на хладный этот прах,
 Как будто труп, простертый бездыханно,
 Еще очнуться мог в его руках.
 Когда же, став добычей океана,
 Поплыл мертвец, качаясь на волнах, —
 Старик упал и встать уж не пытался,
 Лишь изредка всем телом содрогался.

Вдруг радуга у них над головой,
 Прорезав облака над мглою моря,
 На крутизне воздвиглась голубой.
 Все стало сразу ярче, словно споря
 Сияньем с этой аркою цветной;
 Как плещущее знамя на просторе,
 Горел ее прекрасный полукруг;
 Потом поблекнул и растаял вдруг.

Как ты хорош, хамелеон небесный,
 Паров и солнца дивное дитя!
 Подернут дымкой пурпур твой чудесный,
 Все семицветье светом золотя,—
 Так полумесяцы во тьме окрестной
 Горят, над минаретами блестя.
 (Но, впрочем, синяки при боксе тоже
 С его цветами, несомненно, схожи!)

Все ободрились: радугу они
 Считали добрым предзнаменованьем:
 И римляне и греки искони
 Подобным доверяли указаньям.
 В тяжелые и горестные дни
 Полезно это всем; когда страданьем
 Измучен ум,— приятно допустить,
 Что радуга спасеньем может быть.

Вдруг белая сверкающая птица,
 Как будто голубь, сбившийся с пути,
 Над ними стала медленно кружиться,
 Казалось, уж готовая почти
 Для отдыха на мачту опуститься,
 Как будто ночь хотела провести
 Среди людей,— и птицы появленье
 Им показалось признаком спасенья.

И все-таки хочу отметить я:
 Сей голубь очень мудро поступил,
 Что дальше от двуногого зверья
 Найти себе пристанище решил:
 Будь даже тем он голубем, друзья,
 Который Ною милость возвестил,
 Насытились бы им, как пищей редкой,—
 Им и его оливковую веткой.

С приходом ночи ветер разыгрался,
 Но был спокойен звездный небосвод.
 В неведомом пространстве продвигался
 Скитальцев жалких обветшалый бот.
 То им казалось — берег рисовался
 В туманной мгле на грани синих вод;
 То слышался им дальний шум прибоа,
 То грохот пушек, словно с поля боя.

К рассвету ветер сразу ослабел.
 Вдруг вахтенный воскликнул возбужденно,
 Что долгожданный берег засинел
 В дали, зари сияньем освещенной.
 Никто поверить этому не смел:
 Скалистый берег, светлый, озаренный,—
 Уже не сон, мерещившийся им;
 Он был реален, видим, достижим!

Иные разрыдались от волнения,
 Иные, не решаясь говорить,
 Глядели вдаль в тупом недоуменье,
 Еще не смея ужас позабыть;
 Иной шептал творцу благословенья
 (Впервые в долгой жизни, может быть!);
 Трех будить настойчиво пытались,
 Но трупами лентяи оказались.

Днем раньше на волнах они нашли
 Большую черепаху очень ценной
 Породы, к ней тихонько подплыли,
 Поймали и насытились отменно.
 День жизни этим все они спасли,
 Притом же им казалось несомненно,
 Что так внезапно, в столь тяжелый час
 Их провиденье, а не случай спас.

Гористый берег быстро выростал,
 К нему несли и ветер и течение,
 Куда — никто доподлинно не знал,
 Догадки возникали и сомненья.
 Так долго ветер их бросал и гнал,
 Что были все в большом недоуменье:
 Кто эти горы Этною считал,
 Кто — Кипром, кто — грядой родосских скал.

А между тем течение неуклонно
 Их к берегу желанному несло.
 Они, как призраки в ладье Харона,
 Не двигались, не брались за весло;
 Им даже бросить трех непогребенных
 В морские волны было тяжело, —
 А уж за ними две акулы плыли
 И, весело резвясь, хвостами били.

Жестокий голод, жажда, зной и хлад
 Измученных страдальцев обглодали,
 Ужасен был их облик и наряд:
 Их матери бы даже не узнали!
 Их ветер бил, хлестали дождь и град,
 Их леденили ночи, дни сжигали,
 Но худшим злом был все-таки понос,
 Который им Педрилло преподнес.

Все приближался берег отдаленный,
 Еще недавно видимый едва;
 Уже дышала свежестью зеленой
 Его лесов веселая листва.
 Скитальцев взор, страданьем воспаленный,
 Слепила волн и неба синева,
 Они не смели верить, что неожиданно
 Спаслись от хищной пасти океана.

Казалось, берег был безлюдно-тих,
 Одни буруны пенились у скал;
 Но так истосковалось сердце их,
 Что рифов устрашающий оскал
 Кипеньем волн косматых и седых
 Ни одного гребца не испугал:
 Стремительно они на скалы ринулись —
 И, что вполне понятно, опрокинулись.

Но мой Жуан свои младые члены
 Не раз в Гвадалквивире омывал,—
 В реке сей славной плавал он отменно
 И это ценным качеством считал;
 Он переплыл бы даже, несомненно,
 И Геллеспонт, когда бы пожелал,—
 Что совершили, к вящей нашей гордости,
 Лишь Экенхед, Леандр и я — по молодости.

Жуан, хоть был измучен и устал,
 Отважился с волнами состязаться.
 Страшась акул, он силы напрягал,
 Чтоб как-нибудь до берега добраться.
 Трех спутников он сразу потерял:
 Два вовсе не смогли передвигаться,
 А к третьему акула подплыла
 И, за ногу схватив, уволокла.

Но наш герой держался еле-еле
 И вдруг увидел длинное весло;
 Хоть руки у Жуана ослабели
 И плыть ему уж было тяжело,
 Весло схватил он, и к желанной цели
 Его и эту щепку понесло,
 То плыл он, то барахтался, то бился —
 И на песок беспомощно свалился.

Впился ногтями цепко он в песок,
 Сквозь бред соображая через силу,
 Что океан ревел у самых ног
 То дико, то угрюмо, то уныло,
 Бесясь, что утащить его не мог
 Обрато в ненасытную могилу.
 Жуан лежал недвижим, слаб и нем.
 Да, он от смерти спасся,— но зачем?

С усилием он попытался встать,
 Но тут же на колени опустился.
 Тревожным взором начал он искать
 Товарищей, с которыми сроднился,
 Но хладный страх объял его опять:
 Один лишь труп с ним рядом очутился,—
 На берегу чужом, у хмурых скал,
 Казалось, погребенья он искал.

Заметив это вздувшееся тело,
 Жуан подумал, что узрел свой рок.
 В его глазах все сразу потемнело,
 Все поплыло — и скалы и песок;
 Рука, весло сжимая, помертвела,
 И, стройный, как весенний стебелек,
 Поник он вдруг, бессильный и безгласный,
 Как лилия увядшая, прекрасный.

Как долго он на берегу лежал,
 Не знал Жуан — он потерял сознание
 И времени совсем не замечал:
 Сквозь тяжкие, но смутные страдания
 Он, пробиваясь к жизни, ощущал
 Биенье крови, пульса трепетанье,
 Мучительно томясь. За шагом шаг
 Смерть отступала, как разбитый враг.

Глаза открыл он и закрыл устало
 В недоуменье. Чудилось ему,
 Что лодку то качало, то бросало,
 И с ужасом он вспомнил — почему,
 И пожалел, что смерть не наступала.
 И вдруг над ним сквозь сон и полутьму
 Склонился лик прекрасный, как виденье,
 Лет восемнадцати, а то и менее.

Все ближе, ближе... Нежные уста,
 Казалось, оживляющим дыханьем
 Его согреть хотели; теплота
 Ее руки с заботливым вниманьем
 Касалась щек его, висков и рта
 С таким любовным, ласковым желаньем
 В нем снова жизнь и чувства воскресить,
 Что мой герой вздохнул — и начал жить.

Тогда его полунагое тело
 Плащом прикрыли, голову его
 Понижшую приподняли несмело;
 Жуан, еще не помня ничего,
 К ее щеке прижался, помертвелый,
 И, из кудрей питомца своего
 Рукою нежной влагу выжимая,
 Задумалась красавица, вздыхая.

Потом его в пещеру отнесла
 Она вдвоем с прислужницей своею.
 Хоть та постарше госпожи была,
 Но позадорней, да и посильнее.
 Костер она в пещере развела,
 И перед ним предстала, словно фея,
 Деввица — или кем бы там она
 Ни оказалась, — девственно стройна.

На лбу ее монеты золотые
 Блестели меж каштановых кудрей,
 И две косы тяжелые, густые
 Почти касались пола. И стройней
 Была она и выше, чем другие;
 Какое-то величье было в ней,
 Какая-то надменность; всякий знает,
 Что госпоже надменность подобает.

Каштановыми были, я сказал,
 Ее густые волосы; но очи —
 Черны как смерть; их мягко осенял
 Пушистый шелк ресниц темнее ночи.
 Когда прекрасный взор ее сверкал,
 Стрелы быстрей и молнии короче, —
 Подумать каждый мог, ручаюсь я,
 Что на него бросается змея.

Лилейный лоб, румянец нежно-алый,
 Как небо на заре; капризный рот...
 Такие губки увидав, пожалуй,
 Любой о милых радостях вздохнет!
 Она красой, как статуя, сияла.
 А впрочем, присягну: искусство лжет,
 Что идеалы мраморные краше,
 Чем юные живые девы наши!

Я говорю вам это неспроста,
 Я даже под присягой утверждаю:
 Одной ирландской леди красота
 Увянет незамеченной, я знаю,
 Не оживив ни одного холста;
 И если злое время, все меняя,
 Морщинами сей лик избороздит, —
 Ничья нам кисть его не сохранит!

Такою же была и эта фея;
 Хоть не испанским был ее наряд —
 Попроще, но поярче, веселее.
 Испанки избегают, говорят,
 Материй ярких — хитрая затея!
 Но как опи таинственно шуршат
 Баскинами и складками мантильи —
 Веселые прелестницы Севильи!

Но наша дева в пестрые цвета
 Была с большим уменьем разодета.
 Все было ярко в ней — и красота,
 И золото, и камни-самоцветы.
 И кружевная тонкая фата,
 И поясок, и кольца, и браслеты,
 И туфельки цветные; но — ей-ей! —
 Чулок на ножках не было у ней!

Костюм ее служанки был скромнее,
 Из пестрых тканей, более простых;
 Фата была, понятно, поглубже,
 И серебро монет в кудрях густых
 (Оно приданым числилось за нею,
 Как водится у девушек таких).
 Погуще, но короче были косы.
 Глаза живее, но чуть-чуть раскосы!

Они с изобретательным стараньем
 Кормили Дон-Жуана каждый час.
 Всем женщинам — пленительным созданьям —
 Естественно заботиться о нас.
 Бульон какой-то с редкостным названьем
 Ему варили; уверяю вас:
 Таких бульонов даже в дни Ахилла
 С самим Гомером муза не варила!

Но мне пора вам рассказать, друзья,
 Что вовсе не принцессы девы эти.
 (Я не люблю таинственности, я
 Не выношу манерности в поэте!)
 Итак, одна красавица моя —
 Прислужница, как всякий мог заметить;
 Вторая — госпожа. Отец ее
 Живет уловом: каждому свое!

Он в юности был рыбаком отличным —
 И, в сущности, остался рыбаком,
 Хотя иным уловом необычным
 Он занимался на море тайком.
 Мы числим контрабанду неприличным
 Занятием, а грабежи — грехом.
 Но не понес за грех он наказанья,
 А накопил большое состоянье.

Улавливал он в сети и людей,
 Как Петр-апостол, — впрочем, скажем сразу,
 Немало он ловил и кораблей,
 Товарами груженных до отказа,
 Присваивал он грузы без затей,
 Не испытав раскаянья ни разу,
 Людей же отбирал, сортировал —
 И на турецких рынках продавал.

Он был по крови грек, и дом красивый
 Имел на диком острове Циклад.
 И жил свободной жизнью и счастливой,
 Поскольку был достаточно богат.
 Не нам судить, читатель мой пытливый,
 В каких он прегрешеньях виноват,
 Но дом украсил он лепной работой,
 Картинами, резьбой и позолотой.

Имел он дочь-красавицу. За ней
 Приданого готовил он немало,
 Но дочь его Гайдэ красой своей
 Богатства блеск бесспорно затмевала.
 Как деревцо, в сиянье вешних дней
 Она светло и нежно расцветала
 И нескольким искателям в ответ
 Уже сказала ласковое «нет».

И вот, гуляя вечером однажды,
 Жуана на песке она нашла,
 Бессильного от голода и жажды.
 Конечно, нагота его могла
 Смутить девицу — это знает каждый,
 Но жалость разом все превозмогла.
 Нельзя ж, чтоб умер он, такой пригожий,
 И главное — с такою белой кожей!..

Но просто взять его в отцовский дом,
 Она считала, будет ненадежно:
 Ведь в помещенье, занятом котом,
 Больных мышей лечить неосторожно,
 Старик владел практическим умом,
 И водс¹ бы подсказал ему, возможно,
 Юнца гостеприимно подлечив,
 Его продать, поскольку он красив.

---

¹ Ум, разум (греч.).

И вот она, служанки вняв совету
 (Служанкам девы любят доверять),
 Жуана отнесла в пещеру эту
 И там его решила посещать.
 Их жалость возрастала; дива нету:
 Ведь жалость — это божья благодать,
 Она — сказал апостол Павел здраво —
 У райских врат на вход дает нам право!

Костер они в пещере развели,
 Насобирав поспешно и любовно
 Все, что на берег волны принесли, —
 Обломки весел, мачты, доски, бревна.
 Во множестве здесь гибли корабли,
 И рухляди трухлявой, безусловно,
 По милости господней, так сказать,
 Хватило бы костров на двадцать пять.

Ему мехами ложе застелили;
 Гайдэ не пожалела ничего,
 Чтоб все возможные удобства были
 К услугам Дон-Жуана моего.
 Его вдобавок юбками накрыли
 И обещали навестить его
 С рассветом, принеся для угощенья
 Хлеб, кофе, яйца, рыбу и печенью.

Когда они укутали его,
 Заснул он сразу; так же непробудно
 Спят мертвецы, бог знает отчего:
 Наверно, просто им проснуться трудно.
 Не вспоминал Жуан мой ничего,
 И горе прошлых лет, довольно нудно
 В проклятых снах терзающее нас,
 Не жгло слезой его закрытых глаз.

Жуан мой спал, а дева наклонилась,
 Поправила подушки, отошла.
 Но оглянулась: ей вообразилось —
 Он звал ее во сне. Она была
 Взволнована, и сердце в ней забилося.
 Сообразить красотка не смогла,
 Что имени ее, уж без сомненья,
 Еще не знал Жуан мой в то мгновенье.

Задумчиво пошла она домой
 И Зое очень строго приказала
 Молчать. И та отлично смысл простой
 Задумчивости этой разгадала.
 Она была — пойми, читатель мой, —
 Двамя годами старше, что не мало,
 Когда познание мы прямым путем
 Из рук природы-матери берем.

Застало утро нашего героя
 В пещере крепко спящим. И пока
 Ни солнца луч, блестящий за горою,
 Ни дальше журчанье ручейка
 Не нарушали мирного покоя;
 Он отсыпался как бы за века
 Страданий (про такие же страданья
 Писал мой дед в своем «Повествованье»).

Но сон Гайдэ был беспокоен — ей
 Сжимало грудь. Она вздыхала странно,
 Ей бредились обломки кораблей
 И, на песке простерты бездыханно,
 Тела красавцев. Девушке своей
 Она мешала спать и встала рано,
 Перебудив разноплеменных слуг,
 Ее капризный нрав бранивших вслух.

Гайдэ тотчас же слугам объявила,
 Что непременно хочет видеть, как
 Восходит в небе яркое светило:
 Явленье Феба — это не пустяк!
 Блестит роса, щебечут птицы мило,
 Природа ночи сбрасывает мрак,
 Как женщины свой траур по мужчине —
 Супругу иль иной какой скотине.

Друзья, люблю я солнце наблюдать,
 Когда оно встает; совсем недавно
 Всю ночь себя заставил я не спать,
 Что, по словам врачей, неблагоуравно.
 Но если ты желаешь обладать
 Здоровьем и червонцами, — исправно
 Вставай с зарей и, проживя сто лет,
 Потомкам завещаешь вставать чуть свет,

Прекрасная Гайдэ зарю встречала,
 Сама свежей зари. К ее щекам
 Тревожно кровь от сердца приликала.
 Так реки снежных Альп — я видел сам —
 Преобразуются, встречая скалы,
 В озера, что алеют по утрам;
 Так море Красное всегда прекрасно,
 А впрочем, море Красное не красно.

К пещере, лани трепетной быстрей,
 Она спустилась легкими стопами.
 Казалось, солнце радовалось ей;
 Сама Аврора влажными устами
 Ей улыбалась, как сестре своей:
 Их за сестер вы приняли бы сами,
 Но смертной прелесть заключалась в том,
 Что в воздухе не таяла пустом,

Гайдэ вошла в пещеру торопливо,
 Но робко; мой Жуан беспечно спал
 Сладчайшим сном. Она была пуглива,
 И на мгновение страх ее объял.
 Она над ним склонилась терпеливо,
 Прислушалась, как тихо он дышал,
 И потеплее бережно укрыла,
 Чтоб утренняя свежесть не вредила.

Как серафим над праведным, она
 Над мирно спавшим нежно наклонилась,
 А юноша лежал в объятьях сна,
 И ровно ничего ему не снилось.
 Но Зоя, как всегда оживлена,
 С яичницей и завтраком возилась,
 Отлично зная — отдадим ей честь, —
 Что эта парочка попросит есть.

Нуждаются же в пище все созданья,
 А странники — подавно. И притом,
 Не будучи в любовном состоянье,
 Она-то ведь на берегу морском
 Продрогла и поэтому питанье
 Доставила проворно: фрукты, ром,
 Мед, рыбу, яйца, кофе и печенье —
 Чудеснейшее вышло угощенье!

Жуана собралась она будить,
 Когда была яичница готова,
 Но госпожа ее остановить
 Успела жестом, не сказав ни слова.
 Предоставляя завтраку остыть,
 Второй готовить Зоя стала снова,
 Чтоб госпожу свою не волновать
 И мирный сон Жуана не прервать.

Недвижно, распростертый, исхудалый,
 Жуан как умирающий лежал,
 И лик его бескровный и усталый
 Недавние страданья отражал;
 И только на щеках румянец алый,
 Как грустный отблеск вечера, пылал,
 А спутанные кудри увлажненные
 Блестели моря свежестью соленою.

Гайдэ над ним склонилась ниже. К ней
 Он, как младенец к матери, прижался.
 Как ива, он поник и, мнилось ей,
 Как дремлющее море, наслаждался.
 Расцветшей розы мягче и нежней,
 Он лебедем измученным казался;
 От бед он, правда, пожелтел,— а все ж,
 Ей-богу, и таким он был хорош!

Глаза открыл он и заснул бы снова,
 Но нежный женский образ помешал
 Ему закрыть глаза; хотя больного
 Глубокий сон по-прежнему прельщал,
 Но мой красавец права был такого:
 Он и во храме взоры обращал
 Не на святых косматых лица злые,
 А лишь на облик сладостный Марии.

На локоть опираясь, он привстал.
 Она смутилась, очи опустила,
 В ее лице румянец заиграл,
 И ласково она заговорила;
 Красноречиво взор ее сиял,
 Когда слова она произносила,
 И понял он, не понимая слов,
 Что лучший завтрак для него готов.

Да, мой Жуан не понимал ни слова
 По-гречески, но это не беда.
 Он голоса прелестного такого
 Не слыхивал нигде и никогда;
 Мелодия божественно простого
 Звучанья, величава и горда,
 Таилась в этих звуках непонятных,
 И сладостных, и мягких, и приятных.

Ему казалось, он проснулся вдруг
 От музыки таинственного звука,
 Не зная сам — не греза ль этот звук
 И не рассеется ль она от стука
 Какого-нибудь сторожа, а стук —
 Противнейшая вещь и даже мука
 Для тех, кто утром спит, а по ночам
 Любуется на звезды и на дам.

Итак, Жуан внезапно пробудился
 От сна, который бреду был сродни;
 В нем аппетит могучий появился.
 Приятный запах Зоиной стряпни
 Над ним туманным облаком кружился,
 И этот запах, как в былые дни,
 В нем возбудил желанье пообедать.
 Точней — бифштекса сочного отведать.

Говядины на этих островах,
 Где нет быков, понятно, не водилось;
 Одних овец и коз во всех домах
 Зажаривать на праздник приходилось.
 Случалось это редко: на скалах
 Лишь несколько домишек там ютилось.
 Но остров, о котором речь идет,
 Имел сады, и пастбища, и скот,

Я вспомнил, о говядине мечтая,
 Про Минотавра странный древний миф:
 Все наши моралисты Пасифаю
 Сурово осуждают, заклеив
 За то, что лик коровий приняла и
 Носила, но заметим, рассудив, —
 Она лишь поощряла скотоводство,
 Чтоб на войне дать Криту превосходство.

Мы знаем: англичане искони
 Любители говядины и пива,
 Но пиво всякой жидкости сродни,
 И суть не в пиве, говоря правдиво,
 Но и войны любители они,
 А это стоит дорого; не диво,
 Что бритт и Крит обожествляют скот,
 Пригодный для убоя круглый год.

Но к делу! Ослабевший мой герой,
 На локоть опершись, глядел устало
 На пышный стол: ведь пищею сырой
 Он подкреплялся в море и немало
 Благодарил всевышнего порой
 За крысу, за ремень; на что попало
 Он с жадностью набросился б теперь,
 Как поп, акула или хищный зверь.

Он ел, ему подкладывала снова
 Она, как мать, любуясь на него, —
 Для пациента милого такого
 Она не пожалела б ничего.
 Но Зоя рассудить могла толково
 (Хотя из книг не ведала того),
 Что голодавшим надо осторожно
 И есть и пить — не то ведь лопнуть можно.

И потому решительно весьма
 За дело эта девушка взялась:
 Конечно, госпожа ее сама
 Заботливо о юноше пеклась,—
 Но хватит есть. Нельзя сходить с ума,
 Своим желаньям слепо подчинясь:
 Ведь даже лошадь, если б столько съела,
 На следующий день бы околела!

Затем, поскольку был он, так сказать,
 Почти что гол, — штанов его остатки
 Сожгли, Жуана стали одевать
 В турецком вкусе. Но, ввиду нехватки
 Чалмы с кинжалом, можно посчитать —
 Он был одет как грек. Про недостатки
 Не будем говорить, но подчеркнем:
 Шальвары были чудные на нем!

Затем Гайдэ к Жуану обратилась;
 Ни слова мой герой не понимал,
 Но слушал так, что дева оживилась,
 Поскольку он ее не прерывал,
 И с протезе своим разговорила,
 В восторге от немых его похвал,
 Пока, остановившись на мгновенье,
 Не поняла, что он в недоуменье.

И вот тогда пришлось прибегнуть ей
 К улыбкам, жестам, говорящим взорам,
 И мой Жуан — оно всего верней —
 Ответствовал таким же разговором
 Красноречивым. Он души своей
 Не утаил, и скоро, очень скоро
 В его глазах ей как бы просветлел
 Мир дивных слов — залог прекрасных дел.

Он изъяснялся пальцами, глазами,
 Слова за нею робко повторял,
 Ее язык и — вы поймете сами —
 Ее прелестный облик изучал.
 Так, тот, кто наблюдал за небесами
 По книге, часто книгу оставлял,
 Чтоб видеть звезды. Взор ее блестящий
 Был азбукой Жуана настоящей.

Приятно изучать чужой язык
 Из женских уст, когда нам горя мало,
 Когда и ментор юн и ученик
 (Со мной такое в юности бывало!).
 Улыбкой дарит нежный женский лик
 Успехи и ошибки поначалу,
 А там — сближенья уст, пожатья рук,—
 И вот язык любви усвоен вдруг!

Вот потому-то я случайно знаю
 Испанские, турецкие слова,
 По-итальянски меньше понимаю,
 А по-английски лишь едва-едва
 Умею изъясняться: изучаю
 Я сей язык по Блеру, раза два
 В неделю проповедников читая,
 Но их речей не помню никогда.

О наших леди мне ли говорить?
 Ведь я изгнанник общества и света:
 И я, как все, был счастлив, может быть;
 И я, как все, изведал боль за это.
 Всему удел извечный — проходить,
 И злость моя, живая злость поэта
 На ложь друзей, врагов, мужей и жен,
 Прошла сама, растаяла как сон!

Но возвратимся к нашему Жуану.
 Он повторял слова чужие, но
 Как солнце все обогревает страны,
 Так чувство зажигает всех одно
 (Включая и монашек). Я не стану
 Скрывать: он был влюблен — не мудроно! —
 В свою благотворительницу нежную,
 И страсть его была не безнадежною.

Когда герой мой сладко почивал,
 К нему в пещеру утром, очень рано,
 Взглянуть, как сей птенец беспечно спал,
 Она являлась словно бы нежданно;
 Так бережно, что он и не слышал,
 Разглаживала кудри Дон-Жуана,
 Касалась губ его, и лба, и щек,
 Как майской розы южный ветерок.

Так с каждым утром выглядел свежей
 Мой Дон-Жуан, заметно поправляясь:
 Здоровье украшает всех людей,
 Любви отличной почвую являясь;
 Безделье же для пламени страстей
 Любовных лучше пороха, ручаюсь!
 Притом Церера с Вакхом, так сказать,
 Венере помогают побеждать...

Пока Венера сердце заполняет
 Поскольку сердце нужно для любви, —
 Церера вермишелью подкрепляет
 Любовный жар и в плоти и в крови,
 А Вакх тотчас же кубки наливает.
 Покушать любят все, но назови,
 Кто — Пан, Нептун или сам Зевес нас балует
 И яйцами и устрицами жалует,

Итак, Жуан, проснувшись, находил
 Купанье, завтрак и к тому ж сиянье
 Прекраснейших очей — живых светил,
 Способных вызвать сердца трепетанье
 В любом. Но я об этом уж твердил,
 А повторенье — хуже наказанья.
 Ну, словом, искупавшись, он спешил
 К своей Гайдэ и с нею кофе пил.

Так был он юн и так она невинна,
 Что он ее купаньем не смущал;
 Ей мнилось — он мечта или картина.
 Ее ночные грезы посещал
 Уж года два, как будто беспричинно,
 Заветный милый образ, идеал,
 Сулящий счастье, — а при полном счастье
 Двоих персон желательно участие.

Она влюбленно восхищалась им,
 С восторгом целым миром любовалась,
 От нежных встреч всем существом своим
 Восторженно и смутно волновалась;
 Готовая навек остаться с ним,
 При мысли о разлуке ужасалась.
 Он был ее сокровищем; она
 Была впервые в жизни влюблена.

Красавица Жуана посещала
 Весь месяц ежедневно и притом
 Была так осторожна поначалу,
 Что догадаться не могли о нем.
 Но вот ее папаша снял с причала
 Свои суда, спеша не за руном
 И не за Ио, а за кораблями,
 Грузенными товаром и рабами,

Тут наступил ее свободы час:
 Ведь матери Гайдэ давно не знала
 И, проводив отца, могла сейчас
 Располагать собою как желала.
 Так женщины замужние у нас
 Запретом не стесняются нисколько
 (О христианских странах говоря,
 Где под замком не держат женщин зря).

Теперь ее дневные посещения
 И разговоры стали подлинней;
 Он мог уже составить предложенье:
 «Пойдемте погулять!» Немало дней
 Он пролежал в пещере без движенья,
 Как сломленный цветок, но рядом с ней
 Он оживал и, вместе с ней гуляя,
 Закаты созерцал, луну встречая.

А остров был безлюден и уныл:
 Вверху — скалистый, а внизу — песчаный.
 Его конвой утесов сторожил,
 И лишь местами пристанью желанной
 Он моряка усталого манил.
 Прибой ревел упорный, непрерывный;
 Лишь в летний длинный день, истомой пьяц,
 Как озеро был ясен океан.

И, окаймляя брег лишь легкой пеной
 Шампанского, клубилась рябь волны.
 Когда вином, души росой священной,
 Бокалы ослепительно полны,
 Что лучше этой влаги драгоценной?
 Пускай твердят про трезвость болтуны,—
 Пью за вино, за женщин, за веселье,
 А проповедь послушаем с похмелья.

Разумный человек обычно пьет,—
 Что в пашей жизни лучше опьянения?
 Всечасно упивается народ
 Любовью, славой, золотом и ленью.
 Без опьянения жизни сладкий плод
 Казался б просто кислым, без сомнения.
 Так пей же всласть на жизненном пиру,
 Чтоб голова болела поутру.

Затем, проснувшись, прикажи лакею
 Подать холодной содовой воды.
 Сам Ксеркс, великий царь, сию затею
 Одобрил бы; ни южные плоды,
 Ни ключ в пустыне не сравнится с нею:
 Разгула, скуки, праздности следы
 Смывает разом, как поток могучий,
 Глоток воды прохладной и шипучей.

А берег — я ведь, помнится, писал
 Про берег — он, что изредка бывало,
 Как небеса, спокойно отдыхал:
 Песок и даже волны — все дремало.
 Лишь чайки крик молчанье нарушал,
 Да плеск дельфина, да, дробясь о скалы,
 Сердилось море, что ему невмочь
 Ничтожную преграду превозмочь.

Красавица папашу проводила
 И, ничьего надзора не страшась,
 Теперь к Жуану чаще приходила,
 А Зоя, беспрестанно суетясь,
 Вставала с солнцем, воду приносила,
 Ей заплетала косы и подчас
 За это получать бывала рада
 Поношенные шали и наряды.

Был тихий час, когда спокойно-алое
 Садится солнце за грядою гор,
 И вся земля, притихшая, усталая,
 Молчит и ждет, вперяя в небо взор,
 И полукругом дремлющие скалы, и
 Немого моря ласковый простор —
 Все спит, и в небе розовом, широком
 Одна звезда сияет светлым оком.

Безмолвно и задумчиво блуждали
 По берегу песчаному они.
 Ракушки, камни пестрые блистали
 Под их ногами в ласковой тени,
 Прибрежные пещеры открывали
 Им свой уют, готовый искони,
 И, за руки держась, они в молчанье
 Дивились неба алому сиянью.

Они смотрели в розовую высь,
 В пурпурном океане отраженную,
 Смотрели вдаль, где облака вились,
 Всплывающей луной посеребренные.
 И ветер стих, и волны улеглись.
 В глаза друг другу, как замороженные,
 Они взглянули: их сердца зажглись,
 И в поцелуе губы их слились.

О, долгий, долгий поцелуй весны!
 Любви, мечты и прелести сиянье
 В нем, словно в фокусе, отражены.
 Лишь в юности, в блаженном состоянье,
 Когда душа и ум одним полны,
 И кровь как лава, и в сердцах пыланье,
 Нас потрясают поцелуи те,
 Которых сила в нежной долготе.

Я разумею длительность; признаюсь —
 Свидетель бог, — их поцелуй был длительным,
 Но он им показался, я ручаюсь,
 Мгновеньем небывало ослепительным.
 Они молчали оба, наслаждаясь
 От всей души мгновеньем упоительным
 Слияния; так пчелка чистый мед,
 Прильнув к цветку прекрасному, сосет.

Они уединились — не уныло,
 Не в комнате, не в четырех стенах:
 И море, и небесные светила,
 Безмолвие песков, и гротов мрак —
 Все их ласкало, нежило, томило.
 Они, обнявшись, наслаждались так,
 Как будто были в этот час блаженный
 Бессмертными одни во всей вселенной.

Они одни на берегу глухом
 Ничьих ушей и глаз не опасались,
 Лишь друг для друга внятным языком
 В полунамеках нежных изъяснялись.
 Язык живой любви нам всем знаком:
 Его слова во вздохах выражались.
 С тех пор как Ева пала в первый раз,
 Язык любви привычен стал для нас.

Гайдэ и не клялась и не просила
 Ответных клятв, еще совсем не зная
 Супружеских обетов, и любила,
 Опасностей любви не понимая.
 Неведенье в ней так безгрешно было,
 Что к другу, словно пташка молодая,
 Она прильнула без докучных слов,
 Вся — преданность и верная любовь!

Она любила и была любима,
 Как вся природа диктовала ей;
 Боготворя, была боготворима.
 Их души в этом пламени страстей
 То задыхались, то неуголимо
 Взмывали снова к радости своей,
 Сердца влюбленных бились, пламенели,
 Как будто розно биться не умели.

Ах, в этот светлый одинокий час
 Они так юны были, так прекрасны,
 Так далеки от посторонних глаз,
 Так им сердца подсказывали властно
 Извечное решенье, каждый раз
 Влекущее геенны дождь ужасный
 На головы влюбленных, сиречь — тех,
 Кто друг для друга кладезь всех утех!

Увы, Жуан! Увы, Гайдэ! Едва ли
 Кто знал прекрасных грешников таких!
 Лишь наши прародители вначале
 В раю чуть-чуть напоминали их.
 О страшном Стиксе многие слышали,
 Слыхала и Гайдэ, но в этот миг —
 Как раз, когда бы вспомнить нужно было —
 Она про эти страхи позабыла.

Мерцает лунный свет в глазах у них,
 На шее у него ее рука
 Белеет, а в кудрях ее густых
 Его рука, несмелая пока,
 Блуждает и трепещет. Сладкий миг!
 Они, как два влюбленных голубка,
 Казались парой самою античною:
 Полунагие, нежные, лиричные.

Затем Жуан, немного утомясь,
 Уснул в ее объятьях безмятежно,
 Она, над милым юношей склонясь,
 Его к своей груди прижала нежно
 И то глядела на небо, молясь,
 То на того, чей сон она прилежно
 Хранила на груди, упоена
 Всем, чем была душа ее полна.

Младенец нежный, на огонь взирающий
 Иль матери своей сосущий грудь;
 Молящийся, икону созерцающий,
 Араб, сумевший щедростью блеснуть,
 Пират, добычу в море настигающий,
 Скупец, в сундук сующий что-нибудь,—
 Блаженны, но блаженство несравнимое
 Смотреть, как спит создание любимое!

Как мирен и прекрасен этот сон!
 В нем нашей жизни счастье заключается,
 Недвижен, тих и томно-нежен он,
 В нем безотчетно радость отражается,
 И мнится, в светлый солнечный затон
 Все прожитое мирно погружается.
 Как смерти неподвижность нам страшна,
 И как прекрасна неподвижность сна!

Итак, она любимым любовалась
 Наедине с любовью и луной,
 И океан в душе ее, казалось,
 Устало бился темною волной.
 На берег голый полночь опускалась
 Покоем, негой, страстью, тишиной,
 А звезды в небе толпами стояли
 И на пылавший лик ее взирали.

Увы, любовь! Для женщин искони
 Нет ничего прекрасней и опасней:
 На эту карту ставят жизнь они.
 Что страсти обманувшейся несчастней?
 Как горестны ее пустые дни!
 А месть любви — прыжка пантер ужасней!
 Страшна их месть! Но, уверяю вас,
 Они страдают сами, муча нас!

И вспомните, как часто мы, мужчины,
 Несправедливы к женщинам! Не раз,
 Обманывая женщин без причины,
 Мы учим их обманывать и нас.
 Скрывая сердца боль от властелина,
 Они молчат, пока приходит час
 Замужества, а там — супруг унылый,
 Любовник, дети, церковь и... могила.

Иных любовная утешит связь,
 Иных займут домашние заботы,
 Иные, на фортуны осердясь,
 Бегут от положенья и почета,
 Ни у кого из старших не спросясь,
 Но этим не спасаются от гнета
 Условностей и, перестав чудить,
 Романы принимают строчить.

Гайдэ — как дочь наивная природы
 И неподдельной страсти — родилась
 Под знойным солнцем юга, где народы
 Живут, любви законам подчинясь,
 Избраннику прекрасному на годы
 Она душой и сердцем отдалась,
 Не мысля, не тревожась, не робея;
 Он с нею был — и счастье было с нею!

Ах, счастье душ блаженно-молодых!
 Как бьется сердце в нежные мгновенья!
 Пускай мы платим дорого за них,
 Но безрассудно мудрости стремленье
 Вредить упорством доводов своих
 Алхимии блаженства — без сомненья
 Нравоченья ценны, но не смог
 Сам Каслрей ввести на них налог.

Час пробил! Их сердца соединились
 На берегу среди суровых скал.
 Над ними звезды яркие светились.
 И океан обетам их внимал.
 Их чувства тишиною освятились,
 Их дух уединенья обвенчал,
 Они дышали счастьем, принимая
 Друг друга за детей земного рая.

Любовь! Сам Цезарь был твоим ценителем,
 Рабом — Антопий, Флавий — знатоком,
 Катулл — учеником, Назон — учителем,
 А Сафо — синим ревностным чулком.
 (Всем изощренным древности любителям
 Скалы Левкадской миф давно знаком!)
 Любовь! Ты — зла богиня! Я немею,
 Но дьяволом назвать тебя не смею!

Ты не щадишь супружеских цепей,
 Рогами украшаешь лбы великих:
 И Магомет, и Цезарь, и Помпей,
 Могучие и славные владыки, —
 Их судьбы поражают всех людей,
 Все времена их знают, все языки;
 Но, как геройство их ни воспевать, —
 Всех можно рогоносцами назвать,

И Эпикур в рядах твоих сторонников,
 И Аристипп — адептам нет числа,
 Но вольная доктрина беззаконников
 Лишь на пути разврата увлекла.
 Боюсь, утащит черт твоих поклонников,
 А то их вера всем бы подошла!
 Ешь, пей, люби и не грусти нимало —
 Таков девиз царя Сардапала.

Но как же мой Жуан? Ужели он
 Так быстро мог забыть о донне Юлии?
 Вопрос труднейший! Я весьма смущен;
 Ответить сразу на него могу ли я?
 Всему виной луна, я убежден;
 Весь грех от полнолуний: ну, усну ли я,
 Когда чертовский этот свет опять
 Зовет о новых радостях вздыхать?

Непостоянства я не признаю,
 Противны, гадки, мерзки мне натуры,
 Меняющие вечно суть свою,
 Как ртуть от перемен температуры.
 Но нынче в маскарade — не таю —
 Попал в ловушку хитрого Амура:
 Хорошенькое личико и мне
 Внушило чувства, гнусные вполне.

Но Мудрость мне велит уgomониться:
 «Ах, Мудрость! — я вздыхаю. — Как мне быть?
 Ах, милая! Могу ли я решиться.
 Ее глаза и зубки позабыть?
 Замужняя она или девица?
 Мне нужно знать, чтоб сердце усмирить!»
 Но Мудрость головою покачала
 И «перестань!» торжественно вскричала.

И я, понятно, сразу перестал.
 Непостоянство в том и заключается,
 Что прелести природной идеал
 Всегда восторгом общим награждается:
 Тот ставит божество на пьедестал,
 Тот статуям прекрасным поклоняется,
 Прелестный новый облик каждый раз
 Стремленье к идеалу будит в нас.

Платон нас поучает, что сознание —
 Способностей тончайших глубина,
 Прекрасного живое познание,
 В котором глубь небес отражена.
 И точно: жизнь без мысли — прозябание!
 Глазам на мир глядящего дана
 Способность видеть мир, поскольку все же
 И мы из праха огненного тоже.

Но если б нам всегда один предмет
 Казался и желанным и прекрасным,
 Как Ева в дни, когда не ведал свет
 Других, мы прожили б в покое ясном
 Свой век, не испытав жестоких бед,
 Не тратя денег. Мой совет — всечасно
 Единственную женщину любить,
 Чтоб сердце, да и печень, сохранить!

На свод небесный все сердца похожи:
 В них ночь сменяет день, как в небесах,
 Их облака и молнии тревожат,
 Пугает гром и сотрясает страх;
 Но разразиться буря эта может
 Простым дождем: зато у нас в глазах
 Британский климат, и любые грозы
 Весьма легко перекипают в слезы.

А печень — нашей желчи карантин,
Но функции прескверно выполняет:
В ней первая же страсть, как властелин,
Такую тьму пороков вызывает,
В ней злоба, зависть, мстительность и сплин
Змеиные клубки свои свивают,
Как из глубин вулкана, сотни бед
Из недр ее рождаются на свет.

Тем временем я кончил, написав,
Как в первой песни этого романа,
Две сотни с лишком строф, точней — октав.
В поэме мной задумано по плану
Двенадцать или, может, двадцать глав.
Кладу перо. Гайдэ и Дон-Жуану
Желаю наслаждаться и у всех
Читателей моих иметь успех!

Песнь третья

1

О муза, ты... *et cetera*¹. Жуана
Уснувшим на груди оставил я,
В которой страсти сладостная рана
Едва открылась. Счастье бытия
Гайдэ вдыхала кротко; ни обмана,
Ни яда злых предчувствий не тая,
Она следила в нежном упоенье
Невинных дней спокойное теченье.

2

Увы, любовь, зачем таков закон,
Что любящих пути всегда фатальны?
Зачем алтарь блаженства окружен
Конвоем кипарисов погребальных?
Зачем цветок прекрасный обречен
Пленять сердца любовников печальных
И погибать от любящей руки,
Покорные роняя лепестки?

---

¹ И прочее (*лат. и франц.*).

3

Лишь в первой страсти дорог нам любимый.
 Потом любовь уж любят самоё,
 Умея с простотой неоченимой,
 Как туфельку, примеривать её!
 Один лишь раз любим неповторимый,
 Преобразивший наше бытие,
 Затем число любимых возрастает,
 И это милой леди не мешает.

4

Не знаю я, винить ли в том мужчин
 Иль женщин, но уж так всегда выходит:
 Коль сделаться ханжой ей нет причин —
 Она себе любовников находит.
 Конечно, первый у нее один,
 Но время и другим она отводит.
 Уж ежели с одним она грешна —
 Одним не ограничится она.

5

Я признаю с великим сожаленьем,
 Испорчен род людской — да, это так:
 Единным порожденные стремленьем,
 Не ладят меж собой любовь и брак!
 Сродни вину, без всякого сомненья,
 Печальный укус, но какой чудак
 Напиток сей и трезвый и унылый —
 Способен пить, болтая с музой милой!

6

Какой-то есть особенный закон
 Внезапного рожденья антипатий:
 Сперва влюбленный страстью ослеплен,
 Но в кандалах супружеских объятий
 Неотвратимо прозревает он
 И видит — все нелепо, все некстати!
 Любовник страстный — чуть не Аполлон,
 А страстный муж докучен и смешон!

Мужья стыдятся нежности наивной,
 Притом они, конечно, устают:
 Нельзя же восхищаться непрерывно
 Тем, что нам ежедневно подают!
 Притом и катехизис заунывный
 Толкует, что семейственный уют
 И брачные утехи с нашей милой
 Терпеть обречены мы до могилы.

Любую страсть и душил и гнетет
 Семейных отношений процедура:
 Любовник юный радостью цветет,
 А юный муж глядит уже понуро.
 Никто в стихах прекрасных не поет
 Супружеское счастье; будь Лаура
 Повенчана с Петраркой — видит бог,
 Сонетов написать бы он не мог!

Комедии всегда венчает брак,
 Трагедии — внезапная кончина,
 Грядущую судьбу скрывает мрак,
 И этому имеется причина —
 Не смеет поэтический чужак
 Пускаться в столь опасные пучины!
 Обряды описав, любой пиит
 О «Смерти» и о «Даме» уж молчит.

Лишь двух поэтов музы мне назвали:
 Про ад и рай, про брак и про семью
 Лишь Дант и Мильтон много написали,
 Да плохо жизнь устроили свою:
 До времени тревоги и печали
 Их счастье отравили, не таю!
 Но Беатриче, да и Ева тоже
 На жен поэтов этих не похожи.

Ученые мне говорили строгие
 (Да только я не всем им доверял!),
 Что будто Алигьери теологию
 Под видом Беатриче представлял.
 Поэт, конечно, волен мысли многие
 Преобразить в абстрактный идеал,
 Изображая в образах мистических
 Высокий круг наук математических.

С Гайдэ обвенчан не был Дон-Жуан.
 Моей вины, читатель, в этом нету,
 А если ты моралью обуян
 И ею докучать намерен свету, —
 То просто брось опасный мой роман
 Про парочку безнравственную эту;
 Зачем же, портя сон себе и кровь,
 Читать про незаконную любовь?

Невинному восторгу их желаний,
 Их наслажденьям не было конца,
 Красавица, пьянея от свиданий,
 Не думала о строгости отца.
 (Впервые обретя предмет мечтаний,
 Неутомимы юные сердца!)
 Пирату-папе и во сне не снилось,
 Как сильно дочь его переменилась!

Все флаги он в морях подстерегал
 И грабил. Но к нему не будем строги:
 Будь он министром, всякий бы сказал,
 Что просто утверждает он налоги!
 Он был скромней и скромно занимал
 Свой пост; морей бескрайние дороги,
 Как честный сборщик, не жалея сил,
 Он вдоль и поперек исколесил.

Его в последнем рейсе задержала
 Большая буря и большой улов.
 Пришлось добычу выследить сначала,
 А после брать десятками голов.
 Но в бухте, где погода не мешала,
 Он сосчитал и выстроил рабов,
 Ошейники надел и цену мелом
 И чернокожим выставил и белым!

Десяток он на Матапане сбыл,
 Тунисскому агенту сдал десяток,
 Больного старикашку утопил
 (Закон любой торговли прост и краток!),
 С богатых для начала получил
 Значительного выкупа задаток
 И, заковав попарно остальных,
 На рынок в Триполи отправил их.

Он рассмотрел и неживой товар,
 Назначенный для ярмарки Леванта,
 И отобрал поднос и пять гитар,
 Духи, шелка, гребенки, шпильки, банты,
 Тарелки, чайник, туфель восемь пар
 И пару кастаньет из Аликанте,—
 Как любящий отец, он был не прочь
 Порадовать единственную дочь.

Он выбрал также дога, и макаку,
 И кошку с целым выводком котят,
 Двух пестрых попугаев, и собаку,
 Которую три месяца назад
 Какой-то бритт, заехав на Итаку,
 Оставил у крестьянина; пират
 В одну большую клетку поместил их,
 Чтоб вал морской нечаянно не смыл их.

Закончив неотложные дела,
 Он к берегу направился, сучая
 По дочери, которая цвела,
 Дары гостеприимства расточая
 И прочие прекрасные дела
 Без ведома папаши совершая...
 Он обогнул уступы острых скал
 И в бухте за горой на якорь стал.

На берег он сошел без промедленья:
 Таможня и унылый карантин
 С него не попросили объясненья
 Особых обстоятельств и причин.
 Матросы, по его распоряженью,
 К разгрузке приступили, как один,
 И сбросили проворными руками
 Балласт, оружие и тюки с шелками.

Старик взошел на холм и, глядя вдаль,
 Увидел дом родной в лучах заката,
 И возвращенья смутная печаль
 Проникла в сердце хмурое пирата.
 В подобный час нам прошлой жизни жаль:
 Предчувствие свиданья, страх утраты,
 И боль разлуки прежней, и любовь —
 Все чувства наши вспыхивают вновь!

Домой из дальних странствий возвращаясь,
 Тревожатся папаши и мужья;
 И, право, я ничуть не удивляюсь
 Такому состоянию, друзья!
 Красавицам я льстить не собираюсь,
 Ведь знаете отлично вы и я:
 Супруга в одиночестве — смелее,
 А дочь — глядишь, и влюбится в лакея.

Не все мужья, как славный Одиссей,
 В объятия Пенелопы попадают,
 Не все супруги ждут своих мужей
 И холодно любовников встречают:
 Порой, застыв пред урною своей,
 Скиталец потрясенный замечает,
 Что друг — отец детей его жены,
 И *свой же* Аргус рвет ему штаны!

И холостяк имеет огорченья:
 Его невеста, скукой истомясь,
 За богача выходит, к сожаленью!
 Обманутый поклонник, возвратясь,
 Сперва коварной выразит презренье,
 Потом угомонится, превратясь
 Хоть в *cavalier servente*¹, но с досады
 В стихах клеймит неверность без пощады.

Но даже вы, которые давно
 Имеете *liaison*² (название это
 Невинной дружбе исстари дано
 С замужней леди. От упреков света
 Гименом охраняется оно),
 Но даже вы послушайте совета!
 Надолго уезжать и вам не след,
 Поскольку верной дружбы в мире нет.

Но Ламбро, предприимчивый пират,
 Утонченный знаток морской охоты,
 Увидев дом, был, несомненно, рад,
 Хотя не отдавал себе отчета
 В движеньях сердца. Был он грубоват,
 Но проявлял нежнейшую заботу
 О дочери, хотя глагол «любить»
 Не смог бы как философ объяснить.

¹ Здесь: поклонник замужней женщины (*итал.*).

² Связь (*франц.*).

Он увидел густую зелень сада
 И дом красивый, солнцем залитой,
 Родных деревьев тенистую прохладу,
 Цветущую веселой суетой;
 Оружья блеск и яркие наряды,
 Как бабочки, сверкали пестротой;
 Он услышал ручья веселый лепет,
 И дальний лай собак, и листьев трепет.

Но скоро озадачило его
 Небудничное это оживленье:
 Из рощи доносилось до него
 Веселое пиликанье и пенье.
 Еще не понимая ничего,
 Он слушал, подавляя удивленье,
 Гитары, барабан и — громче всех —
 Столь непривычный на Востоке смех.

Спустившись по тропинке до ограды,
 Пират раздвинул заросли кустов
 И увидел цветистые наряды
 Веселых, разгулявшихся рабов.
 Как дервиши, кружились до упаду
 Гуляки наподобие волчков
 В пиррическом неукротимом танце,
 Которым увлекаются левантцы.

Как будто нить жемчужин дорогих,
 Гречанки в хороводе танцевали;
 Волнами кудри шелковые их
 На мраморные плечи ниспадали
 (Способные с десятков молодых
 Поэтов обольстить); они порхали
 Под пение подружки молодой,
 Ей как бы вторя в пляске хоровой.

Вокруг подносов гости остальные
 Сидели, ноги под себя поджав,
 Потягивая вина дорогие
 И кушая отличнейший пилав;
 Гранаты, апельсины наливные,
 Живой десерт приветливых дубрав,
 Изнеженной потворствовали лени,
 Свисая с веток прямо на колени.

Рога барана, белого как снег,
 Ребята разукрасили венками:
 Овечий патриарх — предмет утех —
 Покорно наклоненными рогами
 Бодался как бы в шутку. Детский смех
 Звенел вокруг. Спокойными шагами
 Он шел за детворой, как чинный друг,
 И, как ягненок, ел из детских рук!

Их нежных лиц веселое пыланье,
 Горячий чистый блеск их черных глаз,
 Их грации живой очарованье
 Невольно поразило бы и вас!
 Невинные счастливые созданья
 Заставили б философа не раз
 Вдохнуть о том, что и они с годами
 Состарятся, — увь! — как все мы с вами.

Какой-то карлик бойко толковал
 Кружку седых курильщиков почтенных
 О чудесах замороженных скал,
 О тайниках и кладах драгоценных,
 О том, каких волшебниц он встречал —
 Супругов превращающих мгновенно
 В рогатый скот (хотя такой рассказ
 Не удивил бы никого из нас!).

Ну, словом, все земные развлечения,
 Приятные для уха и для глаза,—
 Вино и танцы, музыка и пенье,
 Веселые персидские рассказы,—
 Все было там; но с чувством отвращенья
 Взирал на них пират: он понял сразу,
 Что отощает в самый краткий срок
 От этакого пира кошелек.

О боги! Как ничтожен человек!
 Какие беды смертных поджидают!
 Счастливейшим за весь железный век
 Денечек золотой перепадает!
 Все наслажденья переходят в грех
 И, как сирены, в бездну увлекают;
 Пират пришел и пировавших пыл,
 Как одеялом пламя, потушил.

Старик не тратил слов и не терялся:
 Желая дочь приездом удивить,
 Тайком поближе к дому он подкрался,
 Дабы врасплох пирующих накрыть!
 Стоял он долго молча и старался
 Все высмотреть, понять и оценить
 И удивлялся дочери желанию
 Собрать такую шумную компанию.

Не ведал он, что слух прошел о том,
 Как будто он погиб,— и три недели
 Был в трауре его унылый дом.
 (Все люди лгут, и лгут без всякой цели —
 В особенности греки.) Но потом
 Все лица оживились, посвежели,
 Гайда забыла слезы, расцвела
 И как хозяйка дело повела.

Отсюда — танцы, музыка, похмелье,
 И рис, и мясо, и обилье вин,
 Прислуги праздной пьяное безделье,
 Какого старый строгий господин
 Не допустил бы; буйное веселье
 И женщин охватило и мужчин,
 Кипела жизнь, хотя Гайдэ сначала
 Все время только страсти посвящала.

Вам кажется, читатели, что он
 Вспылит при виде праздничной оравы?
 Что был он справедливо возмущен?
 Вы, верно, ожидаете по праву,
 Что был и кнут и карцер применен,
 Что учинил он грозную расправу
 И все *penchants*¹ пиратские свои
 По-царски проявил в кругу семьи?

Но вы ошиблись: Ламбро отличался
 От озорных любителей разбоя —
 Как джентльмен, пристойно он держался
 И мог, как дипломат, владеть собою.
 Мне жаль, что он чрезмерно увлекался
 Опасностями, риском и борьбою:
 Вращаясь в высшем свете, был бы он
 Всеобщим уваженьем окружен.

Он подошел к пирующей компании
 И по плечу любезно потрепал
 Ближайшего — и выразил желание
 Узнать, куда он, собственно, попал
 И в честь чего такое ликование?
 Но грек уже совсем не понимал
 Простейших слов и, весело кивая,
 Смеялся, новый кубок наливая.

---

¹ Паклонности (*франц.*).

Мотнув отяжелевшей головой,
 Он протянул бокал с улыбкой пьяной
 И молвил: «Я пустою болтовней
 Не занимаюсь! Наливай стаканы!»
 Второй сказал, икая: «Пей и пой!
 Хозяин умер — я грустить не стану!
 Спроси-ка у хозяйки, милый мой,
 Кто новый наш хозяин молодой!»

Гуляки, по случайности, не знали,
 С кем говорили. Ламбро побледнел,
 Его глаза зловеще засверкали,
 Но он порывом гнева овладел;
 Он попросил, чтоб гости рассказали,
 Откуда сей наследник залетел,
 Каких он лет и званья — этот самый
 Смелчак — и сделал ли Гайдэ он дамой.

«Не знаю я, — рассказчик отвечал, —
 Откуда он — да мне какое дело?
 Таким вином никто не угощал,
 И жирен этот гусь — ручаюсь смело!
 Ты лучше бы соседа поспрошал:
 Он сплетничает бойко и умело
 И, болтовню с приятелем любя,
 Послушает охотно сам себя!»

Мой Ламбро проявил (судите сами)
 И сдержанность, и редкое терпенье:
 С французскими он мог бы образцами
 Воспитанности выдержать сравненье.
 Скорбя душою и скрипя зубами,
 Выслушивал он глупое глумленье
 Обжор и пьяниц, за его столом
 Его же перепившихся вином.

А если человек повелевает
 Покорными и судьбы их вершит,
 Заковывает в цепи, убивает
 И даже взором подданных страшит,
 То сдержанность его нас удивляет,
 Коль самого себя он усмирит;
 Но, усмирив, он пвельфу уподобится
 И права править смертными сподобится!

И наш пират имел горячий нрав,
 Но, будучи в серьезном настроенье,
 Умел, как притаившийся удав,
 Готовить на добычу нападение.
 Не делал он, терпенье потеряв,
 Ни одного поспешного движенья;
 Но если *раз* удар он наносил, —
Второй удар уже не нужен был!

Расспросы прекратив, томимый думой,
 Тропинкой потайной прошел он в дом:
 Среди веселья общего и шума
 Совсем никто не вспоминал о нем.
 Была ль еще в душе его угрюмой
 Любовь к Гайдэ — не нам судить о том,
 Но мертвецу, вернувшемуся к жизни,
 Не по себе на столь веселой тризне.

Когда бы воскресали мертвецы
 (Что, бог даст, никогда не приключится),
 Когда бы все супруги и отцы
 Могли к своим пенатам возвратиться,
 Вы все — неуловимые лжецы,
 Умеющие в траур облачиться
 И плакать над могилами — увы! —
 От *воскресений* плакали бы вы.

Вошел он в дом, уже ему чужой.
 Невыносимо скорбное мгновенье!
 Переживать больнее час такой
 Для каждого, чем смерти приближенье.
 Очаг могилой сделался глухой,
 Погасло все — желанья, впечатленья,
 Надежды, чувства, страсти дней былых,
 И грустно видеть серый пепел их.

Он в дом вошел бездомный и унылый
 (Без любящего сердца дома нет!),
 И вспомнил он, как на краю могилы,
 Все радостные дни минувших лет:
 Здесь солнце счастья некогда светило,
 Здесь милый взор и радостный привет
 Невинной нежной дочери когда-то
 Ласкали чувства старого пирата...

Характером он был немного дик,
 Но вежлив и приятен в обращенье,
 Весьма умерен в прихотях своих;
 В одежде, в пище, даже в поведеньи,
 Умел он быть отважным в нужный миг
 И выносить суровые лишения,—
 И, чтоб рабом в стране рабов не стать,
 Решил он сам других поработать.

Любовь к наживе и привычка к власти,
 Суровые опасности войны,
 Морские бури, грозные напасти,
 С которыми они сопряжены,
 В нем развили склонности и страсти
 Такие, что обидчикам страшны.
 Он был хорошим другом, но, понятно,
 Знакомство с ним могло быть неприятно!

Эллады гордый дух таился в нем:
 С героями Колхиды несравненной
 Он мог бы плыть за золотым руном,
 Бесстрашный, беззаботный, дерзновенный.
 Он был строптив и выносил с трудом
 Позор отчизны поправной, презренной
 И скорбной. Человечеству в укор
 Он вымещал на всех ее позор.

Но ионийской тонкостью взыскательной
 Его прекрасный климат наделил:
 Он как-то поневоле, бессознательно
 Картины, танцы, музыку любил,
 Он комнаты украсил очень тщательно
 И тайную отраду находил
 В прозрачности ручья, в цветах и травах
 И в прелестях природы величавых.

Но лучшие наклонности его
 В любви к прекрасной дочери сказались;
 Они в душе пирата моего
 С ужасными делами сочетались.
 Без этих чувств, пожалуй, ничего
 В нем не было гуманного: остались
 Одни лишь злые страсти — в гневе он
 Был, как Циклоп, безумьем ослеплен.

Всегда страшна для пастуха и стада
 Тигрица, потерявшая тигрят;
 Ужасны моря пенные громады,
 Когда они бушуют и гремят,
 Но этот гнев о мощные преграды
 Скорее разобьет свой шумный ад,
 Чем гнев отца — немой, глубокий, черный,
 Из всех страстей особенно упорный.

Мы знаем: легкомыслие детей —
 Удел всеобщий, но удел печальный, —
 Детей, в которых утро наших дней
 На склоне лет мечтой сентиментальной
 Мы любим воскрешать, когда грустней
 Нас греет солнце ласкою прощальной,
 А дети беззаботно каждый раз
 В кругу болезней оставляют нас!

Но мне по сердцу мирная картина:
 Семья, здоровьем пышущая мать
 (Когда дочурку кормишь или сына,
 При этом нежелательно тощать),
 Люблю я у горящего камина
 Румяных ангелочков наблюдать
 И дочерей вокруг приятной леди,
 Как около червонца — кучку меди!

Старик вошел в калитку, постоял,
 Не признанный никем, у двери зала;
 Под равномерный шорох опахал
 Чета счастливцев юных пировала.
 И серебро, и жемчуг, и коралл,
 И бирюза посуду украшала,
 А на столы причудливой резьбы
 Златые чаши ставили рабы.

Обед необычайный и обильный
 Из сотни блюд различных состоял
 (Пред ними б даже самый щепетильный
 И тонкий сибарит не устоял!).
 Там — суп шафранный, там и хлеб ванильный,
 И сладостный шербет благоухал,
 Там были поросята, и ягнята,
 И виноград, и сочные гранаты!

В хрустальных вазах розовели там
 Плоды и очень пряные печенья,
 Там кофе подавали всем гостям
 В китайских тонких чашках (украшенья
 Из тонкой филиграни по краям
 Спасали от ожогов), к сожаленью —
 Отнюдь не по рецепту англичан, —
 Был в этом кофе мускус и шафран.

Цветные ткани стены украшали;
 По бархату расшитые шелками,
 Цветы на них гирляндами лежали,
 И золото широкими лучами
 Блестало по бордюру, где сияли
 Лазурно-бирюзовыми словами
 Отрывки гладью вышитых стихов
 Персидских моралистов и певцов.

Повсюду, по обычаю Востока,
 Такие изречения по стенам
 О «суете сует» и «воле рока»
 В веселый час напоминают нам,
 Как Валтасару — грозный глас пророка,
 Как черепа — Мемфису: мудрецам
 Внимают все, но голос наслажденья
 Всегда сильней разумного сужденья!

Раскаяньем охваченный порок,
 Поэт унылый, спившийся с досады,
 Ударом пораженный старичок,
 Просящий у всевышнего пощады,
 Красавица в чахотке — вот урок
 Превратности судьбы, но думать надо,
 Что глупое обжорство не вредней
 Вина, любви и буйных кутежей.

На шелковом узорчатом диване
 Покоились Гайдэ и Дон-Жуан.
 Как величавый трон, на первом плане
 Две трети помещенья сей диван .
 Роскошно занимал; цветные ткани
 Пылали, как пунцовый океан,
 И солнца диск лучами золотыми
 Сиял, шелками вышитый, над ними.

Ковров персидских пестрые цветы
 И яркие индийские циновки,
 Фарфор и мрамор редкой красоты
 Усугубляли роскошь обстановки;
 Газели, кошки, карлики, шуты
 Пускали в ход лукавые уловки,
 Чтоб одобренье сильных заслужить
 И лакомый кусочек получить!

Там зеркала огромные сияли
 И столики с узором дорогим
 Из кости, перламутра и эмали,
 Бордюром окаймленные витым;
 Они узором редкостным блистали
 Из черепахи с золотом литым,
 И украшали их весьма картинно
 Шербет во льду и редкостные вина.

Но я займусь моей Гайдэ: она
 Носила две джеллики — голубую
 И желтую; вздымалась, как волна,
 Сорочка, грудь скрывая молодую:
 Как в облаках прекрасная луна,
 Она фату накинула цветную,
 И украшал жемчужин крупных ряд
 Пунцово-золотой ее наряд.

На мраморных руках ее блистали
 Широкие браслеты без замка,
 Столь гибкие, что руки облегали
 Свободно и упруго, как шелка,
 Расстаться с ними как бы не желали,
 Сжимая их любовно и слегка;
 Металл чистейший на нежнейшей коже
 Казался и прекрасней и дороже.

Как подобает дочери владык,
 Гайдэ на ноги тоже надевала
 Браслеты; на кудрях ее густых
 Блистали звезды; складки покрывала
 Застежка из жемчужин дорогих
 На поясе под грудью закрепляла;
 Атлас ее шальвар, пурпурно-ал,
 Прелестнейшую ножку обвивал.

Ее волос каштановые волны —
 Природный и прелестнейший наряд —
 Спускались до земли, как позлащенный
 Лучом зари альпийский водопад;
 Но локон, сеткой шелковой стесненный,
 Порою трепетал, свободе рад,
 Когда ее лицо, как опахало,
 Дыханье ветра внешнего ласкало.

Она несла с собою жизнь и свет,
 Прекрасна, как невинная Психея;
 Небесной чистотой счастливых лет
 Она цвела, как юная лилея;
 Казалось, даже воздух был согрет
 Сияньем чудных глаз ее. Пред нею
 Восторженно колена преклонить
 Кощупством не сочтется, может быть!

Напрасно, по обычаю Востока,
 Она свои ресницы начернила:
 Горячий блеск пленительного ока
 Их бахрома густая не затмила.
 Клянусь я небом и звездой пророка,
 Напрасно хна восточная покрыла
 Ей розовые ногти: и без хны
 Они прекрасны были и нежны!

Известно: белизну и нежность кожи
 Восточная подчеркивает хна,
 Но для Гайдэ, я отмечаю все же,
 Она была, бесспорно, не нужна:
 На гордый блеск снегов была похожа
 Ее груди и шеи белизна.
 Шекспир сказал: «Раскрашивать лилею
 И золотить червонец я не смею!»

Жуана белый плащ прозрачен был,
 И самоцветы сквозь него мерцали,
 Как Млечный Путь из маленьких светил,
 И золотой узор на черной шали
 Горел огнем; чалму его скрепил
 Огромный изумруд — и трепетали
 Алмазы полумесяца над ним
 Сияньем беспокойным и живым.

Их развлекали плясками девицы,
 И евнухи, и карлы, и поэт —
 Последний мог успехами гордиться
 И думать, что гремит на целый свет.
 Вельможе не приходится скупиться,
 Коль хочет быть как следует воспет:
 Поэтам и за лесть и за сатиры
 Отлично платят все владыки мира!

Он, вопреки шривычке прежних дней,
 Бранил бывое, восхищаясь новым,
 За сытный пудинг со стола царей
 Стал антиякобинцем образцовым.
 Он поступился гордостью своей,
 Свободной волей и свободным словом,
 И пел султана, раз велел султан,—
 Правдив, как Саути, и, как Крэшоу, рыня!

Он изменялся, видя измененья,
 Охотно, как магнитная игла:
 Но чересчур вертлявой, без сомненья,
 Его звезда полярная была!
 За деньги, а порой за угощенье
 Он прославлял «великие дела»
 И лгал с такой готовностью и жаром,
 Что лавры заслужил себе *не даром*.

Он был талантлив, если ренегат
 Способен быть талантливым: к несчастью,
 Все «vates irritabiles»¹ хотят
 Признанья и похвал из жажды власти!
 Но где же мы, читатель?! Виноват!
 Простите, бросил я в разгаре страсти
 И третьей песни наших молодых
 В роскошном островном жилище их.

Поэт, весьма умелый и занятный,
 Любимец многочисленных гостей,
 Их забавлял игрой весьма приятной
 И мелодичной песнею своей:
 Порой они считали непонятной
 Причудливую вязь его речей,
 Но шумно выражали одобренье,—
 Ведь таково общественное мненье!

---

¹ «Раздражительные певцы» (лат.).

Набравшись вольнодумнейших идей
 В своих блужданиях по различным странам,
 Он был среди порядочных людей
 Пришельцем досточтимым и желанным.
 Он мог, как в ранней юности своей,
 Прикрывшись поэтическим туманом,
 Почти без риска правду говорить —
 И ухитриться все же высшим льстить.

Он знал арабов, франков и татар,
 Он видел разных наций недостатки,
 Он знал народы, как купцы — товар:
 Изъяны их, и нравы, и повадки.
 Он был хитер, хотя еще не стар,
 И понял, что на лесть все люди падки,
 И принцип основной уменя жить —
 Что «в Риме надо римлянином быть».

Умела петь по вкусу разных стран
 Его весьма покладистая муза:
 «God save the king! ¹» — он пел для англичан
 И «Ça ira! ²» — для пылкого француза.
 Он знал и высшей лирики дурман
 И не чуждался хладного союза
 С разумностью; бывал, как Пиндар, он
 Талантлив, изворотлив и умен.

Треченто воспевал бы он в Италии,
 Для бриттов написал бы песен том,
 В Германии (прославила де Сталь ее!)
 При Гете б состоял учеником;
 Он сочинил бы в знойной Португалии
 Баллады о герое молодом,
 В Париже — песни по последней моде,
 А для Эллады — нечто в этом роде:

---

¹ «Боже, храни короля!» (англ.)

² «Дело пойдет на лад!» (франц.)

«О, светлый край златой весны,
Где Феб родился, где цвели
Искусства мира и войны,
Где песни Сафо небо жгли!
Блестит над Аттикой весна,
Но тьмою жизнь омрачена.

Теосских и хиосских муз
Певцы — любовник и герой —
Бессмертных радостей союз
Бессмертной славили игрой,
Но на прекрасных островах
Забит ваш глас, молчит ваш прах!

Холмы глядят на Марафон,
А Марафон — в туман морской,
И снится мне прекрасный сон —
Свобода Греции родной.
Могила персов! Здесь врагу
Я покориться не могу!

На гребни саламинских скал
Владыка сумрачно глядел,
И корабли свои считал,
И войску строиться велел;
Но солнце село, день угас,—
И славы Ксеркса пробил час!

Но вот и ты, моя страна,
Безгласно смотришь на закат;
Героев песня не слышна,
Сердца геройские молчат!
Коснусь ли робкою рукой
Бессмертной лиры золотой?

Но на останках славных дел
Я услышал священный зов,
Я песню вольности запел
В толпе закованных рабов;
Стыдись за греков, и красней,
И плачь о Греции своей!

Но стыдно слезы проливать,
Где предки проливали кровь!
Земля! Верни, верни опять
Великой Спарты храбрецов!
С одною сотой прежних сил
Вернем мы славу Фермопил!

Но ты молчишь — и все молчат!
О нет! Усопших голоса,
Как буря дальняя, звучат
И будят горы и леса:
«Вперед! Вперед! Не бойся тьмы!
Молчат живые, а не мы!»

Вотще взывает к ним война:
Забыта честь и смелый бой,
Лишь кровь самосского вина
Струится в кубок золотой,
И вакханалий дерзкий рев
Глушит призывы мертвецов.

Пиррийский танец есть у вас,
Но Пирровой фаланги нет;
Пустой обычай тешит глаз,
Но умер прадедов завет.
Ужели Кадма письменам
Достаться суждено рабам?

Пускай зальет печали пыл
Вина самосского фйал:
Анакреон его любил,
Когда тирана воспевал.
Но сей тиран был Поликрат
И эллинам по крови брат.

Таким тираном Херсонес
Гордится; славный Мильтиад,
Могуч и смел, как Геркулес,
Свободы доблестный солдат:
Он тоже цепи надевал,
Но их народ не разрывал!

Над морем, у сулийских скал,
На диком паргском берегу,
Дорийцев гордых я встречал,
Не покорившихся врагу:
В их жилах Гераклидов кровь
Научит их делам отцов!

Не верьте франкам — шпагу их
Легко продать, легко купить;
Лишь меч родной в руках родных
Отчизну может защитить!
Не верьте франкам: их обман
Опасней силы мусульман!

Налейте ж кубок мне полней,
Я вижу пляску наших дев,
Я вижу черный блеск очей —
Но в сердце слезы, боль и гнев:
Ведь каждой предстоит судьба
Быть скорбной матерью раба!

Я с высоты сунийских скал
Смотрю один в морскую даль:
Я только морю завещал
Мою великую печаль!
Я бросил кубок! Я один,
Страна рабов, — тебе не сын!»

87

Так пел — вернее, так бы должен петь! —
Наш современный эллин, внук Орфея.
(С Орфеем состязаться надо сметь!
Мы все великих праотцев слабее.)
Поэта чувства могут разогреть
Сердца людей. Но, право, я робею:
Все эти чувства — так устроен свет, —
Как руки маляра, меняют цвет!

88

Слова весьма вещественны: чернила,
Бессмертная чудесная роса!
Она миллионы мыслей сохранила
И мудрецов почивших голоса

147

С миллионами живых соединила.
Как странно поступают небеса
С людьми: клочок бумаги малоценной
Переживет поэта непременно!

89

Исчезнет прах, забудется могила,
Умрет семья, и даже весь народ
В преданьях хронологии унылой
Последнее пристанище найдет;
Но вдруг из-под земли ученый хилый
Остатки манускрипта извлечет —
И строчки возродят померкший разум,
Века забвенья побеждая разом!

90

«Что слава?» — усмехается софист.
Ничто и Нечто, облако, дыханье!
Известно, что историк-казуист
Ее распределяет по желанью.
Приам воспет Гомером, Хойлем — вист,
Прославленного Мальборо деянья
Забыли бы мы все, когда б о нем
Написан не был Кокса толстый том.

91

Джон Мильтон — князь поэзии у нас:
Учен, умерен, строг — чего вам боле?
Тяжеловат бывает он подчас,
Но что за дар! И что за сила воли!
А Джонсон сообщает, что не раз
Сего любимца муз стегали в школе,
Что был он скучный муж, хозяин злой
И брошен был хорошенькой женой!

92

Имели Тит и Цезарь недостатки,
О приключеньях Бернса знает мир,
Лорд Бэкон брал, как полагают, взятки,
Стрелял чужих оленей сам Шекспир,

И Кромвеля поступки были гадки,—
Любой великой нации кумир
Имеет нежелательные свойства,
Вредящие традициям героизма!

93

Не каждый же, как Саути, моралист,
Болтавший о своей «Пантисократии»,
Или как Вордсворт, что, душою чист,
Стих приправлял мечтой о демократии!
Когда-то Колридж был весьма речист,
Но продал он теперь газетной братии
Свой гордый пыл и выбросил, увя,
Модисток Бата вон из головы.

94

Их имена теперь являют нам
Ботани-бэй моральной географии;
Из ренегатства с ложью пополам
Слагаются такие биографии.
Том новый Вордсворта — снотворный хлам,
Какого не бывало в типографии,
«Прогулкой» называется и мне,
Ей-богу, омерзителен тройне!

95

Он сам нарочно мысль загромождает
(Авось его читатель не поймет!),
А Вордсворта друзья напоминают
Поклонников пророчицы Сауткотт:
Их речи никого не поражают —
Их все-таки народ не признает.
Плод их таланта, как видали все вы,—
Не чудо, а водянка старой девы!

96

Но я грешу обильем отступлений,
А мне пора приняться за рассказ;
Такому водопаду рассуждений
Читатель возмущался уж не раз.

Теря нить забавных приключений,
Я прихожу в парламентский экстаз,—
Мне в сторону увлечься очень просто,
Хоть я не так велик, как Ариосто!

97

Longueurs¹ — у нас такого *слова* нет,
Но, что ценней, есть *самое явление*;
Боб Саути, наш эпический поэт,
Украсил им бессмертные творенья.
Таких longueurs еще не видел свет!
Я мог бы доказать без затрудненья,
Что эпопеи гордые свои
Построил он на принципах ennui².

98

«Гомер порою спит»,— сказал Гораций,
Порою Вордсворт бдит, сказал бы я.
Его «Возница», сын унылых граций,
Блуждает над озерами, друзья,
В тоске неудержимых lamentаций:
Ему нужна какая-то «ладья»!
И, слюни, словно волны, распуская,
Он плавает, отнюдь не утопая.

99

Пегасу трудно «Воз» такой тащить,
Ему и не взлететь до Аполлона;
Поэту б у Медеи попросить
Хоть одного крылатого дракона!
Но ни за что не хочет походить
На классиков глупец самовлюбленный:
Он бредит о луне, и посему
Воздушный шар годился бы ему.

---

¹ Длинные (*франц.*).

² Скука (*франц.*).

«Возы», «Возницы», «Фуры»! Что за вздор!
 О, Поп и Драйден! До чего дошли мы!
 Увы, зачем всплывает этот сор
 Из глубины реки невозмутимой?
 Ужели глупых Кэдов приговор
 Над вами прозвучал неумолимо?
 Смеется туповатый Питер Белл
 Над тем, кем сотворен Ахитофел!

Но кончен пир, потушены огни,
 Танцующие девы удалились,
 Замолк поэт, и в розовой тени
 На бледном небе звезды засветились,
 И юные любовники одни
 В глубокое молчанье погрузились.
 Ave Maria! Дивно просветлен
 Твой тихий час! Тебя достоин он!

Ave Maria! Благодатный миг!
 Благословенный край, где я когда-то
 Величье совершенное постиг
 Прекрасного весеннего заката!
 Вечерний звон был благостен и тих,
 Земля молчала, таинством объята,
 Затихло море, воздух задремал,
 Но каждый лист молитвой трепетал.

Ave Maria! — это час любви!
 Ave Maria! — это час моления!
 Благословенье неба призови
 И сына твоего благоволение
 Для смертных испроси! Глаза твои
 Опущены и голубя явление
 Предчувствуют — и светлый образ твой
 Мне душу озаряет, как живой.

Придирчивая пресса разгласила,
 Что набожности мне недостает;
 Но я постиг таинственные силы,
 Моя дорога на небо ведет.
 Мне служат алтарями все светила,
 Земля, и океан, и небосвод —
 Везде начало жизни обитает,
 Которое творит и растворяет.

О, сумерки на тихом берегу,
 В лесу сосновом около Равенны,
 Где угрожала гневному врагу
 Твердыня силы цезарей надменной!
 Я в памяти доселе берегу
 Преданья Адриатики священной:
 Сей древний бор — свидетель славных лет —
 Боккаччо был и Драйденом воспет!

Пронзительно цикады стрекотали,
 Лесной туман вставал со всех сторон,
 Скакали кони, травы трепетали,
 И раздавался колокола звон,
 И призраки в тумане возникали,
 И снился мне Онести странный сон:
 Красавиц ужас, гончие собаки
 И тени грозных всадников во мраке!

О Геспер! Всем отраду ты несешь —
 Голодным ужин и приют усталым,
 Ты птенчикам пристанище даешь,
 Ты открываешь двери запоздалым,
 Ты всех под кровлю мирную зовешь,
 Ты учишь всех довольствоваться малым,
 Всех сыновей земли под кров родной
 Приводишь ты в безмолвный час ночной.

О сладкий час раздумий и желаний!
 В сердцах скитальцев пробуждаешь ты
 Заветную печаль воспоминаний,
 И образы любимых, и мечты;
 Когда спокойно тающий в тумане
 Вечерний звон плывет из темноты —
 Что эта грусть неведомая значит?
 Ничто не умерло, но что-то плачет!

Когда погиб поверженный Нерон,
 Рычал, ликуя, Рим освобожденный:
 «Убит! Убит убийца! Рим спасен!
 Воскрешены священные законы!»
 Но кто-то, робким сердцем умилен,
 На гроб его с печалью затаенной
 Принес цветы и этим подтвердил,
 Что и Нерона кто-нибудь любил.

Нерон... но это снова отступление:
 Нерон и всякий родственник ему
 Нелепый шут венчанный — отношенья
 К герою не имеют моему!
 Я собственное порчу сочиненье —
 И осрамлюсь по случаю сему!
 (Мы в Кембридже смеялись над бедняжками
 И звали отстающих «деревяшками».)

Но докучать я не желаю вам
 Эпичностью моей — для облегченья
 Я перережу песню пополам,
 Чтоб не вводить людей во искушенья!
 Я знаю, только тонким знатокам
 Заметно будет это улучшение:
 Мне Аристотель дал такой совет.
 (Читай его «Поэтика»¹, пост!)

---

¹ «Поэтика» (греч.).

Глоссы гетвертая

1

Поэму начинать бывает трудно,
Да и кончать задача нелегка:
Пегас несется вскачь — смотри, как чудно!
А вскинется — и сбросит седока!
Как Люцифер, упрямец безрассудный,
Мы все грешим гордынею, пока
Не занесемся выше разуменья,
Тем опровергнув наше самомненье.

2

Но время всех умеет примирить,
А разные напасти научают
Людей — и даже черта, может быть, —
Что безграничным разум не бывает.
Лишь в юности горячей крови прыть
Стремит мечты и мысли затмевает;
Но, приближаясь к устью наших дней,
Мы думаем о сущности страстей.

3

Я с детства знал, что я способный малый,
И укреплял в других такое мненье;
Я заслужил, когда пора настала,
Признание и даже одобренье.

Теперь моя весна уже увяла,
Давно остыл огонь воображенья,
И превращает правды хладный блеск
Минувших дней романтику в бурлеск.

4

Теперь, когда смеюсь над чем-нибудь,
Смеюсь, чтоб не заплакать, а вздыхаю
Лишь потому, что трудно не вздохнуть:
Апатию свою оберегая,
Должны мы сердце в Лету окунуть!
Фетида, в Стиксе первенца купая,
Его оберегла от бед и зол,
Но я бы воды Леты предпочел.

5

Меня винят в нападках постоянно
На нравы и обычаи страны.
Из каждой строчки этого романа
Такие мысли якобы ясны.
Но я не строил никакого плана,
Да мне и планы вовсе не нужны;
Я думал быть веселым — это слово
В моих устах звучит, пожалуй, ново!

6

Боюсь, для здравомыслящих людей
Звучит моя поэма экзотически;
Лукавый Пульчи, милый чародей,
Любил сей жанр ирои-сатирический
Во дни бесстрашных рыцарей и фэй,
Невинных дев и власти деспотической.
Последняя найдется и у нас,
Но прочих всех давно иссяк запас.

7

Почти о современниках пишу я;
Правдиво ль я изображаю их?
Не повторю ль ошибку роковую
Пристрастных ненавистников моих?

И все же я не слишком негодую:
Нужна ж свобода слова и для них!
Но Аполлон меня за ухо тянет
И просит говорить о Дон-Жуане.

8

Оставил я героя моего
Наедине с его подругой милой.
Остановилось время для него
И на минуту косу опустило.
Оно не поощряет никого
И никогда влюбленных не любило,
Но ими любовалось от души:
Уж очень были оба хороши!

9

Их лиц испортить не могли морщины,
Их старость не могла бы оскорбить,
Не смела бы седая паутина
Их шелковые волосы покрыть.
В них для недуга не было причины,
В них не было того, что может гнить:
Увянуть пальма юная не может,
Ее одна лишь буря уничтожит.

10

Опять они одни! О, райский миг!
Наедине им скучно не бывало,
В разлуке же любовников моих
Ужасная тоска обуревала:
Так жалок усыхающий родник
И дерево, которое увяло
В разлуке с корнем; так печально-тих
Ребенок, что оторван от родных.

11

О, сердце, сердце! О, сосуд священный,
Сосуд тончайший! Трижды счастлив тот,
Кому рука фортуны дерзновенной
Его одним ударом разобьет!

Ни долгих лет, ни горести бессменной,
Ни тяжести утрат он не поймет,—
Но жизнь, увы, цепляется упорно
За тех, кто жаждет смерти непритворно.

12

«Богов любимцы долго не живут!» —
Сказал мудрец. Утрат они не знают,
Для них друзья и дружба не умрут,
Их юность и любовь не увядают.
В конце концов в могиле отдохнут
И те, кто слишком долго избегает
Могилы; но прекрасней доли нет,
Как сей покинуть мир во цвете лет!

13

Гайдэ и мой Жуан не помышляли
О смерти, ибо небо и земля
Их безмятежным светом окружали;
Холмы, долины, рощи и поля
Их молодое счастье отражали,
Как будто с ними радости деля.
В очах друг друга, в зеркале блаженства,
Они читали только совершенство.

14

Доверчивая юная любовь,
Сияющая кроткой благодатью,
Улыбка глаз, понятная без слов,
Восторг прикосновенья и пожатья,
Язык влюбленных птиц, язык богов,
О коем ни малейшего понятия
Нет у того, кому уже давно
Все нежное и чуждо и смешно!

15

Они блаженству верили, как дети,
И солнце детства улыбалось им:
Мир дел житейских в истинном их свете
Был чужд наивным душам молодым.

Как мотыльки, как эльфы на рассвете,
Счастливые мгновеньем золотым,
Они любовью только и дышали
И ни часов, ни дней не замечали!

16

Менялись луны, созерцая их,
Их радости безмолвно освещая,
Любуясь на счастливых молодых
И ночи их улыбкою встречая.
Ведь чувственность для чистых душ таких
Лишь часть самой любви; не пресыщает
Их обладанье — злейший враг любви,—
Не охлаждая страсти в их крови.

17

О, дивная, о, редкая и дивная
Мечта любви, в которой сердце пьет
Блаженство наслажденья непрерывное,
Забыв уродство жизненных забот —
Интриги, страсти, сплетни заунывные,
Побеги, браки, мелочный расчет,
Когда печать Гимена прикрывает
Позор, который все подозревают!

18

Но горьких истин и жестоких слов
Я не люблю: вернусь к чете прекрасной.
Ни дней не замечая, ни часов,
Тревогой не смущаемы напрасной,
Они цвели. Десятки мудрецов
Романтикой ненужной и опасной
Зовут такую глупость, господя
(Но втайне ей завидуют всегда).

19

Болезненное это состоянье
От юности бывает и от чтенья;
Но и без книг невинные созданья
Покорствуют сердечному влеченью.

Он получил «святое» воспитанье,
Она не отличалась просвещеньем
И расточала нежности свои,
Как голуби весной и соловьи.

20

Пред ними тихий вечер догорал;
Прекрасный час, любимый час влюбленных,
Казалось, их любовь благословлял
С небес невозмутимых и бездонных:
Однажды их сердца околдовал
Подобный час и, страстью просветленных,
На несколько мгновений, может быть,
О всех и вся заставил позабыть!

21

Но странно — безотчетное смятенье
По их блаженству светлому прошло,
Как облака немое отраженье,
Как пламени тревожное крыло,
Как ветра незаметное движенье
На струнах арфы. Как-то тяжело
Вдохнул Жуан, охваченный тоскою,
И взор Гайдэ вдруг заблестал слезою.

22

Ее проникновенный ясный взгляд
Следил за исчезающим светилом,
Как будто это был весны закат,
Как будто это счастье уходило.
Жуан влюбленный, нежностью объят,
Следил за нею, и его томила
Тревога безотчетная, и он
Печалью беспричинной был смущен.

23

Она Жуану тихо улыбнулась
Улыбкой, навевающей печаль,
Потом, нахмурив брови, отвернулась
И побледнела, вглядываясь в даль.

Жуан спросил: «О чем тебе взгрустнулось?»
Она ему ответила: «Мне жаль
Минувшего и жутко от созпанья,
Что не переживу я расставацья!»

24

Жуан хотел расспрашивать. Она
Устами губы милого закрыла
И злую тень пророческого сна
Горячим поцелуем победила.
Сей метод лучше действия вина:
Я пробовал целительную силу
Обоих; результаты их — увы! —
Боль сердца или только головы.

25

Порой жестокое недомоганье
Вино и женщины приносят нам,
За радости нас облагая данью.
Какое предпочесть — не знаю сам,
Но я скажу, потомству в назиданье,
Проблему изучив по всем статьям,
Что лучше уж с обоими спознаться,
Чем ни одним из них не наслаждаться!

26

Счастливы со слезами на глазах
Молчали долго, нежностью объаты;
Все чувства сочетались в их сердцах —
Ребенка, друга, любящего брата.
Парили души, будто на крылах,
Восторгом страсти радостной богаты,
И счастье жить, любить и обладать
Их вдохновляло жизнь благословлять.

27

Зачем, соединив сердца и руки,
Не умерли влюбленные тогда?
Ни хладных лет, ни горечи разлуки
Они бы не узнали никогда!

Унылый мир жестокости и скуки
И скорбная печаль была чужда
Их нежным душам, пылким и прекрасным,
Как песни Сафо, пламенным и страстным.

28

Им пужно бы скрываться от людей
И петь, как соловьи в зеленой чаще,
Не ведая пороков и страстей.
Избранники свободы настоящей
Живут одни: чуждается друзей
Орел, высоко на небе парящий,
Вороны же и галки — шумный люд,—
Как мы, добычу стаями клюют.

29

Прекрасная Гайдэ с моим Жуаном
На ложе нег вкушали сладкий сон,
Но тайную тревогу, как ни странно,
Порою ощущал неволью он.
Как ручеек в саду благоуханном,
Ее уста шептали; как бутон
Прекрасной розы, забываясь дремой,
Она дышала счастьем и истомой.

30

Как ветер беспокоит иногда
Поток альпийский сладким дуновеньем,
Так наших душ глубокая вода,
Встревоженная странным сновиденьем,
Таинственно томится, и тогда,
Озарена чудесным просветленьем,
Бесчувственна, но, чувством смущена,
Не глядя, видит вечное она.

31

Гайдэ приснилось, что в ночи туманной
Она к скале прикована. Вокруг
Ревут и воют волны океана,
Хватая жертву тысячами рук.

Вот поднялись до уст; ей душно, странно,
Ее томит мучительный испуг,
Вот захлестнули голову... О боже!
Но умереть никак она не может!

32

Затем она как будто бы одна
Идет босая: острые камешья
Изрезали ей ноги, но она
Должна идти, идти за смутной тенью
В покрове белом; ужаса полна,
Гайдэ глядит на странное видежье:
Оно молчит, и движется вперед,
И подойти поближе не дает!

33

Сменился сон: пред ней пещеры своды
В уборе сталактитов ледяных;
Века и молчаливая природа
Неутомимо выточили их.
Ей косы растрепала непогода,
И слезы из очей ее немых
Обильно льются на крутые скалы
И сразу превращаются в кристаллы.

34

И тут же, хладен, тих и недвижим
И странно бледен, как морская пена
(Когда-то словом ласковым одним
Она его будила неизменно!),
Лежал Жуан, и жалобно над ним
Рыдало море голосом сирены:
Заставить это сердце биться вновь
Уж больше не могла ее любовь!

35

И, странно, ей внезапно показалось,
Что облик дорогого мертвеца
Менялся: в нем как будто прояснялось
Усталое лицо ее отца

И взгляд его недобрый; испугалась
Гайдэ при виде этого лица,
Проснулась — и увидела, бледнея,
Что он, ее отец, стоит пред нею!

36

Она вскочила с воплем и пред ним
Упала; счастье, ужас и смятенье
Узнать того, кто прежде был любим,
А ныне стал оплаканною тенью,
Боролись в ней с отчаяньем немым
Тревоги, недоверья, опасенья
За милого. (Я тоже пережил
Подобный миг, но я его забыл.)

37

Услышав крик отчаянный любимой,
Проснулся мой прекрасный Дон-Жуан
И, храбростью горя неукротимой,
Схватил тотчас же острый ятаган.
Но Ламбро, до поры невозмутимый,
Сказал с презреньем: «Глупый мальчуган!
Смирить твою отвагу озорную
Десятку сотен сабель прикажу я!»

38

Но тут Гайдэ воскликнула опять:
«Ведь это мой отец! О, милый, милый!
Ему я ноги буду целовать!
Он нас простит, как небо нас простило!
Отец! Позволь судьбу благословлять,
Которая тебя нам возвратила!
Сорви обиду сердца своего
На мне одной, но пощади его!»

39

Старик стоял спокоен, строг и прям,
Его глаза светились странным светом.
Я думаю, он был взволнован сам
И медлил с окопчательным ответом.

Наш юный друг, и вспыльчив и упрям,
Хотел блеснуть отвагой в деле этом;
Он за себя решился постоять
И собирался с честью умирать.

40

«Отдай оружие!» — Ламбро молвил строго.
Жуан сказал: «Без боя не отдам!»
Старик суровый побледнел немного
И возразил: «Тогда смотри ты сам,
За кровь твою я не отвечу богу!»
И тут, от слов переходя к делам,
Свой пистолет он вынул из кармана
И взвел курок, прицелясь в Дон-Жуана.

41

Как странно звук взведенного курка
Внимательное ухо поражает,
Когда, прищурясь, нас издалека
Пряатель у барьера поджидает,
Где нас от рокового тупика
Едва двенадцать ярдов отделяют!
Но кто имел дуэлей больше двух,
Тот потеряет утонченный слух.

42

Нацелился пират; еще мгновение —
И роковой конец бы наступил
И песне и Жуану, без сомненья.
Но крик Гайдэ отца остановил:
«Виновна я! Убей без сожаленья
Меня одну! Он вовсе не просил
Моей любви! Смотри! Его люблю я!
Как ты, бесстрашна я, и с ним умру я!»

43

Вот только что бессильно перед ним
Она слезами горькими рыдала,
Но он молчал, угрюм и недвижим.
И вот она опомнилась и встала,

Бледна, стройна, строга, как серафим
Разгневанный. Теперь она сияла
Отвагой; взор ее ужасен был,
Но руку Ламбро не остановил.

44

Так друг на друга черными очами
Они глядели молча; что за сходство!
В неукротимом взоре то же пламя,
В осанке та же сила превосходства.
Он был упрям, она — еще упрямей.
В пей сказывалось крови благородство;
Так может гнев и жажда отомстить
Ручную львицу вмиг преобразить.

45

Их сходство проявлялось и в повадке,
И в блеске глаз, и даже в форме рук,
Они имели те же недостатки
И те же добродетели — и вдруг
Все вспыхнуло в жестокой этой схватке;
Ведь ни один привычный светлый звук,
Ни милые слова, ни слезы счастья
Немыслимы, когда бушуют страсти.

46

Отец угрюмый помолчал немного.
Потом, смотря на дочь, заговорил:
«Не я ему показывал дорогу,
Не я ему несчастье причинил!
Свидетель бог, я поступил не строго:
Никто б такой обиды не простил,
Не совершив убийства. Все деянья
Влекут награду или наказанье!

47

Пускай он сдастся! Или я готов
Тебе поклясться этой головою,
Что голову его, не тратя слов,
Снесу вот этой самою рукою!»

Тут свистнул он, и двадцать молодцов
Покорною, но шумною толпою
Вбежали. Он сказал им: «Мой приказ:
Схватить или убить его тотчас!»

48

К себе рванул он дочь, ей руку сжав,
Меж тем Жуана стража окружила,
Осиным роем на него напав.
Напрасно билась, напрягая силы,
Гайдэ в руках отца: как злой удав,
Ее держал он. От нее закрыла
Жуана стая хищников, но он
Еще боролся, битвой увлечен.

49

Один бежал с разбитой головою,
Другой упал с разрубленным плечом,
Но третий ловко нашего героя
Ударил быстро вынутым ножом;
И тут уж все накнулись гурьбою
На юношу. Кровь полилась ручьем
Из нанесенной ятаганом раны
На голове несчастного Жуана.

50

Они его связали в тот же миг
И унесли из комнаты. Тогда же
Им подал знал безжалостный старик,
И мой красавец под надзором стражи
Был переправлен на пиратский бриг,
Где был он в трюм немедленно посажен,
И строго приказали часовым
Неутомимо наблюдать за ним.

51

Как странен мир, читатель дорогой!
Признаться, мне ужасно неприятно,
Что человек богатый, молодой,
Красивый, и воспитанный, и знатный,

Изранен, связан буйною толпой
И, по капризу воли непонятой,
Отправлен в море только оттого,
Что полюбила девушка его!

52

Но я почти в патетику впадаю,
Растроганный китайской нимфой слез,
Лирической Кассандрой — музой чая!
Я раскисаю, как молокосос,
Когда четыре чашки выпиваю!
Но чем же утешаться, вот вопрос?
Мне вина, несомненно, не под силу,
А чай и кофе — чересчур унылы,

53

Когда не оживляет их Коньяк —
Прелестная наяда Флегетона.
Увы! Ее пленительных атак
Не терпит мой желудок воспаленный!
Я прибегаю к пуншу: как-никак
Довольно слаб сей друг неугомонный
Бесед полночных, но и он подчас
Недомогаьем наделяет нас!

54

Оставил я несчастного Жуапа
Израненным, страдающим уныло,
Но не сравнится боль телесной раны
С отчаяньем Гайдэ; ведь не под силу
Таким сердцам смиряться пред тираном.
Из Феса мать ее происходила —
Из той страны, где, как известно всем,
Соседствуют пустыня и Эдем.

55

Там осеняют мощные оливы
Обложенные мрамором фонтаны,
Там по пустыне выжженной, тоскливой
Идут верблюдов сонных караваны,

Там львы рычат, там блещет прихотливо
Цветов и трав наряд благоуханный,
Там древо смерти источает яд,
Там человек преступен — или свят!

56

Горячим солнцем Африки природа
Причудливая там сотворена,
И кровь ее горячего народа
Игрой добра и зла накалена.
И мать Гайдэ была такой породы:
Ее очей прекрасных глубина
Таила силу страсти настоящей,
Дремавшую, как лев в зеленой чаще.

57

Конечно, дочь ее была нежней:
Она спокойной грацией сияла;
Как облака прекрасных летних дней,
Она грозу безмолвно накопляла;
Она казалась кроткой, но и в ней,
Как пламя, сила тайная дремала
И, как самум, могла прорваться вдруг,
Губя и разрушая все вокруг.

58

В последний раз видала Дон-Жуана
Гайдэ поверженным, лишенным сил,
Видала кровь, текущую из раны
На тот же пол, где только что ходил
Ее Жуан, прекрасный и желанный!
Ужасный стон ей кровь заледенил,
Она в руках отца затрепетала
И, словно кедр надломленный, упала.

59

В ней что-то оборвалось, как струна.
Ей губы пеной алою покрыла
Густая кровь. Бессильная, она
И голову и руки опустила,

Как сломанная лилия, бледна:
Напрасна трав целительная сила
В подобный миг, когда уже навек
Теряет связи с жизнью человек.

60

И так она лежала много дней,
Безжизненная, словно не дышала,
Но смерть как будто медлила — и в ней
Уродство тленья все не проступало
И на лицо причудливых теней
Не налагало; светлое начало
Прекрасной жизни, юная душа,
В ней оставалась нежно-хороша.

61

Как в мраморном бессмертном изваянье,
Одна лишь скорбь навек застыла в ней,
Так мраморной Киприды обаянье
От вечности своей еще нежней.
Лаокоона страстные терзанья
Прославлены педвижностью своей,
И образ гладиатора страдающий
Живет в веках, бессмертно умирающий.

62

И вот она очнулась наконец,
Но странное то было пробужденье:
Так к жизни пробуждается мертвец;
Ему все чуждо. Ни одно явленье
Уже не воскресит таких сердец,
В которых только боли впечатленье
Еще осталось — смутное пока.
На миг вздремнула Фурия-тоска.

63

Увы, на все она глядела лица
Бесчувственно, не различая их,
Была не в силах даже удивиться,
Не спрашивала даже о родных;

В ней даже сил уж не было томиться:
Ни болтовня подруг ее былых,
Ни ласки их — ничто не воскресило
В ней чувств, уже сроднившихся с могилой.

64

Она своих не замечала слуг,
И на отца как будто не глядела,
Не узнавала никого вокруг
И ничего уж больше не хотела.
Беспамятство — причудливый недуг —
Над нею, как заклятье, тяготело.
И только иногда в ее глазах
Являлась тень сознания, боль и страх!

65

Арфиста как-то в комнату позвали;
Настраивал довольно долго он
Свой инструмент, и на него вначале
Был взор ее тревожный устремлен.
Потом, как будто прячась от печали,
Она уткнулась в стенку, словно стои
Тая. А он запел о днях далеких,
Когда тиранов не было жестоких.

66

Такт песни отбивала по стене
Она устало пальцами. Но вскоре
Запел арфист о солнце, о весне
И о любви. Воспоминаний море
Открылось перед нею, как во сне, —
Вся страсть, все счастье, все смятенье горя, —
И хлынула из тучи смутных грез
Потоком горным буря горьких слез.

67

Но были то не слезы облегченья:
Они взметнули вихрь в мозгу больном,
Несчастливая вскочила и в смятенье,
На всех бросаясь в бешенстве слепом,

Без выкриков, без воплей, в иступленье,
Метаться стала в ужасе. Потом
Ее связать пытались, даже били,
Но средств ее смирить не паходили.

68

В пей память лишь мерцала; тяжело
И смутно в ней роились ощущенья;
Ничто ее заставить не могло
Взглянуть в лицо отца хоть на мгновенье.
Меж тем на все вокруг она светло
Глядела в бредовом недоуменье,
Но день за днем не ела, не пила
И, главное, ни часу не спала.

69

Двенадцать дней, бессильно увядая,
Она томилась так — и как-то вдруг
Без стонов наконец душа младая
Ушла навек, закончив жизни круг.
И вряд ли кто, за нею наблюдая,
Из нежных опечаленных подруг
Заметил миг, когда застыли веки
И взора блеск остекленел навеки.

70

Так умерла она — и не одна:
В ней новой жизни брезжило начало,
Дитя греха безгрешное, весна,
Которая весны не увидала
И в землю вновь ушла, не рождена,
Туда, где все, что смято, что увяло,
Лежит, — и тщетно свет свой небо шлет
На мертвый сей цветок и мертвый плод!

71

Конец всему! Уж никогда отныне
Не прикоснутся к ней печаль и стыд;
Не суждено ей было, как рабыне,
Сносить года страданий и обид!

171

Прекрасен был, как неба купол синий,
Ее блаженства краткого зенит,
И мирно спит она во тьме могилы
На берегу, где отдыхать любила.

72

И остров этот стал угрюм и тих:
Безлюдные жилища исчезают,
Лишь две могилы средь лугов пустых
Пришельцу иногда напоминают
О ней и об отце ее, по их
Никто не ищет и не замечает,
Лишь волны гимном траурным гремят,
Скорбя о ней — красавице Циклад.

73

Но греческие девушки порой
Ее со вздохом в песне поминают,
Да, коротая ночь, старик иной
Ее отца рассказом воскрешает:
Его отвагой и ее красотой
Туманные легенды наполняет
О том, что мстит любовь себе самой,
Платя за счастье страшною ценой.

74

Но бросим эту тему тем не менес.
Безумных я описывать боюсь,
По правде говоря — из опасения,
Что тронутым и сам я покажусь!
Притом весьма капризное творение
Моя подруга муза; я вернусь
К Жуану: он, захваченный врагами,
Октав уж двадцать как оставлен нами.

75

Изранен, «связан, скован, заточен»,
Два дня лежал Жуан, с судьбой не споря,
На третий день совсем очнулся он
И увидал себя в открытом море.

Вдали синел священный Илион,
Но мой герой в таком был сильном горе,
Что Илиона видеть не хотел
И на сигейский мыс не поглядел.

76

Над Геллеспонтом — символ гордой силы,
Надменно озирая острова,
Стоит курган бесстрашного Ахилла,—
Гипотеза ученых такова!
А рядом — неизвестная могила;
Кого — о том не ведает молва.
(Когда б герои эти живы были,
Они бы всех живущих перебили!)

77

Равнины невозделанный простор,
Курганы без надгробий, без названья,
Вершина Иды над щелями гор
И берегов Скамандра очертанья;
Здесь обитала Слава с давних пор,
Здесь древности покоются преданья.
Но кто тревожит Илиона прах?
Стада овец и сонных черепах!

78

Печальные селенья, кипарисы,
В пустынном поле — ржанье табунов;
Пастух, едва ль похожий на Париса,
Глазеет на проезжих болтунов,
Мечтающих о родине Улисса
Со школьных лет. И, набожно-суров,
Повсюду турок с трубкой восседает;
Ну, а фригийцы где? А черт их знает!

79

Итак, Жуан печально созерцал,
Удел раба предчувствуя уныло,
Лазурь морскую, и уступы скал,
И греков горделивые могилы.

Вопросов он пока не задавал,
Его потеря крови изнурила,
Да и ответы стражи для него
Не значили бы ровно ничего.

80

Он увидал товарищей по плену,
Артистов — итальянцев молодых;
Они-то рассказали откровенно
Подробности превратностей своих:
Как водится, в Сицилию на сцену
Спешила из Ливорно труппа их.
Их продал импресарио пирату —
И взял за это небольшую плату!

81

Один из них особенно болтал;
Он *buffo*¹ был и *buffo* оставался,
Он искренне, сердечно хохотал
И беззаботным комиком держался;
Он распродажи пленных ожидал
И в шуточках веселых изощрялся,
Меж тем как тенор сумрачно грустил,
А примадонна выбилась из сил.

82

«Однажды ночью, — комик говорил, —
Макиавелли сей, наш импресарио,
Сигналом чей-то бриг остановил
У берега: *Copro di Caio Mario!*²
Потом нас на корабль пересадил,
Без всякого намека на *salario*;³
Но если любит пение султан,
То мы легко наполним свой карман!

---

¹ Певец комической оперы (*итал.*).

² Буквально: тело Кая Мария; восклицание, выражающее возмущение или удивление (*итал.*).

³ Жалованье (*итал.*).

Конечно, примадонна старовата,
 И хрипоте подвержена подчас,
 И стала петь, пожалуй, плоховато;
 Зато подруга тенора у нас
 Одарена природою богато;
 Она на карнавале прошлый раз
 Отбила графа юного Чиконья
 У старой принципессы из Болоньи!

Хорош у нас балетный персонал:
 Пленяет всеми качествами Нини,
 Пятьсот цехинов прошлый карнавал
 Доставил хохотушке Пелегрини.
 (Нетрудно столь ничтожный капитал
 Растратить беззаботной балерине!)
 А вот гротеска — эта бы могла
 Очаровать и души и тела!

Солисткам фигурантки уступают,
 Но миленькие личики и тут
 Невольно покупателей пленяют
 И сбыт на рынке, видимо, найдут!
 Одна, положим, шест напоминает,
 Хоть в ней талант и чувства признают,
 Но с этакой фигурой где же взяться
 Изяществу, чтоб в танцах отличаться?

Мужчин у нас хороших нет совсем;
 У *musicò*¹ вот голос петушинный
 (Конечно, бас дается нам не всем,
 И есть тому особые причины),
 Но евнухом устроиться в гарем
 Способен сей талантливый мужчина,—
 Хоть папа *третий* пол всегда ценил,
 Но петь любимцев он не научил.

---

¹ Оперный премьер (*итал.*).

У тенора — излишек аффе́кции,
 А бас, как бык, рычит и завывает,
 Не признает ни нот, ни пунктуации;
 Хоть наша примадонна замечает
 В нем редкое богатство интонации,
 Однако точно так же распевает,
 Тревожа мирный сон полей и сел,
 Рулады исполняющий осел.

Не позволяет сдержанность моя
 Упомянуть о собственном таланте,
 Но вы видали чуждые края
 И слышали вы имя Раукоканти?
 Так знайте: Раукоканти — это я!
 Когда вы в Луго будете, достаньте
 Себе билет, и небом поклянусь,
 Еще я перед вами отличусь.

Наш баритон — заносчивый мальчишка,
 Играет плохо, не умеет петь,
 Но искренне уверен, хвастунишка,
 Что мог бы в целом мире прогреметь!
 Едва годится слабый голосишко
 Для уличного пенья! Жаль смотреть!
 Изображая страсть и муки ада,
 Зубами он скрежещет без пощады!»

Здесь Раукоканти пламенный рассказ
 Нарушило пиратов появление,
 И пленники услышали приказ
 Спуститься в трюм. Со вздохом сожаленья
 Увидели они в последний раз
 Под ясным небом в дымке отдаленья
 Веселый танец ярко-голубых
 Свободных и счастливых волн морских.

Затем сказали им, что в Дарданеллы
 Придет его величества фирман
 (Без коего не обойдется дело
 В стране богохранимой мусульман!),
 Там закуют их прочно и умело
 И повезут, как стаю обезьян,
 В Константинополь, где раба на рынке
 Купить и выбрать легче, чем ботинки!

Когда попарно их сковали всех:
 С мужчинами мужчин, а даму с дамой,
 Нечетными остались, как на грех
 (Игра судьбы капризной и упрямой),
 Мой бедный Дон-Жуан и... (право, смех!
 Порою шутка совместима с драмой!)
 Цветущая красотка: мой герой
 Прикован был к вакханке молодой!

К несчастью, Раукоканти поместили
 В одной упряжке с тенором: они
 Друг друга, несомненно, не любили —
 На сцене все враждуют искони!
 Но эти двое дня не проводили
 Без ярых словопрений, хоть сродни
 Они друг другу были почему-то:
 «Arcades ambo»¹, id est² — оба плуты!

Партнершею героя моего
 Была красотка родом из Апконы,
 Прекрасное, живое существо,
 В отличном смысле слова «bella donna»³.
 Во всех улыбках — блеск и торжество,
 Глаза черны как уголь и бездонны,
 И каждое движение, каждый взгляд —
 Залог неописуемых услад!

¹ Оба аркадские пастухи (лат.).

² То есть (лат.).

³ Красавица (итал.).

Но тщетно эти прелести зывали
 К печальному Жуану: словно мгла,
 Ему глаза и сердце застлала
 Тоска и боль; руки его не жгла
 Ее рука, его не волновали
 Прикосновенья, полные тепла,
 Ее округлых плеч и рук прекрасных,
 Для молодых людей всегда опасных!

В анализ углубляться нам не след,
 Но факт есть факт: Жуан был сердцем верен
 Возлюбленной своей. На свете нет
 Такой любви — уж в этом я уверен!
 «Мечтами о снегах, — гласит поэт, —
 Жар пламени не может быть умерен».
 Но мой герой страдал, и мукой он
 Был от греховных мыслей защищен.

Здесь мог бы я увлечься описаньем,
 Не слишком скромным. В юности моей
 Я избегал с особенным стараньем
 Такого искушения, ей-ей!
 Но критика злорадным замечаньем
 Меня тревожит: якобы скорей
 Протиснется верблюд в ушко игольное,
 Чем мой роман в семейство богомольное!

Но все равно — уступчив нравом я!
 Я знаю: Смоллет, Прайор, Ариосто
 И Фильдинг — эта славная семья —
 Стеснялись мало, выражались просто.
 Вести войну словесную, друзья,
 Умел и я, провозглашая тосты
 Задорные, противников дразнить
 И беззаботно ссоры заводить.

Я был драчлив,— мальчишки любят драки! —
 Но ныне становлюсь миролюбив:
 Пускай шумят и спорят забияки!
 Пройдет ли мой успех, пока я жив,
 Иль сохранится, как маяк во мраке,
 Густой туман столетий победив,—
 Шуршанье трав в полночный час унылый
 Не прекратится над моей могилой.

Поэты, нам известные сейчас,
 Избранниками славы и преданья
 Живут среди людей один лишь раз,
 Но имени великого звучанье
 Столетий двадцать катится до нас,
 Как снежный ком. Чем больше расстоянье,
 Тем больше глыба, но она всегда
 Не что иное, как скопление льда.

Увы, читатель, слава номинальна,
 И номинальны славных имена:
 Невоскресимый прах молчит печально,
 Ему, наверно, слава не нужна.
 Все погибает слепо и фатально —
 Ахилл зарыт, и Троя сожжена,
 И будущего новые герои
 Забудут Рим, как мы забыли Троию.

Сметает время даже имена
 Великих дел; могилу ждет могила.
 Весну сменяет новая весна,
 Века бледнеют, все теряет силы,
 Бесчисленных надгробий имена
 Становятся безжизненно-унылы
 С теченьем лет, и так же, как живых,
 Пучина смерти поглощает их.

Нередко я вечернею порою
 Смотрю на холм с надломленной колонной
 И вспоминаю юношу-героя:
 Как умер он, прекрасно вдохновленный
 Своею славой. Как он жил борьбою
 Равенны, благородно-возмущенной!
 О, юный де Фуа! И он — и он
 На скорое забвенье обречен!

Обычно все могилу посещают,
 Где Данта прах покоится смиренно;
 Ее священным нимбом окружает
 Почтенье обитателей Равенны,
 Но будет время: память обветшает,
 И том терцин, для нас еще священный,
 Утонет в Лете, где погребены
 Певцы для нас безгласной старины.

Все памятники кровью освящаются,
 Но скоро человеческая грязь
 К ним пристаёт — и чернь уж их чуждается,
 Над собственной мерзостью глумясь!
 Ищейки за трофеями гоняются
 В болоте крови. Славы напилась
 Земля на славу, и ее трофеи
 Видений ада Дантова страшнее!

Но барды есть! Конечно, слава — дым,
 Хоть люди любят запах фимиама:
 Неукротимым склонностям таким
 Поют хвалы и воздвигают храмы.
 Воюют волны с берегом крутым
 И в пену превращаются упрямо:
 Так наши мысли, страсти и грехи,
 Сгорев, преображаются в стихи.

Но если вы немало испытали
Сомнений, приключений и страстей
Тревоги и превратности познали
И разгадали с горечью людей,
И если вы способны все печали
Изобразить в стихах, как чародей,—
То все же не касайтесь этой темы;
Пускай уж мир лишается поэмы!

О вы, чулки небесной синевы,
Пред кем дрожит несмелый литератор,
Поэма погибает, если вы
Не огласите ваше «imprimatur»¹.
В обертку превратит ее, увы,
Парнасской славы бойкий арендатор!
Ах, буду ль я обласкан невзначай
И приглашен на ваш кастальский чай?

А разве «львом» я быть не в силах боле?
Домашним бардом, баловнем балов?
Как Йорика скворец, томясь в неволе,
Вздыхаю я, что жребий мой суров;
Как Вордсворт, я взропщу о грустной доле
Моих никем не читанных стихов;
Воскликну я: «Лишились вкуса все вы!»
Что слава? Лотерея старой девы!

Глубокой, темной, дивной синевой
Нас небеса ласкают благосклопно —
Как синие чулки, чей ум живой
Блестит в центре каждого салона!
Клянусь моей беспечной головой,
Подвязки я видал того же тона
На левых икрах знатных англичан;
Подвязки эти — власти талисман!

---

¹ Буквально: «Да будет напечатано»; разрешение к печати (лат.).

За то, что вы, небесные созданыя,
 Читаете поэмы и стихи,
 Я опровергну глупое преданье,
 Что носите вы синие чулки!
 Не всякую натуру портит знанье,
 Не все богини правом столь жестки:
 Одна весьма ученая девица
 Прекрасна и... глупа, как голубица.

Скиталец мудрый Гумбольдт, говорят
 (Когда и где — потомству неизвестно),
 Придумал небывалый аппарат
 Для измеренья синевы небесной
 И плотности ее. Я буду рад
 Измерить — это очень интересно —
 Вас, о миледи Дафна, ибо вы
 Слывете совершенством синевы!

Но возвращаюсь к нашему рассказу.
 В Константинополь пленников привез
 Пиратский бриг. На якорь стал он сразу.
 Ему местечко в гавани нашлось.
 Чумы, холеры и другой заразы
 В столицу он как будто не занес,
 Доставив на большой стамбульский рынок
 Черкешенок, славянок и грузинок.

Иных ценили дорого: одна
 Черкешенка, с ручательством бесспорным
 Невинности, была оценена
 В пятнадцать сотен долларов. Проворно
 Ей цену набавляли, и цена
 Росла; купец накидывал упорно,
 Входя в азарт, пока не угадал,
 Что сам султан девицу покупал.

Двенадцать негритяпок помоложе
 Довольно высоко ценились тут.
 Увы, освобожденных чернокожих,
 На горе Уилберфорсу продают,
 Притом теперь значительно дороже!
 (С пороком воевать — напрасный труд!
 Порок больших расходов не боится.
 А добродетель чахнет — и скупится!)

У каждого особая судьба:
 Кого купил паша, кого — еврей,
 Кто примирился с участью раба,
 Кто утвердился в должности лакея,
 А женщины — ведь женщина слаба —
 Надеялись достаться поскорее
 Нестарому визирю и мечтать
 Его женой или рабыней стать!

Но позже все подробно расскажу я,
 Все приключенья точно передам.
 Пока перо на время отложу я;
 Глава длинна, я понимаю сам;
 Я сам на многословье негодую,
 Но докучаю вежливым друзьям.
 Теперь пора: оставим Дон-Жуана,
 Как Оссиан, «до пятого дуана».

Песнь пятая

1

Когда прелестно и медоточиво
Поют поэты о любви своей
И спаривают рифмы прихотливо,
Как лентами Киприда — голубей,—
Не спорю я, они красноречивы;
Но чем творенье лучше, тем вредней:
Назон и сам Петрарка, без сомнений,
Ввели в соблазн десятки поколений.

2

Но я и не хочу изображать
Любовные дела в приятном свете,
Я буду строго факты излагать,
Имея поучение в предмете;
Моралью буду я опровергать
Мечты и страсти пагубные эти,
И (только бы не выдал мой Пегас!)
Я критиков порадою не раз.

3

*Реки морской живые берега,
Дворцами испещренные богато,
Софии купол, гордые снега
Олимпа, и военные фрегаты,*

И рощи кипарисов, и дуга —
Я эти страны пел уже когда-то:
Они уже пленяли, не таю,
Пленительную Мэри Монтегю.

4

Ах, я пристрастен к имени «Мария»!
Мне был когда-то дорог этот звук;
Я снова вижу дали золотые
В тумане элегических разлук,
Оно живит мои мечты былые,
Оно меня печалит, милый друг,—
А я пишу рассказ весьма холодный,
От всяческой патетики свободный.

5

Играли волны, ветер пробегал,
Торжественно вдали синели горы,
От Азии Европу отделял
Поток могучий пенного Босфора,
И открывалась за грядою скал
Седая даль эвксинского простора
И злой прибой. Из всех морских пучин
Опаснейшая — все-таки Эвксин!

6

Стояла осень; ночи нарастают
В такую пору и темнеют дни,
И беспощадно Парки обрывают
Рыбачьи жизни. О, не мы одни,
Когда нас буря в море настигает,
Исправиться клянемся искони!
Но мертвый клятвы выполнить не в силах,
А спасшийся, глядишь,— и позабыл их.

7

На рынке было множество рабов
Различных наций. Сумрачно стояли
Продрогшие бедняги у столбов,
Друзей, родных, свободу вспоминали,

Кляли свой плен со скрежетом зубов.
Лишь негры, как философы, молчали
И огорчались меньше всех других:
Семь шкур уже не раз спускали с них.

8

Мой Дон-Жуан, по молодости лет,
Превратности встречать бы должен смело,
Но грустно он глядел на белый свет
И смахивал слезинки то и дело.
Он ослабел от раны, спору нет,
А может быть, душа его болела:
Объятыя милой на ярмо раба
Сменить — едва ль завидная судьба!

9

Такое бы и стойка сломало,
А он держался твердо как-никак,
И вся его осанка подтверждала,
Что он и дворянин и не бедняк.
Притом его одежда привлекала
Барышников и попросту зевак:
Прикидывали опытные люди,
Что выкуп за него хороший будет.

10

Итак, базар невольничий пестрел
То белыми, то черными телами,
И, выбирая кто и что хотел,
Купцы как будто рылись в старом хламе.
Герой мой молча в сторону смотрел,
Но тут мужчина с серыми глазами,
Лет тридцати, еще в расцвете сил,
Его вниманье вдруг остановил.

11

Имел он статный рост и крупный нос,
Румянец свежий при отличной коже,
Красивый отблеск вьющихся волос,
Хороший лоб, и рот, и зубы тоже.

Он, видимо, немало перенес
И ранен был, но не утратил все же
Того sang-froid¹, с которым истый бритт
Бесстрастно на вселенную глядит.

12

Он тоже сразу обратил вниманье
На юношу, прекрасного собой,
И, ощутив подобье состраданья,
Чужой тотчас же занялся судьбой.
Он пригляделся к этому созданию,
Еще не искушенному борьбой,
И угадал живых страстей кипенье
И полное отсутствие терпенья.

13

«Послушайте-ка, юноша! Сейчас
В толпе рабов, несчастной и презренной,
Куда судьба забросила и нас,—
Одни лишь мы, пожалуй, джентльмены!
А потому в такой опасный час
Должны мы быть знакомы непременно.
Я буду вам полезен, может быть.
Вы кто по крови, я хотел спросить?»

14

Жуан сказал: «Испанец!» Тот ответил:
«Я так и знал, что вы не жалкий грек,—
Ваш гордый взгляд я сразу же заметил.
Что ж! На фортуна жаловаться грех,
Причудница играет всем на свете:
Сейчас — удар, а через час — успех.
Она со мной не лучше поступила,
Но, признаюсь, меня не удивила!»

15

«Простите, сэр,— Жуан его спросил,—
Что привело вас в это состоянье?»
«Шесть турок, цепь и превосходство сил!»
«Простите мне нескромное желанье

---

¹ Хладнокровие (франц.).

Узнать, откуда вы?» — «О, я служил
В войсках у русских: получил задание
Суворова взять Видин, а взамен,
Как видите, был взят врагами в плен».

16

«А есть у вас друзья?» — «Помилуй бог!
Они меня покамест не тревожат!
Ну вот, я рассказал вам все, что мог,
Теперь и вы расскажете, быть может?»
«Увы, исполнен горестных тревог
Рассказ мой долгий! Боль мне сердце гложет!»
«Тогда молчите: горестный рассказ,
Коль долог он, печальней во сто раз.

17

Не падайте же духом! В ваши годы
Фортуна, как любовница, мила;
Взвалить на вас все беды и невзгоды
Она никак надолго не могла.
Нельзя сердиться на закон природы;
Превратны наши судьбы и дела!
Смиримся же; таков рассудка голос:
Серпа желаньям не перечит колос!»

18

«О, я грущу не о судьбе своей! —
Вздыхнул Жуан.— Я плачу о любимой!»
И в темной глубине его очей
Блеснула боль тоски неутолимой.
«О, как сильна печаль души моей!
О, как жесток мой рок неумолимый!
Я перенес такое, видит бог,
Чего никто бы вынести не мог!

19

Я страшную утрату испытал!..»
И он умолк, расплакаться не смея.
«Я так и думал,— друг его сказал,—
Что ваш печальный случай связан с нею:

Я тоже слезы лил и трепетал,
А посему сочувствовать умею.
Одна моя супруга умерла,
Другая убежала, в чем была.

20

А третья...» — «Как,— Жуан воскликнул,—
третья?»

Вы в тридцать лет имели уж троих?»
«А много ли для нашего столетья?
Ведь только две, как видите, в живых!
Притом успел сердечно пожалеть я
И осчастливить каждую из них!»
«Ну, третья что ж? Она сбежала тоже?»
«Нет, тут уж я сбежал, прости мне боже!»

21

«Вы хладнокровны, сэр!» — сказал Жуан.
«А как же! — Англичанин усмехнулся. —
Вначале всех нас манит океан,
Но кто потом на берег не вернулся?
Я знал восторгов сладостный обман,
Но от него я вовремя очнулся.
Былых иллюзий я не узнаю —
Они, как змея, сняли чешую.

22

Согласен я, что чешуя другая
Бывает и пестрей, но каждый раз
Она сползает, медленно линия,
И новая уже ласкает глаз.
Сперва любовь нас ловит, ослепляя,
Но не одна любовь прельщает нас:
Злопамятство, упрямство, жажда славы —
Приманок много для любого права».

23

Жуан вздохнул: «Вы правы, может быть;
Но умные слова и размышленья
Не в силах нашу долю изменить!»
«Нет, юный друг мой, я иного мнения,—

Сказал британец, — нужно находить
Осмысленную цель в любом явлении;
Нас обучает рабства тяжкий гнет,
Как исполнять честнее роль господ!»

24

Жуан вздохнул: «Увы! Я все усвоил
И выдержать экзамен был бы рад!»
«Ну что ж! — его британец успокоил. —
Изменчива фортуна, говорят:
Вполне возможно, что еще с лихвою
Нас боги через год вознаградят.
Мне только надоел ярлык на шее,
И я б хотел быть проданным скорее!

25

Сейчас, конечно, нам не повезло,
Но в этом и возможность улучшения;
Мы все рабы, коли на то пошло, —
Рабы страстей, капризов, наслажденья.
Со временем душевное тепло
И доброта в нас гибнут, к сожаленью.
Искусство жить, коль правду вам сказать,
В том, чтоб о наших ближних не страдать».

26

Меж тем старик, на вид немного странный,
Из тех, кого прозвали «третий пол»,
Разглядывая пристально Жуана,
К приятелям вплотную подошел.
Так на чужих коней глядят цыганы,
Портной — на ткани, на овцу — орел,
Служители тюрьмы — на арестанта,
На деньги — ростовщик, на женщин — франты.

27

Нет, на рабов глядят еще смелей!
Себе подобных покупать отрадно.
Но если приглядеться почестней —
И Власть, и Красота до денег жадны

И нет непродающихся людей:
Наличный счет — хозяин беспощадный!
Всяк получает за свои грешки —
Иной короны, а иной пинки.

28

Но евнух их рассматривал недаром
И, наконец, прицениваться стал.
Барышник торговался с истым жаром,
Божился, клялся, в сторону плевал
И цену набивал своим товарам,
Как будто бы скотину продавал.
Процесс торговли далеко не всякий
Сумел бы отличить от буйной драки.

29

Но скоро крики перешли в ворчанье,
И спорщики достали кошельки,
И серебра приятное журчанье
Плеснуло звоном на ладонь руки.
Монеты были разного названья,
И долго их считали старики.
И вот, закончив сделку аккуратно,
Купец ушел — обедать, вероятно.

30

Не знаю, как и сколько кушал он
И каково его пищеваренье;
Я думаю, он мог бы быть смущен,
Продав себе подобных. Без сомненья,
Любой из нас бывает удручен,
Когда в желудке чувствует стесненье,
Пожалуй, это самый худший час
Из всех, какими сутки мучат нас!

31

Вольтер не соглашается со мною:
Он заявляет, что его Кандид,
Покушав, примиряется с судьбою
И на людей по-новому глядит.

Но кто не пьян и не рожден свишьёю —
Того пищеваренье тяготит,
В том крови учащенное биенье
Рождает боль, тревогу и сомненья.

32

И правильно сказал Филиппов сын,
Великий Александр, что акт питания,
Над коим человек не господин,
В нас укрепляет смертности сознание.
Духовностью гордиться нет причин,
Когда рождают радость и страданье
Какой-то суп, говядины кусок —
Желудочный в конечном счете сок!

33

На той неделе — в пятницу как раз —
Я собирался выйти на прогулку.
Я шляпу взял. Уж был девятый час.
Вдруг за окном раскатисто и гулко
Раздался выстрел. Выбежав тотчас,
Я тут же, в двух шагах от переулка,
Равенны коменданта увидал,
Убитого, наверно, наповал.

34

Пять пуль его, беднягу, уложили;
За что — теперь уж поздно толковать!
Я слуг позвал. Они его втащили
Ко мне и положили на кровать.
Но я напрасно не щадил усилий:
Убитый начинал уж остывать.
Жизнь кончилась довольно глупой дракой
С каким-то итальянским забиякой!

35

Я знал его при жизни и глядел
В раздумье на лицо его немое:
Я видывал десятки мертвых тел,
Но не встречал подобного покоя.

Он словно бы заснул, устав от дел,
С закинутою навзничь головою.
И мне казалась бледность мертвеца
Лишь бледностью усталого лица.

36

«Так это смерть? Но что ж она такое?
Скажи мне!» Он молчит! «Ответь!» Молчит!
Еще вчера он выглядел героем,
Имел хороший вид и аппетит,
Его команды слово громовое
В ушах солдата все еще звучит, —
А завтра он предстанет батальонам
При гуле барабанов похоронном!

37

Вот на него внимательно глядят
Те, кто еще вчера его боялся;
Они еще поверить не хотят,
Что командир от власти отказался.
Хороший офицер, храбрец и хват,
За Бонапарта смело он сражался,
И вот на грязной улице убит
И, словно бык зарезанный, лежит.

38

Былые затянувшиеся раны
И кровь его последних, свежих ран
На мертвом теле выглядели странно, —
Я все стоял, раздумьем обуян.
До самой смерти я не перестану
Допрашивать усопших! Но туман
Непроницаем, неподвижно-серый, —
И для сомнений наших, и для веры.

39

Был человек, и нет его — смотри!
Что жизненный процесс остановило?
Какого-то свинца кусочка три.
Вода, земля, огонь, любая сила —

Все разуму подвластно! Мы — цари!
Но плохо нас природа защитила:
Любое вещество не то что в час —
В одно мгновенье истребляет нас.

40

Но где ж мои герои? Евнух черный
Их погрузил в кайк, уселся сам,
Гребцы взмахнули веслами проворно,
И лодка полетела по волнам.
Как узники, бесчувственно-покорны,
Друзья молчали. Негр велел гребцам
Причалить у стены глухой и сонной,
Рядами кипарисов осененной.

41

Угрюмый негр в калитку постучал,
Железная калитка открылась,
Он дал им знак идти и зашагал.
Тропинка чуть заметная змеилась
Сквозь заросли густые. Негр молчал.
Ночная мгла давно уже спустилась,
И по такому странному пути
Лишь ощупью могли они идти.

42

Для чащи экзотических растений —
Жасминов, лавров, пальм *et cetera* —
Я мог бы вам придумать тьму сравнений;
Но нынче много этого добра
Разводят в парниках своих творений
Поставщики базара и двора,—
А все затем, что одному поэту
Пришла причуда странствовать по свету!

43

И вот в глубокой мгле и тишине
Возникла мысль у моего героя
(Она могла прийти и вам и мне!):
«Старик, паверно, слаб, а нас-то двое!

Мы можем безнаказанно вполне
Освободиться от его конвоя...»
«Пристукнем негра!» — другу он шепнул
И даже руку было протянул.

44

«Да, — отвечал британец, — а потом?
Подумайте: ведь если нас поймают,
Нас освежут попросту живьем!
Варфоломея участь не прельщает
Меня ни в коей мере. И притом
Я голоден. Желудок мой страдает,
И за бифштекс охотно, как Исав,
Я откажусь от первородных прав.

45

Мы, верно, очень близко от жилья —
Старик идет спокойно и бесстрастно;
Он знает, что вокруг — его друзья
И что тропинка эта безопасна!
Догадка подтверждается моя:
Вы видите на небе отблеск красный?
Мы повернули вправо наконец.
Черт побери! Смотрите-ка — дворец!»

46

И в самом деле — ярко освещенный,
Глазам моих друзей предстал дворец,
Причудливый, цветистый, золоченый,
Безвкусицы турецкой образец.
Родник искусств Эллады угнетенной
В чужих руках, увы, иссяк вконец:
Раскраска вилл на берегу Босфора
Напоминает ширмы или шторы!

47

Подливок и пилава аромат
Их оживлял по мере приближенья.
Хорошему жаркому всякий рад,
И моего героя настроенье

Исправилось. Участливый собрат
Ему шепнул: «Оставьте все сомненья!
Пожинаем плотно, а потом
О вылазке подумаем вдвоем!»

48

Тот действует на чувство, тот — на страсти,
Порою даже доводы умны,
Иному нужен кнут, иному — сласти,
Иному даже правила нужны;
Но я чужой не подчиняюсь власти:
Рассудку рассужденья не страшны!
К тому же и ораторы, признаться,
Никак не могут кратко выразиться.

49

Но я не собираюсь отрицать,
Что сила слова, красоты и лести,
Как сила денег, может возбуждать
Все чувства — от предательства до чести.
Но что способно так объединять
Все ощущения радостные вместе,
Как звонкий гонг, который в должный час
К принятию пицци приглашает нас?

50

У турок для обеденного часа
Ни гонга, ни звонков, понятно, нет,
Поклоны слуг по правилам танцкласса
Не возвещают, что несут обед,
Но, чуя запах жареного мяса,
Жуан и друг его узрели свет
И сразу огляделись деловито
В пророческом экстазе аппетита.

51

Итак, пока решив не бунтовать,
Они за негром поспешили смело.
Не знал он, что недавно, так сказать,
На волоске судьба его висела.

Он им велел немного подождать;
Большая дверь на петлях закрипела,
И взору их торжественно предстал
Во всем восточном блеске пышный зал.

52

Я был когда-то мастер описаний,
Но в наши дни — увы! — любой болван
Отягощает публики вниманье
Красотами природы жарких стран.
Ему — восторг, издателю — страданье,
Природе ж все равно, в какой роман,
Путеводитель, стансы и сонеты
Ее вгоняют чахлые поэты.

53

Халатами пестрел огромный зал.
Кто занят был беседою с друзьями,
Кто собственное платье созерцал,
Кто попросту размахивал руками,
Кто трубку драгоценную сосал
И любовался дыма завитками,
Кто в шахматы играл, а кто зевал,
А кто стаканчик рома допивал.

54

На евнуха и купленную пару
Гяуров поглядели стороной
Гулявшие как будто по бульвару
Беспечные лентяи. Так иной,
Рассеянно блуждая по базару,
Увидя жеребца, его ценой
Рассеянно займется на мгновенье,
Не придавая этому значенья.

55

Они, однако, миновали зал
И много комнат маленьких и странных.
В одной из них печально бормотал
Фонтан, забытый в сумерках туманных,

И женский взор внимательный блистал
Из-за дверей узорно-филигранных,
Настойчиво допрашивая тьму:
Кого ведут? Куда? И почему?

56

Роскошные, но тусклые лампы
Над арками причудливых дверей
Неясно освещали анфилады
Высоких золоченых галерей.
В вечерний час для сердца и для взгляда
Нет ничего грустней и тяжелей,
Чем пышного безлюдного покоя
Молчанье неподвижно-роковое.

57

Кому бывать случалось *одному*
В лесу, в толпе, в пустыне, в океане —
В великом одиночестве, — тому
Понятно все его очарованье.
Но кто знавал немую полутьму
Пустых, огромных, величавых зданий,
Тот знает, что на камне хладных плит
Походка смерти явственно звучит.

58

Спокойный час домашнего досуга,
Вино, закуска, славный аппетит,
Камин и книга, друг или подруга —
Вот все, чем англичанин дорожит;
В осенний вечер от такого круга
И рамы блеск его не отвратит.
Но я по вечерам в пустынном зале
Брожу один и предаюсь печали!

59

Великое творя, мы подтверждаем
Ничтожество свое: огромный храм
Стоит века, но зодчих мы не знаем,
Бессмертным воскуря фимиам.

Гробницы мы и дома воздвигаем
Вотще с тех пор, как согрешил Адам,
И оставляем все-таки преданье
О Вавилонской башне без вниманья!

60

Нас Вавилон пленяет до сих пор:
Там роскошь небывалая царила.
Там царь царей Навуходоносор
Травой питался, святость Даниила
Там умирjala львов, умильный взор
Там на Пирама Фисба обратила;
Там, совершая громкие дела,
Семирамида славная жила!

61

Историки царицу упрекали
В неблаговидной нежности к коню.
Конечно, чудеса всегда бывали,
Но все же я историков виню;
Не конюха ль они предполагали?
Пресечь ошибку надо на корню.
А впрочем, прихоти не знают меры:
Любовь впадает в ереси, как вера!

62

Скептические люди в наши дни
Твердят упрямо, но довольно вяло,
Что это все побасенки одни,
Что Вавилона вовсе не бывало.
Евреям верить не хотят они,
Но им евреи тоже верят мало.
Однако ведь нашел же Клавдий Рич
На месте Вавилона свой кирпич!

63

Прекрасными и краткими стихами
Гораций хорошо изобразил,
Что строящие забывают сами
О беспощадной близости могил.

Мы все идем различными путями,
Но цель одну нам рок определил:
Что «at sepulchri immemor struis domos»¹ —
Могила ожидает за углом нас!

64

Но вот они пришли в покой пустынный,
Дивясь его роскошной пестроте.
Казалось, ткани, вазы и картины
Соперничали в редкой красоте;
Все, чем искусство тешит господина,
Покорное причуде и мечте,
Все было здесь — самой природы сила
Здесь ремесла искусству уступила.

65

Здесь было все, что смертному дано:
Диваны драгоценные такие,
Что сесть на них, казалось бы, грешно;
Ковры необычайно дорогие,
Сверкавшие, как сказочное дно,
Где ярко блещут рыбки золотые;
Чтоб чудную их ткань не повредить,
По ним бы надо плыть, а не ходить.

66

Сапог ступать не смел и не хотел
На эти звезды, луны и растенья,
Но равнодушный евнух не глядел
На роскошь, причинявшую волненье
Моим друзьям. Он молча повертел
Какой-то ключик в темном углубленьи
И, дверцу потянув что было сил,
Глубокий шкаф пред ними отворил.

67

И в глубине явилось их очам
Роскошное скопленье одеяний,
Какие, сообразно должностям
И положенью, носят мусульмане.

---

¹ «И, забыв о могиле, строишь дома» (лат.).

Отличный гардероб, скажу я вам,—
Великолепный выбор пестрых тканей;
Но негр вопрос заранее решил
И перед бриттом платье положил.

68

Тот мог и облачиться и обуться:
Он получил роскошные штаны,
Которые не лошнут, не протрут
Из-за своей восточной ширины,
И туфли, в коих трудно не споткнуться;
Кафтан, кинжал значительной цены —
Все прелести надменного эфенди,
Турецкого изысканного денди!

69

Пока он эти вещи надевал,
Его приятель новый, негр Баба,
Обоим намекал и пояснял,
Что в Турцию их привела судьба;
Что тот, кто упираться бы не стал,
Мог избежать бы участи раба,
Себе открыв дорогу к процветанью
При помощи обряда обрезанья!

70

Он намекнул, что был бы очень рад
Их видеть правоверными. Понятно,
Их не заставят совершить обряд;
Но прозелиты, очень вероятно,
Высоких удостоятся наград.
В ответ британец молвил деликатно,
Что чтит он сам, как все мы чтить должны,
Обычаи столь праведной страны.

71

«Подобное решенье,— он сказал,—
Серьезно, и его обдумать надо.
Я, впрочем, никогда не порицал
Столь древнего почтенного обряда,

И, может быть...» Но тут его прервал
Жуан, метавший пламенные взгляды:
«Нет, нет! Уж за себя я постою!
Скорей отрежут голову мою!

72

Я сам отрежу тысячи голов...»
«Позвольте мне,— заметил англичанин,—
Хотя бы досказать десяток слов:
Сэр, добрый ваш совет немного странен,
Однако я принять его готов...
Но в данный миг мой разум затуманен;
Пужинав, я обещаю вам,
Что свой ответ немедля передам!»

73

Затем спокойно негр неторопливый
Перед Жуаном платье положил,
Достойное принцессы, но строптивый
Жуан не склонен к маскараду был.
Ногою христианской, горделивой
Он сей наряд с презреньем отстранил.
Когда же негр велел поторопиться,
Он отвечал: «Старик! Я не девица!»

74

«Что ты такое — мне заботы нет! —
Сказал Баба.— Ты делай, что велю я!»
«Но наконец,— Жуан ему в ответ,—
Зачем ломать комедию пустую?»
«Вопросы задавать тебе не след,—
Заметил негр,— однако намекну я:
Все постепенно разъяснится, но
Мне попусту болтать запрещено».

75

«Нет! — возразил Жуан.— Для пустяка
Одеждою не посрамлю я пола!
Я докажу, сильна моя рука!»
«Эх,— молвил негр,— вот нрав какой тяжелый!»

Ну, не дури, послушай старика!
А то конец ведь будет невеселый:
Таких я кликну молодцов сюда,
Что станешь ты бесполом навсегда.

76

Тебе костюм я лучший предложил;
Конечно, женский, но тому причина
Особая, как я и объяснил.
«Но,— возразил Жуан,— ведь я мужчина,
И отроду я юбок не носил!
Куда мне к черту эта паутина!»
(Он молвил эти дерзкие слова
Про лучшие на свете кружева.)

77

Он все же взял, ругаясь и вздыхая,
Предметы, незнакомые для нас:
Шальвары, шали — я всего не знаю;
Ну, словом,— всякий бархат и атлас.
Но с непривычки, юбку надевая,
Запутался или, точнее, *увяз*.
(Для рифмы я поставил слово это;
Она тиранит каждого поэта!)

78

Увяз он, несомненно, потому,
Что с юбками имел он дела мало,
И это обстоятельство ему
Поспешно одеваться помешало.
Но негр помог герою моему:
Поправил шаль, одернул покрывало,
Потом, шагов на десять отступив,
Решил, что сей наряд весьма красив!

79

Еще одно возникло затруднение —
Что волосы Жуана не длинны;
Но негр ему принес в одно мгновение
На выбор косы разной толщины,

Затем ему велел для соблюденья
Ансамбля расчесать их, как должны
То делать девы, ниткою жемчужной
Их перевить и умастить, как нужно.

80

И, облаченный в женственный наряд,
При помощи подстрижки и подкраски
Он стал почти что девушкой на взгляд.
«Да это превращенье словно в сказке! —
Вскричал Баба. — Отличный маскарад!
Теперь я проведу вас без опаски!»
В ладони он ударил, и пришли
Четыре негра как из-под земли.

81

«Отныне, сэр, извольте удалиться;
Поужинать вам слуги подадут,
А эта христианская девица
Последует за мною. Как, и тут
Упрямство? Сэр, чего она боится?
Не на съеденье львам ее ведут;
Мы во дворце, где правоверных око
Провидит кущи райские пророка!

82

Они тебе не станут делать зла!..»
Жуан ответил: «Радуюсь за них!
Моя рука довольно тяжела,
Хотя на вид, быть может, я и тих.
Куда бы нас игра ни завела,
Я не боюсь обидчиков моих,
А тех, кто оскорбит мое обличье,
Я паучу и чести и приличью!»

83

«Молчи, тупица! — негр ему сказал. —
Иди за мной скорее, бога ради!»
С улыбкой англичанин созерцал
Красавицу в причудливом наряде.

«Счастливым путь! Я, кажется, попал
В магический дворец к Шехеразаде.
Сей черный повелитель тайных сил
Нас в девушку и турка обратил!»

84

«Как следует покушать вам желаю,—
Сказал Жуан,— и весело пожить!»
«Мне жаль,— британец молвил,— не скрываю,
Вас потерять из виду. Может быть,
Мы встретимся! Прощайте, дорогая;
Желаю вам невинность сохранить!»
«Ну, ну,— баском ответила красавица,—
Со мною сам султан — и тот не справится!»

85

Итак, они расстались. Мой герой
Пошел за негром. Эхо трепетало
На мраморных полах в тиши ночной,
На темных сводах золото блистало;
И вот вдали причудливой стеной
Возникла тень гигантского портала,
И фимиама сладостный туман
Повеял им навстречу, как дурман.

86

Литые двери бронзы золоченой
Являли взору множество картин:
Там разгорался бой ожесточенный
Меж конниками яростных дружин,
Там преклонял колена побежденный,
Как в дни, когда великий Константин,
К себе пересадивший славу Рима,
Еще держал бразды неоспоримо.

87

Могучее величье пирамид
Напоминали взору двери эти,
А по бокам — ужасные на вид,
Уродливей всего, что есть на свете,—

Два карлика сидели. Как гранит,
Над ними двери высились. Заметьте,
Величье выражается во всем —
В *гвоздях* и петлях; *гвоздь* вопроса в том!

88

Лишь только подойдя вплотную, вы
Испуганно отшатывались. Боже!
Какие губы мертвой синевы!
Какой оттенок черно-серой кожи!
Какая форма страшной головы!
Какие злые, мерзостные рожи!
Чудовища чудовищной цены;
Они владыке каждому нужны!

89

Они еще к тому же были немые,
Но совершали грозные дела:
Хранить и отворять врата гарема
Их страшная обязанность была.
Они же разрешали все проблемы
Искорененья дерзостного зла —
В их длинных пальцах быстрая веревка
Виновных успокаивала ловко.

90

Им евнух подал знак без лишних слов,
И дверь тяжелую они открыли,
Но иглы их безжалостных зрачков
И негра и Жуана просверлили,
И хоть герой наш был из смельчаков,
Но чувства в нем от ужаса застыли,
Когда холодный, скользкий, злобный взгляд
В него впивался, как змеиный яд.

91

Баба его успел предостеречь:
«Сдержи себя, своей же пользы ради.
Иди за мной, не расправляя плеч,
И не держись, как будто на параде.

Остерегайся взоры их привлечь;
Умей держаться в девичьем наряде —
Иди ленивее, гляди нежней,
А главное — веди себя скромней!

92

Глаза у них опаснее, чем шило;
Не приведи их божье твой наряд
Насквозь увидеть; никакие силы
Тебя — да и меня! — не защитят!
Босфор весьма надежная могила,
И до рассвета нас с тобой казнят —
Зашьют в мешок, и, с волнами не споря,
Отправимся мы в Мраморное море!»

93

Жуана эти бодрые слова
Смирили — и покорно, в самом деле,
Вошел он в зал, где у него едва
От роскоши глаза не заболели:
Разбросанные всюду как трава,
Несметные сокровища блестели
В таком обилье пышной пестроты,
Что затмевали сказки и мечты!

94

Богатства блеск и вкуса недостаток
Обычны для Востока, но — увы! —
Я западных дворцов видал с десятков,
И все они, признаться, таковы!
На всем какой-то фальши отпечаток:
Картины плохи, статуи мертвы,
Но грубую дешевую работу
Обильно искупает позолота.

95

В подушках утопая, как в цветах,
Под пологом раскинувшись лениво,
С улыбкой самовластья на устах
Лежала дама. Евнух торопливо,

Не поднимая глаз, повергся в прах
И потянул Жуана; терпеливо
Ему повиновался мой герой,
Забавной озадаченный игрой.

96

Красавица с подушек поднялась,
Как из пушистой пены Афродита.
Перед огнем ее пафосских глаз
Тускнели и сапфир и хризолиты.
Поцеловав руки ее атлас
И край ее одежды, деловито
Ей что-то евнух на ухо сказал
И жестом на Жуана указал.

97

Ее движений, голоса и стана,
Подобных совершенству божества,
Подробно я описывать не стану —
Бессильны тут сравненья и слова;
Притом у вас из зависти к султану
Могла бы закружиться голова,
Когда бы описанье вышло живо...
А посему молчу красноречиво!

98

Ей было лет, пожалуй, двадцать семь:
Преклонный возраст для ее народа!
Но есть краса, которую совсем
Не искажают годы и природа.
Мария Стюарт, как известно всем,
Блестала красотой такого рода,
Ниноп Ланкло уже седой была,
А подурнеть до смерти не смогла!

99

Девицы в одинаковых нарядах
(Так евнух нарядил и Дон-Жуана)
Ловили волю царственного взгляда,
Как нимфы, окружавшие Диану.

(Сие сравнение углублять не надо,
И я его отстаивать не стану.)
Как я уже сказал, Гюльбея, встав,
Им знак дала, на двери указав.

100

Прелестный рой покорно удалился.
Жуан стоял, дыханье затая,
И приключенью странному дивился.
В какие-то волшебные края,
Ему казалось, он переселился,
Где чудеса реальны... (Лично я
Никак не вижу смысла в скромном даре
Известного нам всем «nil admirari»¹).

101

«Не удивляться ничему на свете —
Наука благоденствия для всех!»
(Увы, я знаю, Мерри, речи эти;
А в текстах Крича сомневаться грех.)
Гораций эту истину отметил,
А Поп — пересказал ее для всех.
Но если б удивляться мы не стали,
Ни Попа б мы, ни древних не читали.

102

Баба велел Жуану не зевать,
Приблизиться, и преклонить колено,
И ножку госпожи поцеловать;
Но гордый мой герой вскипел мгновенно,
Ужасно заупрямился опять
И негру заявил весьма надменно:
«Я тувель не целую никому —
Пожалуй, только папе одному!»

103

Баба сказал: «Напрасно я учу
Тебя добру — с тобою сладу нету!
Послушай! Я с тобою не шучу!»
«Да я самой невесте Магомета

---

¹ «Ничему не удивляться» (лат.).

Поцеловать туфли не захочу!»
(Пойми, читатель, силу *этикета*:
Король и мещанин, мудрец и плут
Его законы знают и блюдут!)

104

Он, как Атлант, был тверд и негибаем,
Не слушая потока гневных слов;
В его груди бурлила, закипая,
Кастильских предков пламенная кровь,
И, гордо честь отцов оберегая,
Он жизнью был пожертвовать готов.
«Ну,— молвил негр,— с тобою просто мука!
Не хочешь *ногу* — поцелуй хоть руку!»

105

На этот благородный компромисс
Жуан уже не мог не согласиться.
Любые дипломаты бы сдались,
Признав, что дольше спорить не годится.
Итак, мой несговорчивый Парис
Решил совету негра подчиниться,—
Тем более что признавал он сам
Обычай ручки целовать у дам!

106

Он подошел к руке ее атласной
И неохотно губы приложил
К душистой коже, тонкой и прекрасной.
Он был сердит, рассеян и уныл —
И потому тревоги сладострастной
От этого ничуть не ощутил,
Хотя *такой* руки прикосновеенье
Все прошлые стирает увлеченья.

107

Красавица взглянула на него
И удалиться евнуху велела
Небрежным жестом в сторону его.
Баба Жуану, как бы между делом,

210

Успел шепнуть: «Не бойся ничего!» —
И вышел бодро, весело и смело,
Как будто он во славу выспих сил
Благое дело честно совершил!

108

Едва Баба исчез — преобразилось
Ее доселе гордое чело:
Оно тревогой страсти озарилось
И трепетным румянцем расцвело.
Так в небе — только солнце закатилось —
Заря сияет пышно и светло.
В ней спорили в немом соревнованье
Полутомленье, полуприказанье.

109

В ней было все, чем страшен слабый пол,
Все дьявольские чары сатаны,
С какими он однажды подошел
Смутить покой Адамовой жены.
Никто бы в ней изъяна не нашел:
В ней был и солнца блеск, и свет луны,
Ей только кротости недоставало —
Она и *полюбив* повелевала.

110

Властительно в ней выражалась власть:
Она как будто сковывала цепью;
Как иго вы испытывали страсть,
Взирая на ее великолепье.
Конечно, плоть всегда готова пасть
Во прах, но, как орел над вольной степью,
Душа у нас свободна и горда
И не приемлет плена никогда.

111

В ее улыбке нежной и надменной,
В самом ее привете был приказ,
И своеволье ножки совершенной
Ступало не случайно и не раз

211

По шиям и сердцам толпы плененной.
За поясом ее, смущая глаз,
Блестал кинжал, что подобает сану
Избранницы великого султана.

112

«Внемли и повинуйся!» — вот закон,
Который бессловесные творенья,
Покорно окружающие трон,
Усвоили от самого рожденья:
Ее капризам не было препон,
И не было узды ее «хотенью».
А будь она крещеной — спору нет,
Она б и больше натворила бед!

113

Когда чего-нибудь хотелось ей,—
Желаемое сразу приносили,
За исполненье всех ее затей
Любые суммы золотом платили.
Но даже деспотичностью своей
Она была мила; ее любили
И женщины и всё прощали ей —
Все, кроме красоты, сказать точней.

114

Жуан — ее последняя причуда —
Замечен ею из окна; тотчас
Искать его по городу повсюду,
Купить его немедля — был приказ.
Баба его нашел (скрывать не буду —
Он потакал красавице не раз)
И, действуя по тщательному плану,
Переделал рабынею Жуана.

115

Но как она, султанова жена,
Решилась на такое приключенье?
Почем я знаю! Не моя вина,
Что не имеют жены уваженья

212

К мужьям венчанным; всем одна цена!
Обманывают всех без исключения
Супругов — и монархов и князьков:
Уж такова традиция веков.

116

Но ближе к теме! Видя по всему,
Что дело приближается к развязке,
Она в лицо герою моему
Взглянула без особенной опаски.
Он был «приобретен», а посему
Она его спросила — не без ласки,
Но несколько надменно, может быть:
«Умеешь ли ты, юноша, любить?»

117

В другое время моего Жуана
Такой вопрос легко б воспламенил,
Но в нем была свежа живая рана:
Свою Гайдэ еще он не забыл,
И сей вопрос любимицы султана
В нем только боль утраты разбудил;
И он залился горькими слезами,
Что очень глупо, согласитесь сами.

118

Гюльбея удивилась — не слезам:
Их женщины охотно проливают,
Но юноши прекрасного глазам
Их влажный блеск никак не подобает!
Лишь тот, кто пытку слез изведаль сам,
Тот знает — слезы женщин быстро тают,
А наши, как расплавленный свинец,
Впиваются в расщелины сердец!

119

Она б его утешить постаралась,
Но не могла понять, с чего начать.
Ведь ей ни разу в жизни не случилось
Себе подобных в горе утешать!

213

К ней горе никогда не приближалось,
И очень трудно было ей понять,
Что кто-нибудь, глаза ее встречая,
Способен плакать, их не замечая.

120

Но женщины природа такова,
Что зрелище смятенья и страданья
Диктует ей участия слова
В любой стране, при всяком воспитанье.
В ней жалость изначальная жива,
Она — самаритянка по призванью.
Глаза Гюльбеи, бог весть отчего,
Слезой блеснули, глядя на него.

121

Но слезы, как и все на этом свете,
Иссякли, — а Жуан не мог забыть,
Что он еще султанше не ответил,
Умеет ли он подлинно любить.
Она была красива, он заметил;
Но он не мог досаду подавить:
Он был пред этой женщиной надменной
В смешном наряде — и к тому же пленный!

122

Гюльбея озадачена была
(Впервые, может быть, за двадцать лет!);
Она сама ведь всем пренебрегла
И дерзостно нарушила запрет,
Когда герою нашему дала
Столь милый и приятный tête-à-tête¹.
Меж тем уже минут минуло двадцать,
А он не помышлял повиноваться.

123

О джентльмены! Я хотел сказать,
Что в случаях подобных промедленья
Под солнцем юга принято считать
За самое плохое поведенье.

---

¹ Свидание наедине (франц.).

Красавицу заставить ожидать —
Да это даже хуже преступления;
Здесь несколько мгновений, может быть,
Способны репутацию сгубить.

124

Жуан был смел и мог бы быть смелее,
Но старая любовь проснулась в нем.
Напрасно благородная Гюльбея
С ним говорила властно, как с рабом,—
Невежливо он обошелся с нею,
А все-таки, признаться, поделом!
Красавица краснела и бледнела
И на него внимательно глядела.

125

Она Жуана за руку взяла
С улыбкой благосклонной и усталой,
Но искра гнева взор ее зажгла:
Любви его лицо не выражало.
Она вздохнула, встала, отошла
И наконец — последнее, пожалуй,
Чем можно гордой женщине рискнуть,—
Жуану просто бросилась на грудь.

126

Опасный миг! Но гордость, боль и горе
Как сталь его хранили: он вздохнул
И с царственной надменностью во взоре
Божественные руки разомкнул.
В ее глаза, лазурные как море,
Он холодно и пристально взглянул.
«Красавица! — воскликнул он. — В неволе
Не брачутся орлы, — а я тем боле!

127

Спросила ты — умею ль я любить?
Умею, но, прости меня, — другую!
Мне стыдно платье женское носить!
Под крышею твоей едва дышу я!

215

Любовь — удел свободных! Подчинить
Султанской власти чувство не могу я!
Сгибаются колени, взоры льстят,
И руки служат, — но сердца молчат».

128

Для европейца это очень ясно,
Она ж привыкла искренне считать,
Что прихоти владыки все подвластно,
Что даже эта прихоть — благодать!
Рабы невозмутимы и безгласны,
Не могут и не смеют возражать —
Вот бытия простое пониманье
В наивном императорском сознанье.

129

К тому ж (как я успел упомянуть)
Она была красива несомненно,
Ей стоило на смертного взглянуть —
И он терял свободу совершенно.
Итак, двойное право посягнуть
На полное господство над вселенной
Давали ей и красота и сан;
И вдруг — не покорился Дон-Жуан!

130

Скажите вы, которые хранили
В невинности свои молодые лета,
Как вас напрасно вдовушки ловили
И как вас ненавидели за это.
Припомните досаду их усилий,
Стесненную кольчугой этикета,—
Тогда поймете вы всего верней
Ужасный гнев красавицы моей.

131

Трагедию мы знаем не одну,
Поэты их изображали щедро.
Припомните Пентефрия жену,
И леди Буби, и царицу Федру:

216

Похожи на морскую глубину
Их гневных душ бушующие недра —
И это вам поможет, может быть,
Моей Гюльбеи лик вообразить!

132

Прекрасный гнев тигрицы разъяренной
И львицы, у которой взяли львят,—
Сравню ли с гневом женщины влюбленной,
Когда ее утешить не хотят!
И это гнев, по-моему, законный:
Не все ль равно — что потерять ребят,
Что потерять желанное мгновенье,
Когда возможно их возникновенье.

133

Любовь к потомству всех страстей сильней,
Извечный сей инстинкт непобедим;
Тигрица, утка, заяц, воробей
Не подпускают к отпрыскам своим.
Мы сами за вознею малышей
То с гордостью, то с нежностью следим.
Коль результат могуч, всесилен даже,—
То мощь первопричины какова же?

134

Не пламенем зажглись глаза Гюльбеи:
Они горели пламенем всегда —
Ее румянец сделался живее,
А ласковость исчезла без следа.
Впервые в жизни совладала с нею
Упрямой воли дерзкая узда!
А взнузданная женщина — о боже!—
На что она способна и похожа!

135

Одно мгновенье гнев ее пылал
(Не то она погибла бы от жара!),
Так ад перед поэтом возникал
В жестокой буре дымного пожара;

217

Так разбивались у могучих скал
Прибоя озверелые удары!
В ней было все — движенья и глаза —
Как бурная, мятежная гроза!

136

Да что гроза! Свирепый ураган,
Сметающий убогие преграды,
Неистово ревущий океан,
Стремительная сила водопада,
Песчаный смерч, пронзительный буран —
Вот гнев ее! Она была бы рада
Весь этот непокорный гадкий мир
«Убить, убить, убить!» — как старый Лир!

137

Но эта буря, как любые грозы,
Промчалась, и за нею, как всегда,
Явился ливень — яростные слезы,
Плотину прососавшая вода!
Ей сердце жгли бессильные угрозы
Раскаянья, досады и стыда;
Но людям в столь высоком положенье
Порой бесполезно униженье.

138

Оно их учит — пусть любой ценой,—
Что люди все в известной мере братья,
И что из глины сделано одной
Все — и горшки и вазы — без изъятья,
Что от страданий в жизни сей земной
Не защищает никакое платье,—
И это все способно, может быть,
В них наконец раздумье заронить.

139

Она Жуана думала лишить
Сначала головы, потом — вниманья,
Потом его хотела пристыдить,
Потом — его склонить на состраданье,

218

Хотела негра-евнуха избить,
Хотела заколоться в назиданье,—
А разрешилась эта тьма угроз,
Как водится, ручьями горьких слез.

140

Как я уже сказал, она хотела
Немедля заколоться, но кинжал
Был тут же, под рукой — и злomu делу
Такой «удобный случай» помешал!
Жуана заколоть она жалела —
Он сердце ей по-прежнему смущал;
Притом она отлично понимала,
Что этим ничего не достигала.

141

Жуан смутился; он уж был готов
К жестокой пытке колеса и дыбы,
Ему уж представлялся дым костров,
И когти льва, и зубы хищной рыбы;
Ни плаха, ни смола, ни пасти псов
Сломить его упорство не могли бы:
Он умер бы — и больше ничего;
Но просто слезы — тронули его.

142

Как смелость Боба Эйкра в страшный час,
Жуана целомудрие мелело:
Он упрекал себя за свой отказ
И думал, как поправить это дело,—
Так мучится раскаяньем не раз
Отшельника мятущееся тело,
Так милая вдова во цвете лет
Кляпет напрасной верности обет.

143

Он лепетать уж начал объясненья,
Смущенно повторяя наугад
Все лучшие признанья и сравненья,
Которые поэты нам твердят.

219

(Так Каслрей в минуты вдохновенья
Красноречиво врет — и все молчат!)
Жуан уж был не прочь и от объятий,
Но тут вошел Баба — весьма некстати!

144

«Подруга солнца и сестра луны! —
Сказал он. — Повелительница света!
Твоим очам миры подчинены,
Твоя улыбка радует планеты!
Как первый луч живительной весны,
Тебе я возвещаю час рассвета!
Внемли, и возликуй, и будь горда:
За мною Солнце следует сюда».

145

«Ах, боже мой! — воскликнула Гюльбея. —
Оно могло бы утром заглянуть!
Ко мне, комета старая! Скорее
Вели звездам составить Млечный Путь
Да прикажи держаться поскромнее!
Ты, христианка, спрячься как-нибудь!»
Но тут ее слова прервали клики:
«Султан идет! Султан идет великий!»

146

Сперва явился дев прелестный рой,
Затем султана евнухи цветные;
Как на параде, замыкали строй
Их пышные кафтаны расписные.
Он обставлял торжественно порой
Такие посещения ночные:
Гордился он четвертою женой
И угождать старался ей одной.

147

Он был мужчина видный и суровый:
Чалма до носа, борода до глаз;
Он ловко спасся из тюрьмы дворцовой
И брата удавил в удобный час.

220

Он был монарх не слишком образцовый,
Но плоховаты все они у нас:
Один лишь Солиман — могучий воин —
Быть славой рода своего достоин.

148

Ходил он честно, как велел алла,
В мечеть молиться в дни богослуженья,
Визирю он доверил все дела,
Не проявляя к ним большого рвенья,
А жизнь его домашняя текла
Легко: он управлял без затрудненья
Четверкой жен и нежных дев толпой,
Как наш король — супругою одной.

149

И если даже что-нибудь бывало —
Никто узнать подробности не мог;
Невозмутимо море принимало
Таинственно завязанный мешок!
Общественное мнение молчало:
Ни толков, ни догадок, ни тревог
В нем возбудить газеты не могли бы;
Мораль цвела — и... процветали рыбы.

150

Он видел лично, что кругла луна,
И убедился, что земля — квадратна,
Поскольку всюду плоская она
(Что каждому мыслителю понятно!).
Его весьма обширная страна
Ему была покорна, вероятно.
Лишь изредка гяуры и паши
Тревожили покой его души!

151

Когда же распря грозно разгоралась,
Всех дипломатов — даже и пашей —
Сажали в башни; подразумевалось,
Что эта свора, не нося мечей,

221

Науськиваньем грязным занималась
И ложью про врагов и про друзей
Депеши начинала — очень тонкой,—
Нимало не рискуя бороденкой.

152

Имел он сорок восемь сыновей,
А дочек — пять десятков; их держали,
Конечно, взаперти (оно верней!)
И в шелковые платья наряжали,
Пока от состоятельных пашей
С подарками послы не приезжали,
Которым разрешалось увезти
Невесту лет шести иль девяти!

153

И сыновей держали под замком
По правилам восточного закона:
Кому придется царствовать — о том
Не знали и сановные персоны.
Любой, считалось, в случае любом
Достоин петли и достоин трона,
А потому, в надежде на успех,
По-княжески воспитывали всех.

154

Султан свою четвертую жену
Порадовал улыбкою привета.
Она, желая скрыть свою вину,
Была нежна, как солнечное лето.
(Историю я знаю не одну,
Когда искусство женственное это
Супругов оставляло в дураках
С оленьим украшеньем на висках!)

155

Глаза султана, черные, как сливы,
Взглянули очень пристально вокруг
И выбрали весьма красноречиво
Жуана из числа его подруг.
«Твоя рабыня новая красива!—
Его величество сказало вдруг
Встревоженной Гюльбее.— Но напрасно
Дочь племени гяуров так прекрасна!»

Все взоры обратились на него,
 Вернее — на прекрасную девицу.
 Товарки удивлялись: отчего
 Владыке его вздумалось прельститься?!
 Из их толпы еще ни для кого
 Не снизошли уста его открыться!
 Но обсуждать подробно сей предмет
 Им помешали страх и этикет.

Я признаю — бесспорно, турки правы:
 В гаремы жен полезно запирасть.
 На юге слишком ветреные нравы,
 Чтоб женщине свободу доверять.
 На севере — и то они лукавы,
 Но там холодный климат — благодать!
 Снега, морозы, вьюги завыванья
 Препятствуют порока процветанью.

Закон Востока мрачен и суров:
 Оковы брака он не отличает
 От рабских унижительных оков;
 И все-таки в гаремах возникает
 Немало преступлений и грешков.
 Красавиц многоженство развращает;
 Когда живут кентавром муж с женой,
 У них на вещи взгляд совсем иной.

Но властвуют поэтики законы
 Над формой и долготою глав:
 Бросая рифмы якорь золоченый,
 Сверну я паруса моих октав.
 Прими мой труд, читатель благосклонный!
 А я, в поэмах древних прочитав,
 Что отдыхал и сам Гомер, бывало,
 Хочу, чтоб муза тоже подремала.

ПРЕДИСЛОВИЕ

(к шестой, седьмой и восьмой песням¹)

Подробности осады Измаила, изложенные в двух из нижеследующих песен (то есть в седьмой и восьмой), заимствованы из французской работы «Histoire de la Nouvelle Russie»². Ряд приключений, приписанных Дон-Жуану, взят из жизни, в частности — спасение им ребенка. На самом деле героем этой истории был покойный герцог Ришелье, в то время доброволец в русской армии, а впоследствии — основатель и благодетель Одессы, где никогда не перестанут чтить его имя и память.

Две-три строфы этих песен касаются покойного маркиза Лондондерри; но они были написаны несколько ранее его кончины. Я выбросил бы их, если бы олигархия этого человека умерла вместе с ним. Однако при настоящем положении вещей я не вижу ни в обстоятельствах его смерти, ни в обстоятельствах его жизни ничего такого, что могло бы помешать всем тем людям, к порабощению которых было устремлено все его существование, свободно высказывать свое мнение о нем. Говорят, что в частной жизни он был приятным человеком. Может быть, это и так, но публике до этого дела нет, а для оплакивания его смерти будет достаточно времени тогда, когда Ирландия перестанет сожалеть о его рождении. Вместе с миллионами других я считаю, что как министр он обладал более деспотическими наклонностями и более слабым интеллектом, чем любой правитель, когда-либо угнетавший свою страну. Поистине впервые со времен норманнов Англия оказалась в столь унижительном положении, что ею правит министр, который не умеет говорить по-английски,

¹ Перевод Н. Дьяконовой.

² «История России нового времени» (франц.).

впервые парламент допустил, чтобы предписания ему давались на языке миссис Малапроп.

Об обстоятельствах его смерти не стоит много говорить. Скажем только, что, если бы какой-нибудь несчастный радикал, вроде Уоддингтона или Уотсона, перерезал себе горло, его похоронили бы на перекрестке, со всеми обычными атрибутами в виде кола и деревянного молотка. Но министр был великосветским безумцем — сентиментальным самоубийцей, — он просто перерезал себе «сонную артерию» (да будет благословенна ученость!). И вот уже торжественная церемония, и погребение в Вестминстерском аббатстве, и «вопли скорби, несущиеся» со страниц газет, и хвалебная речь коронера над окровавленным телом усопшего (речь Антония, который достоин такого Цезаря), и тошнотворная лицемерная болтовня гнусной шайки, составившей заговор против всего искреннего и честного. С точки зрения закона¹, его смерть дает основания считать его либо преступником, либо сумасшедшим; и в том и в другом случае он вряд ли подходящий объект для панегирика. Какую была его жизнь — знает весь мир и полмира будет чувствовать еще много лет, если только его смерть не послужит нравственным уроком пережившим его Сеянам Европы². Народы могут, по крайней мере, найти некоторое утешение в том, что их угнетатели несчастливы и в известных случаях так справедливо судят о собственных поступках, что предвосхищают суд человечества. Не будем больше говорить об этом человеке, и пусть Ирландия вынесет прах своего Граттана из вестминстерского святилища. Неужели борец за все человечество должен покоиться возле политического Вертера!!!

Что касается других возражений, которые возникали по поводу ранее опубликованных песен этой поэмы, то я ограничусь двумя цитатами из Вольтера: «*La pudeur s'est enfuie des cœurs et s'est réfugiée sur les lèvres...*»³

¹ Я разумею закон государственный, ибо законы человеческие более мягки, но, поскольку законники всегда толкуют о законе, пусть они его и соблюдают в полной мере.

² Из их числа следует исключить Каннинга. Каннинг — талант почти всеобъемлющий: оратор, остро слов, поэт, государственный деятель. Ни один одаренный человек не может долго идти по пути его покойного предшественника лорда К. Если кто-нибудь вообще способен спасти свою страну, то это именно Каннинг. Но захочет ли он? Я, со своей стороны, надеюсь на это.

³ «Стыдливость покинула сердца и нашла прибежище на устах...» (*франц.*)

«Plus les mœurs sont dépravées, plus les expressions deviennent mesurées; on croit regagner en langage ce qu'on a perdu en vertu»¹. Это совершенно точная характеристика развращенной и лицемерной кучки людей, выступающих во главе современного английского общества, и это единственный ответ, которого они заслуживают. Избитая и часто незаслуженная кличка богохульника, как и другие подобные ей, вроде радикала, либерала, якобинца, реформатора и прочее, — таковы обвинения, которыми наемные писаки прожужжали уши всем, кто согласен их слушать. Эти обвинения должны, в сущности, быть очень приятны для тех, кто помнит, против *кого* они в свое время выдвигались. Сократ и Иисус Христос были преданы публичной казни именно как *богохульники*. И так бывало и еще может быть со многими, держащими противиться самым отвратительным оскорблениям имени бога и разума человеческого. Но преследование не есть опровержение и даже не победа: «жалкий атеист», как его именуют, вероятно, счастливее в своей тюрьме, чем самые надменные из его противников. С его убеждениями у меня нет ничего общего, но независимо от того, правильны они или нет, он пострадал за них, и это страдание во имя совести доставит больше прозелитов деизму, чем прелаты-еретики² — христианству, чем министры-самоубийцы — тирании, чем щедро награжденные убийцы — тому нечестивому союзу, который оскорбляет мир, называя себя «Священным»! У меня нет никакого желания попирать ногами мертвых или людей обесчещенных, но было бы неплохо, если бы приверженцы тех классов, из которых происходят эти лица, несколько умерили свое *ханжество*, это вопиющее преступление нашего двуличного и фальшивого века, века эгоистических грабителей и... но пока достаточно.

Пиза, июль 1822 г.

---

¹ «Чем более развращены нравы, тем более сдержанны выражения; чистотой речи пытаются компенсировать утрату добродетели» (*франц.*).

² Когда лорд Сэндвич сказал, что он не понимает разницы между правоверием и иноверием, епископ Уорбертон ответил: «Милорд, правоверие — это моя вера, а иноверие — это вера другого человека». Один современный нам прелат, видимо, открыл веру третьего рода — которая, однако, не очень высоко стоит в глазах избранных. Бентам называет ее «англиканской церковностью».

Песнь шестая

1

Приливы есть во всех делах людских,
И те, кто их использует умело,
Преуспевают в замыслах своих,—
Так говорит Шекспир; но в том и дело,
Что вовремя увидеть надо их,—
А все-таки я заявляю смело:
Все к лучшему! И в самый черный час
Вдруг луч удачи озаряет нас.

2

И в жизни женщин тоже есть приливы,
Влекущие к неслыханным делам,
И дерзок тот моряк нетерпеливый,
Который доверяет их волнам!
Сам Якоб Беме, маг красноречивый,
Чудес подобных не расскажет вам:
Мужчина головою рассуждает,
А женщин сердце в бездны увлекает.

3

Но смелая и пылкая *она*
Прекрасна и стремительна бывает,
Когда, со всею страстью влюблена,
Все узы дерзновенно порывает,

Чтоб быть свободной. За любовь она
Вселенную и трон свой предлагает.
Такая даже дьявола затмит,
Любого в манихея превратит!

4

Миры и царства можно погубить
Из честолюбия, но извиненья
Готовы мы безумствам находить,
Когда любовь — причина пораженья.
Антония привыкли мы ценить
Превыше Цезаря не за сраженья,
А лишь за то, что ради женских глаз
Он Акциум оставил как-то раз!

5

Ему, однако, было пятьдесят,
А Клеопатре — сорок! Цифры эти
Не столь уж обольстительно звучат,
Как «двадцать» и «пятнадцать»... Все на свете
Стареет; да, — увь! — года летят,
Мы чувства сердца, пылкие в расцвете,
Теряем, и способность полюбить
Нам никакой ценой не возвратить.

6

Но все мы эту лепту, как вдова
Библейская, внесли, и лепта эта
Зачтется нам. Любовь всегда жива,
Любовью все живущее согрето.
Недаром ореолом божества
Чело Любви украсили поэты,
Когда морщины низменных страстей
Не исказили образа людей.

7

В опасном положенье мой герой
И третья героиня. Всякий знает,
Чем джентльмен рискует молодой,
Который одалиску соблазняет,

Притом еще в гареме. Грех такой
Султаны все безжалостно карают,
Не уступая мудро, как Катон,
Друзьям своих красивых жен.

8

Я вижу, что прекрасная Гюльбея
Была в своем поступке неправа,
Я знаю, порицаю, сожалею —
Но это все напрасные слова.
Сказать по правде, я согласен с нею —
С тоски порой кружится голова;
Хотя султану шесть десятков било,
Наложниц у него шесть сотен было.

9

Здесь алгебра, пожалуй, не нужна,
Здесь арифметики простой довольно,
Чтоб доказать, что юная жена,
Которая смела и своевольна,
Томиться и скучать обречена
И может быть султаном недовольна,
Когда на склоне лет он делит с ней
Пыл шестисотой нежности своей.

10

К своим правам относятся серьезно
Все женщины — в особенности жены,
А ежели они религиозны,
То обвиненья их неугомонны;
За каждую ошибку очень грозно
Они нас предадут мечу закона,
Дабы другая не могла украсть
У них хотя бы тысячную часть.

11

Таков обычай христианских стран,
Но, кажется, и жены некрещеных
Не любят отступать на задний план
И не теряют прав своих законных.

И ежели какой-нибудь султан
Не ублажает жен своих влюбленных,
Они — будь их четыре или пять —
Все за себя сумеют постоять.

12

Четвертою женой была Гюльбея —
Любимой, но четвертой как-никак:
Ей-богу, полигамия грустнее,
Чем наш простой и моногамный брак!
Кто знал *одну* жену и сладил с нею,
Тот сознаёт, что это не пустяк;
Вообразите ж, что за наказанье
От четырех выслушивать стенанья!

13

Пресветлый, превеликий падишах
(Монархам льстят прекрасными словами,
Пока не будет съеден царский прах
Слепыми якобинцами-червями) —
Великий падишах, гроза и страх,
Ласкал Гюльбею нежными глазами,
Желая получить за этот взгляд,
Чего всегда любовники хотят.

14

Но помните, влюбленные поэты,
Что поцелуи, взгляды и слова
Для женщин — только части туалета,
Как бантики, чепцы и кружева;
Их можно, как и прочие предметы,
Снимать и надевать; и голова
И сердце ни при чем, а выраженья
Нежнейшие — всего лишь украшенья.

15

Несмелый взор, румянец на щеках,
Прелестного волненья трепетанье,
Смущенная улыбка на губах,
В которой только чудится признанье,—

Вот образ, вызывающий в сердцах
Влюбленности счастливое сиянье!
Излишний *холод* и излишний *жар*
Уничтожают силу этих чар!

16

Излишний жар нам кажется притворным,
А если непритворен он порой,
То зрелым людям, право же, зазорно
Столь юношеской тешиться игрой.
Притом — красотки пылкие покорны
Любому, кто случится под рукой;
Холодные же дамы и девицы
По большей части попросту тупицы.

17

Вполне понятно, возмущает нас
Бесчувственно-безвкусное молчанье,
Когда своим восторгам в нежный час
Мы требуем ответного признанья.
Святой Франциск — и тот просил не раз
У ледяной возлюбленной вниманья.
«*Medio tu tutissimus ibis*»¹ — вот
Какой завет Гораций нам дает.

18

Напрасно здесь я «*tu*»² употребил
(Оно мне для размера пригодилось!),
Мне латинист такого б не простил,
Но с ним считаться уж не приходилось;
И без того я выбился из сил —
С гекзаметром октава не мирилась!
Просодия корит меня, ну что ж?
Мой стих правдив — и тем уже хорош.

---

¹ «Идя средним путем, ты идешь самым безопасным путем»
(лат.).

² Ты (лат.).

Как роль сыграла милая Гюльбея,
 Не знаю я; но знаю, что успех
 Венчает дело: хитрые Цирцеи
 Супругами владеют лучше всех,
 Мужское самолюбие лелея.
 Все в мире лгут. Обман — отец утех!
 Лишь голод умеряет тяготенья
 К ужасному пороку размноженья.

Прекрасную чету оставил я
 Спокойно отдыхать на царском ложе,
 Что снилось им — забота не моя,
 Но, между прочим, я замечу все же,
 Что в лучшие минуты бытия
 Какая-нибудь мелочь нас тревожит.
 Давно известно — мелочи как раз
 Сильней всего долбят и точат нас.

Сварливая жена с лицом невинным,
 Оплате подлежащие счета,
 Покойник, по неведомым причинам
 Тебе не завещавший ни черта,
 Болезнь собаки, недовольство сыном
 И лошади любимой хромота —
 Все это просто мелочи, быть может, —
 А нас они и мучат и тревожат.

Но я философ: черт их побери —
 Зверей, людей и деньги, — но не милых,
 Прелестных женщин. Что ни говори,
 Их проклинать я все-таки не в силах!
 Все остальное к черту: воспари
 Душой и духом — я всегда ценил их,
 Но в чем их суть и в чем их глубина —
 Не знаю, разрази их сатана!

Как Афанасий, я всему на свете
 Анафему легко провозгласил.
 Он на врагов излил проклятья эти
 И верующих души умилил;
 На протяжении нескольких столетий
 Его речей неудержимый пыл,
 Как радуга цветистая, сияет
 И требников страницы украшает.

Оставил я высокую чету
 В объятьях сна. Но нет, не спит Гюльбея!
 Жене порочной спать не вмоготу,
 Когда, греховной страстью пламенея
 К холостяку, заветную мечту
 Свиданья предстоящего лелея,
 Она томится, сердится, горит
 И на супруга спящего глядит.

Увы! И под роскошным балдахинном,
 И под открытым небом жестока,
 По вышеобозначенным причинам,
 Терзающая женщину тоска.
 Ни пышные пушистые перины,
 Ни золото, ни яркие шелка
 Не утешали бедную Гюльбею,
 Обманутую в брачной лотерее.

Тем временем «девица» Дон-Жуан
 И прочие красавицы толпою
 Пошли в сераль, где их держал султан,
 Как водится, под стражею двойною.
 Хариты разных климатов и стран
 Там предавались лени и покою,
 Но, словно птички в клетке, грезы их
 Томились жаждой радостей живых.

Люблю я женщин и всегда любил —
 И до сих пор об этом не жалею.
 Один тиран когда-то говорил:
 «Имей весь мир одну большую шею,
 Я смаху б эту шею разрубил!»
 Мое желанье проще и нежнее:
 Поцеловать (наивная мечта!)
 Весь милый женский род в одни уста.

Завидовать я мог бы Бриарею,
 Творившему великие дела,
 Когда бы он, десятки рук имея,
 Имел и прочих членов без числа.
 Но что нам до титанов? Мы — пигмеи!
 И даже муза нынче предпочла
 Великой доле быть женой титана
 Простые приключения Дон-Жуана.

Итак, в толпе красавиц мой Жуан
 Подвергся искушению и риску.
 Весьма жесток закон восточных стран
 К тому, кто поглядит на одалиску;
 Не то что у моральных англичан,
 Где, если подойдешь ты слишком близко
 К замужней леди, разум потеряв,—
 Лишь полисмен возьмет за это штраф!

Однако роли он не забывал,
 Лишь исподволь соседок созерцая;
 За ними хмурый евнух поспешал,
 А рядом, неусыпно наблюдая,
 Чтобы никто не пел и не болтал,
 Шла женщина уже немолодая
 С довольно странным прозвищем: она
 Мамашей дев была наречена,

Была ль она «мамашей» — кто поймет?
 И «девами» ли были девы эти?
 Но ей немалых стоило хлопот
 Следить за ними и не быть в ответе.
 И Кантемир и, помнится, де Тот
 Рассказывают нам о сем предмете.
 Пятнадцать сотен дев — легко сказать! —
 Должна такая «мать» оберегать.

Но уходить от строгого надзора
 У них обычно не было причин;
 Ей помогали стража и запоры,
 Но, главное, — отсутствие мужчин.
 Лишь падишах скучающие взоры
 Их умилял и радовал один,
 И лишь один исход они, бедняжки,
 Имели для услады, как монашки...

Какой исход? Молитвы и посты!
 Я вашему вопросу удивляюсь:
 Известно, как монахини чисты!
 Но я к Жуану снова возвращаюсь.
 Как по воде плывущие цветы,
 Прелестно и задумчиво качаясь,
 Печальны, величавы и горды,
 Пленительные двигались ряды.

Но чуть они пришли к себе в покой,
 Они заговорили, зашумели,
 Как ручейки веселою весной,
 Как птицы или школьники в апреле,
 Как из Бедлама спасшийся больной,
 Которому сиделки надоели;
 Как на ирландской ярмарке, смеясь,
 Играя, щебеча и веселясь,

Они свою подругу разбирали:
 Судили о глазах, о волосах,
 Что не к лицу ей платье, толковали,
 Что нет сережек у нее в ушах,
 Что рост у ней мужской, и замечали,
 Что слишком широка она в плечах,
 И добавляли — о, змея злоречья! —
 «Жаль, что мужского только рост и плечи...»

Никто не сомневался, что она,
 По платью судя, — дева молодая,
 Шептались, что грузинка ни одна
 Сравниться с ней красою не могла, и
 Решили, что Гюльбея не умна,
 Таких прелестных пленниц покупая,
 Которые способны, может быть,
 Ее высоких почестей лишить...

Но, что по-настоящему чудесно, —
 Он зависти ни в ком не возбудил!
 Наоборот: с настойчивостью честной
 Пытливый хор подругу находил
 Все более и более прелестной.
 (Здесь вижу я влиянье тайных сил:
 Несвойственно красавицам, признаться,
 Восторженно друг другом любоваться!)

Таков закон природы, милый друг;
 Но тут случилось просто исключенье:
 К Жуанне все почувствовали вдруг
 Какое-то невольное влеченье,
 Какой-то странной нежности недуг:
 Бесовское ль то было наважденье
 Иль сила магнетизма — всё равно:
 Мне разобраться в этом мудрено.

Симпатией невинной и неясной
 Озарены, как радостной мечтой,
 Сентиментальной дружбой самой страстной
 Пылали все к подруге молодой;
 И лишь иные шуткою опасной
 Смущали мир невинности святой:
 Мол, если бы у девушки пригожей
 Был юный братец, на нее похожий!

Особенно отмечу я троих —
 Дуду, грузинку Катеньку и Лолу.
 Природа щедро наделила их
 Всей прелестью прелестнейшего пола.
 Среди подруг хорошеньких своих
 Они сияли грацией веселой
 И отнеслись к герою моему
 Нежнее всех — не знаю почему.

Смуглянка Лола горяча была,
 Как Индии пылающее лето;
 А Катенька румяна и бела,
 Глаза у ней лазоревого цвета,
 А ножка так изысканно мала,
 Что еле прикасается к паркету.
 Но для ленивой грации Дуду
 Я, кажется, сравнений не найду!

Дуду казалась дремлющей Венерой,
 Способной «сон убить» в любом из нас;
 Улыбка, стан, ленивые маперы,
 Властительно прельщающие глаз,—
 Все было в ней округло свыше меры
 (Что может очень нравиться подчас!).
 Не повредив пейзажа, скажем смело,
 Убрать округлость — не простое дело!

В ней проступала жизнь сквозь томный сон,
 Как майского рассвета дуновенье;
 Был нежный свет в глазах ее зажжен;
 Она была — вот новое сравненье! —
 Как статуя, когда Пигмалион
 Ее коснулся силой вдохновенья,
 И мрамор, оживляемый мечтой,
 Еще устало спорит с теплотой.

«Жуанна! Это милое название
 Для девушки! А где твоя семья?»
 «В Испании!» — «А это где — Испания?» —
 Спросила Катя. «Милая моя! —
 Вскричала Лола. — Глупое создание!
 Испания! Отлично помню я
 Прекрасный островок, богатый рисом,
 Меж Африкой, Марокко и Тунисом!»

Дуду ни с кем не спорила. Она
 С улыбкой вопрошающе-туманной,
 В неизвестные мечты погружена,
 Играла молча косами Жуанны;
 А та была немного смущена
 Своей судьбой причудливой и странной.
 Под взорами таких пытливых глаз
 Смущаются пришельцы каждый раз.

Но тут Мамаша дев предупредила их,
 Что спать пора. К Жуанне обратясь,
 Она сказала: «Я не знаю, милая, —
 Явилась ты неожиданно, в поздний час,
 И ужином тебя не накормила я,
 И все постели заняты у нас.
 Тебе придется нынче спать со мною,
 А завтра утром я тебя устрою».

Но тут вмешалась Лола: «Боже мой!
И без того вы слишком чутко спите!
Мы все оберегаем ваш покой!
Вы лучше мне Жуанну уступите.
Ей будет очень хорошо со мной,
Мы тоненькие обе, поглядите!»
«Как? — возразила Катенька. — А я?!
Постель вполне удобна и моя!

Притом я ненавижу спать одна:
Я вижу привиденья, воля ваша!
Мне тишина полночная страшна,
И каждый звук, и каждый шорох страшен,
Мне снятся черты, призраки, война...»
«Все глупости! — нахмурилась Мамаша. —
Но ты бояться будешь и дрожать
И спать подруге можешь помешать.

Чтоб не была ты слишком боязливой,
Тебе я средство лучшее найду.
Ты, Лола, чересчур нетерпелива;
Жуанна будет спать с моей Дуду:
Она скромна, спокойна, молчалива,
Не мечется в бессмысленном бреду.
Иди, мое дитя!» Дуду молчала
И только кротким взором отвечала.

Поцеловав любезно всех троих —
Начальницу, и Катеньку, и Лолу,
С поклоном (нету кникшенов у них:
Они — изобретенье нашей школы)
Дуду подруг утешила своих
Улыбкою беспечной и веселой,
Жуанну нежно за руку взяла
И за собою в «оду» повела.

А что такое «ода»? Это зал,
 Пестреющий постелями, шелками
 (В таких покоях я не раз бывал),
 Подушками и всеми пустяками,
 Какими бес от века забавлял
 Сердца красавиц. (Согласитесь сами:
 Когда Жуан ступил за сей порог,
 Бес большего уж выдумать не мог!)

Дуду была прелестное творенье;
 Такие не сжигают, а лелеют,
 Столь правильную прелесть, к сожаленью,
 Запечатлеть художник не умеет.
 Его прельщает сила выраженья,
 Которую, как водится, имеют
 Неправильные, резкие черты,
 Лишенные особой красоты!

Она была как светлая равнина,
 В которой все — покой и тишина,
 Гармония счастливости невинной
 И радости цветущая весна...
 Любезны мне подобные картины!
 Мне бурная красавица страшна,
 Как бурный океан; или, вернее, —
 Красавица, пожалуй, пострашнее!

Она была тиха, но не грустна;
 Задумчива, но, говоря точнее,
 Серьезна; изнутри озарена
 Спокойствием; она была светлее
 Самой весны. Не думала она
 Гордиться юной прелестью своею;
 В свои семнадцать лет она была
 Младенческим неведением мила.

Как золото в дни века золотого,
 Когда не знали золота,— она
 Была не блеском имени пустого,
 А ей присущей прелестью полна.
 «Lucus à non lucendo»¹ нам не ново;
 Пожалуй, эта формула умна
 В наш век, когда с проворством небывалым
 Перемешал сам дьявол все металлы —

И получился очень странный сплав,
 С коринфской медью сходный; посмеется
 Читатель надо мной и будет прав:
 Люблю я отвлекаться, где придется,
 И этим порчу множество октав.
 Пускай мне эта слабость не зачтется;
 Я знаю, понимаю и винюсь,
 И все-таки свободным остаюсь.

Дуду вела прелестную Жуанну
 (Или Жуана, что одно и то же)
 Среди невест великого султана,
 Склоненных на пестреющие ложа;
 Она молчала — дар весьма желанный
 И очень редкий в девушке пригожей;
 Представьте, как бы тешила глаза
 Роскошная, но *тихая* гроза!

Она, однако, пояснила ей
 (Сказав *ему*, я отвлекусь от темы,
 Хоть это, правда, было бы точнее)
 Все правила и строгости гарема,
 Все хитрости причудливых затей
 Великой охранительной системы;
 Сверхштатных дев столь многих охранять
 Довольно сложно, что легко понять.

---

¹ «Лес называется так потому, что там нет света» (*лат.*).

Дуду свою подругу молодую
 Поцеловала ласково: ну что ж?
 В таком невинном, нежном поцелуе
 Ты ничего плохого не найдешь.
 Читатель, дружбу женскую люблю я,
 И женский поцелуй всегда хорош,
 Хотя, для полноты переживанья,
 К «лобзанию» в рифму просится «желанье».

Дуду разделась быстро, не тая
 Своей красы, естественным движеньем;
 И в зеркало красавица моя
 Глядела с грациозным небреженьем.
 Так в ясности прозрачного ручья
 Любуется прекрасным отраженьем
 Газель, не понимая, как живет
 Волшебный этот образ в бездне вод.

Дуду раздеть хотела и подругу,
 Но та была до крайности скромна
 И, отклонив любезную услугу,
 Сказала, что управится одна.
 Но, с непривычки или с перепугу,
 Несчетными булавками она
 Все пальцы исколола; в дамском платье
 Булавки — это кара и проклятье,

Прекрасных превращающее дам
 В ежей, к которым страшно прикасаться.
 Я в юности изведаль это сам,
 Когда случалось мне преображаться
 В служанку, помогая господам
 На маскарад поспешно наряжаться;
 Булавки я втыкал как только мог
 Не там, где надо, — да простит мне бог!

Но эта болтовня предосудительна:
 Науки как-никак теперь в цене!
 Потолковать люблю я рассудительно
 О всем — хоть о тиране, хоть о пне.
 Но дева Философия действительно
 Для всех загадка, и неясно мне,
 Зачем, доколе, как, кому в угоду
 Живут на свете люди и народы.

Итак, в молчанье погружен гарем.
 Едва мерцают бледные лампы.
 Замечу кстати здесь, что духам всем,
 Уж если есть они, избрать бы надо
 Для вылазок ночных такой эдем,
 А не руин угрюмых авфилады,
 И нам, беспечным смертным, доказать,
 Что духи могут вкусом обладать.

Красавицы роскошно отдыхают,
 Как пестрые прекрасные цветы,
 Которые томятся и вздыхают
 В садах волшебной южной красоты.
 Одна, слегка усталая, являет
 Прелестное создание мечты,
 Как нежный плод причудливый и редкий,
 Свисающий с отяжеленной ветки.

Другая разгоревшейся щекой
 На ручку белоснежную склонилась,
 На плечи ей кудрявою волной
 Ее коса густая распустилась;
 Ее плечо, сверкая белизной,
 Несмело, но упрямо приоткрылось,
 И сквозь покровы, трепетно нежны,
 Ее красы блестят, как свет луны,

Когда сквозь волокнистые туманы
 Прозрачных туч является она.
 Подальше — третья пленница султана
 В печальный, смутный сон погружена:
 Ей снится берег родины желанной,
 Оплаканная милая страна,
 И, как роса на кипарисах темных,
 Мерцают слезы на ресницах томных.

Четвертая, как статуя бледна,
 Покоится в бесчувственном молчанье,
 Бела, чиста, бесстрастна, холодна,
 Как снежных Альп высокое сиянье,
 Как Лота онемевшая жена,
 Как на могиле девы изваянье.
 (Сравнений тьма; предоставляю вам
 Любое выбрать — я не знаю сам.)

Вот пятая, богиня средних лет,
 Что в точном переводе означает —
 Уже в летах. Увы! Ее портрет
 Ничем воображенья не прельщает.
 Я признаю, как истинный поэт,
 Лишь молодость. Душа моя скучает
 Среди почтенных, пожилых людей,
 Вдыхающих о юности своей.

Но как Дуду любезная спала?
 Конечно, это очень интересно,
 Но муза знать об этом не могла,
 А лгать она не любит, как известно.
 Волшебная царица полумгла
 Над пленницами, спавшими прелестно,
 Как розы в очарованном саду,—
 И вдруг ужасно взвизгнула Дуду —

На весь гарем. Вся «ода» поднялась,
 Мамаша дев и девы всполошились,
 Казалось, буря шумная неслась
 И волны друг на друга громоздились.
 Тревожно и испуганно толпясь,
 Красавицы шептались и дивились,
 Что, что могло во сне или в бреду
 Так испугать спокойную Дуду?

Огромными, тревожными глазами
 Дуду глядела в страхе на подруг.
 Так в час полночный метеора пламя
 Внезапно озаряет все вокруг;
 Дрожащие, взволнованные сами,
 Они стояли, затаив испуг,
 Не понимая и понять не смея,
 Что, собственно, в ночи случилось с нею.

Но вот, друзья, какое благо сон!
 Жуанна безмятежно почивала.
 Так муж, блаженством брачным утомлен,
 Похрапывает мирно и устало.
 Красавицы ее со всех сторон
 Расталкивали, не щадя нимало,
 И наконец, слегка удивлена,
 На них, зевая, глянула она.

Тут началось великое дознание,
 Расспросы без начала и конца;
 От любопытства, страха, ожиданья
 Пылали взоры, лица и сердца.
 Догадки, замечанья, восклицанья
 Смутили б и глупца и мудреца!
 Дуду искусством речи не владела
 И не умела объяснить, в чем дело.

Она сказала, ей приснился сон,
 Что будто в лес зашла она дремучий —
 Как Дантов лес, где каждый обречен,
 Смирняя сердце, стать умней и лучше,
 Где исправляет нрав лукавых жен
 Закон необходимости могучей, —
 Ну, словом, ей приснился темный лес,
 Как водится, исполненный чудес.

Прекрасное, прозрачно-налитое,
 На дереве, над самой головой,
 Слегка блестело яблоко золотое,
 Зеленой окруженное листвою.
 Но оказалось — дело не простое
 Его достать; упрямою рукой
 Дуду напрасно камешки кидала —
 Все в яблоко она не попадала.

Она в досаде было отошла
 Вдруг сам собой упал прекрасный плод
 К ее ногам. Дуду его взяла,
 Но только-только приоткрыла рот,
 Чтоб надкусить его, как вдруг пчела
 Откуда ни возьмись! Да как кольнет!
 От боли сердце в ней остановилось,
 Она вскричала: «Ай!» — и пробудилась.

Дуду была ужасно смущена
 (Конечно, в результате сновиденья,
 Которого разгадка неясна),
 И мне знакомо странное явление
 Тайнственно-пророческого сна:
 Быть может, это просто совпадение;
 Но совпадением люди в наши дни
 Считают все, что тайному сродни.

Красавицы, которые мечтали
 Услышать про ужасные дела,
 Наперебой подругу упрекали,
 Что их она с постелей подняла.
 Мамаша, оробевшая вначале,
 Теперь весьма разгневана была;
 Дуду вздыхала, робко повторяя,
 Что вскрикнула, сама того не зная.

«Я небылицы слышала не раз,
 Но чтобы сон про яблоко и пчелку
 Перепугал гарем в полночный час,
 Как появление черта или волка,—
 Такого не бывало и у нас!
 В твоём рассказе я не вижу толку!
 Ты вся дрожишь, ты бредишь наяву,—
 К тебе врача я завтра ж позову.

А бедная Жуанна! То-то мило!
 Она-то как напугана была!
 Напрасно накануне я решила,
 Чтобы с тобою спать она легла.
 Но я всегда особенно ценила,
 Что ты тиха, разумна и мила...
 Теперь придется Лоле потесниться,
 Чтобы с подругой новой поместиться!»

Улыбкой счастья Лола расцвела,
 Но бедная Дуду, глотая слезы
 (Она еще взволнована была
 И странным сном, и строгостью угрозы!),—
 Дуду внезапно сделалась смела,
 И разгорелась ярче майской розы,
 И стала клясться, что такого сна
 Уже не испугается она.

Она Мамаше нежно обещала
 Отныне снов не видеть никаких,
 Жалела, что с испугу закричала
 И всполошила всех подруг своих;
 Она, когда проснулась, поначалу
 Перепугалась, глядя на других,
 И горячо просила извиненья
 За слабость или недоразуменье.

Но тут Жуанна заступилась вдруг:
 Она с Дуду прекрасно отдыхала;
 Когда б не шум взволнованных подруг,
 Она б и крика вовсе не слыхала;
 Она прощала маленький испуг
 И ни за что Дуду не упрекала,—
 Природа грез туманна и темна,
 Чего не померещится со сна!

Дуду скрывала на груди Жуанны
 Пылающее личико свое,
 Как роза пробужденная румяна.
 И шея и затылок у нее
 Зарделись от волненья, как ни странно,
 Но, впрочем, это дело не мое,
 И мне пора оставить эту тему
 И доброй ночи пожелать гарему

Или, вернее, доброго утра,
 Поскольку петухи уже пропели.
 Уж там и сям, как нити серебра,
 Мечетей полумесяцы блестели;
 Росистая, прохладная пора,
 Когда с холмов, шагая еле-еле,
 Верблюдов длинный вьется караван
 От самой Каф-горы, из дальних стран.

Но с первыми туманами рассвета
 Гюльбея, беспокойна и грустна,
 Была уже умыта и одета,
 Как страсть неукротимая бледна.
 У соловья, как говорят поэты,
 Шипом томленья грудь уязвлена —
 Но эта боль ничто перед страданьем,
 Рожденным необузданным желаньем.

Я вывел бы мораль, но в наши дни
 Читатели легко подозревают
 Поэта в злобном умысле; они
 Какие-то намеки открывают
 В любой строфе. И не они одни —
 Свои ж собратья нас одолевают.
 На свете нынче много нас, писак,
 И всем польстить я не могу никак.

Итак, султанша с ложа поднялась
 Пухового, как ложе сибарита, —
 На лепестки нежнейших роз ложась,
 Стонал он всякий раз весьма сердито.
 Гюльбея, в зеркала не поглядысь,
 Не ощущая даже аппетита,
 Заветной возбужденная мечтой,
 Горела бледной, гневной красотой.

Ее великий муж и покровитель
 Проснулся тоже — несколько позднее, —
 Он, тридцати провинций повелитель,
 Супруге редко нравился своей.
 Но в Турции отличный исцелитель
 В подобном деле щедрый Гименей:
 Эмбарго он на жен не налагает
 И утешаться мужу помогает.

Султан, однако, редко размышлял
 На эту тему; как любой мужчина,
 С красотками от дел он отдыхал
 И их ценил, как дорогие вина.
 Черкешенок в гареме он держал,
 Как безделушки, вазы и картины,
 Но все-таки гордился он одной
 Гюльбеей, как любимую женой.

Он встал и омовенья совершил,
 Напился кофе, помолясь пророку,
 И на совет министров поспешил.
 Им не давал ни отдыху, ни сроку
 Несокрушимый натиск русских сил,
 За что льстецы венчанного порока
 Доселе не устали прославлять
 Великую монархиню и б...

Не обижайся этой похвалою,
 О Александр, ее законный внук,
 Когда над императорской Невою
 Мои октавы ты услышишь вдруг.
 Я знаю: в рев балтийского прибора
 Уже проник могучий новый звук —
 Неукротимой вольности дыханье!
 С меня довольно этого сознания.

Что твой отец — Екатеринин сын,
 Вельможи все признали дружным хором;
 Любила государыня мужчин,
 Но это не считается позором,
 И адюльтер какой-нибудь один
 Не может стать наследственным укором,—
 И в лучшей родословной, господа,
 Погрешности найду я без труда.

Когда б Екатерина и султан
 Свои же интересы соблюдали,
 То распре христиан и мусульман
 Они едва ль потворствовать бы стали,
 Усвоили б уроки новых стран
 И расточать казну бы перестали:
 Он — на гарем в пятнадцать сотен «фэй»,
 Она — для пышной гвардии своей.

Беспомощный султан просил совета
 У бородатых и ученых лиц,
 Как успокоить амазонку эту,
 Драчливейшую бабу из цариц;
 Они взамен разумного ответа,
 Вздыхая, скорбно повергались ниц
 И, в качестве единственной подмоги,
 Удваивали сборы и налоги.

Гюльбея в свой отдельный будуар
 Тем временем отправилась устало.
 Для завтраков и для любовных чар
 Прелестнее приюта не бывало:
 Цветы, садов великолепный дар,
 Карбункулы, бесценные кристаллы,
 Ковры, шелка, узорный потолок —
 Все украшало этот уголок.

Порфир и мрамор гордой пестротой
 С бесценными шелками состязались,
 Цветные стекла умеряли зной,
 Ручные птицы звонко заливались...
 Но описаньем роскоши такой
 Не раз поэты тщетно занимались;
 Пусть этого покоя блеск и вид
 Читатель пылкий сам вообразит.

Гюльбея строго евнуха спросила:
 Что делал Дон-Жуан за это время,
 Какие разговоры возбудило
 Его явленье странное в гареме,
 Держался ль он по-прежнему уныло,
 И как он познакомился со всеми,—
 И главное — она желала знать,
 Где, как и с кем он соизволил спать.

Баба ей отвечал, слегка робея,
 Стараясь очень много говорить;
 Услужливой болтливостью своею
 Он думал госпожу перехитрить.
 Но догадалась умная Гюльбея,
 Что он стремится что-то утаить;
 Баба держался несколько несмело,
 Почесывая ухо то и дело.

Гюльбея не привыкла ожидать;
 Не зная добродетели терпенья,
 Она любила сразу получать
 Ответы и простые объясненья.
 Несчастный негр, не смея продолжать,
 Остановился в страхе и смущенье,
 Когда растущей ярости гроза
 Зажгла Гюльбее щеки и глаза.

Предвидя, что такие проявления
 Сулят неотвратимую беду,
 Баба повергся ниц, прося прощенья,
 И рассказал правдиво, что Дуду
 Достался Дон-Жуан на попеченье;
 Он в этом обвинял свою звезду,
 Клянясь Кораном и святым верблюдом,
 Что это все случилось просто чудом.

Он проводил Жуана до дверей,
 А дальше власть его не простиралась.
 Мамаша этих сотен дочерей
 Самодержавно всем распоряжалась;
 Вся дисциплина держится на ней,
 И негру ничего не оставалось...
 Любая необдуманная речь
 Могла опасность новую навлечь.

Баба надежду выразил к тому же,
 Что Дон-Жуан умел себя держать:
 Неосторожность каждая ему же
 Могла бы поминутно угрожать
Мешком и даже чем-нибудь похуже...
 Во всем признался негр, но рассказать
 О сне Дуду он как-то не решался
 И ловко обойти его пытался.

Он говорил бы, верно, до сих пор,
 Но, сдвинув брови, грозная Гюльбея
 Смотрела на рассказчика в упор.
 Она с трудом дышала. Пламенея,
 Сверкала ее нахмурившийся взор,
 И, как роса на трепетной лилее,
 От дурноты, волненья и тоски
 Холодный пот покрыл ее виски.

Она была не слабого десятка
 И к обморокам вовсе не склонна,
 Но в то мгновенье нервного припадка
 Выказывала признаки она;
 Так ужаса мучительная схватка,
 Агонии холодная волна
 Сжимают наше сердце на мгновенье
 В минуты рокового потрясения.

Как Пифия в пророческом бреду
 На миг она застыла, вся во власти
 Агонии отчаянья, в чаду
 Смятения, неистовства и страсти,
 Как будто кони, потеряв узду,
 Ей сердце рвали яростно на части.
 И, задыхаясь, мертвенно-бледна,
 Вдруг опустила голову она.

Она поникла, странно молчалива,
 Как будто ослабевшая от ран;
 Ее волосы, как тень плакучей ивы,
 Рассыпались на шелковый диван,
 Вздыхалась грудь тревожно и тоскливо,
 Как возмущенный бурей океан;
 Натешившись, швыряет он устало
 Одни обломки на песок и скалы.

Как я сказал, лицо ее закрыли
 Распущенные волосы; рука
 Упала на диван в немом бессилье,
 Безжизненна, прозрачна и тонка...
 Эх, трудно мне писать в подобном стиле;
 Поэт, а не художник я пока;
 Слова не то что краски: эти строки
 Лишь контуры да слабые намеки!

Баба отлично знал, когда болтать,
 Когда держать язык свой за зубами.
 Надеялся он бурю переждать,
 Не соревнуясь с грозными волнами.
 Гюльбея встала и прошлась опять
 По комнате. Следя за ней глазами,
 Заметил он: гроза проходит, но
 Утихомирить море мудрено.

Она остановилась, помолчала,
 Прошлась опять; тревожный нервный шаг
 Ускорила и снова задержала.
 Известно, что походка — верный знак;
 Не раз она людей избличала.
 Саллюстий нам о Катилине так
 Писал: у темных демонов во власти
 И в поступи являл он бури страсти.

Гюльбея к негру обратилась: «Раб!
 Вели их привести, да поскорее!»
 Султанши голос был немного слаб,
 Но понял бедный евнух, цепеней,
 Что никакая сила не могла б
 Спасти виновных. Он спросил Гюльбею,
 Кого к ее величеству тащить,
 Дабы ошибки вновь не совершить.

«Ты должен знать! — Гюльбея отвечала. —
 Грузинку и любовника ее!
 Чтоб лодка у калитки ожидала...
 Ты понял приказание мое?»
 Но тут она невольно замолчала —
 Слова застряли в горле у нее;
 А он молился бороде пророка,
 Чтоб тот остановил десницу рока!

«Молчу и повинуюсь, — он сказал, —
 Я, госпожа, не возражал ни разу,
 Всегда я неуклонно выполнял
 Твои — порой жестокие — приказы;
 Но не спеши; я часто наблюдал,
 Что, повинуюсь гневу, можно сразу
 Себе же принести великий вред.
 Не об огласке говорю я, нет, —

О том, что ты себя не пожалела!
 Губительна морская глубина,
 Уж не одно безжизненное тело
 Укрыла в темной пропасти она,
 Но извини, что я замечу смело:
 Ты в этого красавца влюблена...
 Его убить — нетрудное искусство,
 Но, извини, убьешь ли этим чувство?»

«Как смеешь ты о чувствах рассуждать, —
 Гюльбея закричала. — Прочь, несчастный!»
 Красавицу не смея раздражать,
 Баба смекнул, что было бы опасно
 Ее приказу долго возражать;
 Оно еще к тому же и напрасно.
 Притом он был отнюдь не из таких,
 Что жертвуют собою для других.

И он пошел исполнить приказанье,
 Проклятья по-турецки бормоча,
 На женские причуды и желанья
 И на султаншу гневную ропща.
 Упрямые, капризные созданья!
 Как страстность их нелепо горяча!
 Благословлял он, видя беды эти,
 Что пребывает сам в нейтралитете.

Баба велел немедля передать
 Двум согрешившим, чтоб они явились,
 Чтоб не забыли кудри расчесать
 И в лучшие шелка принарядились, —
 Султанша, мол, желает их принять
 И расспросить, где жили, где родились.
 Встревожилась Дуду. Жуан притих,
 Но возражать не смел никто из них.

Не буду я мешать приготовленью
 К приему высочайшему; возможно,
 Окажет им Гюльбея снисхожденье;
 Возможно, и казнит; неосторожно
 Решать: неуловимое движенье
 Порой решает все, и очень сложно
 Предугадать, каким пойдет путем
 Каприза гневной женщины излом.

Главу седьмую нашего романа
 Пора писать; пускаюсь в новый путь.
 Известно — на банкетах постоянно
 Порядок блюд варьируют чуть-чуть;
 Так пожелаем милому Жуану
 Спаситься от рыбьей пасти как-нибудь,
 А мы с моею музой в это время
 Досуги посвятим военной теме.

Песнь седьмая

1

О вы, любовь и слава! С давних пор
Вы радостно витеаете над нами.
Так пламенно-блестящий метеор
Слепит и жжет волшебными лучами
Угрюмый путь среди ледовых гор,
А мы глядим на вас, но знаем сами,
Что все равно в ночной последний час
В морозной мгле покинете вы нас...

2

Вот и мое капризное создание,
Игривое и странное на вид,
Как яркое полярное сиянье
В холодном нашем климате горит.
Конечно, все достойно порицанья,
И не шутить, а плакать надлежит,
Но и смеяться допустимо тоже —
Все в нашей жизни на спектакль похоже!

3

Подумайте, они меня винят —
Меня, вот эти пишущего строки,
Как будто я смеюсь над всем подряд,
Хуля добро, перевозноя пороки!

Мне очень злые вещи говорят
(Вы знаете, как ближние жестоки),—
А я сказал лишь то, я убежден,—
Что Дант, Сервантес или Соломон,

4

Что Свифт, Ларошфуко, Макиавелли,
Что Лютер, Фенелон или Платон,—
Ведь цену жизни все уразумели,—
И Уэсли, и Руссо, и Тиллотсон;
Гроша она не стоит, в самом деле,
Но я не Диоген и не Катон;
Я знаю: мы живем и умираем,
А что умней — ни вы, ни я не знаем,

5

Сократ сказал: «Я знаю лишь одно —
Что ничего не знаю!» Сколь приятно
Такое знанье! Делает оно
И мудрецов ослами, вероятно.
А Ньютон заявил уже давно:
«Вселенная для знаний — необъятна!
Лишь камешки собираем мы, друзья,
На берегу океана Бытия!»

6

«Все суета!» — Екклесиаст твердит,
А с ним и все новейшие пророки.
Святой, мудрец, наставник и пиит
Изобличают страсти и пороки;
Любой найти примеры норовит
Того, что все мы низки и жестоки;
Зачем же мне велите вы молчать?
И низости людской не замечать?

7

О, люди — псы! Но вам напрасно лъцу я:
И псами вас не стоит называть;
Ваш гнусный род вам честно покажу я,
Но музу вам мою не испугать!

Напрасно волки воют, негодуя
На ясную луну; ее прогнать
Визгливым лаем хищники не в силах:
Спокойно блещет вечное светило.

8

И я пою могущество страстей,
«Любви жестокой и войны бесчестной»
(Так выразился, кажется, о ней
Один поэт, достаточно известный);
Осада будет темою моей.
Глава, пожалуй, будет интересной:
Ее герой любил кровавый бой,
Как олдермены — ростбиф кровавой.

9

На левом берегу реки Дуная,
От моря в ста верстах, построен был,
Великий водный путь оберегая,
Восточный город — крепость Измаил.
Цела ли эта крепость — я не знаю,
Или ее указом упразднил
Завоеватель; город был не новый,
Но крепостью считался образцовой.

10

На возвышенье с левой стороны
Предместье к бастионам подходило,
Чего, по новым правилам войны,
Стратегия б никак не допустила.
А палисад у крепостной стены
При штурме *облегчал* осаду с тыла.
Сей палисад возвел какой-то грек,—
Глупец иль очень умный человек.

11

Таланты хитроумного Вобана
Строитель в этом деле показал,—
Хоть ров был вряд ли мельче океана
И высился над ним огромный вал,

Зато подходы выглядели странно:
Прикрытый, верков инженер не знал
(Читатель мне простит из снисхожденья
Саперского жаргона выраженья).

12

Там был отменно крепкий бастион,
Как плотный череп старого солдата:
Как добрый наш Сент-Джордж вооружен,
Имел барбетты он и казематы.
Дуная берег сильно защищен
Был этою громадой сероватой,
И двадцать пушек с правой стороны
Топорщились над выступом стены.

13

Но в город был открыт свободный вход
Со стороны Дуная, из расчета,
Что в реку флот российский не войдет —
Ни смелости не станет, ни охоты;
А потому и войско и народ
При виде неожиданного флота
В испуге закричали: «Бисмилла!»,
Предчувствуя, что гибель подошла.

14

Но русские готовились к атаке.
Увы, богиня Слава! Как мне быть?
Достойны восхваления казаки,
Но как их имена произносить?
Сам доблестный Ахилл в бессмертной драке
Не мог бы пылкой смелостью затмить
Сих воинов великого народа,
Чьи имена не выговорить сроду!

15

Но нескольких я все-таки готов
Назвать — хотя бы ради упражненья:
Чокенофф, Львофф, Арссеньевфф, Чичакофф —
Взгляните, каково нагроможденье

Согласных? Строкнофф, Стронгенофф,
Чичшкофф!

Туга на ухо слава, без сомненья!
А впрочем, подобает, может быть,
Ей эту какофонию любить.

16

Не в силах я ввести в мои октавы
Московские фамилии. Так что ж,
Я признаю — они достойны славы,
Как похвалы достойна молодежь!
Министры наши льстивы и лукавы,
Произнося фамилии вельмож
На «ишкин», «ушкин», «ашкин», «ивский»,
«овский», —
Но мне годится только Разумовский.

17

Куракин, Мушкин-Пускин, Коклобской,
Коклотский, Шерематов и Хремахов —
Взгляните: что ни имя, то герой!
Ни перед чем не знающие страха,
Такие молодцы бросались в бой
На муфтиев и самого аллаха
И кожей правоверных мусульман
Свой полковой чинили барабап.

18

Тут были развращенные наградами
Солдаты чужеземные; война
Прельщала их мундирами, парадами
И щедро им дарила ордена.
Сраженьями, победами, осадами
Всегда пленяет юношей она.
Там было, признаюсь, немало бриттов:
Пятнадцать Томсонов и двадцать Смитов!

19

Там были Томсон Джек и Томсон Билл,
Тринадцать остальных носили имя
Певца, который англичанам мил,
А нам известен под названьем *Джимми*.

Трех Смитов звали Питер; Смитом был
И тот, кто с гренадерами своими
Врага под Галифаксом отразил;
На этот раз татарам он служил.

20

Там были Джеки, Билли, Вилли, Джили,
Но старший Джек — конечно, тоже Смит —
Родился в Камберленде, где и жили
Его родные. Был он знаменит
Участием в бою, как сообщили.
Он пал героем у села Шмаксмит
В Молдавии; британские газеты
Ему бессмертье выдали за это.

21

Всегда я Марса богом почитал,
Но все-таки раздумывал, признаться,
О тех, кто в списки доблести попал:
Приятно ль им сей славой наслаждаться,
Имея пулю в сердце? Я слышал
В одной из пьес, которыми гордятся
Любители шекспировских цитат,
Такую ж мысль, чему я очень рад!

22

Там были и веселые французы,
Но я — неукротимый патриот:
В столь славный день моя британка-муза
Зазорных их имен не назовет!
Я мира с ними враг и враг союза;
По-моему, изменник даже тот,
Кто говорить о них дерзает честно.
В подобном деле правда неуместна!

23

Две батареи русских с двух сторон
Грозили Измаилу в день осады.
Амфитеатром был построен он,
Чему артиллеристы были рады.

Одна должна разрушить бастион,
Другая — зданья, улицы и склады
С живым инвентарем: в подобный день
И он являл отличную мишень!

24

Вторую целью было — не зевать,
Воспользоваться общим замешательством
И в гавани врасплох атаковать
Турецкий флот; подобным обстоятельством
Цель достигалась третья — страх нагнать,
Который служит лучшим доказательством,
Что время сдаться; воин ведь — и тот,
В отличие от бульдога, устает!

25

Есть у иных наклонность предурная
Презрения к противнику порой.
И губит зря заносчивость такая
Всех, кто отмечен прозвищем «герой».
Так именно погибли, я считаю,
И пекий Чичичков и Смит — второй
Из двадцати, — но их ведь очень много:
Адам и тот был Смитом, ей-же-богу!

26

Все батареи русских впопыхах
Сооружались — спешка, вероятно,
Частенько портит дело и в стихах
(Ведь Лонгмену и Мерри неприятно,
Когда их книжки новые никак
Не продаются) и, вполне понятно,
Вредит тому, что ныне бард иной
То «славой» именует, то «резней».

27

Строителя ль то было неумение,
Подрядчик ли смошенничал слегка,
Чтоб, смертоносное сооружение
Испортив, на душу не взять греха,—

Но так или иначе, без сомнения,
Постройка батарей была плоха:
Они обычно невпопад стреляли,
Зато мишень собою представляли.

28

Дистанции печальное незнание
Им тоже причинило много зла:
Закончили свое существование
Три русских брандера, сгорев дотла.
Их подожгли случайно много ранее,
Чем вражеская сила подошла.
Они на рейде на заре взорвались,
Когда враги еще не просыпались.

29

Но вот проснулись турки — и вдали
Вдруг русскую эскадру увидали,
А ровно в девять эти корабли
Неустрашимо продвигаться стали
В виду у Измаила; подошли,
И канонада началась. Едва ли,
Читатель, перечислю я тебе
Все виды ядер при такой пальбе!

30

Так шесть часов подряд они сносили
Огонь турецкий. Не жалея сил,
Ему в ответ береговые били,
Но, видя, что не сдастся Измаил,
В час пополудни дружно отступили.
Один корабль при этом взорван был,
Другой (маневр был, видно, неудачен!)
Уткнулся в мель и сразу был захвачен.

31

И мусульмане тоже потеряли
Немало кораблей, но, увидав,
Что отступает враг, возликовали,
И делибаши бросились стремглав

На русских. Эта вылазка едва ли
Дала плоды желаемые: граф
Дамá их искрошил и сбросил в воду —
Газетным сообщениям в угоду.

32

«Когда бы нам (историк говорит)
Деянья русских описать досталось бы,
Тома б наполнить мог любой пиит —
И многое несказанным осталось бы!»
А посему о русских он молчит
И воздаёт хвалы (смешно, казалось бы!)
Десятку чужеземцев: Ланжерон,
Дамá, де Линь — вот русской славы звон!

33

И это подтверждает нам, сколь слава
Существенна и сколь она нужна:
Не будь ее — читатели бы, право,
Не слышали про эти имена.
Все лотерея, рассуждая здраво, —
И почести, и слава, и война!
Но, впрочем, вот де Линя без усилий
Его же мемуары воскресили!

34

Хоть были там, конечно, и герои
Бесстрашные среди мертвых и живых,
Но в толкотне и суматохе боя
Никто не видит и не ищет их.
У бранной славы свойство есть плохое —
Легко тускнеть. Когда считать своих
Прославленных в боях героев станем,
Имен десятка даже не натянем.

35

Ну, словом, как ни славен этот бой,
Но было что-то, где-то, почему-то
Неладно: де Рибас, морской герой,
Настаивал на штурме, но ему-то

Все возражали; спор кипел большой.
Но тут уж я помедлю на минуту —
Речей припоминать я не хочу:
Читателям они не по плечу!

36

Потемкин был в то время знаменит.
Геракла он имел телосложение,
Но несмотря на знатный аппетит,
Всю жизнь страдал от злого несваренья
Желудка; был он желчен и сердит
И умер он один в своем именье,
В унынье мрачпом дни свои влача,
Как проклятая всеми саранча.

37

Потемкин был чудовищно богат
Поместьями, деньгами и чинами
В те дни, когда убийство и разврат
Мужчин дородных делало богами.
Он был высок, имел надменный взгляд
И щедро был украшен орденами.
(В глазах царицы за один уж рост
Он мог занять весьма высокий пост!)

38

Тем временем секретного курьера
Светлейшему отправил де Рибас;
Тот рассмотрел предложенные меры
И подписал желаемый приказ.
Ему повиновались офицеры,
И в предусмотренный приказом час
На берегах Дуная, свирепея,
Сурово загремели батареи.

39

Тринадцатого стали отступать
Гяуры, сняв осаду; но гонец
Явился неожиданно опять
Пришпорить ярость доблестных сердец

И дух геройский наново поднять.
Приказ гласил: чтоб положить конец
Всем нехристям без дальних разговоров,—
Назначен к ним фельдмаршал, сам Суворов!

40

Фельдмаршалу светлейший написал
Короткое спартанское посланье.
Когда бы он свободу защищал,
Посланье это стоило б вниманья;
Но он порок и жадность ублажал,
Когда, сынам Беллоны в назиданье,
Классическую строчку сочинил:
«Любой ценой возьмите Измаил!»

41

«Да будет свет!» — господь провозгласил,
«Да будет кровь!» — провозгласили люди.
И вот в боренье злых страстей и сил
Они взывают с ужасом о чуде.
Один жестокий час испепелил
Цветущий рай, и после в дымной груде
За сотни лет не разобраться нам:
Война вредит и кронам и корням!

42

Встречали турки русских отступленья
Восторженными криками «алла!»;
Но, как и все ошибки самомненья,
Их радость преждевременна была.
Считать врага нам лестно, к сожаленью,
Побитым. Но грамматика ведь зла —
Разбитым будет правильной, я знаю,
Да стгоряча о формах забываю.

43

Шестнадцатого турки вдалеке
Увидели двух всадников лихих,
Скакавших без поклажи, налегке
На лошаденках маленьких своих.

Обычна смелость в русском казаке;
Особо не разглядывали их,
Когда ж они поближе подскакали,
В одном из них Суворова узнали!

44

«Какая радость в Лондоне!» — вскричал
Болван, когда узрел иллюминацию.
Джон Буль всегда восторженно встречал
Народную сию галлюцинацию;
Ракет и ламп цветистый карнавал
Его пьянит, и он во имя нации
Готов отдать и жизнь и кошелек, —
Гигантский одуревший мотылек!

45

Ругательство английское гласит:
«Будь прокляты глаза мои!» И точно —
Джон Буль теперь на что ни поглядит,
Все видит наизнанку, как нарочно:
Ему налоги — рай, долги — кредит,
И даже сам костлявый голод, прочно
Его поработивший господин, —
Не боле, как Цереры младший сын.

46

Но ближе к делу; лагерь ликовал,
Шумели и французы и казаки,
Их, как фонарь, Суворов озарял —
Залог победы в яростной атаке.
Как огонек болотный, он сиял
И прыгал в надвигающемся мраке,
Всех увлекал вперед, неустрашим,
И все, не размышляя, шли за ним.

47

Но лагерь ликовал на самом деле —
Всех воинов восторг обуревал;
Нетерпеливо ратники шумели,
И каждый о победе толковал.

Не думая о вражеском обстреле,
Они, уже готовясь лезть на вал,
Чинили пушки, лестницы, фашины
И прочие приятные машины.

48

Так направляет разум одного
Поток людской в едином направленьи;
Так слушаются овцы своего
Барана; так слепые от рожденья
Идут, не опасаясь ничего,
За собачонкой — странное явление!
Звон бубенца, вот сущность, черт возьми,
Людей великих власти над людьми.

49

Весь лагерь ликовал; сказать бы можно,
Что брачный пир их ожидает всех
(Подобная метафора возможна
И уложилась в строчку без помех).
Любой юнец мечтал неосторожно
О битве и трофеях. Просто смех —
Старик чудаковатый и вертлявый
Всех увлекал с собой во имя славы.

50

И потому-то все приготавлиенья
Поспешно делались: один отряд
Из трех колонн стоял, готов к сраженью,
И ждал, чтоб первый просвистел снаряд;
Другой был также в три подразделенья
И также жаждал крови и наград;
Поодаль третий был готовым к бою
И в двух колоннах двигался рекою.

51

Совет военный дело обсудил,
Единодушно и единогласно
(Что редко достигается) решил —
Мол, положенье, в сущности, опасно,

Но при разумном напряженье сил
Вдали маячит слава — это ясно!
Суворов молча славу предвкушал
И самолично рекрут обучал.

52

Да, это факт; фельдмаршал самолично
Благоволил полки тренировать
И тратил много времени обычно,
Дабы капрала должность исполнять.
Едва ли эта прихоть неприлична:
Любил он сам солдату показать,
Как по канатной лестнице взбираться,
А то и через ров переправляться.

53

Еще порой фашины ставил в ряд,
Украшив их чалмами, ятаганами
И нападать на них учил солдат,
Как будто бы сражаясь с мусульманами,
И каждый раз бывал успеху рад.
Его проделки полагая странными,
О нем острили в штабе иногда,
А он в ответ брал с ходу города.

54

Но в этот вечер накануне боя
Весь русский лагерь был сурово-тих;
Невольно призадумались герои
О том, что завтра ожидает их,
Решившихся на дело роковое, —
О детских днях, о близких и родных,
О том, что миновало невозвратно,
И о себе самих, вполне понятно.

55

Суворов появлялся здесь и там,
Смеясь, бранясь, муштруя, проверяя.
(Признаться вам — Суворова я сам
Без колебаний чудом называю!)

То прост, то горд, то ласков, то упрям,
То шуткою, то верой ободряя,
То бог, то арлекин, то Марс, то Мом,
Он гением блистал в бою любом.

56

И вот, пока фельдмаршал занимался
Солдат ученьем, как простой капрал,
Разъезд казачий по полю слонялся
И путников усталых повстречал.
Один из них по-русски изъяснялся;
Конечно, слов запас был очень мал,
Но жестами он объяснил резонными,
Что дрался под российскими знаменами.

57

И посему просил казаков он,
Чтоб их немедля в штаб препроводили:
Полутурецкий вид их был смешон,
Шальвары мусульманские не скрыли
Их сути христианской, и фасон
Одежд не повредил им (а сгубили
Мы множество порядочных людей,
Не отличив обличья от идей).

58

Суворов, сняв мундир, в одной рубашке,
Тренировал калмыков батальон,
Ругался, если кто-нибудь, бедняжка,
Неповоротлив был иль утомлен.
Искусство убивать штыком и шашкой
Преподавал он ловко; верил он,
Что человечье тело, без сомнения,—
Лишь матерьял, пригодный для сражения!

59

Фельдмаршал пленных сразу увидал,
Окинул зорким взглядом: «Подойдите!»
Нахмурил брови, всматриваться стал:
«Откуда?» — «Из Стамбула мы — простите,

Константинополя...» — «Я так и знал...
А кто вы?» — «Поглядите и судите!» —
Была беседа очень коротка —
Знал отвечавший вкусы старика.

60

«Как звать?» — «Я — Джонсон, он — Жуан». —
«А те-то?»
«Две женщины, а третий — ни мужчина,
Ни женщина...» — «Постой, тебя я где-то
Уже встречал... Какая бы причина?..
Ты — Джонсон? Знаю, знаю имя это!
Ты был, дружок, не помню только чина,
В пехотном Николаевском? Ведь был?»
«Так точно, ваш-сиятельство, служил!»

61

«При Видине ты дрался?» — «Да». — «В атаке
Ты отличился, помню, а потом?»
«Я ранен был!» — «Но ловок так не всякий,
Ты бросился отважно напролом.
А дальше?» — «Я очнулся в полном мраке
Уже турецким пленником — рабом». —
«Ну, завтра отомстишь за унижение —
Ведь это будет адское сражение!»

62

Отлично. Где же хочешь ты служить?»
«Где вы сочтете нужным». — «Понимаю!
Конечно, ты захочешь туркам мстить
И будешь снова смел, я полагаю;
Еще смелее даже, может быть!
А этого юнца вот я не знаю!»
«Ручаюсь, генерал, он смел вдвойне.
Герой он и в любви и на войне!»

63

Жуан безмолвно низко поклонился —
Он комплимент инстинктом угадал.
Меж тем Суворов снова оживился:
«Ты счастлив, Джонсон! Полк-то твой попал

В колонну первых! Долго я молился
И всем святым сегодня клятву дал —
Сровнять с землею стены Измаила
И плугом распахать его могилу!

64

Ну, в добрый час, ребята!» Тут опять
Фельдмаршал к батальону поспешил
Подшучивать, браниться, муштровать,
Чтоб разогреть геройский дух и пыл.
Он даже, проповеднику под стать,
Сказал, что бог их сам благословил:
Императрица-де Екатерина
На нехристей ведет свои дружины!

65

Наш Джонсон, из беседы убедясь,
Что он попал, пожалуй, в фавориты,
К фельдмаршалу вторично обратясь,
Сказал: «Мне лестно даже быть убитым
В таком бою. Мы оба, не страшась,
Пойдем на этот приступ знаменитый,
Но мы бы вас хотели попросить
Нам полк и номер роты сообщить!»

66

«Да, верно. Я забыл. Сейчас устрою.
Ты в прежний полк, понятно, поступиай,
Катсков! Сведи-ка этого героя
В пехотный Николаевский. Ступай!
Красавчика-юнца оставь со мною;
Я присмотрюсь к нему. Пока прощай.
Ах да, еще ведь женщины; ну, эти
Пускай пока побудут в лазарете...»

67

Но тут-то вдруг, не знаю почему,
Красавицы — хоть их и воспитали
В гареме быть покорными всему,
Чего бы только требовать ни стали,—

По случаю особому сему
Заволновались и затрепетали,
Слезами загорелись очи их,
И, как насадки крыльями своих

68

Цыплят, они горячими руками
Мужчин за шеи стали обвивать.
Герои, как мы убедились с вами,
Отважно собирались воевать.
О, глупый мир, обманутый словами!
О, гордый лавр! Не стоит обрывать
Твой лист бессмертный ради рек кровавых
И горьких слез, текущих в море славы.

69

Суворов видел слез и крови много
И к ремеслу ужасному привык,
Но женщин бестолковая тревога
В нем отозвалась жалостью на миг.
Он посмотрел на них не слишком строго
(Ведь жалостлив бывает и мясник).
Страданье слабых трогает героя,
А что герой Суворов — я не скрою!

70

Он грубовато-ласково сказал:
«Какого черта, Джонсон, друг любезный,
Вы притащили женщин? Кто их звал?
Они в военном деле бесполезны!
Отправим их в обоз — не то скандал;
Закон войны, вы знаете, железный!
Пожалуй, я их сразу отошлю:
Я рекрутов женатых не люблю!»

71

Британец отвечал его сиятельству:
«Они не жены никому из нас.
Мы слишком уважаем обстоятельства,
Чтобы возиться с женами сейчас.

Солдатской службы лучшее ручательство —
Отсутствие семьи и меткий глаз.
Не только жены — даже и невесты
Средь боевых товарищей не к месту.

72

Турчанки эти пожалели нас
И помогли нам убежать из плена,
Делили с нами трудности подчас
Стоически: коль молвить откровенно,
Я видел это все уже не раз,
А им, бедняжкам, тяжело несомненно;
И я за нашу службу, генерал,
Прошу, чтоб их никто не обижал!»

73

Но женщины с тревогою понятной
Глядели на защитников своих,
Страшила их игра судьбы превратной,
При том еще пугал их и старик —
Шумливый, юркий, странно неопрятный,
Не то смешон, не то как будто дик,
Внушал он окружавшим столько страха,
Как ни один султан сынам аллаха!

74

Султан для них был полубожеством;
Он был роскошный, яркий, как картина,
Величие все подтверждало в нем,
Осанкой он напоминал павлина,
Сверкающего царственным хвостом;
Но непонятна им была причина
Того, что и всемогущ и велик
Одетый скромно маленький старик.

75

Джон Джонсон, наблюдая их смятенье,
Утешить попытался их слегка —
Восточного не знал он обхожденья;
Жуан поклялся с жаром новичка,

Что за обиду им иль оскорбленье
Поплатятся все русские войска!
И это их умерило волнение —
Все девы любят преувеличенья!

76

Вот обняли они в последний раз
Героев, плача горькими слезами.
Что ожидало их? В ужасный час
Фортуна потешается над нами,
Зато Незнание утешает нас.
И то же было с нашими друзьями —
Героям предстояло, как всегда,
Сжечь город, им не сделавший вреда.

77

Суворов не любил вникать в детали,
Он был велик — а посему суров;
В пылу войны он замечал едва ли
Хрип раненых и причитанья вдов;
Потери очень мало волновали
Фельдмаршала в дни яростных боев,
А всхлипыванья женские действительно
Не значили уж ничего решительно!

78

Однако скоро грянет канонада,
Какой троянский лагерь не слышал!
Но в наше время автор «Илиады»
Не стал бы петь, как сын Приамов пал;
Мортиры, пули, ядра, эскалады —
Вот эпоса новейший арсенал.
Но знаю я — штыки и батареи
Противны музе грубостью своею!

79

Божественный Омир! Чаруешь ты
Все уши — даже длинные! Народы
Ты покоряешь силою мечты
И славою бессмертного похода.

Но устарели шлемы и щиты;
Монархам ненавистную Свободу
Пороховой теперь скрывает дым,—
Но эту Трою не разрушить им!

80

И я пою, божественный Омир,
Все ужасы чудовищной осады,
Хотя не знали гаубиц и мортир
В оперативных сводках Илиады.
Но я с тобой не спорю: ты кумир!
Ручью не должно с мощью водопада
Соревноваться... Но, порукой бес,
В резне за нами будет перевес.

81

В поэзии мы отстаем, пожалуй,
Но факты! Но правдивость! Бог ты мой!
Нам муза с прямою небывалой
Могла бы подвиг описать любой!
Дела героев! Реки крови алой!
Но мне-то как прославить этот бой?
Предвижу — Феб от славных генералов
Известий ждет для новых мадригалов.

82

О, гордые сраженья Бонапарта!
О, доблестные тысячи убитых!
О, слава Леонида, слава Спарты!
О, слава полководцев знаменитых!
О, Цезаря великолепный дар,— ты,
Доселе в «Комментариях» избитых
Горящий! Всех вас я хочу просить
Прощальным блеском музу осенить.

83

Зачем я говорю: «прощальным блеском»?
Затем, что каждый век и каждый год
Герои с новым шумом, с новым треском
Военной славой потчуют народ.

Но тот, кто честно, искренне и веско
Оценит их заслуги, — тот поймет:
Все эти мясники друг с другом схожи
И все дурачат разум молодежи.

84

Кресты, медали, ленты, галуны —
Бессмертнейших бессмертная забава!
Мундиры пылким мальчикам нужны,
Как веера красоткам! Любит Слава
Игрушки золоченые войны!
А что такое Слава? Вот уж, право,
Как выглядит она, не знаю я...
Мне давеча сказали, что свинья

85

Способна видеть ветер. Это чудно!
Мне говорили, что, почуя ветер,
Свинья бежит довольно безрассудно.
Но полно толковать о сем предмете;
Ведь муза утомилась — видно, трудно
И ей самой писать октавы эти.
Читайте песнь восьмую; как набат,
В ней ужасы осады зазвучат!

86

Чу! В тишине холодной, тусклой ночи
Гудящих армий строятся ряды,
Железо темной тяжестью грохочет,
И берега и полосы воды —
Все оцетинилось, все битвы хочет.
Несутся тучи... В небе — ни звезды...
О, скоро дыма мутные громады
Его закроют занавесом ада!

87

Перед восьмью песней отдохнем...
Ужасное молчанье наступает:
В последний раз не беспробудным сном
Беспечные герои почивают...
Завтра дымом, громом и огнем
Проснувшиеся силы заиграют.
«Ура!» — «Алла!» — десятком сотен ртов
Сольются в смертоносный грозный рев.

Песнь восьмая

1

О, кровь и гром! О, раны, гул и вой!
О, злая брань! О, раны, кровь и стоны!
Все эти звуки оскорбляют твой
Тончайший слух, читатель благосклонный;
Пойми изнанку славы боевой —
Хоть украшают именем Беллоны
И Марса эту бойню, но цена
И суть ее во все века одна.

2

Готово все для страшного парада:
И люди, и знамена, и штыки;
Как лев, наметив жертву из засады,
Готовы к истреблению полки.
Стоглавой гидрою, исчадьем ада,
Они ползут по берегу реки.
Пуускай героев головы слетают —
Немедленно другие вырастают.

3

Всегда «en grand»¹ история берет
События, детали опуская.
Но кто урон и выгоды учтет,
Тому война претит; и я считаю,

---

¹ В целом, в большом масштабе (*франц.*).

Что столько денег тратить не расчет,
За пядь земли сраженья затевая.
Одну слезу почетней осушить,
Чем кровью поле боя затопить.

4

Хорошему деянию все мы рады,
А славы ослепительный экстаз,
Знамена, арки, пенсии, парады,
Обычно ослепляющие глаз,
Высокие отличья и награды
Кого угодно развратят у нас;
Но, в сущности, лишь войны за свободу
Достойны благородного народа.

5

Все прочие — убийство! Вашингтон
И Леонид достойны уваженья;
Их подвигом народ освобожден,
Священна почва каждого сраженья,
Священен даже отзвук их имен —
Они в тумане зла и заблужденья,
Как маяков Грядущего лучи,
Сияют человечеству в ночи!

6

Кольцом пожаров полночь озаряя,
Мерцали артиллерии огни;
Как призрак ада, в зеркале Дуная
Стояли тучей пламени они.
Гремели ядра, гулко завывая,
Ударам грома Зевсова сродни,—
Хотя любому смертному известно,
Что гром земной страшней, чем гром небесный!

7

И вот под грохот русских батарей
Пошла в атаку первая колонна,
А мусульмане, грозной лавы злей,
Навстречу им. Смешались крики, стоны,

Солдаты взвыли яростней зверей;
Так, бешенством великим потрясенный,
Во чреве Этны, злобой обуян,
Икает расходившийся титан.

8

И крик «Алла!» — ужасный, грозный крик,
Страшнее, чем орудий завыванье,
Над берегом и городом возник.
Как беспощадной мести заклинанье,
Он был могуч, стремителен и дик,
Он небо потрясал до основания,
Он нес погибель каждому врагу:
«Алла! Гроза неверных! Алла-гу!»

9

С реки на берег двинулись колонны,
И, как трава, легли за строем строй,
Хоть сам Арсеньев — яркий сын Беллоны,
Руководил сей доблестной игрой.
«Господней дочерью» Вордсворт умиленный
Назвал войну; коль так, она сестрой
Доводится Христу — и уж наверно
С неверными обходится прескверно.

10

Сам принц де Линь в колено ранен был,
А Шапо-Бра — аристократ надменный —
В высокий кивер пулю получил,
Но черепа его фасон отменный
Способствовал тому, что не сразил
Легитимиста сей свинец презренный;
Легко понять отсюда вывод тот,
Что медный лоб свинец не прошибет!

11

Носилки принца Марков-генерал
Велел убрать, минуты не теряя,
Чтоб *принц* с простым народом не лежал
На поле боя. В корчах умирая,

Кто пить просил, кто жалобно стонал,
Последние молитвы повторяя.
О них не думал brave генерал,
Пока и сам ноги не потерял.

12

Выбрасывали пушки и мушкеты
Свинцовые пилюли и плевки.
Кровавое слабительное это
Сметает разом целые полки!
Пугают человечество кометы,
Чума и голод. Очень велики
Несчастья мира, но картина боя
Правдивая затмит все зло земное.

13

На поле боя поражают нас
Все виды человеческих страданий —
Сведенных рук, остекленевших глаз:
Все ужасы жестоких истязаний
Без всяких поэтических прикрас.
Так погибают тысячи созданий,
Иной же уцелеет как-нибудь
И ленточкой потом украсит грудь!

14

Но я люблю большое слово Слава;
Оно героям в старости дает
На пенсию заслуженное право,
А бардам — дополнительный доход.
В поэзии герои величавы,
Отсюда все — и гордость и почет;
А пенсии, без всякого сомненья,
Оправдывают ближних истребленья!

15

Передовые приступом спешат
У турок взять одну из батарей,
А ниже по реке другой отряд
Закончил высадку; еще быстреей

Солдаты лезут (так толпа ребят
Бежит навстречу матери своей)
Через окоп и стену палисада,
Храня порядок, словно для парада.

16

Ужасный бой пылал и грохотал:
Казалось, сам Везувий раскаленный
Губительной картечью клокотал.
Суворов, жаркой битвой увлеченный,
Треть офицеров сразу потерял,
А строгая статистика Беллоны
Нас поучает, что урон такой
Сулит исход решительно плохой.

17

Но я большую тему оставляю,
Чтоб показать, как мой прекрасный дон
Стяжает лавры, доблестью сияя,
Успехами и славой окрылен.
(Хоть можно бы назвать, я точно знаю,
До сотни тысяч доблестных имен,
Вполне достойных, рассуждая здраво,
Упомянуть в лексиконе славы, —

18

Но предоставлю эти имена
Почтенной разговорчивой газете;
В канавах и в полях найдет она
Трофеи героические эти.
Теперь на них высокая цена:
Но все, друзья, изменчиво на свете:
Случается, что может и печать
Фамилию героя *переврать!*)

19

И Джонсона, и юного Жуана
Послали в бой с каким-то там полком.
Они сражались доблестно и рьяно,
Не думая, не помня ни о ком;

Кричали, били, наносили раны
И шпагою, и просто кулаком —
И, говоря по правде, заслужили,
Чтоб их *обоих* в сводку поместили.

20

Порой идти им приходилось вброд
В болоте мертвых тел и крови черной:
Казалось — ад бушует и ревет
Навстречу им стихией непокорной;
Они упрямо двигались вперед
С отвагою безумной и упорной
И, по телам товарищей своих
Шагая, не слышали стонов их.

21

Хоть мой герой впервые был в бою,
Хотя в тумане ночи инфернальной
Труднее храбрость выказать свою,
Чем под нарядной аркой триумфальной,
Хоть он устал порядком (не таю)
И вид имел достаточно печальный,
Хоть он робел и, может быть, дрожал,—
Но с поля боя он не убежал.

22

Оно, конечно, убежать из строя
Не так-то просто, но не в том беда;
И самые великие герои
Выказывали робость иногда.
Под Мольвитцем сам Фридрих с поля боя
Изволил удалиться, господа,—
Но все присягу соблюдают свято:
Иной — за совесть, а иной — за плату!

23

Был мой герой «не парень, а бульон»,
Как говорят ирландцы по-пунически.
(Ученый мир недавно извещен,
Что в Карфагене был язык кельтический,

И Патриком доныне сохранен
Дух Ганнибала. В тунике классической
Душа Дидоны в Эрине живет —
Так волен думать каждый патриот.)

24

Ну, словом, был он очень пылкий малый,
Дитя порывов, песен и страстей,
То полон чувства, от веселья шалый
(Иль *чувственности* — если так верней!),
А то готов с компанией удалой
Все разрушать, что подвернется ей;
Так многие находят развлечение
И пользу от осады иль сраженья.

25

В любви и на войне идалго мой
Намерений благих всегда держался,
А это козырь выгодный: любой
Им от упреков света защищался —
И дипломат, и шлюха, и герой,
Всяк на свои *намеренья* ссылался
Прекрасные, хоть черти ими ад
Мостят уж много сотен лет подряд.

26

Признаться вам, берет меня сомненье
По части этих адских мостовых;
Я думал и о способах мощенья,
И степени выносливости их.
Не поставляют наши поколенья
Достаточно намерений благих
Для их починки; мостовые ада
Напоминают Лондон, думать надо.

27

Однако к делу. Юный мой герой
Остался вдруг один в разгаре боя;
Так покидают женщины порой
Еще недавно милого героя

По свадьбе через год. Идальго мой
Увидел (не без ужаса, не скрою),
Что он огнем и дымом окружен
И что совсем один остался он.

28

Как это получилось, я не знаю;
Кто был убит, кто раненный лежал,
А кто, поспешно жизнь свою спасая,
Без памяти от ужаса бежал.
(Сам Юлий Цезарь, я припоминаю,
Бегущих римлян еле удержал,
Когда своим щитом в пылу сраженья
Им преградил дорогу отступленья!)

29

Жуан мой, не имея под рукой
Щита и Цезарю не подражая,
Увидел, что момент настал плохой,
Задумался, с трудом соображая,
И, как осел (метафорой такой
Я славного Гомера воскрешаю:
Для самого Аякса не нашел
Он лучшего сравненья, чем осел)...

30

Итак, Жуан, ослу уподобляясь,
Пошел вперед и не смотрел назад,
Скользя и поминутно натываясь
На трупы коченеющих солдат.
Слепительный пожар, переливаясь,
Горел вдали. И, ужасом объят,
Идальго мой, теряя направление,
Не видел своего подразделения.

31

В разгаре боя он найти не мог
Ни командира, ни полка, ни роты;
Куда они девались — знает бог
И, может быть, история пехоты.

Но верный случай юноше помог.
Когда в пылу воинственной охоты
Он бросился неведомо куда
За славою, мерцавшей как звезда.

32

Не находя ни ротного, ни роты,
Он побежал куда глаза глядят;
Как путник, выбираясь из болота,
И огоньку блуждающему рад,
А моряки рассеянного флота
И к ненадежной пристани спешат,—
Так мой герой, отвагой пламенея,
Бежал туда, где был огонь сильнее.

33

Он толком ничего не понимал:
В глазах темнело и в висках стучало,
Ужасный грохот разум оглушал,
И молния по жилам пробегала;
А сила, в клочья рвущая металл,
И небеса и землю сотрясала;
Ее придумал, дьяволам на страх,
Наш Роджер Бэкон — набожный монах!

34

Но тут Жуан колонну увидал.
Она в бою порядком поредела;
Отважный Ласси, бойкий генерал,
Повел солдат вперед настолько смело,
Что больше половины потерял.
Растаяла колонна до предела,
Осталась от нее в конце концов
Лишь горсточка отборных храбрецов.

35

И Джонсон тут же рядом оказался.
Он, говоря по правде, отступал,
Но, оглядевшись, быстро догадался,
Что из огня да в полымя попал.

Он, замечаю в скобках, не терялся
И к бегству никогда не прибегал,
За исключением случаев особых,
Когда храбриться попусту смешно бы.

36

Меж тем как безрассудный Дон-Жуан
Совсем один остался в гуще боя,
Как новичок своей отвагой пьян,
Наш бритт избрал решение иное;
Не то чтоб он боялся мусульман,
Но рассудил, что может и героя
В такой «Долине смерти» бросить в дрожь,—
Тогда солдат уже не соберешь!

37

Как черти, мусульмане защищали
Великую твердыню Магомета:
Солдат дождем свинцовым поливали
Дома, редуты, стены, парапеты.
Укрытие надежное едва ли
Нашлось бы в этом городе, но где-то
Заметил егерей британец мой,
Жестокой перепуганных резней.

38

Он их окликнул, и, что очень странно,
Они тотчас откликнулись на зов,
Не так, как «духи бездн», о ком туманно
Нам Хотспер говорит, что голосов
Людских они не слышат. Джонсон рьяно
Ободрил присмиривших молодцов,
И, стадному инстинкту подчиняясь,
Они пошли за ним, не упираясь.

39

Мой Джонсон был герой не без заслуг,
Хотя его судьба не наделила
Фамилией, ласкающею слух,
Как имена Аякса иль Ахилла;

Он был достойный враг и верный друг,
Имел большую выдержку и силу
И истреблял противников порой,
Не суетясь, как подлинный герой.

40

Он даже и бежал-то в данном случае
Лишь в поисках людей, что вслед за ним
Пойдут вперед в огонь, почти за лучшее
Его признать начальником своим.
Известно — страх влияет как шипучее
На многие желудки; мы спешим
В укрытие от грохота сраженья,
Чтоб дух перевести хоть на мгновенье.

41

Так Джонсон мой решил передохнуть,
Но он потом, конечно, собирался
Вернуться вновь на тот туманный путь,
Которого и Гамлет опасался...
Но Джек не беспокоился ничуть,
Он свойствами магнита отличался:
Придя в себя, он возвратился в бой
И всех увлек туда же за собой.

42

Им показалась со второго разу
Настолько страшной чертова игра,
Что впору позабыть любые фразы
О чести, орденах et cetera.
Солдат живет и дышит по приказу:
Услышав беспощадное «пора!»,
Особенно *раздумывать* не надо,
В *аду* ли ты иль на *пороге ада*..

43

Они легли, как травы под косой,
Как урожай под градом, как серпами
Подрезанная рожь. Перед грозой
Бессильно жизни маленькое пламя,—

А турки, разъяренные борьбой,
Их молотили сверху, как цепами,
И то и дело падали стрелки,
Спускать не успевавшие курки.

44

Отстреливались турки с бастиона,
Как дьяволы: сплошной свинцовый шквал
Сметал атаковавшие колонны,
Как пену с крутизны прибрежных скал.
Но Джонсон мой, фортуной охраненный,
Ни под какую пулю не попал;
Он, сам не зная как, вперед пробился
И на обратном скате очутился.

45

За ним еще четыре или пять,
А там и десять выбежали смело;
Теперь уж было нечего терять:
Земля вокруг гудела и горела.
Бежать гораздо легче, чем стоять;
Вперед или назад — не в этом дело!
И посему десяток храбрецов
Ворвался в Измаил в конце концов.

46

И туг они, к большому изумленью,
Узрели пресловутый палисад —
Нелепое весьма сооруженье,
Невежества плачевный результат.
(Теперь береговые укрепления
Построили отлично, говорят,
Голландцы и французы, — но недаром
Гордятся англичане Гибралтаром!)

47

Герои наши с легкостью могли
Укрыться под защитой палисада,
Построиться и по команде «пли!»
Обрушиться на турок без пощады.

(Потом и палисад они снесли;
Больших трудов для этого не надо.)
Ну, словом, палисад, по мере сил,
Условия осады облегчил.

48

О первенстве бессмысленные споры
Рождают, миролюбию назло,
Союзных наций мелкие раздоры
О том, кому случайно повезло.
Британца оскорбляют разговоры,
Что будто бы враги при Ватерлоо
Почти что отлупили Веллингтона,
Да подоспели прусские колонны,

49

Что Блюхер, Гнейзенау и ряд других
На «ер» и «ау» известных генералов
Французов окружили в самый миг,
Когда рука Фортуны задрожала;
Что Веллингтону якобы без них,
Быть может, никогда б не перепало
Ни орденов, ни денежных наград,
О коих все историки твердят.

50

Храни нам, боже, короля! Храни
И королев, а то *народ*, пожалуй,
Хранить их не захочет в наши дни.
Ведь даже кляча, если досаждала
Ей сбруя и узда, как ни гони,
Брыкаться будет. Да, пора настала;
Народ почувял силу, посему
Быть Иовом не захочется ему.

51

Он хмурится, бранится, проклиняет
И камешки швыряет, как Давид,
В лицо врага — потом топор хватает
И все кругом безжалостно крушит;

Тогда-то бой великий закипает;
Хоть мне война, как правило, претит,
Но только революция, наверно,
Избавит старый мир от всякой скверны,

52

Но возвратимся к делу. Мой Жуан
Ворвался смело, ловкий и проворный,
На парапет твердыни мусульман
Хотя не *самым первым*, но, бесспорно,
Одним из первых. Славы ураган
Его увлек; веселый и задорный,
Мой юноша держался храбрецом,
Хоть нежен был и сердцем и лицом.

53

Не он ли на груди красавиц страстных
Был, как дитя, пленителен и мил,
Не он ли в их объятьях ежечасно
Элизиум блаженства находил?
Для всякого любовника опасны
Минуты расставанья — говорил
Жан-Жак Руссо. Но моему герою
Всегда расстаться с милою игрою

54

Бывало жаль; красавиц покидал
Он под влияньем рока, или шквала,
Или родных — и каждый раз страдал.
И вот теперь судьба его послала
В ужасный бой, где пламя и металл
Убили состраданье, где пылала
Стихия буйной смерти; словно конь
Пришпоренный, он бросился в огонь.

55

Жуана кровь загло сопротивление;
Мы знаем, что на гонках, на бегах
Весьма легко подобное волнение
И в наших загорается сердцах.

На должном расстоянии, без сомненья,
Он ненавидел зверство, но в боях
Меняются характеры и страсти,
И ваш порыв уже не в нашей власти.

56

Отважный Ласси был со всех сторон
Тесним и сжат. Увидев подкрепление,
Он был и рад, и очень удивлен;
Зато юнцов отважных появленье
С Жуаном во главе тотчас же он
Приветствовал, но только, к сожаленью,
Испанцем он Жуана не признал
И по-немецки речь свою сказал...

57

Язык немецкий был для Дон-Жуана
Не более понятен, чем санскрит,
Но уловил он,— что отнюдь не странно,—
О чем маститый воин говорит.
Свидетельством чинов его и сана
Являлись ленты, звезды, строгий вид,
Украшенные пышно грудь и плечи
И самый тон его любезной речи.

58

На разных языках сквозь шум и чад
Трудненько сговориться, думать надо,
Когда визжит картечь, дома горят
И стоны заглушают канонаду,
Когда в ушах бушуют, как набат,
Все звуки, характерные для ада,—
И крик, и вой, и брань; под этот хор
Почти что невозможен разговор.

59

На то, что длилось меньше двух минут,
Потратил я две длинные октавы,
А бой ревел. Все бушевало тут
В агонии жестокой и кровавой.

Казалось, даже пушки устают
От грохота. И символ злой расправы
Над чувствами людскими — дикий вой,
Протяжный вопль стоял во мгле ночной...

60

Вот враг ворвался в город разоренный...
«Бог создал мир, а люди — города!» —
Воскликнул Каупер — и вполне законно;
А Тир и Ниневия, господа?
А Карфаген и стены Вавилона?
Исчезли, не осталось и следа!
Мы скоро все пойдем, весьма возможно,
Что только жить в лесах вполне надежно.

61

Удачником убийца Сулла слыл;
Ему судьба сама давалась в руки.
По мне же всех людей счастливей был
Охотник Бун, который жил в Кентукки.
За весь свой век он только и убил
Козу или медведя. Слез и муки
Не ведая, в спокойствии души
Он мирно жил в хранительной глуши

62

До старости глубокой. Преступленья
Не омрачило дум его простых;
Здоровье — верный друг уединенья —
Немало дней беспечно-золотых
Ему дало; болезни и сомненья
Теснятся в клетках улиц городских,
А честный Бун провел в лесу и в поле
Лет девяносто — может быть, и боле.

63

И, что всего ценней, оставил он
Надолго память добрую по праву.
(Удел не всех прославленных имен —
Без *доброй* славы что такое слава?)

Пустой кабацкой песенки трезвон!)
Ни ревности, ни зависти лукавой
Не знал отшельник деятельный сей,
Дитя лесов и солнечных полей.

64

Людей он, правда, несколько чуждался,
Включая даже собственную нацию:
Чуть кто-нибудь в лесах его являлся,
Он удалялся в сильной агитации.
По существу, он искренне боялся
Новейших форм и благ цивилизации,
Но, встретив человека одного,
По-братски он приветствовал его.

65

Он не был одинок; сыны природы
Вокруг него доверчиво росли.
Ни меч, ни брань, ни тайные невзгоды
Сей юный мир состарить не могли.
Не зная ни тоски, ни непогоды,
Они на лоне матери-земли
Хранили нравы вольного кочевья,
Свободные, как реки и деревья.

66

От карликовых жалких горожан
Их отличали мужество и сила,
Красивая походка, стройный стан
И простота души. Не превратила
Их мода в изощренных обезьян,
Их жадное стяжанье не томило,
И братья за ружье по пустякам
Ни разу не случилось их стрелкам.

67

Они трудились днем и сладко спали,
Когда спокойный вечер наступал;
Их ни разврат, ни роскошь не смущали,
Ни подкупа порок не обольщал;

Их сердца не тревожили печали,
Их светлый мир был и велик и мал;
В уединенье общины блаженной
Они вкушали радости вселенной.

68

Но полно о природе! Нужно мне
Напомнить о тебе, Цивилизация!
О битвах, о чуме, о злой вине
Тиранов, утверждавших славу пации
Мильонами убитых на войне,
О славе, генералах и реляциях,
Украшивших интимный кабинет
Владычицы шестидесяти лет.

69

Итак, отряды первые вбежали
В горящий осажденный Измаил;
Штыки и сабли яростно сверкали;
Неистово, собрав остатки сил,
Разбитый город турки защищали.
Ужасный вой до неба доходил:
Кричали дети, женщины вопили
В густом дыму и тучах черной пыли.

70

Кутузов (тот, что позже одолел
Не без подмоги стужи Бонапарта)
Под Измаилом еле уцелел;
В пылу неукротимого азарта
С врагом и другом он шутить умел,
Но здесь была поставлена на карту
Победа, жизнь и смерть,— момент настал,
Когда и он смеяться перестал.

71

Он бросился отважно в наступленье
Через глубокий ров. А гренадеры,
Окрасив кровью мутное течение,
Старались не отстать от офицера.

Тут перебили многих (к сожаленью,
Включая генерала Рибопьера),
И мусульмане русских смельчаков
Отбросили со стен обратно в ров.

72

И если бы неведомый отряд,
Случайно потерявший направленье,
Блуждая средь развалин наугад,
Не увидал ужасное скопление
В кровавый ров поверженных солдат
И не явился к ним как избавленье, —
То сам Кутузов, смелый весельчак,
Не выбрался б, я думаю, никак!

73

И вскоре те же самые герои,
Которые Кутузова спасли,
За ним вослед, не соблюдая строя,
Через ворота Килия вошли,
Скользя и спотыкаясь. Почва боя —
Комки замерзшей глины и земли —
Подтаяла к рассвету, размесилась
И в липкое болото превратилась.

74

Казáки (или, может, козаки?
Я не силен, признаться, в орфографии.
Вопрос об удареньях — пустяки;
Лишь тактика нужна да география!),
Наездники лихие, смельчаки,
Казáки плохо знали топографию.
Их турки загоняли в тупики
И там рубили попросту в куски:

75

Казáки под раскаты канонады
Достигли вала и неосторожно
Решили, что закончена осада
И грабежами заниматься можно.

Но турки им устроили засаду:
Они, гяуров пропустив безбожных
До бастионов, бросились на них
И беспощадно перебили их.

76

Внезапно атакованные с тыла,
Что очень неприятно для солдат,
Казачи тщетно напрягали силы
И все легли, как скошенные, в ряд.
Но, впрочем, груда трупов послужила
Отличной лестницей, и, говорят,
По трупам тем Есудцкого колонны
Прошли успешно в город побежденный.

77

Сей храбрый муж всех турок убивал
Ретиво, но и сам в пылу сраженья
Под саблю мусульманскую попал.
Всех турок обуяла жажда мщенья.
Кто больше в этой схватке потерял,
Я не решаюсь высказать сужденье;
Оплачивался жизнью каждый шаг,
И уступал врагу лишь мертвый враг.

78

Вторая наступавшая колонна
Не меньше пострадала; нужно знать,
Что пред атакой доблестной патроны
Не следует солдатам выдавать.
Любой солдат, патронами снабженный
К штыку обычно медлит прибегать,
Укрытъя ищет, держится несмело
И по врагу стреляет без прицела.

79

На выручку героев подбежал
Еще отряд Мекнопа-генерала
(Хоть сам-то генерал уже лежал
Недалеко от вражеского вала).

Никто из смельчаков не замечал,
Что смерть на бастионе бушевала:
Там сераскир отчаянный засел
И ни за что сдаваться не хотел.

80

Пощаду, с разрешенья командира,
Ему Жуан охотно обещал;
Но слов таких не знают сераскиры:
Отважный турок их не понимал.
С гяурами не признавая мира,
Как правоверный, он бесстрашно пал.
Один моряк британский попытался
Забрать его живьем, но сам попался.

81

Спокойно турок поднял пистолет
И уложил противника на месте —
Короткий, но внушительный ответ.
Тут и свинец и сталь, во имя чести
Употребляемые сотни лет,
Над смельчаком свершили дело мести:
Он умер от четырнадцати ран,
А с ним еще пять тысяч мусульман.

82

Да, город пал, не уступив ни шагу
Ценой дешевой. Каждая стена
Оборонялась с дерзостной отвагой.
Не только Смерть была утомлена,
Напившись допьяна кровавой брагой,—
В самой природе, кажется, война,
Как в разогретой зноем почве Нила,
Чудовищные формы породила.

83

Какой-то русский офицер спешил
По грудам тел, и вдруг его зубами
За пятку кто-то яростно схватил,
Как змей, что Еву наградил грехами.

Ругался офицер и волком выл,
На помощь звал и бил врага ногами —
Вцепились зубы в жертву хваткой злой,
Как сатана в наш бедный род людской.

84

Какой-то умирающий, почуя
Пяту врага, тотчас ее схватил
И, в изуверской радости ликуя,
Две челюсти свои соединил
На мякоти, которую зову я
Твоим достойным именем, Ахилл,
И с тем и умер, на ноге героя
Отрубленной повиснув головою.

85

И говорят (хоть тут легко солгать),
Что офицер хромым потом остался,
Поскольку турок челюсти разжать
И после смерти даже отказался.
Хирурга ли должны мы обвинять,
Который этим делом занимался,
Иль яростные зубы мертвеца,
Державшие добычу до конца?

86

Но факт есть факт, и дело только в этом
(Я вымыслов не стал бы излагать);
Особо я советую поэтам
В поэмах измышлений избегать,
Следить за каждой рифмой и куплетом
И, — что и в прозе следует, — не лгать.
Поэты любят ложь, как сахар дети,
И попадают в дьявольские сети.

87

Да, город пал, но он не сдался — нет!
Никто из мусульман не отдал шпаги!
Вода Дуная изменила цвет
От крови их, но, верные присяге,

301

Они врагу упорному в ответ
Являли чудо воинской отваги,
И, право, побежденных каждый стон
Был стоном победивших повторен!

88

Штыки кололи, сабли рассекали,
Людей рубили с маху, как дрова,
Тела убитых почву устилали,
Как осенью опавшая листва,
И, как осенний ветер, завывали
Оставшиеся жить. Почти мертва
Была твердыня, но, теряя силы,
Как подсеченный дуб,— еще грозила.

89

Ужасна эта тема. Никогда
Не взял бы я столь страшного сюжета.
Существованье наше, господа,—
Обычно смена сумрака и света,
И трудно петь о сумраке всегда,
Хоть высшее достоинство поэта
Суметь изгнать и клевету и лесть
И мир изобразить таким, как есть!

90

Но добрый подвиг в море преступленья
(Употребляя фарисейский слог
И вычурно-пустые ухищренья
Любителей элегий и эклог)
Росою благодатной умиленья
Мне освежил октаву, видит бог,
Победным опаленную сраженьем,
Что эпос почитает украшеньем.

91

На бастионе среди бела дня
Валялись трупы женщин. Их застала
Врасплох бесчеловечная резня.
Они лежали грудой, как попало,

А девочка лет десяти, стень,
По этим трупам ползая, рыдала
И призывала в ужасе родных,
Ища защиты от врагов у них.

92

Два казака огромных с пьяным гиком
Гонялись за ребенком. Ни с одним
Животным хищным, мерзостным и диким,
Мы человека-зверя не сравним.
Но в этом унижении великом
Кого мы справедливо обвиним?
Натуру их иль волю государя,
Которому нужны такие твари?

93

От ужаса совсем изнемогал
Ребенок и, под трупы подползая,
Спасенья и убежища искал,
Когда Жуан мой, мимо пробегая,
Увидел это. Что он тут *сказал*,
Я повторить при дамах не дерзаю,
Но то, что *сделал* он, на казаков
Подействовало лучше всяких слов.

94

Плечо он разрубил у одного,
А у другого ногу. Призывая
Чертей и санитаря своего,
Солдаты убежали, завывая.
Остывший после подвига сего,
Мой Дон-Жуан, опасность созная,
Свою добычу за руку схватил
И от кровавой груди оттащил.

95

На личике несчастного созданья,
Смертельно бледном, яркой полосой
Горел багровый шрам — напоминанье,
Что смерть его затронула косой,

Когда сметала все до основания.
Как птичка, оглушенная грозой,
Глаза раскрыв, от страха бездыханна,
Турчаночка взглянула на Жуана.

96

Одно мгновение и она и он
В глаза друг другу пристально глядели,
И мой герой был сильно потрясен;
И боль, и гнев, и гордость овладели
Его душой. Ребенок был спасен;
Еще несмелой радостью блестели
Глаза на бледном личике; оно
Казалось изнутри освещено.

97

Но тут явился Джонсон. Не хочу я
Назвать его бесцеремонно *Джеком*:
Осаду городов живописуя,
Не спорю я с обычаем и с веком.
Итак, явился Джонсон, негодуя:
«Жуан, Жуан! Да будь же человеком!
Я ставлю доллар и клянусь Москвой:
«Георгия» получим мы с тобой!

98

Ты слышал? Сераскира доконали,
Но держится последний бастион.
Там старого пашу атаковали;
Десятками убитых окружен,
Под грохот канонады, мне сказали,
Задумчиво покуривает он,
Как будто пуль и ядер завыванье
Он оставляет вовсе без вниманья.

99

Идем скорее!» — «Нет! — Жуан сказал.—
Я спас ребенка этого: смотри ты!
У смерти я ее отвоевал
И не смогу оставить без защиты!»

Британец головою покачал,
Потеребил свой галстук деловито:
«Ну что ж, ты прав! Ни слова не скажу!
Но как тут быть — ума не приложу!»

100

Жуан сказал: «Себя не пожалею,
Но не рискну ребенком!» — «Это можно! —
Ответил бритт немного веселее. —
Здесь *жизни* не жалеть совсем не сложно,
Но ты *карьерой* жертвуешь своею!»
«Пусть! — возразил Жуан неосторожно. —
За девочку в ответе был бы я:
Она ничья, а следственно — моя!»

101

«Да,— молвил Джонсон,— девочка прелестна,
Но мы не можем времени терять;
Приходится теперь, сознайся честно,
Меж славою и чувством выбирать,
Меж гордостью и жалостью. Нелестно
В подобный час от армии отстать!
Мне без тебя уйти чертовски трудно,
Но опоздать на приступ — безрассудно».

102

Британец друга искренне любил.
Сочувствуя упорству Дон-Жуана,
Он нескольких из роты отрядил
И отдал им ребенка под охрану,
Притом еще расстрелом пригрозил,
Коль с нею что случится. Утром рано
Доставить в штаб они ее должны
И будут хорошо награждены.

103

Он обещал им пятьдесят целковых
И полное участие в разделе
Полученной добычи. Это слово
Солдаты хорошо уразумели,

305

И вот мой Дон-Жуан помчался снова
Туда, где пушки яростно гремели.
Не все ль равно, добыча иль почет,—
Всегда героев выгода влечет.

104

Вот — суть побед и суть людских сердец
(По крайней мере девяти десятых).
Что думал бог — разумный их творец,—
Не нам судить, и мы не виноваты.
Но возвращаюсь к теме наконец.
Итак, в редуте, пламенем объятom,
Держался старый хан, неукротим,
И сыновья держались вместе с ним.

105

Пять сыновей (заслуга полигамии,
Отчизне поставляющей солдат
Десятками!) — такими сыновьями я
Гордиться вместе с ханом был бы рад.
Невольно вспоминаю о Приаме я!
Не верил старый хан, что город взят;
Седой, отважный, верный, стойкий воин,
Он, право, уваженья был достоин.

106

Никто к нему приблизиться не мог,
Но смерть героя трогает героя:
Он полужверь, но он же полубог;
Преобладает все-таки второе.
Увидя, что противник изнемог,
Враги его жалели: ведь порою
Дикарь способен к жалости — весной
И дуб шумит приветливо листвою.

107

На предложенья сдаться старый хан
Косил сплеча с отвагой непреклонной
Вокруг себя десятки христиан,
Как шведский Карл, в Бендерах окруженный,

306

Не слыша пуль, не замечая рап.
Но русские в борьбе ожесточенной
В конце концов разгорячились так,
Что в них источник жалости иссяк.

108

Хотя Жуан и Джонсон применили
Все лучшие восточные сравненья,
Когда его изысканно просили
Не доводить солдат до иступленья, —
На них бросался он в слепом бессилье,
Как богословы в буре словопренья
На скептиков, и, тратя праздный пыл,
Своих друзей, как дети нянек, бил!

109

Он даже их поранить умудрился.
Тут протрезвились Джонсон и Жуан:
Жуан вздохнул, а Джонсон рассердился:
Мол, черт возьми упорство мусульман!
Теперь уже никто не заступился
За храброго противника, но хан
И сыновья его под страшным градом
Еще мгновенье простояли рядом.

110

Сперва погиб, сраженный наповал,
Второй из сыновей; неустрашимый,
Под саблями неверных третий пал,
А пятый (самый смелый и любимый)
Заколот был штыками. Защищал
Отца четвертый сын неумоимо,
Хоть хан его стыдился — ибо он
Был от гречанки-пленницы рожден.

111

Неверных презирающий жестоко,
Неукротимый турок, старший сын,
Был настоящий мученик пророка
И чернооких гурий паладин.

307

В сады аллаха, к роскоши Востока,
На райский шелк пленительных перин,
Как всякая красавица, лукавы,
Они его манили солнцем славы.

112

Зачем в раю им нужен юный хан,—
Красавицы, наверно, лучше знают;
Наверно, седовласым женихам
И гурии юнцов предпочитают.
В объятьях дев не место старикам,—
И вот поля сражений устилают
Десятки тысяч юных мертвецов,
Красивейших и бравых молодцов.

113

Известно мне, что гурии охотно
Супругов похищают молодых,
Когда медовый месяц мимолетный
Цветами счастья украшает их,
Когда мечты о жизни беззаботной
И холостой не привлекают их...
Оспаривают феи, без сомненья,
У смертных это краткое цветенье.

114

О четырех подругах юный хан
Забыл, на гурий устремляя очи:
Отвагою и страстью обуян,
Он помышлял о первой райской ночи.
Так подвиги младых магометан
Безумье окрыляет. Между прочим
Он знал, что рай *один* назначен всем,
А ведь небес-то шесть, а может — семь.

115

Он так спокойно верил, умирая,
Что, ощутив клинок в своей груди,
Он прошептал: «Алла!» — и кущи рая
Прекрасные увидел впереди.

И нему, герою, руки простирая,
Бесплотные воскликнули: «Приди!»
Он солнцу правоверных улыбнулся,
Увидел вечный свет — и задохнулся!

116

И старый хан с восторженным лицом
(Хоть он уже давно не видел гурий)
Склонился над прекрасным мертвецом.
Как молодые кедры, сильной бурей
Сраженные, лежали пред отцом
Все сыновья. Седые брови хмуря,
Прервав сраженье, головой поник
И любовался первенцем старик.

117

Заметив это, русские солдаты
Остановились, думая, что он,
Увидев столь ужасные утраты,
Сообразит, что сдаться принужден.
Но он молчал, отчаяньем объятый,
И вздрагивал и, подавляя стон,
Глядел на сыновей, и ужасался,
Что он один в живых еще остался.

118

Но этот приступ старческой тоски
Недолго продолжался; с болью страстной,
Опомнившись, на русские штыки
Открытой грудью бросился несчастный,
Как на огонь ночные мотыльки.
Любая смерть была теперь прекрасной;
Отчаяньем, как счастьем, окрылен,
От страшных ран мгновенно умер он.

119

Но, как ни странно,— грубые и хмурые
Солдаты, не щадившие детей,
Глядели как бы с жалостью понурою
На старика и мертвых сыновей:

309

Суровые геройские натуры их
Его геройство трогало живей,
Чем вопли слабых, а его презренье
К опасности внушало уваженье.

120

Еще один, последний бастион
Отстреливался стойко; там держался
Паша, своим отрядом окружен,
И с русскими отважно расправлялся.
Раз двадцать отступить заставил он
Штурмующих, пока не догадался
Спросить о ходе битвы и узнал,
Что под ударом русских город пал.

121

Тогда послал он бея к де Рибасу
По поводу условий, а пока
Курил он равнодушно больше часу
С холодным стоицизмом смельчака,
Храня величья важную гримасу,
Разглаживая бороду слегка.
Кто три хвоста на бунчуке имеет,
Тот и тройною силою владеет.

122

Но так или иначе — город пал,
Как муэдзин пророку ни молился
И как паша его ни защищал.
Сребристый полумесяц закатился,
И алый крест над полем засиял.
Не кровью *искупленья* он светился,
Нет — эта кровь по улицам текла,
Как от луны, от зарева светла.

123

Все то, чем леденит и мысль и тело
Глухих легенд причудливая тьма,
Что даже бред рисует нам несмело,
На что способен черт, сойдя с ума;

310

Все ужасы, которые не смела
Изобразить фантазия сама,—
Все силы ада здесь кипели страстью,
Разнуздавшие в буре самовластья.

124

И если состраданье хоть на миг
В какое-нибудь сердце проникало,
Когда младенец милый иль старик
Спасался из бушующего шквала,—
Поступок добрый и предсмертный крик —
Все в море разрушенья утопало.
Вам, жители столиц, пора понять,
Что кроется под словом «воевать»!

125

Какой ценой даются «сообщенья»,
Задумайтесь, любители газет;
Поймите, что гарантии спасенья
У вас самих на будущее нет!
Налоги, Каслрея выступленья,
Восторги Веллингтоновых побед,
Ирландии голодные стенанья —
Везде я вижу предзнаменованья.

126

Но все же, уважая короля,
Цветет патриотическая нация,
Поэты, повелителей хваля,
Всечасно пребывают в экзальтации.
В Ирландии напала на поля
Новейшая чума — пауперизация;
Но это зло корону не смутит:
Георг Четвертый толст и очень сыт.

127

Но я опять от темы отвлекаюсь.
Итак, погиб несчастный Измаил!
Его пожар, в Дунае отражаясь,
Кровавым блеском полночь озарил.

Еще гудели стены, сотрясаясь,
Но оборона выбилась из сил;
Из нескольких десятков тысяч смелых
Едва ли даже сотня уцелела.

128

Но русских мне придется похвалить
За добродетельное поведение —
В наш век развратный надобно ценить
Такое крайне редкое явление!
Сюжет довольно скользкий... Как мне быть?
Ну, словом, многодневные лишения
Влиянье оказали, говорят,
На степень целомудрия солдат.

129

Они, конечно, грабили немало,
Но от насилий, следует сказать,
Едва ли сорок дюжин пострадало.
Не стану о причинах толковать,
Но только вам напомним, что бывало,
Когда случалось город штурмовать
Французам — этой нации приятной,
Но крайне изощренной и развратной.

130

Конечно, в темноте и впопыхах
Могли ошибки мелкие случаться:
Там дым стоял такой во всех домах,
Что впору даже с чертом повстречаться!
Шесть гренадеров, якобы впотьмах,—
Куда тут было толком разобраться!—
Наделали непоправимых бед
С девицами семидесяти лет.

131

Но, в общем, все держались образцово,
Что, говоря по правде, огорчало
Красавиц томных возраста такого,
Которым уж невинность докучала.

312

Роль скорбной жертвы случая слепого
Их ни одной минуты не смущала;
Сабинянок удел казался им,
Сказать по правде, вовсе не плохим.

132

И вдовы проявляли нетерпенье;
Перевалив уже за сорок лет,
Матроны выражали удивленье,
Что массовых насилий вовсе нет.
Но так или иначе, без сомненья
Уставшие от грохота побед,
Солдаты в развлечениях не нуждались,
И вдовы, вероятно, не дождались.

133

Суворов в этот день превосходил
Тимура и, пожалуй, Чингис-хана:
Он созерцал горящий Измаил
И слушал вопли вражеского стана;
Царице он депешу сочинил
Рукой окровавленной, как ни странно —
Стихами: «Слава богу, слава вам! —
Писал он. — Крепость взята, и я там!»

134

Двустигшие это, мнится мне, страшнее
Могучих слов «Мене, Мене, Текел!»,
Которые, от ужаса бледнея,
Избранник Даниил уразумел.
Но сам пророк великой Иудеи
Над бедствием смеяться не посмел,
А этот рифмоплет — Нерону пара! —
Еще острил при зареве пожара.

135

Как страшно эта песенка звучит
Под музыку стенований! Негодую,
Пускай ее потомство повторит.
Я возглашаю: камни научу я

313

Громить тиранов! Пусть не говорит
Никто, что льстил я тронам! Вам кричу я,
Потомки! Мир в оковах рабской тьмы
Таким, *как был он*, показали мы!

136

Нам новый век узреть не суждено,
Но вы, вкушая радость мироздания,—
Поймете ль вы, что было так темно,
Так мерзостно людей существованье!
Да будет навсегда погребено
Презренных этих лет воспоминанье!
Забудьте кровожадных дикарей,
Кичившихся жестокостью своей!

137

Пускай же разукрашенные троны
И все на них сидевшие царьки
Вам чужды, как забытые законы,
Как тайных иероглифов значки
На древних обелисках фараона,
Как мамонтов огромных костяки;
Вы будете глядеть в недоуменье —
Могли ли жить подобные творенья!

138

Итак, читатель, все, что обещал
Я в первой песне,— выполняю честно:
Я все теперь подробно описал:
Любовь, и шторм, и битвы. Как известно,
Эпической поэму я назвал,
И разрешил задачу я чудесно
Назло моим предшественникам; Феб
Мне помогает, волею судеб.

139

Уже не раз на лире сей болтливой
Певучую струну он поправлял
И продолжать рассказ мой прихотливый
Мне так или иначе помогал.

314

Но надоел мне грозный бой шумливый,
Так сделаем же маленький привал,
Пока Жуан в столицу поспешает,
А Петербург депешу предвкушает.

140

Такая честь оказана ему
За то, что он держался и гуманно
И доблестно. Герою моему
Об этом повторяли неустанно.
«Владимиром» по случаю сему
Украсили отважного Жуана,
Но он не им гордился, а скорей
Спасеньем бедной пленницы своей.

141

И в Петербург турчаночка Леила
Поехала с Жуаном. Без жилья
Ее одну нельзя оставить было.
Все близкие ее и все друзья
Погибли при осаде Измаила,
Как Гектора печальная семья.
Жуан поклялся бедное создание
Оберегать — и сдержит обещанье.

Песнь девятая

1

О Веллингтон (иль Villainton ¹ — зовет
Тебя и так двусмысленная слава;
Не победив тебя, не признает
Величья твоего француз лукавый
И, побежденный, каламбуром бьет)!
Хвала! На пенсию обрел ты право.
Кто смеет славы не признать твоей?
Восстанут все и завопят о *Ней*.

2

Неладно ты с Киннердом поступил
В процессе Марине — скажу открыто,
Такой поступок я б не поместил
На славные вестминстерские плиты.
Все остальное мир тебе простил,
И нами эти сплетни позабыты:
Хоть как *мужчина* ты и стал нулем, —
«Героем *юным*» мы тебя зовем.

---

¹ Дурной тон (*франц.*).

Мы знаем, после славного похода
 Тебе даров немало принесли
 За то, что, Реставрации в угоду,
 Ты спас легитимизма костыли.
 Испанцам и французскому народу
 Они прийтись по сердцу не могли,
 Но Ватерлоо заслуженно воспето,
 Хоть не дается бардам тема эта.

Но, что ни говори, война — разбой,
 Когда священных прав не защищает.
 Конечно, ты — «головорез лихой»;
 Так сам Шекспир подобных называет;
 Но точно ль благороден *подвиг* твой —
 Народ, а не тираны, пусть решает.
 А им-то лишь одним и повезло:
 Им и тебе на пользу Ватерлоо.

Но я не льщу; ведь лестью ты упитан!
 Устав от грома битвы, так сказать,
 Герой, когда имеет аппетит он,
 Скорее оды предпочтет глотать,
 Чем острые сатиры. Все простит он
 Тем, кто его способен называть
 «Спасителем» народов — не спасенных,
 И «провиденьем» — стран поработенных.

Иди к столу! Я все сказал, поверь!
 Но вспомни, как наешься до отвала,—
 Солдату, охраняющему дверь,
 Чего-нибудь послать бы не мешало:
 Он тоже ведь сражался, а теперь
 Его уже не кормят, как бывало.
 Никто не отнимает благ твоих,
 Но что-нибудь оставь и для других.

Я не хочу вдаваться в рассужденья,
 Ведь ты велик, ты выше эпиграмм!
 Был в Риме Цинциннат, но отношенья
 Он никакого не имеет к нам.
 Ты, как ирландец, любишь, без сомненья,
 Картофель, но его не садишь сам;
 Сабинская же ферма, к сожалению,
 Народу обошлась в мильон, не менее.

Великие к наградам безучастны:
 Эпаминонд, освободитель Фив,
 Скончался — это знаем мы прекрасно, —
 На похороны денег не скопив...
 И Вашингтона славят не напрасно!
 Великий Питт был с нацией учтив
 (Что патриоту каждому любезно)
 И разорял отчизну безвозмездно.

Ей-богу, даже сам Наполеон,
 Пожалуй, не имел такого случая —
 Спасти от кучки деспотов закон,
 В Европе утвердить благополучие.
 А вышло что? Победы шум и звон
 И пышных славословий благозвучие
 Стихают, а за ними все слышней
 Проклятья нищей родины твоей!

Но муза неподкупна и вольна,
 Она с газетой дружбы не водила;
 Поведает истории она,
 Как пировали жирные кутилы,
 Как их пиры голодная страна
 И кровью и деньгами оплатила.
 Ты многое для *вечности* свершил,
 Но ты о *чело-вечности* забыл.

Смеется смерть — костлявый силуэт,
 Небытия неведомая сила.
 Воскреснет ли весны и солнца свет
 Из темноты загадочной могилы?
 Смеется смерть... И ей заботы нет,
 Кому она страданья причинила.
 Ужасен символ тайны и конца —
 Беззубый смех безглазого лица!

Не то чтобы *улыбка до ушей*,
 А все-таки улыбка остается;
 Без губ и без ушей она страшней:
 Не *слышит* шут, а все-таки смеется
 Над миром и над сущностью вещей;
 Наверно знает он, что доберется
 До каждого и что ему в ответ
 Осклабится ободранный скелет.

Смеется смерть. Печально созерцать
 Веселье устрашающее это;
 Но почему б и жизни не плясать,
 Не радоваться солнечному свету
 И пузырьками пены не мелькать?
 Ведь все равно системы и планеты,
 Века, мгновенья, атомы, миры
 Исчезнут в смене огненной игры.

«Быть или не быть,— сказал Шекспир,— таков
 Вопрос»,— а этот автор нынче в моде.
 Но я не Александр, и гордый зов
Бесплодной славы чужд мне по природе.
 Я Бонапарта уважать готов,
 Но рак его на память мне приходит,
 И я словам абстрактным «власть» и «честь»
 Готов пищеваренье предпочесть.

«O! dura ilia messorum!»¹ — или:
 «Блажен желудок пахаря!» И тот,
 Кого катары злые истомили,
 Такое чувство зависти поймет:
 Не утешает пышность изобилий,
 Когда у вас в кишечнике течет
 Горячий Стикс! Спокойствие желудка —
 Залог любви богов; сие не шутка.

«Быть иль не быть?» Но я хотел бы знать —
 В чем *бытия* неясное значенье?
 Мы очень любим много рассуждать,
 Мы *видим* очень многие явления,
 Но как себя *всевидящим* считать,
 Когда не *видишь* мудрого решенья?
 И жизнь и смерть в пределах бытия
 Сплетенными всегда встречаю я.

«Que sais-je?»² — сказал задумчивый Монтень;
 И он поддержан скептиками всеми:
 На всем сомненья тягостная тень,
 Любой вопрос приводит к этой теме.
 Но как же нам-то быть? Предвижу день:
 Настанет столь «сомнительное» время,
 Когда в самом сомненье буду я
 Иметь сомненье, милые друзья.

Приятно по теченью рассуждений
 С Пирроном умозрительно скользить,
 Но я боюсь опасных приключений
 И не желаю в море уходить;
 К тому же далеко не всякий гений
 Умеет парус вовремя спустить.
 Я тихий бережок предпочитаю,
 Где отдохну я, камушки считая.

¹ «O! крепкие желудки жнецов!» (лат.)

² «Что я знаю?» (франц.)

Припоминаю, Кассио сказал,
 Что небо для молитвы всем открыто,
 Но так как прародитель оплошал,
 На мирозданье божество сердито.
 «И воробей без промысла не пал»;
 А чем же согрешили воробьи-то?
 Уж не сидел ли первый воробей
 На древе, где таился Евин змей?

О боги! Что такое теогония?
 О люди! Что такое филантропия?
 О вечность! Что такое космогония?
 Мне, говорят, присуща мизантропия.
 Но почему? Не знаем ничего ни я,
 Ни этот стол; мне только *ликантропия*
 Понятна: люди все по пустякам
 Легко уподобляются волкам.

Но я ничуть не хуже и не злее,
 Чем Меланхтон и даже Моисей,
 Я обижать невинных не умею
 По самой щепетильности своей;
 Скажите мне, какого ж фарисея
 Затронул я безвинно? Я — злодей?
 Я — мизантроп? А злобные оравы,
 Травившие меня, выходит, правы?

Но возвращусь к роману моему.
 Роман хорош, я в этом убежден,
 Хотя не посчастливилось ему
 Быть понятым, как был задуман он.
 Не скоро миру явится всему
 Свет истины. Пока я принужден
 Смириться, пребывая в ожиданье;
 Я с Истиной делю почет изгнанья!

Вот наш герой, судьбой своей влеком,
 В полярную столицу поспешает —
 К вельможам, пообтесанным Петром.
 Теперь сия империя стяжает
 Немало лести. Жаль признаться в том,
 Но и Вольтер хвалой ее венчает.
 По мне же, самодержец автократ
 Не варвар, по похуже во сто крат.

И вечно буду я войну вести
 Словами — а случится, и делами! —
 С врагами мысли. Мне не по пути
 С тиранами. Вражды святое пламя
 Поддерживать я клялся и блюсти.
 Кто победит, мы плохо знаем с вами,
 Но весь остаток дней моих и сил
 Я битве с деспотизмом посвятил.

Довольно демагогов без *меня*:
 Я никогда не потакал народу,
 Когда, вчерашних идолов кляня,
 На новых он выдумывает моду.
 Я варварство сегодняшнего дня
 Не воспою временщику в угоду.
 Мне хочется увидеть поскорей
 Свободный мир — без черни и царей.

Но, к партиям отнюдь не примыкая,
 Любую я риску оскорбить.
 Пусть так; я откровенно заявляю,
 Что не намерен флюгером служить.
 Кто действует открыто, не желая
 Других вязать и сам закован быть,
 Тот никогда в разгуле рабства диком
 Не станет отвечать шакальим крикам.

Шакалы! Да! Я имя им нашел,
 Поистине достойное названье;
 Случалось мне у разоренных сел
 Их мертвенное слышать завыванье.
 Но все ж, как наименьшее из зол,
 Шакал еще достоин оправданья:
 Шакалы служат льву, я видел сам,
 А люди — угождают паукам.

О, только разорвите паутину —
 Без паутины их не страшен яд!
 Сплотитесь все, чтоб устранить причины,
 Которые тарантулов плодят!
 Когда же рабски согнутые спины
 Все нации расправить захотят?
 Защите поучитесь героической
 У шпанской мухи и пчелы аттической.

О результате славного похода
 Царице Дон-Жуан депешу вез;
 Убитых — как траву, а кровь — как воду,
 Ей доблестный фельдмаршал преподнес.
 Великое побоище народа
 Екатерину заняло всерьез:
 Она, следя за петушиной дракой,
 Своим лишь восхищалась забиякой.

И вот в кибитке скачет мой герой.
 Не пользуйтесь проклятой сей коляской,
 Особенно осеннею порой!
 Но, увлечен грядущего развязкой
 И вымысла заманчивой игрой,
 Он только сожалел, измучен тряской,
 Что не крылаты лошади пока,
 А на сиденье нет пуховика.

Боялся он, что тряска, непогода
Его Леиле могут повредить;
Подобных рытвин и ухабов сроду
Не видывал герой мой. Как тут быть?
Царила там любезная Природа,
Дороги не привыкшая мостить,
А так всегда с угодьями случается,
Которыми сам бог распоряжается.

Ведь бог, как всякий фермер-дворянин,
Аренды не платя, живет без дела;
Но в наши дни, по множеству причин,
Дворянское сословье оскудело,
И вряд ли фермер вылечит один
Цереры обессиленное тело:
Пал Бонапарте — волею судеб
Монархи падают с ценой на хлеб.

Итак, Жуан на пленницу глядел,
От всей души турчаночку жалея.
Кровавые холмы из мертвых тел
Я описать с восторгом не сумею;
Мне шах Надир давно осточертел!
Вы помните кровавого злодея:
Весь Индостан он думал покорить,
А не сумел обед переварить!

Как хорошо из черной бури боя
Созданье беззащитное спасти!
Такой поступок юному герою
Способен больше пользы принести,
Чем лавры с окровавленной листвою,
Воспетые кантатах в двадцати.
Когда сердца людей хранят молчанье,
Все клики славы — праздное бряцанье.

Поэты многотомно-многогласные,
 Десятки, сотни, тысячи писак!
 Вы ложью увлекаетесь опасною,
 Вам платит власть, чтоб вы писали так!
 То вы твердите с пылкостью напрасною,
 Что все налоги подлинный пустяк,
 То на мозоли лордов наступаете
 И о «голодных массах» распеваете.

Поэты!.. Что бишь я хотел сказать
 Поэтам? Не припомню, ей-же-богу.
 Забывчивостью начал я страдать...
 Хотелось мне лачуге и чертогу
 Совет сугубо нужный преподать.
 А впрочем, это лишняя тревога;
 Особого убытка миру нет
 В том, что пропал бесценный мой совет.

Когда-нибудь отыщется и он
 Среди обломков рухнувшего зданья,
 Когда, затоплен, взорван, опален,
 Закончит *старый* мир существованье,
 Вернувшись, после шумных похорон,
 К первичному хаосу мирозданья,
 К великому началу всех начал,
 Как нам Кювье однажды обещал.

И новый мир появится на свет,
 Рожденный на развалинах унылых,
 А старого изломанный скелет,
 Случайно сохранившийся в могилах,
 Потомкам померещится, как бред
 О мамонтах, крылатых крокодилах,
 Титанах и гигантах всех пород.
 Размером этак футов до двухсот.

Когда б Георг был выкопан Четвертый
 Геологами будущей земли,
 Дивились бы они — какого черта
 И где такие чудища росли?
 Ведь это будет мир второго сорта,
 Мельчающий, затерянный в пыли.
 Мы с вами все — ни более, ни менее
 Как черви мирового разложения!

Каким же — я невольно повторяю —
 Покажется большой скелет такой,
 Когда, вторично изгнанный из рая,
 Пахать и пряхсть возьмется род людской?
 О войнах и царях еще не зная,
 Сочтет Георга разум их простой,
 В явленьях разбираться не умея,
 Чудовищем для нового музея.

Но я впадаю в тон метафизический:
 Мир вывихнут, но вывихнут и я.
 От темы безобидно-иронической
 Уводит рассудительность моя.
 Бегите от стихии поэтической!
 Всегда стремитесь, милые друзья,
 Чтоб замысел был ясен, прост и верен,—
 А я менять привычки не намерен.

Я буду отвлекаться, так и быть...
 Но в данный миг я возвращусь к роману.
 Как сказано — во всю ямскую прыть
 Неслась кибитка моего Жуана.
 Но долгий путь вас может утомить,
 И я его описывать не стану;
 Я в Петербурге ждать его готов,
 В столице ярко блещущих снегов.

Смотрите — в форме лучшего полка
 Мой Дон-Жуан. Мундир суконный красный,
 Сверкающий узор воротника.
 Плюмаж — как парус, гордый и прекрасный,
 Густые сливки тонкого чулка
 И желтых панталон отлив атласный
 Обтягивали пару стройных ног,
 Какими Феб — и тот гордиться б мог!

Под мышкой — треуголка, сбоку — шпага,
 Все, чем искусство, слава и портной
 Украсить могут юную отвагу,
 Цветущую здоровьем и весной, —
 Все было в нем. Не делая ни шагу,
 Стоял он статуэткой расписной,
 Как бог любви — ей-ей, не лицемерю я! —
 В мундире лейтенанта артиллерии.

Повязка спала с глаз его, колчан
 И стрелы легкой шпагою сменились,
 А крылышки — и это не изъян! —
 В густые эполеты превратились.
 Он был, как ангел, нежен и румян,
 Но по-мужски глаза его светились.
 Сама Психея, я уверен в том,
 Признала б Купидона только в нем.

Застыли дамы, замерли вельможи — и
 Царица улыбнулась. Фаворит
 Нахмурился: мол, новый-то молоде и
 Меня без церемоний оттеснит!
 Все эти парни рослые, пригожие,
 Как патагонцы brave на вид,
 Имели много прибыли и... дела,
 С тех пор как их царица овдовела.

Жуан не мог поспорить с ними в статности,
 Но грация была ему дана,
 Изящество лукавой деликатности;
 Притом — была и к юношам нежна
 Царица, не лишенная приятности:
 Похоронила только что она
 Любимца своего очередного,
 Хорошенького мальчика Ланского.

Вполне понятно, что могли дрожать
 Мамонов, Строганов и всякий «ов»,
 Что в сердце, столь вместительном, опять
 Найдёт приют внезапная любовь,
 А это не могло не повлиять
 На выдачу чинов и орденов
 Тому счастливцу, чье благополучие,
 Как выражались, «находилось в случае».

Сударыни! Не пробуйте открыть
 Значенье этой формулы туманной.
 Вам Каслрей известен, может быть, —
 Он говорит косноязычно-странно
 И может очень много говорить,
 Все затемняя болтовней пространной.
 Его-то метод подойдет как раз,
 Чтоб этот термин ясен стал для вас!

О, это хитрый, страшный, хищный зверь,
 Который любит сфинксом притворяться;
 Его слова, невнятные теперь,
 Его делами позже разъяснятся.
 Свинцовый идол Каслрей! Поверь,
 Тебя и ненавидят и боятся.
 Но я для дам припомнил анекдот,
 Его любая, думаю, поймет.

Однажды дочь Британии туманной
 Просила итальянку рассказать
 Обязанности касты очень странной —
 «Cavalier servente»? Как понять,
 Что многим дамам кажется желанной
 Судьба таким «слугою» обладать?
 «Ищите, — та ответила в смущенье, —
 Ответ у своего *воображенья!*»

Вообразить сумеете и вы,
 Что, будучи любимцами царицы,
 Любимцами фортуны и молвы
 Становятся означенные лица.
 Но очень шаток этот пост, увы!
 И стоит только снова появиться
 Отменной паре крепких, сильных плеч, —
 Как этот пост уже не уберечь.

Мой Дон-Жуан был мальчик интересный
 И сохранивший юношеский вид
 В том возрасте, в котором, как известно,
 Обильная растительность вредит
 Красивости. Не зря Парис прелестный
 Позором Менелая знаменит:
 Не зря бракоразводные законы
 Начало повели из Илиона!

Екатерина жаловала всех,
 За исключением собственного мужа.
 Она предпочитала для утех
 Народ плечистый и довольно дюжий;
 Но и Ланской имел у ней успех,
 И милостями взыскан был не хуже,
 И был оплакан — прочим не в пример, —
 Хотя сложенъем был не гренадер!

О ты, «tetergima causa»¹ всяких «belli»²,
 Судеб неизъяснимые врата!
 Тобою открывается доселе
 Небытия заветная черта!
 О сущности «паденья» в самом деле
 Мы до сих пор не знаем ни черта;
 Но все паденья наши и паренья
 Подчинены тебе со дня творенья.

Тебя считали худшей из причин
 Раздоров и войны, но я упорно
 Считаю лучшей, — путь у нас один
 К тебе, стихия силы животворной;
 Пускай тебе в угоду паладин
 Опустошает землю — ты проворно
 Ее целишь и населяешь вновь,
 Богиня плоти, вечная Любовь!

Царица этой силой владала
 В избытке; и с умом и с мастерством
 Она ее отлично применяла
 В прославленном правлении своем.
 Когда она Жуана увидала
 Коленопреклоненного с письмом,
 Она забыла даже на мгновенье,
 Что это не письмо, а донесенье.

Но царственность ее превозмогла
 Четыре пятых женского начала:
 Она депешу все-таки взяла
 И с милостивым видом прочитала.
 Толста на первый взгляд она была,
 Но благородной грацией сияла.
 Вся свита настороженно ждала,
 Пока ее улыбка расцвела.

¹ «Худшая причина» (лат.).

² «Войн» (лат.).

Во-первых, ей весьма приятно было
 Узнать, что враг разбит и город взят.
 Хотя она на это уложила
 Не тысячу, а тысячи солдат,
 Но те, кому даются власть и сила,
 О жертвах сокрушаться не хотят,
 И кровь не насыщает их гордыню,
 Как влага — Аравийскую пустыню.

Затем ее немного рассмешил
 Чудак Суворов выходкой своею:
 Развязно он в куплетец уложил
 И славу, и убитых, и трофеи:
 Но женским счастьем сердце озарил
 Ей лейтенант, склоненный перед нею.
 Ах! Для него забыть она б могла
 Кровавой славы грозные дела!

Когда улыбкой первой озарились
 Царицы благосклонные черты,
 Придворные мгновенно оживились,
 Как вспыснутые дождем цветы,
 Когда же на Жуана обратились
 Ее глаза с небесной высоты,
 То все застыли в сладком ожидании,
 Стараясь упредить ее желания.

Конечно, ожирения следы
 Лицо ее приятное носило;
 На зрелые и сочные плоды
 Она в своем расцвете походила.
 Любовникам за нежные труды
 Она не только золотом платила;
 Амура векселя могла она
 По всем статьям оплачивать сполна.

Награда за услугу и геройство
 Приятна, но царица, говорят,
 Имела столь пленительные свойства,
 Что привлекать могла б и без наград!
 Но царских спален таково устройство,
 Что завсегдатай их всегда богат,—
 Она мужчин любила и ценила,
 Хоть тысячи их в битвах уложила.

Вы говорите, что мужчина странен?
 А женщина еще того странней:
 Как легкий ум ее непостоянен!
 Как много разных прихотей у ней!
 Сегодня — взор слезою затуманен,
 А завтра — зимней выюги холодней.
 Чему тут верить? Чем вооружиться?
 А главное — на что тут положиться?

Екатерина — *ох!* Царица — *ах!*
 Великим междометьям подобают:
 В любви и в государственных делах
 Они смятенье духа выражают,
 Хоть было лестно ей узнать, что в прах
 Повержен враг, что Измаил пылает,
 Всему могла царица предпочесть
 Того, кто ей доставил эту весть.

Шекспировский Меркурий опустился
 «На грудь горы, лобзавшей облака»,—
 И мой герой Меркурием явился.
 «Гора» была, конечно, высока,
 Но лейтенант отважный не смутился;
 Любая круча в юности легка,
 Не разберешься в вихре нежной бури,
 Где небо, где гора, а где Меркурий.

Вверх глянул он, вниз глянула она.
 В нем каждое ей нравилось движенье.
 Ведь сила Купидонова вина
 Великое рождает опьяненье.
 Глотками пей иль сразу все до дна —
 От такого зелья нет спасенья:
 Магическая сила милых глаз
 Все, кроме слез, испепеляет в нас.

А он? Не знаю, полюбил ли он,
 Но ощутил тревожную истому
 И был, что называется, польщен.
 Ведь многим страсть подобная знакома,
 Когда талант бывает поощрен
 Восторгами влиятельного дома
 В лице красивой дамы средних лет,
 Чье мненье уважает высший свет.

Притом и возраст был его такой,
 В котором возраст женщин безразличен.
 Как Даниил во львином рву, герой
 В страстях и силе был неограничен
 И утолять природный пламень свой
 При всяких обстоятельствах привычен.
 Так утоляет солнце страстный зной
 В больших морях и в лужице любой.

Екатерина, следует сказать,
 Хоть нравом и была непостоянна,
 Любовников умела поднимать
 Почти до императорского сана.
 Избранник августейший, так сказать,
 Был только по обряду *невенчанный*
 И, наслаждаясь жизнью без забот,
 О жале забывал, вкушая мед.

Сюда прибавь изящные манеры,
Глаза, в которых разум отражен, —
Они, прошу прощенья, были серы,
Но этот цвет хорош, коль взор умен.
Тому великолепные примеры —
Мария Стюарт и Наполеон,
Да и глаза Паллады непокорные —
Никак не голубые и не черные.

Ее улыбка, плавность полноты
И царственная прихоть предпочтенья
Столь мужественным формам красоты,
Каким не отказала б в иждивенье
И Мессалина, все ее черты,
Ее живое, сочное цветенье —
Все это вместе, что и говорить,
Могло мальчишке голову вскружить.

А всякая любовь, как состоянье,
Тщеславна от начала до конца.
(Я исключаю случаи страданья,
Когда неукротимые сердца
Вдруг загорятся жаждой обладанья
От преходящей прелести лица,
За что философ — прочим в назиданье —
Назвал любовь «пружиной мирозданья».)

Мы любим от мечтательной тоски
И платонически и как супруги
(Для рифмы говоря — «как голубки»:
Я знаю, смысл и рифма — не подруги,
И слишком часто смыслу вопреки
Рифмачества убогие потуги
В стихи вставляют слово... Как тут быть?),
Но я хочу о чувствах говорить!

Стремленье к совершенству познаем
 Мы все в томленье плоти ежечасном,
 В стремленье тела слиться с божеством,
 Являющимся в облике прекрасном.
 Блаженный миг! О, как его мы ждем
 С волнением лихорадочным и страстным,
 А суть ведь в том, что это — путь прямой,
 Чтоб бренной плотью дух облечь живой.

Я дорожу любовью платонической,
 Ей первенство по праву надлежит;
 Вторую я назвал бы «канонической»,
 Поскольку церковь к ней благоволит;
 Но третий вид — поистине классический —
 Во всем крещеном мире знаменит;
 Сей вид союза можно без опаски
 Назвать лукаво браком в полумаске.

Но полно, полно, ждет меня рассказ.
 Царицыны любовь иль вождельенье
 Жуану льстили. Странно — всякий раз,
 Когда про эти думаю явления,
 Не замечает мой привычный глаз
 Различья между ними; без сомненья,
 Царица страстной жепщиной была
 И не скромней швеи себя вела...

Придворные шептались, — правда, чинно, —
 К ушам соседа приложив уста,
 У фрейлин старых морщились морщины,
 А юные, которых красота
 Еще цвела, сочувственно-невинно
 Смеялись меж собой. Но неспроста
 Все гренадеры, первенцы удачи,
 Молчали, от досады чуть не плача.

Лукавые заморские послы
 Осведомлялись — кто сей отрок новый,
 Который пробирается в орлы,
 Которому уже почти готовы
 И должности, и пышные хвалы,
 И награждений дождь многорублевый,
 И ордена, и ленты, и к тому ж
 Дарения десятков тысяч душ!

Она была щедра; любовь такая
 Всегда щедрa! И, к сердцу путь открыв,
 Она во всем счастливицу потакает,
 Все прихоти его предупредив.
 Хотя жена была она плохая,
 Но, строго Клитемнестру осудив,
 Скажу: не лучше ль одному скончаться,
 Чем вечно двум в оковах оставаться?

Екатерина всем давала жить,
 С ней нашу не сравнить Елизавету
 Полуневинную; скупясь платить,
 Всю жизнь скучала королева эта.
 Избранника могла она казнить
 И горевать о нем вдали от света...
 Подобный метод флирта глуп и зол,
 Он унижает сан ее и пол.

Закончился прием. Пришли в движенье
 Придворные, пристойно расходясь.
 Шуршали платья в шелковом волненье.
 Вокруг Жуана ласково теснясь.
 Послы передавали поздравленья
 Своих монархов. Сразу поднялась
 Сумятица восторгов; даже дамы
 Ему любовь высказывали прямо.

Вокруг себя увидел мой герой
 Все формы лести самой непритворной —
 И что же? Этой праздною игрой
 Уже он забавлялся, как придворный:
 Особ высоких созерцая строй,
 Он кланялся, любезный и покорный,
 Как знамя красоту свою неся,
 Манерами чаруя всех и вся.

Екатерина всем понять дала,
 Что в центре августейшего вниманья
 Стал лейтенант прекрасный. Без числа
 Он принимал придворных излиянья,
 Потом его с собою увела
 Протасова, носившая названье
 Секретной *érouveuse* ¹ — признаюсь,
 Перевести при музе не решусь.

Обязанности скромно подчинясь,
 Он удалился с ней — и я, признаться,
 Хотел бы удалиться: мой Пегас
 Еще не утомился, может статься,
 Но, право, искры сыплются из глаз,
 И мысли как на мельнице кружатся.
 Давно пора и мозг и нервы мне
 Подправить в деревенской тишине.

---

¹ Испытательница (*франц.*).

Песнь десятая

1

Когда однажды, в думу погружен,
Увидел Ньютон яблока паденье,
Он вывел притяжения закон
Из этого простого наблюденья.
Впервые от Адамовых времен
О яблоке разумное сужденье
С паденьем и с законом тайных сил
Ум смертного логично согласил.

2

Так человека яблоко сгубило,
Но яблоко его же и спасло,—
Ведь Ньютона открытие разбило
Неведенья мучительное зло.
Дорогу к новым звездам проложило
И новый выход страждущим дало.
Уж скоро мы, природы властелины,
И на луну пошлем свои машины!

3

К чему тирада эта? Просто так!
Я взял перо, бумагу и чернила,
Задумался, и — вот какой чудак! —
Фантазия во мне заговорила!

Я знаю, что поэзия — пустяк,
Что лишь наука — действенная сила,
Но все же я пытаюсь, ей вослед,
Чертить движенье вихрей и комет.

4

Навстречу вихрям я всегда бросался,
Хотя мой телескоп и слаб и мал,
Чтоб видеть звезды. Я не оставался
На берегу, как все. Я воевал
С пучиной вечности. Ревя, вздымался
Навстречу мне неукротимый вал,
Губивший корабли; но шторма сила
Меня и крепкий челн мой не страшила.

5

Итак, Жуана, как героя дня,
Заря фаворитизма ослепляла,
Прекрасными надеждами маня;
О прочем *музы* знают очень мало,
Хоть на посылках *музы* у меня.
Условность этикета допускала
Их лишь в гостинные, и было им
Не уследить за юношей моим.

6

Но ясно нам, что, крылышки имея,
Он полетит, как голубь молодой
Из книги псалмопевца-иудея.
Какой старик, усталый и седой,
Далеко от земли парить не смея
Унылой подагрической мечтой,
Не предпочел бы все же с сыновьями
Вздыхать, а не кряхтеть со стариками?

7

Но все пройдет. Страстей спадает зной,
И даже реки вдовьих слез мелеют,
Как Арно жарким летом, а весной
Клокочет он, бурлит и свирепеет,

Огромно поле горести земной,
Но и веселья нива не скудеет,
Лишь был бы пахарь, чтобы стать за плуг
И наново вспахать весенний луг.

8

Но часто прерывает вздыханья
Зловещий кашель; о, печальный вид,
Когда рубцами раннего страданья
Лилейный лоб до времени изрыт,
Когда румянца жаркое пыланье,
Как небо летним вечером, горит!
Сгорают все — мечтой, надеждой, страстью —
И умирают; это тоже счастье!

9

Но умирать не думал мой герой,
Он был, наоборот, в зените славы
И вознесен причудливой игрой
Луны и женской прихоти лукавой.
Но кто вздыхает летнею порой
О будущей зиме? Обычай здравый —
Побольше греться в солнечные дни,
Чтоб на зиму запомнились они.

10

Жуана свойства дамы средних лет
Скорее, чем девицы, замечали;
У молодых к любви привычки нет,
Они ее по книжкам изучали —
Их помыслы мутит любой поэт
Причудами лирической печали.
Ах! Возраст милых женщин, мнится мне,
Высчитывать бы надо по луне!

11

Как и луна, они непостоянны,
Невинны и лукавы, как луна;
Но на меня клеветают непрестанно,
Что фраза каждая моя грешна

И — это пишет Джеффри, как ни странно,—
«Несдержанна и вкуса лишена».
Но все нападки Джеффри я прощаю:
Он сам себе простит, я полагаю.

12

Уж если другом стал заклятый враг,
Он должен честно другом оставаться:
В подобных случаях нельзя никак
Нам к ненависти прежней возвращаться.
Мне эта ненависть противна, как
Чесночный запах, но остерегаться
Прошу вас: нет у нас врагов страшней,
Чем жены и подруги прошлых дней.

13

Но нет пути обратно ренегатам;
Сам Саути, лжец, пройдоха и лакей,
Из хлева, где слывет лауреатом,
Не возвратится к юности своей,
Когда был реформатором завзятым.
По мнению всех порядочных людей,
Честить того, кто не в чести,— бесчестно,
Да будет это подлецам известно!

14

И критик и юрист обречены
Рассматривать безжалостно и хмуро
С невыгодной обратной стороны
И человека и литературу.
Им все людские немощи видны,
Они отлично знают процедуры
И, как хирурги, вскрыв любой вопрос,
Суют нам суть явлений прямо в нос.

15

А кто юрист? Моральный трубочист,
Но должность у него похуже даже!
Он часто сам становится нечист
От нравственной неистребимой *сажи*;

Из тридцати едва один юрист
Нам душу незапятнанной покажет.
Но ты, мой честный критик и судья,
Ты так же чист, как Цезарь,— знаю я!

16

Оставим наши прежние разлады,
Мой милый Джеффри; это пустяки!
Марионеткой делаться не надо,
Внимая праздных критиков свистки.
Вражда прошла, и пали все преграды.
Я пью за «Auld Lang Syne»¹ и за стихи,
За то, что я, в лицо тебя не зная,
Тебя судьбою честным почитаю.

17

И если мне за родину мою
С тобою пить, быть может, не случится,
Я с Вальтер Скоттом чашу разопью
В его почтенной северной столице.
Я снова годы детства узнаю,
Я снова рад беспечно веселиться;
В Шотландии родился я и рос,
И потому растроган я до слез.

18

Я вижу снова цепи синих гор,
Луга, долины, светлые потоки,
Береты, плоды, непокорный взор —
Младенческой романтики уроки!
И Дий, и Дон я помню до сих пор,
И мост Балгунский, черный и высокий,
И «Auld Lang Syne», как отблеск юных дней,
Сияет снова в памяти моей.

19

Не поминайте ж мне, что я когда-то,
В приливе бурных юношеских сил,
С досады оскорбил насмешкой брата,
Когда меня он слишком раздразнил.

---

¹ «Давние времена, доброе старое время» (шотл.).

Признаться, мы ведь оба виноваты,
И я не мог сдержать драчливый пыл:
Во мне шотландца сердце закипело,
Когда шотландца брань меня задела.

20

Я не сужу, реален или нет
Мой Дон-Жуан, да и не в этом дело;
Когда умрет ученый иль поэт,
Что в нем реальней — мысли или тело?
Причудливо устроен белый свет!
Еще пытливость наша не сумела
Решить проблему вечности, и нам
Невнятна суть вещей ни здесь, ни там.

21

Жуан мой стал российским дворянином,
Не спрашивайте, *как и почему*, —
Балы, пиры, изысканные вина
Согрели даже русскую зиму!
В такой момент способны ли мужчины
Противиться соблазну своему?
Подушке даже лестно и приятно
Лежать на царском троне, вероятно.

22

Жуану льстила царская любовь;
Хотя ему порой бывало трудно,
Но, будучи и молод и здоров,
Справлялся он с обязанностью чудно;
Он цвел, как деревце, и был готов
Любить, блистать, сражаться безрассудно.
Лишь в старости унылой и скупой
Всего дороже деньги и покой.

23

Но, видя (что отнюдь не удивительно!)
Заманчиво-опасные примеры,
Он начал наслаждаться расточительно
И пользоваться жизнью свыше меры.

Оно и для здоровья ощутительно;
Слаб человек, а во хмелю карьеры
Себялюбив становишься порой,
И сердце покрывается корой.

24

Я рад заняться нашей странной парой;
Но офицера юного союз
С императрицей, в сущности *нестарой*,
Подробно описать я не решусь.
Не восстановит молодости чары
Ни власть монарха, ни усердье муз.
Морщины.— эти злые демократы —
Не станут льстить ни за какую плату!

25

А Смерть — владыка всех земных владык,
Вселенский Гракх — умело управляет.
Любого, как бы ни был он велик,
Она своим законам подчиняет
Аграрным. И вельможа и мужик
Надел один и тот же получают,
Безропотно реформе подчинясь,—
И никакой не спорит с нею князь.

26

Жуан мой жил, не тяготясь нимало,
В чаду безумств, балов и баловства,
В стране, где все же иногда мелькала
Сквозь тонкие шелка и кружева
Медвежья шкура. Роскошь обожала
Российская,— подобные слова,
Быть может, неприличны для царицы,—
Российская венчанная блудница.

27

О чем же мне писать? Кого судить?
Как сложен мой роман замысловатый!
Притом я сам готов уже вступить
В сей Дантов лес, дремучий и проклятый,

Где лошадей приходится сменить
И, умеря жизненные траты,
В последний раз на молодость взглянуть —
Смахнуть слезу и... грань перешагнуть!

28

Я вспоминать об этом не хочу,
Но одержим сей мыслью бесполезной;
Так скалы покоряются плющу,
А любящим устам — уста любезной.
Я знаю, скоро и мою свечу
Погасит ветер, веющий из бездны.
Но полно! Не хочу морочить свет!
Я все же не философ, а поэт.

29

Заискивать Жуану не случилось;
Другие все заискивали в нем.
Его порода всем в глаза бросалась,
Как в жеребце хорошем племенном.
В нем красота отлично сочеталась
С мундиром; он сиял в мундире том,
Как солнце. Расцветал он, как в теплице,
От милостей стареющей царицы.

30

Он написал в Испанию к родным,
И все они, как только услышали,
Что он судьбою взыскан и любим,—
Ему ответы сразу написали.
Иные в предвкушенье русских зим
Мороженым здоровье укрепляли,
Твердя, что меж Мадридом и Москвой
Различья мало — в шубе меховой!

31

Премудрая Инеса с одобреньем
О процветанье первенца прочла.
Он бросил якорь с подлинным уменьем,
Исправив сразу все свои дела;

345

Его благоразумным поведением
Инеса нахвалиться не могла
И впредь ему советовала нежно
Держаться так же мудро и прилежно.

32

Вручала, по обычаю отцов,
Его судьбу мадонне и просила
Не забывать в стране еретиков
Того, чему религия учила;
Об отчине, не тратя лишних слов,
И о рожденье братца сообщила
И в заключение — похвалила вновь
Царицы *материнскую* любовь.

33

Она бы этих чувств не одобряла
И не хвалила, но царицын сан,
Ее лета, подарки — все смиряло
Злословие, как верный талисман.
Притом себя Инеса уверяла,
Что в климате таких холодных стран
Все чувства замирают в человеке,
Как тяжким льдом окованные реки.

34

О, дайте *сорок* мне *поповских сил*
Прославить Лицемерие прекрасное,—
Я б гимны Добродетели трубил,
Как сонмы херувимов сладкогласные!
И в бабушкин рожок я б не забыл
Трубить хвалы: глуха была, несчастная,
А все внучат любила заставлять
Божественные книги ей читать.

35

В ней было лицемерия не много;
Всю жизнь она попасть мечтала в рай
И ревностно выплачивала богу
Свой маленький, но неизменный пай.

Расчет разумный, рассуждая строго:
Кто заслужил, тому и подавай!
Вильгельм Завоеватель без стеснения
Использовал сей принцип поощренья.

36

Он отобрал, не объяснив причин,
Обширные саксонские владенья
И роздал, как хороший господин,
Норманнам за усердное служенье.
Сия потеря сотен десятин
Несчастных саксов ввергла в разоренье,
Норманны, впрочем, на земле своей,
По счастью, понастроили церквей.

37

Жуан, как виды нежные растений,
Суровый климат плохо выносил
(Так не выносят короли творений,
Которые не Саути настрочил).
Быть может, в вихре зимних развлечений
На льду Невы о юге он грустил?
Быть может, забывая долг для страсти,—
Вздыхал о Красоте в объятьях Власти?

38

Быть может... Но к чему искать причину?
Уж если заведется червячок,
Он не щадит ни возраста, ни чина
И точит жизни радостный росток.
Так повар заставляет господина
Оплачивать счета в законный срок,
И возражать на это неуместно:
Ты кушал каждый день? Плати же честно!

39

Однажды он почувствовал с утра
Озноб и сильный жар. Царица, в горе,
Врача, который пользовал Петра,
К нему послала. С важностью во взоре,

К великому смятению двора,
Жуана осмотрев, сказал он вскоре,
Что частый пульс, и жар, и ломота
Внушают опасенья неспроста!

40

Пошли догадки, сплетни, обсужденья.
Иные на Потемкина кивали,
Его подозревая в отравленье;
Иные величаво толковали
О напряженье, переутомленье
И разные примеры называли;
Другие полагали, будто он
Кампанией последней утомлен.

41

Его лечили тщательно, по плану,
Микстурами заполнив пузырьки:
Пилюли, капли, *Ipecacuanhae*,
*Tincturae Sennae Haustus*¹, порошки...
Рецепты у постели Дон-Жуана
Звучали, как латинские стихи:
Bolus Potassae Sulphuret sumendus,
*Et haustus ter in die capiendus*².

42

Так доктора нас лечат и калечат
*Secundum artem*³ — все вольны шутить,
Пока здоровы, а больной лепечет,
Что доктора бы надо пригласить!
Когда судьба о жизни жребий мечет
И бездна нас готова поглотить,
Мы закоцитных стран не воспеваем,
А робко Эскулапа призываем.

---

¹ Смесь из ипекакуаны и настойки сенны (лат.).

² Принимать пилюли сернокислого калия и трижды в день пить микстуру (лат.).

³ По правилам искусства (лат.).

Мой Дон-Жуан едва не умер, но
 Упорная натура одолела
 Болезнь, хоть это было мудрено.
 Однако на щеках его алело
 Здоровье слабым отблеском — оно
 Пока еще лишь теплилось несмело;
 Врачи усердно стали посему
 Твердить о путешествиях ему.

«Южанам климат севера вредит!» —
 Решили все. Царица поначалу
 Имела хмурый, недовольный вид
 (Она терять любимца не желала!);
 Но, видя, как теряет аппетит
 И тает он, — она затрепетала
 И сразу средство мудрое нашла:
 Развлечь Жуана должностью посла!

В то время шли как раз переговоры
 Меж русским и английским кабинетом.
 Все дипломаты — нации опора —
 Им помогали делом и советом;
 О Балтике велись большие споры
 И о правах торговли в море этом
 (Известно, что Фетиду бритт любой
 Считает юридически рабой).

Екатерина даром обладала
 Друзей и фаворитов ублажать.
 Она Жуана в Англию послала —
 Чтоб собственную славу поддержать
 И отличить его; она желала
 Его в достойном блеске показать
 И посему казны не пожалела
 Для пользы государственного дела.

Ей все давалось; дива в этом нет —
 Ей было все покорно и подвластно,
 Но прихоти свои на склоне лет
 Она переживала очень страстно
 И, как легко заметил высший свет,
 Жуана проводив, была несчастна.
 Она, не перестав его любить,
 Его была не в силах заменить.

Но время все залечивает раны,
 А кандидатам не было числа;
 Когда настала ночь, и без Жуана
 Она прекрасно время провела.
 Носителя желаемого сана
 Она еще наметить не могла:
 Она их примеряла, и меняла,
 И состязаться им предоставляла!

Пока на пост героя моего
 Вакансии, как видите, открыты,
 Мы проводить попробуем его.
 Из Петербурга ехал он со свитой;
 Он получил в подарок, сверх всего,
 Возок Екатерины знаменитый,
 Украшенный царицыным гербом.
 Она Тавриду посещала в нем.

Он вез с собой бульдога, горностая
 И снегиря; веселый мой герой,
 К зверям пристрастие нежное питая,
 Охотно с ними тешился игрой.
 (Пусть мудрецы определяют, какая
 Тому причина, сложная порой.)
 Котят и птиц он обожал до страсти —
 Был вроде старых дев по этой части!

Его сопровождали пять возков,
 В которые царица поместила
 Секретарей и бравых гайдуков;
 А с ним была турчаночка Леила,
 Которую от сабель казаков
 Он спас во время штурма Измаила.
 (Ты улыбнулась, муза, вижу я;
 Тебе по сердцу девочка моя!)

Она была скромней и тише всех:
 Нежна, бледна, серьезна и уныла.
 Так выглядел, наверно, человек
 Среди мамонтов и древних крокодилов
 Великого Кювье. Земных утех
 И радостей не ведала Леила.
 Особенного дива в этом нет —
 Бедняжке было только десять лет.

Жуан ее любил. Да и она
 Его любила. Но, скрывать не стану,
 Любви такой природа мне темна:
 Для нежности отцовской — будто рано,
 А братская любовь — не столь нежна!
 Но, впрочем, будь сестра у Дон-Жуана, —
 Я, в общем, даже склонен допустить,
 Он мог бы горячо ее любить.

Но чувственности в нем, вполне понятно,
 Леила не могла бы вызывать;
 Лишь старым греховодникам приятно
 Плоды совсем незрелые срывать:
 Кислоты им полезны, вероятно,
 Чтоб стынущую кровь разогреть.
 Жуан был платоничен, я ручаюсь,
 Хоть забывал об этом, увлекаясь.

В душе Жуана нежность расцвела,
 И был он чужд греховным искушениям.
 Ему сиротка-девочка была
 Обязана свободой и спасеньем.
 Она была покорна и мила,
 И лишь одно он встретил с огорченьем:
 Турчаночка, упрямая как бес,
 Креститься отказалась наотрез.

Пережитые ужасы едва ли
 Любовь к аллаху в ней искоренили:
 Три пастыря ее увещевали,
 Но отвращенья в ней не победили
 К святой воде. Леилу не прельщали
 Попы; что б ей они ни говорили,
 Она твердила сумрачно в ответ,
 Что выше всех пророков Магомет.

Жуана одного она избрала
 Из христиан и одному ему
 Бесхитростное сердце доверяла,
 Сама не понимая почему.
 Конечно, эта парочка являла
 Забавный вид: герою моему,
 По молодости лет, приятно было,
 Что им оберегаема Леила.

Итак, в Европу спешает он;
 Вот миновал плененную Варшаву,
 Курляндию, где с именем «Бирон»
 Всплывает фарс постыдный и кровавый...
 Здесь в наше время Марс-Наполеон
 Шел на Россию за сиреной Славой
 Отдать за месяц стужи лучший цвет
 Всей гвардии и двадцать лет побед.

Тогда разбитый бог воскликнул: «O!
 Ma vieille Garde!»¹ — только не примите
 Анжамбеман в насмешку и во зло:
 Пал громовержец, что ни говорите,
 Убийце Каслрею повезло.
 Замерзла наша слава. Но впемлите —
 Костюшко! Это слово, как вулкан,
 Пылает и во льдах полярных стран.

Жуан увидел Пруссию впервые
 И Кенигсберг проездом посетил,
 Где в те поры цвела металлургия
 И жил профессор Кант Иммануил;
 Но, презирая диспуты сухие,
 В Германию герой мой покати,
 Где мелкие князья неугомонно
 Пришпоривают подданных мильоны.

Потом, минуя Дрезден и Берлин,
 Они достигли гордых замков Рейна...
 Готический пейзаж! Не без причин
 Поэты чтут тебя благоговейно!
 Прекрасен вид торжественных руин —
 Ворота, башни, стен изгиб затейный;
 Тут унести мечтой могу и я
 Куда-нибудь на грани бытия.

Но милый мой Жуан стремился мимо.
 Проехал Маннгейм он, увидел Бонн
 И Драхенфельс, глядящий нелюдимо,
 Как привиденье рыцарских времен;
 Был в Кельне; каждый там неотвратимо
 Почтить святые кости принужден
 Одиннадцати тысяч дев — блаженных
 И потому, наверное, нетленных!

---

¹ Моя старая гвардия! (франц.)

Голландия — страна больших плотин —
 Открылась путешественника взгляду.
 Там много водки пьет простолюдин
 И видит в этом высшую награду;
 Сенаты без особенных причин
 Стремятся запретить сию отраду,
 Которая способна заменить
 Дрова, обед — и шубу, может быть!

И вот — пролива пенистые воды
 И пляшущего шторма озорство
 Под парусами к острову свободы
 Уже несут героя моего.
 Он не боится ветреной погоды,
 Морской недуг не трогает его;
 Он только хочет первым, как влюбленный,
 Увидеть белый берег Альбиона!

И берег вырос длинною стеной
 У края моря. Сердце Дон-Жуана
 Забилось. Меловою белизной
 Залюбовался он. Сквозь дым тумана
 Все путники любят страну,
 Где смелые купцы и капитаны,
 Споровки предприимчивой полны,
 Берут налоги чуть ли не с волны.

Я, правда, не имею основанья
 Сей остров с должной нежностью любить,
 Хотя и признаю, что англичане
 Прекрасной нацией *могли бы быть*;
 Но за семь лет — обычный срок изгнанья
 И высылки — пора бы позабыть
 Минувшие обиды, ясно зная:
 Летит ко всем чертям страна родная.

О, знает ли она, что каждый ждет
 Несчастия, которое б сломило
 Ее величье? Что любой народ
 Ее считает злой, враждебной силой
 За то, что всем, кто видел в ней оплот,
 Она, как друг коварный, изменила
 И, перестав к свободе призывать,
 Теперь и мысль готова заковать.

Она тюремщик наций. Я ничуть
 Ее свободе призрачной не верю;
 Не велика свобода — повернуть
 Железный ключ в замке тяжелой двери.
 Тюремщику ведь тоже давит грудь
 Унылый гнет тоски и недоверья,
 Он тоже обречен на вечный плен
 Замков, решеток и унылых стен.

Жуан увидел гордость Альбиона —
 Твои утесы, Дувр мой *дорогой*,
 Твои таможни, пристани, притоны,
 Где грабят простаков наперебой,
 Твоих лакеев бойких батальоны,
 Довольных и добычей и судьбой,
 Твои непостижимые отели,
 Где можно разориться за неделю!

Жуан — беспечен, молод и богат
 Брильянтами, кредитом и рублями —
 Стеснялся мало суммами затрат;
 Но и его огромными счетами
 Порядком озадачил, говорят,
 Хозяин — грек с веселыми глазами.
 Бесплатен воздух, но права дышать
 Никто не может даром получать.

Скорее! Лошадей в Кентербери!
 Цок-цок по гравию, топ-топ по лужам!
 Отлично скачут! Что ни говори,
 У немцев кучера гораздо хуже:
 Они за Schnaps'ом¹, черт их побери,
 Судачат, как мы, путники, ни тужим
 На станциях, и наш унылый крик
 «Verfluchter Hund!»² не действует на них.

Ничто на свете так не тешит глаз
 Веселостью живого опьяенья,
 Как быстрая езда; чарует нас
 Неудержимо-буйное движенье.
 Мы забываем с легкостью подчас
 И цель свою, и место назначенья,
 И радостно волнуют нас мечты
 В стремительном полете быстроты.

В Кентербери спокойно и уныло
 Им служка показал большой собор,
 Шлем Эдуарда, Бекета могилу,
 Приезжих улаждающие взор.
 (Любая человеческая сила
 В конце концов — химический раствор,
 И все герои, все без исключенья,
 Подвержены процессу разложенья!)

Жуан, однако, был ошеломлен
 И шлемом благородного героя,
 Свидетелем боев былых времен,
 И Бекета плачевною судьбою:
 Пospорить с королем задумал он
 И заплатил за это головою.
*Теперь монархи стали привыкать
 Законностью убийство прикрывать.*

¹ Водкой (нем.).

² Проклятая собака! (нем.)

Собор весьма понравился Леиле,
 Но беспокоилась она о том,
 Зачем гяуров низких допустили,
 Злых назареев, в этот божий дом?
 Они ведь столько турок истребили
 В жестоком озлоблении своем!
 Как допустила воля Магомета
 Свиней в мечеть прекраснейшую эту?

Но дальше, дальше! Светлые поля,
 Везде цветущий хмель, залог дохода;
 Мила родная скромная земля
 Тому, кто в жарких странах больше года
 Пространствовал, где, ум испепеля,
 Нагромоздила знойная природа
 Леса олив, вулканы, ледники,
 Лимоны, апельсины и пески.

Ах, боже мой! Мне захотелось пива!
 Гони скорей, мой милый почтальон!
 Жуан несется вскачь весьма ретиво,
 Любуясь на свободный Альбион,
 Что многими воспет красноречиво —
 Своими и чужими, — но и он
 Неукротимых пасынков имеет,
 С которыми ужиться не умеет.

Как ровная дорога хороша,
 Укатанная, гладкая, прямая!
 Какие крылья чувствует душа,
 Полет полей беспечно наблюдая,
 Порывисто и весело дыша!
 Сам Фазтон — я смело утверждаю, —
 До Йорка проскакав на почтовых,
 Смирил бы страсти выдумок своих.

Макиавелли поучал когда-то,
 Что лишь потеря денег нам горька;
 Убей сестру, отца, жену и брата,
 Но никогда не трогай кошелька!
 Лишь эту незабвенную утрату
 Нам не прощают люди на века.
 Великий флорентинец понял это
 И, как я говорил, поведал свету,—

А также в назиданье королям.
 Вернемся же к Жуану. Постепенно
 Стемнело, и предстал его глазам
 Холм, Шутерс-Хилл, хранящий неизменно
 Великий город. Обращаюсь к вам,
 Все англосаксы, «кокни», джентльмены,—
 Вдыхай и улыбайся, каждый бритт,—
 Перед тобою город твой открыт!

Выбрасывал он в небо тучи дыма,
 Как полупотухающий вулкан.
 Казалось, это ад неукротимый
 Из серных недр выбрасывал фонтан.
 Но, как в объятья матери любимой,
 Спешил ему навстречу Дон-Жуан.
 Он уважал высокие свободы
 Страны, поработившей все народы.

Туман и грязь на много миль вокруг,
 Обилье труб, кирпичные строенья,
 Скопление мачт, как лес поднятых рук,
 Мелькнувший белый парус в отдаленье,
 На небе — дым и копоть, как недуг,
 И купол, что повис огромной тенью
 Дурацкой шапкой на челе шута,—
 Вот Лондон! Вот родимые места!

Но мой герой в дымящем этом море
 Увидел лишь алхимии пары,
 Магическую власть лабораторий,
 Творящую богатства и миры;
 И даже климат — Альбиона горе —
 Его почти не трогал до поры,
 И то, что солнце в плесени тумана
 Померкло, не смущало Дон-Жуана!

Но здесь немного я остановлюсь,
 Мой дорогой земляк; однако знай,
 Что к нашей дружбе я еще вернусь,
 И потому меня не забывай:
 Я правду показать тебе берусь
 И лучше, чем любая миссис Фрай,
 С моральною воюя паутиной,
 Пообмету углы в твоей гостиной.

Напрасно вы стремитесь, миссис Фрай,
 Убить порок по тюрьмам и притонам!
 Напрасно там лепечете про рай
 Своим филантропическим жаргоном!
 Гораздо хуже светский негодяй
 И все пороки, свойственные тронам, —
 О них-то вы забыли, ай-ай-ай!
 А в них-то все и дело, миссис Фрай!

Скажите им, что жить должны пристойней
 Правители весьма преклонных лет,
 Что купленных восторгов шум нестройный
 Больной страны не умаляет бед,
 Что Уильям Кертис — низкий, недостойный
 Дурак и шут, каких не видел свет,
 Что он — Фальстаф при престарелом Гале,
 Что шут бездарней сыщется едва ли.

Скажите им, — хоть поздно говорить, —
Что чванство не способствует величью,
Что лишь гуманность может озарить
Достоинством правителя обличье.
(Но знаю — вы смолчите. Вашу прыть
Умерят воспитанье и приличья;
И я один тревожить буду их,
Трубя в Роландов рог октав моих!)

Теснь одиннадцатая

1

Епископ Беркли говорил когда-то:
«Материя — пустой и праздный бред».
Его система столь замысловата,
Что спорить с ней у мудрых силы нет,
Но и поверить, право, трудновато
Духовности гранита; я — поэт,
И рад бы убедиться, да не смею,
Что головы «реальной» не имею.

2

Весьма удобно мир предполагать
Всемирным порожденьем солипсизма;
Подобная система — благодать
Для произвола и для эгоизма...
Но искони мешает мне мечтать
Сомненье — преломляющая призма
Великих истин; портит мне оно
Духовности небесное вино.

3

А что же в результате? Несваренье
Иллюзий, представлений и мечтаний,
Гипотез беспокойное паренье,
Туман философических скитаний

И самое неясное скопление
Сортов, явлений, видов, сочетаний.
Вселенная — большой клубок проблем,
Доселе не разгаданных никем.

4

Возник ли мир по Ветхому завету
Иль сам собой, без божьего труда,—
Мыслители не вскрыли тайну эту
И, может быть, не вскроют никогда.
Но мы недолго странствуем по свету
И все однажды явимся туда,
Где *очень точно* всё узнаем — или
Навеки успокоимся в могиле.

5

Пора оставить спор метафизический,
Философов безумную мечту,
Что есть, то есть — вот вывод мой логический,
И больше спорить мне неволю,
Я начал ощущать периодически
Озноб и кашель, жар и ломоту —
И с каждым новым приступом чахотки
Я становлюсь уступчивым и кротким.

6

Во-первых, я уверовал, как водится,
В спасителя и даже в сатану,
Потом поверил в девство богородицы
И, наконец, в Адамову вину...
Вот с троицей трудненько мне приходится.
Но скоро я улаживать начну
Посредством благочестья и смиренья
И это цифровое затрудненье...

7

Но к теме возвращусь, читатель мой,
Тот, кто бывал в Китае, в Византии,
Кто любовался Аттикой святой
С Акрополя, кто с корабля впервые

Узрел Константинополь золотой,
Кто видел Тимбукту и Ниневию,—
Тот Лондоном не будет поражен,
Но через год — что станет думать он?

8

Мой Дон-Жуан стоял на Шутерс-Хилле
В закатный час, раздумьями томим,—
И темным океаном крыш и шпилей
Лежал огромный Лондон перед ним,
И до него неясно доходили,
Как по равнине стелющийся дым,
Далекое жужжанье, бормотанье,
Кипящей грязной пены клокотанье...

9

Мой Дон-Жуан в порыве экзальтации
Глядел на чудный город и молчал —
Он пламенный восторг к великой нации
В своем наивном сердце ощущал.
«Привет тебе, твердыня Реформации,
О родина свободы,— он вскричал,—
Где пытки фанатических гонений,
Не возмущают мирных поколений!

10

Здесь честны жены, граждане равны,
Налоги платит каждый по желанью;
Здесь покупают вещь любой цены
Для подтвержденья благосостоянья;
Здесь путники всегда защищены
От нападений...» Но его вниманье
Блеснувший нож и громкий крик привлек:
«Ни с места, падаль! Жизнь иль кошелек!»

11

Четыре парня с этим вольным кличем
К Жуану бросились, решив, что он
Беспечен и сражаться непривычен,
И будет сразу сдаться принужден,

И лакомой окажется добычей,
Лишившись кошелька и панталон,
А может быть, и жизни; так бывает
На острове, где все преуспевают.

12

Жуан английских слов не понимал,
Точнее — понимал весьма немного;
Вначале он приветствием считал
Ругательство с упоминаньем бога.
Не улыбайтесь — он не совершал
Большой ошибки, рассуждая строго;
Я слышал эту фразу, как привет,
От многих соплеменников в ответ.

13

Жуан не понял слов, но понял дело,
И, действуя, как в битве, наугад,
Он вынул пистолет и очень смело
Вогнал в живот обидчику заряд.
Разбойника простреленное тело
Бессильно опрокинулось назад,
И только стон раздался хрипловатый:
«Эх, уходил меня француз проклятый!»

14

Все прочие удрали что есть сил.
Испуганные слуги Дон-Жуана,
Когда и след разбойников простыл,
На место схватки прибежали рьяно;
Но мой герой лишь об одном просил —
Чтоб незнакомцу осмотрели рану.
Уже он сожалел, что был жесток
И слишком поспешил спустить курок.

15

«Быть может, — размышлял он, — в самом деле
В обычаях страны такой прием!
С поклоном нас ограбили в отеле,
А этот просто бросился с ножом.

Различные пути к единой цели...
Но как-никак, а я виновен в том,
Что он страдает, и уйти не вправе,
Его без всякой помощи оставя!»

16

Он подал знак — но только трое слуг
Приблизились, как раненый, бледнея,
Промолвил: «Нет, ребята, мне каюк!
Мне только б рюмку *джину!*» И, слабея,
Он судорожным жестом цепких рук
Распутал шарф на посиневшей шее,
С усилием сказал в последний миг:
«Отдайте Салли!» — и навек поник.

17

Окровавлённый шарф к ногам Жуана
Упал, хотя Жуан не понимал,
Ни в чем цена такого талисмана,
Ни что ему британец бормотал.
Еще недавно Тома-капитана,
Гуляку Тома целый город знал;
В короткий срок он промотал, пируя,
И денежки, и жизнь свою лихую...

18

Старательно герой мой совершил
Обряды показаний полисмену
И, подписав бумаги, поспешил
В желанную столицу. Несомненно,
Он озадачен был, что согрешил
На первые же сутки: он мгновенно
В пылу самозащиты уложил
Свободного британца в цвете сил...

19

Он мир лишил великого героя —
Том-капитан был парень первый сорт:
Краса «малин», по взлому и разбою
Не в первый раз он побивал рекорд.

Очистить банк и смыться от конвоя
Умел он изумительно, как черт,
Как он шикарил с черноокой Салли!
Все воры королем его считали.

20

Но кончен Том, и кончено о нем;
Герои исчезают понемногу,
И скоро мы последних изведем.
А вот и Темза! Сразу на дорогу
Мощеную, рождая стук и гром
Колес, Жуан въезжает, слава богу,
И Кеннингтон — обычный серый тон
Предместий грязных — созерцает он.

21

Вот перед ним бульвары, парки, скверы,
Где нет ни деревца уже давно,
Вот «Холм отрады» — новая химера, —
Где отыскать отраду мудрено,
А «Холм» принять приходится на веру;
А вот квартал, означенный смешно
Названьем «Парадиз», — такого «рая»
Не пожалела б Ева, убегая...

22

Шлагбаумы, фуры, вывески, возки,
Мальпосты, как стремительные птицы,
Рычанье, топот, выкрики, свистки,
Тракторщиков сияющие лица,
Цирюлен завитые парики
И масляные светочи столицы,
Как тусклый ряд подслеповатых глаз.
(В то время газа не было у нас!)

23

Всё это видят — правда, в разном свете,
Смотря какой случается сезон, —
Все путники, верхом или в карете
Въезжая в современный Вавилон.

Но полно мне писать о сем предмете,
Путеводитель есть на то, и он
Пускай займется этим. Ближе к делу!
Покамест я болтал, уж солнце село.

24

И вот на мост въезжает Дон-Жуан —
Он видит Темзы плавное течение,
Он слышит ругань бойких англичан,
Он видит, как в прозрачном отдаленье
Вестминстер возникает сквозь туман —
Величественно-гордое виденье,—
И кажется, что слава многих лет
Покоится на нем, как лунный свет.

25

Друидов рощи, к счастью, исчезают,
Но цел Стоун-хендж — постройка древних
бриттов,

И цел Бедлам, где цепи надевают
Больным во время родственных визитов;
И Ратуша, которую считают
Довольно странной, по словам пиитов;
И Королевский суд охаять грех,
Но я люблю Аббатство больше всех.

26

Теперь и с освещеньем Черинг-Кросса
Сравнить Европу было бы смешно —
Не сравнивают с золотом отбросы!
На континенте попросту темно.
Французы разрешение вопроса
Разумное нашли уже давно,
Украшив фонари, мы знаем с вами,
Не лампами, а просто подлецами.

27

Не спору, дворянин на фонаре
Способствует и *о-* и *про-*свещенью.
Так мог пожар поместий на заре
Свободы ярко освещать селенья.

Но все-таки нужнее в декабре
Не фейерверк, а просто освещение.
Пугает нас тревожный блеск ракет;
Нам нужен мирный, но хороший свет.

28

Но Лондон освещается прекрасно;
И если Диогену наших дней
В огромном этом омуте напрасно
Пришлось искать *порядочных* людей,
То этому причина (все согласны!)
Никак не в недостатке фонарей —
И я за поиски такие брался,
Но каждый встречный стряпчим мне казался.

29

По мостовой грохочет мой герой...
Уже редеют толпы и кареты
(Обедают вечернею порой
Все лучшие дома большого света).
Наш дипломат и грешник молодой
По улицам несется, как комета,
Мелькают перед ним в окне подряд
Дворец Сент-Джеймский и Сент-Джеймский
«ад».

30

Но вот отель. Нарядные лакеи
Навстречу приезжающим спешат;
Стоит толпа бродяг, на них глаза,
И, как ночные бабочки, кружат
Готовые к любым услугам феи
Пафосские, которыми богат
Вечерний Лондон. Прок от них бывает:
Они, как Мальтус, браки укрепляют.

31

То был отель из самых дорогих —
Для иностранцев высшего полета,
Привыкших не вести расходных книг
И все счета оплачивать без счета;

Притон дипломатических интриг,
Где проводилась сложная работа
Особами, которые гербом
Могли прикрыться в случае любом.

32

О крайне деликатном назначеньи
Приезда своего из дальних стран
И о своем секретном порученьи
Не сообщал в отеле Дон-Жуан;
Но все заговорили в восхищенье,
Что он имеет вес и важный сан,
И сплетничали знающие лица,
Что от Жуана без ума царица...

33

Молва ходила, будто он герой
В делах военных и в делах любовных;
А романтической тешиться игрой —
Во вкусе англичанок хладнокровных,
Способных на фантазии порой.
Так в результате слухов баснословных
Жуану в моду удалось попасть,
А в Англии ведь мода — это страсть.

34

Я не считаю, что они бесстрастны,
Но страсть у них рождается в мозгу,
А не в сердцах, хоть и она опасна —
Тому я быть свидетелем могу.
Ах, боже мой, ни для кого не ясно,
Где возникают страсти! Я бегу
От этой темы: в сердце ль, в голове ли —
Не все ль равно; вели бы только к цели!

35

Жуан, как должно царскому гонцу,
Все грамоты свои и объясненья
Представил надлежащему лицу
И принят был с гримасою почтенья.

Политики, к смазливому юнцу
Приглядываясь, приняли решение
Отменно *обработать* новичка,
Как ястреб молодого петушка...

36

Они ошиблись... Но на эту тему
Поговорю я после. Надо знать,
Какая это трудная проблема —
Политиков двуличных обсуждать...
Все в жизни лгут, но смело лжем не все мы, —
Вот женщины — они умеют лгать
Так безупречно, гладко и красиво,
Что правда в их устах бледна и лжива.

37

Но что такое ложь? Простой ответ:
Не более как правда в полумаске.
Юрист, герой, историк и поэт
Ее употребляют для подкраски.
Правдивой правды беспощадный свет
Испепелил бы хроники, и сказки,
И всех пророков — кроме тех господ,
Что прорицают на текущий год.

38

Хвала лжецам и лжи! Никто не смеет
Послушливую музу попрекать
За мизантропию; она умеет
Отлично славословия слагать,
А за несклонных к этому краснеет.
Итак, друзья, давайте ж целовать
Монархам все целуемые части —
Как Эрин, подчиняющийся власти.

39

Жуан представлен был. Его наряд
И внешность возбудили изумленье,
Равно и перстень в множество карат,
Который в состоянье *опьяненья*...

Ему Екатерина, говорят,
Надела в знак любви и одобренья...
И, уж конечно, не жалея сил,
Он это одобренье заслужил.

40

Сановники и их секретари
Любезнейшим чаруют обхожденьем
Гонцов, которых хитрые цари
Прислали с неизвестным порученьем...
И даже клерки — что ни говори,
Прославленные мерзким поведением,—
И те бывают вежливы подчас,
Хотя,— увы! — конечно, не для нас.

41

Они грубят на совесть и на страх,
Как будто их особо обучают;
Почти во всех присутственных местах
Нас окриком чиновники встречают,
Где ставят штемпеля на паспортах
И прочие бумаги получают;
Из всей породы сукиных детей
Плюгавенькие шавки — всех лютей.

42

С empressement ¹ Жуана принимали.
Французы мастера подобных слов —
Все тонкости они предугадали,
Всю изощренность шахматных ходов
Людского обхожденья. Но едва ли
Пригоден для Британских островов
Их разговор изящный. Наше слово
Звучит свободно, здраво и сурово...

43

Но наше «dam'ne» ² кровное звучит
Аттически — и это доказательство
Породы; уху гордому претит
Материка матерое ругательство;

---

¹ Любезность, сердечность (*франц.*).

² Черт меня побори (*англ.*).

Аристократ о том не говорит,
И я не оскорблю его сиятельство,
Но «dam'ne» — это смело, дерзко, зло
И как-то платонически светло!

44

Простая грубость есть у нас и дома,
А вежливости надо поискать
В чужих краях, доверясь голубому
И пенистому морю; тут опять
Всё аллегории; уж вам знакома
Моя привычка весело болтать,
Но время вспомнить, что единство темы —
Существенное качество поэмы.

45

Что значит «высший» свет? Большой район
На западе столицы, с населением
В четыре тысячи; отличен он
От всех патрицианским самомнением.
Сии персоны, задавая тон,
Взирают на вселенную с презрением,
Ложатся утром, вечером встают —
И больше ничего не признают.

46

Мой Дон-Жуан, как холостой патриций,
Очаровал девиц и юных дам.
О Гименее думали девицы
И предавались радостным мечтам;
Мечтали и кокетливые львицы,
К амурным благосклонные делам:
Ведь ежели любовник нежепатый,—
То меньше грех и меньше риск расплаты.

47

Мой Дон-Жуан блистал по всем статьям:
Пел, танцевал, играл в лото и в карты
И волновал сердца прелестных дам,
Как нежная мелодия Моцарта...

Почтительно печален, и упрям,
И весел без особого азарта,
Познав людей, он ясно понимал,
Что трезво их никто не описал.

48

Девицы и особы средних лет
При встрече с ним румянцем расцветали.
(Последние невинный этот цвет
Тайком от всех в аптеке покупали!)
Красавицы, как радостный букет,
Его веселым роем окружали,
А маменьки справлялись в свой черед:
«Велик ли у отца его доход?»

49

Портнихи принимали деловито
Заказы от блистательных цирцей,
До свадьбы открывая им кредиты
(В медовый месяц у молодых мужей
Сердца и кошельки всегда открыты).
Портнихи так принарядили фэй,
Чтоб будущим супругам — доля злая! —
Пришлось платить, роппа и воздыхая...

50

И синие чулки — любезный хор,
Умильно обожающий сонеты,
Смутил его вопросами в упор
(Не сразу он придумывал ответы):
Какой на слух приятней разговор —
Кастильский или русский? Где поэты
Талантливей? И повидал ли он
Проездом настоящий Илион?

51

Жуан имел поверхностное знание
Литературы — и ученых жен
Экзаменом, похожим на дознание,
Был крайне озадачен и смущен.

373

Предметом изучения и вниманья
Войну, любовь и танцы выбрал он —
И вряд ли знал, что воды Иппокрены
Содержат столько мутно-синей пены.

52

Но он сумел принять достойный вид
И подавал суждениям столько веса,
Что умных дев восторженный синклит
Ему внимал. И даже поэтесса,
Восьмое чудо, Араминта Смит,
Воспевшая «Безумство Геркулеса»
В шестнадцать лет, любезна с ним была
И разговор в блокнотик занесла.

53

Двумя-тремя владея языками,
Он сей блестящий дар употреблял,
Чтоб нравиться любой прекрасной даме, —
Но вот стихов, к несчастью, не писал.
Изъян досадный, согласитесь сами!
Мисс Мэви Мэниш — юный идеал —
И леди Фриски звучными сонетами
Мечтали по-испански быть воспетыми.

54

Апломбом и достоинством своим
Он заслужил почтенье львов столичных.
В салонах промелькнули перед ним
Десятки сотен авторов различных,
Как тени перед Банко... Слава — дым,
Но, по расчетам критиков двуличных,
«Великих литераторов» сейчас
Любой журнальчик расплодил у нас!

55

Раз в десять лет «великие поэты»,
Как чемпионы в уличном бою,
Доказывают мнительному свету
Сомнительную избранность свою...

Хотя корону шутовскую эту
Я ценностью большой не признаю,
Но почему-то нравился миллионам
И слыл по части рифм Наполеоном.

56

Моей Москвою будет «Дон-Жуан»,
Как Лейпцигом, пожалуй, был «Фальеро»,
А «Каин» — это просто Мон-Сен-Жан...
La belle Alliance¹ ничтожеств разной меры
Лликует, если гибнет великан...
Но все или ничто — мой символ веры!
В любом изгнание я утешусь им,
Будь даже Боб тюремщиком моим.

57

Скотт, Мур и Кэмбел некогда царили,
Царил и я, но наши дни прошли,
А ныне музы святость полюбили,
Взамен Парнаса на Сион взбрели.
Оседланный попом, Пегас весь в мыле
Плетется в одуряющей пыли;
Его ханжи-поэты поднадули,
К его копытам привязав ходули.

58

Но поп еще, пожалуй, не беда —
Он все же вертоград свой насаждает,
Хотя, увы, от этого труда
Уж не вино, а уксус получает.
Бывает музам хуже иногда:
Их смуглый внух Спор одолевает —
Вол стихоплетства, тянет строки он
И на читателей наводит сон.

59

Вот Эвфуэс — мой нравственный двойник
(По отзывам восторженных приятелей).
Не знаю я, каков его язык,—
У критиков спросите и читателей.

---

¹ Прекрасный союз (франц.).

У Колриджа успех весьма велик,
Двух-трех имеет Вордсворт обожателей,
Но Лэндор с похвалой попал впросак:
Не лебедь Саути, а простой гусак.

60

А Джона Китса критика убила,
Когда он начал много обещать;
Его несмелой музе трудно было
Богов Эллады голос перенять:
Она ему невнятно говорила.
Бедняга Китс! Что ж, поздно горевать...
Как странно, что огонь души тревожной
Потушен был одной статьей ничтожной.

61

Да, списки претендентов все растут
(Живых и мертвых!). Все в тревоге праздной,
Что обречен их кропотливый труд
Забвенью — смерти злой и безобразной.
Но я боюсь, что музы не найдут
Достойных в сей толпе однообразной:
Не мог тиранам тридцати своим
Бессмертье обеспечить даже Рим.

62

Увы, литература безголоса
В руках преторианцев; вид печальный!
Все подбирают жалкие отбросы,
Покорно льстят солдатчине нахальной,
А те еще поглядывают косо!
Эх, возвратись бы я, поэт опальный,—
Я научил бы этих янычар,
Что значит слова меткого удар.

63

Я несколько таких приемов знаю,
Которые любого свалят с ног,
Но я возиться с ними не желаю —
Не стоит мелюзга моих тревог!

Притом и муза у меня не злая,
Ее укор насмешлив, а не строг;
Она нередко, потакая нравам,
Смягчает шутку книксеном лукавым!

64

Среди поэтов и ученых жен
Оставили мы нашего героя
В опасности. Но скоро бросил он
Их общество кичливое и злое,
Где царствует высокопарный тон,
И, вовремя спасаемый судьбою,
Он в круг светил блистательных попал,
Где скоро сам, как солнце, засиял,

65

Он по утрам прилежно занимался
Почти ничем, но этот вид труда
Обычен; он изрядно утомлялся
И отдыхать ложился иногда.
Так Геркулес не делом отравлялся,
А платьем. Утверждаем мы всегда,
Что трудимся для родины любимой,
Хотя успех от этого лишь мнимый.

66

Все остальное время посвящал
Он завтракам, визитам, кавалькадам
И насажденья «парков» изучал
(Где ни цветов, ни пчел искать не надо,
Где муравей — и тот бы отощал).
Но светским леди эта «сень — услада»
(Так пишет Мур!), единственный приют,
Где кое-как природу познают.

67

Переодевшись, он к обеду мчится;
Его возок летит, как метеор,
Стучат колеса, улица кружится,
И даже кучеров берет задор.

377

Но вот и дом; прислуга суетится,
Гремит тяжелый бронзовый запор,
Избранникам дорогу отворяя
В мир «ог толу»¹ — предел земного рая.

68

Хозяйка отвечает на поклон,
Уже трехтысячный. Блещут залы,
В разгаре вальс (красавиц учит он
И мыслить, да и чувствовать, пожалуй);
Сверкает переполненный салон,
А между тем с улыбкою усталой,
Прилежно выполняя светский труд,
Сиятельные гости все идут.

69

Но счастлив, кто от бального угара
Уединится в мирный уголок,
Кому открыты двери будуара,
Приветный взор и тихий камелек;
Он смотрит на кружащиеся пары
Как скептик, как отшельник, как знаток,
Позевывая в сладком предвкушенье
Приятной поздней ночи приближенья.

70

Но это удастся не всегда;
А юноши, подобные Жуану,
Которые летают без труда
В блистанье кружевного океана,
Лавируют искусно иногда.
Они по части вальса — капитаны,
Да и в кадрили, право же, они
По ловкости Меркурию сродни.

71

Но кто имеет планы на вниманье
Наследницы иль чьей-нибудь жены,
Тот прилагает мудрое старанье,
Чтоб эти планы не были ясны.

---

¹ Поволота (*франц.*).

Подобному благому начинанью
Поспешность и стремительность вредны;
Бери пример с прославленного бритта —
Умей и глупость делать деловито!

72

За ужином — старайтесь быть соседом,
Напротив сидя — не сводите глаз;
О, самым обаятельным беседам
Равняется таких молчаний час!
Он может привести к большим победам,
Он сохранится в памяти у вас!
Чья нежная душа в течение бала
Всех мук и всех надежд не испытала?

73

Но эти замечания нужны
Для тех, кому полезна осторожность,
Чьим хитроумным замыслам страшны
Улыбка, взгляд и всякая ничтожность.
А если вы судьбой одарены,
Она предоставляет вам возможность
Во имя денег, сана, красоты
Осуществлять и планы и мечты.

74

Жуан мой был неглуп, хорош собою,
И знатен, и богат, и знаменит,
Его, как иностранца, брали с бою
(Опасности угроза сторожит
Со всех сторон блестящего героя!).
«Народ страдает,— плачется пийт,—
От нищеты, болезней и разврата!»
Взглянул бы он на жизнь аристократа!

75

Он молод, но стара его душа,
В объятых сотен силы он теряет,
Он тратит, не имея ни гроша,
К ростовщику-еврею попадает.

Живет — хитря, безумствуя, спеша,
В парламенте порою заседает,
Развратничает, ест, играет, пьет,—
Пока в фамильный склеп не попадет.

76

«Где старый мир, в котором я родился?» —
Воскликнул Юнг *восемьдесят* лет;
Но я и через *восемь* убедился,
Что старого уже в помине нет.
Как шар стеклянный, этот мир разбился
И растворился в суете сует —
Исчезли денди, принцы, депутаты,
Ораторы, вожди и дипломаты.

77

Где Бонапарт великий — знает бог!
Где Каслрей ничтожный — знают бесы!
Где пылкий Шеридан, который мог
Путем речей содействовать прогрессу?
Где королева, полная тревог?
Где Англии любимая принцесса?
Где биржевые жертвы? Где цари?
И где проценты, черт их побери!

78

Что Бреммель? Прах. Что Уэлсли? Груда гнили.
Где Ромили? На кладбище снесли.
И Третьего Георга схоронили,
Да только завещанья не нашли!
Четвертого ж внезапно полюбили
Шотландцы; он, от Лондона вдали,
Внимает Соуни, зуд вкушая сладкий,
Пока ему льстецы щекочут пятки.

79

А где миледи Икс? Где лорд Эн-Эн?
Где разные хорошенькие мисс?
Я вижу очень много перемен —
Те обвенчались, эти развелись...

Все в мире — суета, все в мире — тлен.
Где клики Дублина? Где шум кулис?
Где Гренвиллы? В отставке и в обиде.
Что виги? Совершенно в том же виде.

80

Где новые конфликты? Где развод?
Кто продает именье? Кто карету?
Скажи мне, «Морнинг пост», оракул мод,
Великосветских прихотей газета,
Кто лучшие теперь балы дает?
Кто просто умер? Кто ушел от света?
Кто, разорившись в несчастливый год,
На континенте сумрачно живет?

81

За герцогом охотилась иная,
А ей достался только младший брат;
Та стала дамой дева молодая,
А та — всего лишь мамой невпопад;
Те потеряли прелесть, увядая...
Ну, словом, — все несется наугад!
В наружности, в манере обращенья —
Во всем, во всем большие измененья.

82

Лет семьдесят привыкли мы считать
Эпохою. Но только в наши годы
Лет через семь уж вовсе не узнать
Ни правящих народом, ни народа.
Ведь этак впору голову сломать!
Все мчится вскачь: удачи и невзгоды,
Одним лишь вигам (господи прости!)
Никак к желанной власти не прийти.

83

Юпитером я знал Наполеона
И сумрачным Сатурном. Я следил,
Как пыл политиканского трезвона
И герцога в болвана превратил.

(Не спрашивай, читатель благосклонный,
Какого!) Я видал, как осудил
И освистал монарха гнев народа
И как потом его ласкала мода.

84

Видал я и пророчицу Сауткотт,
И гнусные судебные процессы,
Короны я видал — особый род
Дурацких колпаков большого веса,
Парламент, разоряющий народ,
И низости великого конгресса;
Я видел, как народы, возмущась,
Дворян и королей швыряли в грязь.

85

Я видел маленьких поэтов рой
И многословных, но не многославных
Говорунов; и биржевой разбой
Под вопли джентльменов благонравных;
Я видел, как топтал холуй лихой
Копытами коня людей бесправных;
Как эль бурдою стал; я видел, как
Джон Буль чуть не постиг, что он дурак.

86

Что ж, «сагре диет»¹, друг мой, «сагре», милый!
Увы! Заутра вытеснят и нас
Потомки, подгоняемые силой
Своих страстей, стремлений и проказ...
Играйте роль, скрывайте вид унылый
И с сильных мира не сводите глаз,
Во всем себе подобным подражая
И никому ни в чем не возражая.

87

Сумею ль я достойно передать
Лукавые Жуана похождения
В стране, о коей принято писать,
Как о стране с моральным поведением?

---

¹ Лови мгновение (*лат.*).

Я не люблю и не умею лгать, —
Но, земляки, вы согласитесь с мнением,
Что никакой у вас морали нет —
Так говорит ваш искренний поэт.

88

Что мой Жуан узнал и увидал,
Я расскажу вам честно и подробно;
Но мой роман, как я предполагал,
Писать правдиво не всегда удобно.
Еще замечу: я не намекал
Ни на кого. И не ищите злобно
В моих октавах *скрытых* эпиграмм;
Открыто правду говорю я вам.

89

Женился ль он на отпрыске четвертом
Графини, уловляющей супруга
Для каждой дочки, или выше сортом
Была его достойная подруга?
И стал ли он, простым занявшись спортом,
Творить себе подобных, или туго
Ему пришлось, поскольку был он смел
По части страсти и альковных дел,—

90

Все это скрыто в темноте времен...
Тем временем я песнь окончил эту.
В нападках я, конечно, убежден,
Но ничего плохого в этом нету.
Известно, что невежды всех племен
Бросаются на честного поэта...
Пусть буду я один, но я упрям —
За трон свободной мысли не отдам!

Песнь двенадцатая

1

И средние века не так страшны,
Как страшен средний возраст нашей жизни.
То глупы мы, то мудры, то смешны
И с каждым днем становимся капризней.
Уж многие страницы прочтены
И скомканы в бессильной укоризне;
Седеют наши кудри с каждым днем,
И мы самих себя не узнаем.

2

В такое время надо умирать;
Мы юношей уже не понимаем,
Со стариками время коротать
Еще не можем — и везде скучаем...
Еще любовь способна утешать,
Но вскоре даже к ней мы остываем,
И только деньги, теша мысль и взгляд,
По-прежнему заманчиво блестят.

3

О, золото! Кто назовет несчастным
Скупого? Он несказанно богат;
Все силы мира золоту подвластны,
Власть золота — как якорный канат.

Вам кажется, скупой живет ужасно —
Он плохо ест, боится лишних трат;
Но он же, сэкономив корку сыра,
Счастливее, чем все владыки мира!

4

Любовь, разврат, вино et cetera
Вредят здоровью; жажда громкой славы
Вредит душе; азартная игра
Вредит карману. Лучшие забавы,
Как видно, не доводят до добра,
Но жажда денег исправляет правы;
Скупой, копящий золото, давно
Забыл разврат, и карты, и вино.

5

О, золото! Кто возбуждает прессу?
Кто властвует на бирже? Кто царит
На всех великих сеймах и конгрессах?
Кто в Англии политику вершит?
Кто создает надежды, интересы?
Кто радости и горести дарит?
Вы думаете — дух Наполеона?
Нет! Ротшильда и Беринга миллионы!

6

Они и либеральный наш Лафитт —
Владыки настоящие вселенной:
От них зависит нации кредит,
Паденье тронов, курсов перемешы;
Республик биржа тоже не щадит,
Заботятся банкиры несомненно,
Чтобы проценты верные росли
С твоей, Перу, серебряной земли.

7

К скупым неприменимо сожаленье;
Воздержанность классическая их
Считается за честь и украшенье
И киников, и множества святых.

Внушает же отшельник уваженье
Печальным видом странностей своих!
Но вас богач суровый возмущает,
Когда во имя денег сокращает

8

Свои расходы? Да ведь он — поэт!
Поклонник высшей и чистейшей страсти!
Прекрасный блеск накопленных монет
Ему дает изысканное счастье;
Его слепит алмазов чистых цвет
И кротких изумрудов сладострастье;
И для него, как солнце, горячи
Червонных слитков яркие лучи.

9

Ему принадлежат материк;
Из Индии, Цейлона и Китая
Плывут его суда; в его мешки
Церера собирает урожай.
Его чуланы, склады, сундуки
Богаче королевских. Презирая
Все плотские восторги, он один
Царит над всем — духовный властелин.

10

Быть может, он, потомству в назиданье,
Построит школу, церковь, лазарет,
Оставив после смерти в новом зданье
Унылый бюст или сумрачный портрет?
Быть может, человечества страданья
Он утолить задумает? Но нет!
Он предпочтет богатство целой нации
Держать в руках — и строить махинации.

11

Но что бы он ни делал — все равно!
Пусть высший принцип — только накопленье!
Какому дураку разрешено
Назвать безумьем это увлеченье?

А почему, скажите, не грешно
Кутить, любить, выигрывать сраженья?
Спросите-ка последников, какой
Приятней предок — мот или скупой?

12

О, как прелестна звонкая монета!
О, как милы рулоны золотых!
На каждом быть положено портрету
Кого-то из властителей земных, —
Но ныне бляшка солнечная эта
Ценнее праха царственного их.
Ведь и с дурацкой рожей господина
Любой червонец — лампа Аладдина!

13

«Любовь небесна, и она царит
В военном стане, и в тени дубравы.
И при дворе!» — поэт нам говорит:
Но я поспорю с музой величавой:
«Дубрава», правда, смыслу не вредит —
Она владенье лирики по праву,
Но двор и стан военный не должны,
Не могут быть «любви» подчинены.

14

А золото владеет и дубравой
(Когда деревья рубят на дрова!),
И тронами царей, и бранной славой —
И на любовь известные права
Имеет, ибо Мальтус очень здраво
Нам это изложил; его слова
Нас учат, что супружеское счастье
У золота находится во власти!

15

Но ведь любовь почти запрещена
Без брака? Ибо все мы разумеем,
Что якобы *сопутствует* она
Супружеству. Однако мы не смеем

Настаивать... Верней — любовь должна
(В угоду всем ханжам и фарисеям)
Служить венцом супружеских утех;
Любовь без брачных уз — позор и грех.

16

Но разве «при дворе», «в военном стане»
Да и «в тени дубравы», черт возьми, —
Все войны, все гранды, все крестьяне
Являются женатыми людьми?
Не знаю, как оправдываться станет
За *этот* ляпсус Скотт — *mon cher ami*¹, —
Ведь он себя пристойностью прославил;
Всегда его в пример мне Джеффри ставил.

17

К успеху равнодушен я, ей-ей!
В былые годы мне *везло* немало,
А в юности успех всего нужней,
И это мне в дальнейшем помогало.
Да, я доволен юностью моей:
Хороших дней мне много перепало,
И, как бы я за них ни заплатил,
Я ни умом, ни сердцем не остыл.

18

Я знаю: барды многие не раз
Взывают, как к неведомому богу,
К суду потомства, веруя, что нас
Рассудят и поддержат хоть немного.
Но лично я — противник громких фраз
И не зову потомков на подмогу.
Они для нас загадка, мы — для них;
Живые склонны думать о живых!

19

Мы сами ведь потомство — вы и я;
Кого же помним мы и понимаем?
Весьма немногих, милые друзья;
Мы — на двадцатом имени хромаем!

---

¹ Мой дорогой друг (*франц.*).

За множество досадного вратья
Мы старого Плутарха упрекаем,
И Митфорд — современный грекофил —
Его ошибки ярко осветил.

20

Признаюсь вам, читатель благосклонный,
И вам, *неблагосклонные* пииты, —
В двенадцатой главе вполне законно
Я к Мальтусу прибегну под защиту
И к Уилберфорсу; лучше Веллингтона
Спаситель чернокожих знаменитый;
Ведь наш-то Веллингтон, по мере сил,
И белокожих в рабство обратил!

21

А Мальтус сам себя опровергает
На практике; я, право, не шучу:
Я (как чужое солнце ни сверкает!)
Зажгу своей теории свечу.
Философ размноженье осуждает:
Оно-де бедняку не по плечу;
Он, помня о проблеме пропитанья,
Обуздывать обязан все желанья.

22

Как благородно, тонко и умно,
И, боже, что за слово «филогения»!
Оно, пожалуй, несколько темно
И может вызывать недоумение,
Но вслух произносить запрещено
Обычное простое выражение,
Не то у всех нас, господи прости,
Была бы «филогения» в чести.

23

Но где я бросил милого Жуана?
Он в Лондоне — столице всех услад
И всех невзгод людского океана,
Где новичку превратности грозят.

Хоть наш герой видал чужие страны
И был известным опытом богат,
Но край, в котором ныне он блистает,
Все иноземцы плохо понимают.

24

Мы можем очерк дать любой страны,
Определяя степень процветания,
Температуры лета и весны,
Особенности климата, питания.
Всего трудней — признаться мы должны —
Тебя познать, о Великобритания!
Так много львов и зубров всех пород
В зверинце этом царственном живет!

25

Но полно о политике: начнем
Paulo majore ¹. Ловкий мой герой
Лавировал с отличным мастерством,
Как конькобежцы зимнею порой.
Он тонко флиртовал в кругу своем;
Красавицам ведь кажется игрой
Невинная сия «танталлизация» —
Не грех им мил, а грешниц репутация.

26

Не все дороги наши, скажем прямо,
Под снегом целомудрия лежат:
Порой и совершит иная дама
Какой-нибудь чертовский эскапад,—
И, право, на ослицу Валаама
С такой тревогой люди не глядят,
Испуганно и скорбно восклицая:
«О! Кто бы мог подумать, дорогая?!»

27

Леила всем поправилась. Она
Была тиха, задумчива, послушна
И как-то романтически бледна;
Восточными глазами равнодушно

---

¹ Немногим больше; здесь: немного более важное (лат.).

Она вокруг глядела. Новизна
Не трогала ее; ей было скучно...
Ее судьба, ее прелестный взор
Стал модной темой с некоторых пор.

28

Конечно, дамы расходились в мпеньях;
Я не хочу красавиц обижать,
Но споры столь обычное явленье,
Что им бывает трудно помешать.
Придется мне признаться, к сожаленью,
Что дамы любят шумно обсуждать!
На этот раз их воодушевила
Задача воспитания Ленлы.

29

Но все сошлись на том, чтоб подыскать
Для маленькой Леилы нечто лучшее;
Ее наружность будет представлять
Опасность для ее благополучия,
А Дон-Жуан с собою совладать
Лет пять способен в самом лучшем случае,—
И потому разумней и верней,
Чтоб он уже теперь расстался с ней.

30

Тут началось всеобщее волненье
И самых лучших дам соревнованье:
Кто, делая Жуану одолженье,
Турчаночки предприимет воспитанье?
Ведь тут необходимо, без сомненья,
Наставницы высокое призванье!
Шестнадцать мудрых дев и десять вдов
Явились одновременно на зов.

31

Две дамы разведенные, бесплодные
И грустные, как можно угадать,
Готовы были девочку безродную
Как собственную дочку воспитать —

Ей преподать манеры благородные
И в должном виде свету *показать*
(Где в первый свой сезон всегда царицы —
Хорошенькие юные девицы,

32

Особенно имея капитал!).
Потрепанные пэры, джептльмены,
Которых рок пемного пощипал,
Мамаши, и сестрицы, и кузены
Преследуют желанный идеал
(Для многих что блестит, уж то и ценно!),
И вальсами и лестью все подряд
«*Фортуне* юной» голову кружат!

33

И маменьки и тетки — все посредницы;
Я знаю дам восторженных таких,
Которые сосватали наследницу
Для собственных любовников своих!
Скажите, дорогие собеседницы,
Таптаене ¹ совершенства в душах их?
Но жертву-то порой берет досада:
Бедняжка и приданому не рада!

34

Иная попадаетя легко,
Иная — три десятка забракует,
Отказы рассыпая широко;
Тогда уж и посредник негодует:
«Деввица N заходит далеко!
Она, мол, недозволенно флиртует!
Она улыбкой говорила *да*,
А нынче вслух сказала *никогда!*»

35

Наш бедный Фред влюблен и *так страдает!*
Он сам богат — тут не в деньгах вопрос;
Она прекрасный случай упускает,
И будет день — прольет немало слез...

---

¹ Столь ли (лат.).

Но... тут маркиза что-то затевает!
Наш бедный Фред так много переищет...
Но стоит ли она его печали?
А кстати — вы письмо ее видали?»

36

Но ни мундир, ни титул, ни стихи
Капризную невесту не прельщают;
Пари напрасно держат женихи
И, тратя время, сроки назначают.
Зато какие злые языки
Несчастливого счастливец обсуждают,
Когда его за ум, иль рост, иль род
Прелестная сильфида изберет!

37

Но кто же он? Примеров много разных!
Порой унылый юноша-поэт,
Поклонник из породы неотвязных;
Порой веселый баловень побед,
Повеса из насмешливых и праздных;
Порой — вдовец почти преклонных лет...
Вы спросите: за что он выбран ею?
За что? Ведь все на свете лотерея!

38

Признаться вам, и я однажды был
Владельцем столь счастливого билета.
(Как некогда Полоний говорил:
«И вправду жаль, и жаль, что правда это!»)
Не знаю, чем я выбор заслужил,
Но я согласен с приговором света:
Сей выбор был (я говорил не раз!)
Чудовищным для одного из нас.

39

Простите мне обилье отступлений.
Вглядитесь — вывожу я каждый раз
Из них немало мудрых наставлений,
Как честный пастор, действуя на вас,

Как опекун, любитель поучений!
(В какие дебри мой забрел Пегас!)
И муза, словно старая дуэнья
Иль скучный друг, читает наставленья.

40

Но нынче я хочу изобразить
Все сущее с жестокой прямою:
Вот то, что есть, а не должно бы быть.
Поймите, что занятие пустое
Морали плугом ниву бороздить,
Пороком удобренную. Не скрою —
От этой вспашки злые сорняки
Упрямо вглубь пускают корешки.

41

Но прежде вам напомню, что Леила
Была, как утро майское, нежна,
Чиста, как снег (я знаю, критик милый,
Последняя метафора бедна),
И юного Жуана охватило
Желанье подыскать опекуна,
Точнее — опекуншу строгих правил,
Которой бы он девочку оставил.

42

Он ясно отдавал себе отчет,
Что в педагоги вовсе не годится
(Не всякий это честно признает,
А честности не вредно поучиться!).
Он говорил со многими... и вот
Из патронесс, которыми гордится
«Сообщество по устраненью зла»,
Им леди Пинчбек выбрана была.

43

Она была, наверно, молода
В былые дни, а нравственна всечасно.
(Хотя и говорили иногда...
Но не хочу я сплетничать напрасно

И повторять не стану, господа,
Нелепых обвинений, сей ужасной
И гадкой жвачки; пусть двуногий скот
Ее в корыто светское плюет!)

44

Наверно, согласитесь вы со мной —
Поскольку все мы это замечали,—
Что дамы те, которые весной
Веселым легкомыслием блистали
И результат (порой весьма дурной!)
Печальных заблуждений испытали,—
Оберегут от зла куда скорей,
Чем те, кто горд певинностью своей.

45

Чужие неизведанные страсти
Святоши лишь из зависти клеймят:
Не уберечь невинность от напасти,
А только уколоть они хотят;
Но ветеран любви, науку счастья
Познавший, новичка наставит рад
И может помешать предупреденьем
Опасным, необдуманым ршеньям.

46

И дочки тех разумных матерей,
Которые сердечные тревоги
Познали не из чтенья, а скорей
Из практики, на жизненной дороге,—
На ярмарке певест куда быстрее
Находят сбыт, чем девы-недотроги,
Воспитанные маменькой-ханжой,
С холодной и бесчувственной душой.

47

О леди Пинчбек прежде поговаривали
(Как о любой молоденькой красавице);
Ее ума, однако, не оспаривали,
Ее *bons mots*¹ могли всегда поправиться.

---

¹ Острые словечки, остроты (*франц.*).

За ней когда-то денди приударивали —
Но к старости любой из нас исправится;
Отлично женой она слыла
И совершала добрые дела.

48

Она была надменна с высшим светом.
В кругу друзей любезна и мила
И молодежи ласковым советом
Уже не раз умело помогла.
Упомянуть не стану я при этом,
К кому и где добра она была,
Но повторю, что девочка Леила
В ней теплое участие пробудила.

49

Жуан ей тоже нравился; она
Его считала добрым, хоть немного
Испорченным; в том не его вина,
Нельзя его судить излишне строго:
Подумать только, как была трудна
Жизнь юноши! И все же, слава богу,
Он не погиб, и скептиком не стал,
Он только удивляться перестал.

50

Нас не смущают в молодые годы
Превратности судьбы и затрудненья,
А зрелый возраст ропщет на невзгоды
И даже порицает провиденье;
Но кто знавал военные походы,
Безумства женщин, кораблекрушенья,
Тот и в шестнадцать лет и в шестьдесят
Большим житейским опытом богат.

51

Жуан доверил леди этой чинной
Леилу, избавляясь от хлопот,
Чтоб та законов светских список длинный
Передавала ей из года в год;

Так прежний мэр с весьма достойной миной
Преемнику ладью передает,—
Ладью назвать бы можно и нежнее:
Ну, скажем,— раковинной Цитереи!

52

Мне нравится преемственность, ей-ей!
Таким путем девицы получают
Все совершенства грации своей
И все свои таланты умножают.
Та — пишет, та — поет, как соловей,
Та — мудростью знакомых устрашает,
Та — музыкой, та — прелестью острот,
А та — простой истерикой берет.

53

Но все равно, остроты или сцены,
Науки, танцы, пенье — что ни взять:
Ведь это всё приманки, джентльмены,
И женихи не в силах устоять.
Но каждый год пленительная смена
Весталок появляется опять —
Прелестницы без всякой тени брака,
Но к браку очень склонные однако.

54

Начать поэму мне пора давно —
Задача, как ни странно, нелегка;
Двенадцать песен написал я, но
Все это лишь прелюдия пока.
До сути мне добраться мудрено;
Я только струны пробовал слегка,
Настраивая лиру золотую,—
Теперь же к увертюре перейду я.

55

Мне все равно — успех или провал;
К таким вопросам музы равнодушны,
Их нравственный волнует идеал,
Они вельню высшему послушны.

Две дюжины я мысленно считал
В поэме глав, но Феб великодушно
Ее стоголавой сделать пожелал...
Вот только бы Пегас не сплоховал!

56

Мой Дон-Жуан, как мы упомянули,
В изысканное общество попал.
Хоть — микрокосм, встающий на ходули,—
Сей высший свет, по сути дела, мал,
Но низшие слои его феруле
Покорны повсеместно; я видал,
Что высшие себя считают светом
Свечей, луны и ламп — зимой и летом.

57

Жуан имел друзей. И жены их
(Равно, как и друзья!) его ласкали,
Но в отношениях дружеских таких
Они вреда отнюдь не замечали.
На каждый праздник, бал или пикник
Его уж непременно приглашали;
Ведь высших классов механизм простой
Приводится в движение суетой.

58

Кто молод, и богат, и не женат,
Тому порой опасно в высшем свете:
Ведь общество — игра, как говорят
(Игра в «гуська», хотел бы я заметить),
Все только личной выгоды хотят,
Все хитроумно расставляют сети,
Девицы счастья ищут наугад,
А дамы на подмогу им спешат.

59

Отнюдь не все девицы поголовно
Преследуют добычу,— не всегда!
Иная все приемлет хладнокровно,
Как тополь и спокойна и горда.

Но многие — сирены безусловно:
Раз восемь поболтать — уже беда;
Предчувствуя последствия фатальные,
Заказывайте кольца обручальные!

60

То маменька письмо напишет вам,
Что дочь ее «в ужасном состоянье»,
То строгий брат, решителен и прям,
Нахмурившись, потребует признанья:
«Какая ваша цель?!» — и скажет вам,
Что «сердце девы — ваше достоянье».
И вы, себя жалея и ее,
Решенье принимаете свое.

61

Таким путем, я знаю, совершается
Немало браков самых знатных лиц.
Но есть юнцы, которые решаются
Оспаривать претензии девиц;
Они усатых братьев не пугаются
И, не боясь ни теток, ни сестриц,
Живут, конечно, очень одиноко,
Но, я слышал, довольны волей рока.

62

Еще одна опасность по ночам
Непосвященным часто угрожает;
Я осуждать не стану милых дам —
Таинственная прелесть окружает
Их каждый шаг; порой не знаешь сам,
Как грацию с пороком совмещают
Амфибии, в которых, говорят,
Соседствуют невинность и разврат.

63

Кокетка долго нам не говорит
Ни «да», ни «нет» — и все мы ждем упыло,
Когда же бриз попутный оживит
Больных сердец печальное ветрило!

Немало нежных бед она творит,
Немало сводит Вертеров в могилу,
И все-таки, увы, считает свет,
Что это «флирт» и тут порока нет.

64

Я становлюсь болтлив, о боги, боги!
Но вот бывает случай, господа,
Когда, сойдя с положенной дороги,
Жена разлюбит мужа навсегда.
В чужих краях законы к ним не строги,
Но в нашей старой Англии — беда!
Ее, в порыве праведного гнева,
Клеймят сильнее, чем прагматерь Еву.

65

Какая масса сплетен и газет
В стране, где все привыкли возмущаться,
Где даже дружба самых юных лет
Должна предосудительной считаться,
Где трудно от бесчисленных клевет
Чувствительному сердцу защищаться,
Где речи обвинителей не раз
Вульгарным шумом развлекают нас.

66

Но только новички и попадаютя,
А грешницы высокого полета
Прелестным лицемерием спасаются
От этого сурового учета:
В изысканных кругах они вращаются,
Являются на танцы, на охоту;
Они милы, пленительны, нежны
И тактом и умом одарены.

67

Жуан и новичком не мог считаться,
И от интриг порядочно устал;
И страстью он пресытился, признаться,
И многое на свете испытал.

400

Он мог теперь любви не поддаваться
В стране блестящих плеч и белых скал,
Чулков и глазок синих, разговоров,
Налогов, сплетен и двойных запоров.

68

Не так способны страсти бушевать
На родине Жуана романтической;
Там привыкают жизнью рисковать,
И атмосфера Англии практичной
Ему казалась — нечего скрывать! —
Коммерческой и очень педантичной.
А наши дамы — бог его прости! —
Сперва ему не нравились почти.

69

Я говорю *сперва*, но постепенно
И понемногу ясно *понял* он,
Что наши леди лучше, несомненно,
Блистательных восточных примадонн.
Не потерял он голову мгновенно
И не был увлечен и ослеплен,
Ведь (все мужчины это замечают!)
Нас новизна лишь издали прельщает.

70

И я имел заветную мечту
Увидеть страны Нигера и Нила
И небывалый город Тимбукту,
Который география забыла;
За эту заповедную черту
Европа проникает через силу,
Но несомненно, будь я в Тимбукту,
Я черную бы славил красоту!

71

Я присягать не стану, без сомненья,
Что черное на белое похоже,
Но белое с известной точки зренья
Нам черное напоминает все же.

401

Слепые мне высказывали мненье,
Что день и ночь для них одно и то же,
И в темноте мерещится одно
Сомнительное тусклое пятно.

72

Мы с музой в лабиринте заблудились
Туманной метафизики: сродни
Она лекарствам, коими стремились
Врачи лечить чахотку искони.
Займемся ж просто физикой: пустились
Мы обсуждать красавиц, хоть они
Полярное напоминают лето:
Немало льда, и *очень много* света!

73

Я мог бы их с русалками сравнить:
Красавицы лицом, но рыбы телом;
Мешает добродетель им грешить,
Но согрешить бы каждая хотела.
Как русские, чтоб жар поохладить,
В снег прыгают из душной бани смело,
Так наши леди, согрешив чуть-чуть,
Спешат в сугроб раскаянья нырнуть.

74

Но внешность этих леди, несомненно,
Тут ни при чем; как я уже сказал,
Их мой Жуан, коль молвить откровенно,
Хорошенькими даже не считал,
Они вползают в сердце постепенно
(Из жалости к врагу — я полагал),
Они без штурма в город проникают,
Но никому его не уступают.

75

Они не могут гордо выступать,
Как конь арабский или дочь Гранады,
Не могут, как француженка, блистать
Неповторимой грацией наряда,

Они способны мило щебетать,
Но мне скучны гремящие рулады:
В Италии живу я, где *могилы*
самые бравурные в чести!

76

Да, наши леди многого не знают,
Им яркости порой недостает,
Которая улыбкой завлекает
И черту прямо в лапы отдает.
Они не вдруг интригу затевают;
Метода эта множество хлопот,
И времени, и сил берет, понятно,
Но награждает за труды стократно.

77

Но *grande passion*¹ опасна и вредна
Для этих душ, не созданных для страсти;
Для девяти десятых и она —
Каприз кокетства или самовластья.
Пустая гордость женщине дана;
Соперницу обидеть — это счастье!
Но есть такие, для которых «страсть» —
Как урагана пламенная власть.

78

И в результате бурного эксцесса
Виновные томятся в роли парии,
А низости судебного процесса
Усугубляют прессы комментарии;
Оберегая чести интересы,
Их изгоняют, как однажды Мария,—
И вот они сидят у скорбных стен,
Взирая на сожженный Карфаген!

79

Так люди Иисусу подражают,
Твердя: «Иди и больше не греши!»
Евангелье британцы уважают,
И наши нравы очень хороши.

---

¹ Великая страсть (*франц.*).

В Европе легче женщине прощают,
Радея о спасении души,
И Добродетель, праведная дева,
Ее встречает ласково, без гнева.

80

Суровый суд нередко нам вредит;
Нередко жертв общественного мнения
Не преступленья, в сущности, страшит,
А именно огласка преступленья.
Едва ли наши нравы укрепит
Угрюмого юриста заключение;
Оно лишь озлобляет тех из нас,
Кто мог бы и раскаяться подчас.

81

Не будучи философом доселе,
Не думал о морали мой герой,
Притом в толпе красавиц, в самом деле,
Он не нашел по вкусу ни одной.
Он был слегка blasé:¹ ему успели
Испортить сердце праздною игрой;
Тщеславия не знал он, слава богу,
Но чувства в нем остыли понемногу.

82

К тому же он, конечно, посещал
Парламента почтенные палаты,
На галерее долго восседал
И слушал очень бурные дебаты,
Он яркие светила созерцал,
Которыми Британия богата.
(Но, впрочем, главных не было светил:
Грей не взошел, а Питт уже почил).

83

На сессии последней видел он
Спектакль, и благородный и занятный,—
Как в тоге конституции на трон
Король восходит с миною приятной.

---

¹ Пресыщенный (*франц.*).

Обычай этот деспотам смешон,
Но век свободы скоро, вероятно,
Научит их, какая благодать —
Доверием народа обладать.

84

Жуан видал и принца; в эти годы
«Всех принцев принц» в расцвете юных сил
Блистал величием царственной породы,
На щеголя совсем не походил;
К себе он привлекал сердца народа
И благосклонен с подданными *был*.
Он выглядел законченным, отменным
От головы до пяток джентльменом.

85

Жуан был принят — я уже сказал —
В кругах высоких общества. И вот
Случилось, как всегда, что он попал
В обычный для него круговорот.
Он светские таланты проявлял
И был замечен сразу. Ну, а тот,
Кто многими талантами сверкает,
Невольно искушенья навлекает.

86

Но где он согрешил, когда и с кем, —
Рассказывать я наспех не сумею.
Ведь назиданье — лучшая из тем.
Читателей своих я одолею
И пафосом и грустью, а затем
На камне душ людских запечатлею,
Как сын Филиппа на горе Афон,
Могучий монумент для всех времен.

87

И здесь, друзья, как видите, кончается
Двенадцатая песнь. Конец любой
От каждого начала отличается,
И план поэмы как-то сам собой

Все ярче, все яснее намечается.
Я не гонюсь, читатель, за тобой,
Я не прошу ни капли снисхожденья
И вовсе не боюсь пренебреженья.

88

Не всех врагов громами я разил,
Но бури мне описывать не внове.
Я в предыдущих песнях предложил
Вам и грозу, и бой, и реки крови;
В дальнейшем я вам дам обзор светил,
А в самой лучшей песни наготове
Для вас экономический трактат,
Упорных размышлений результат.

89

Я знаю, *это* тема очень модная,
Традиций всех распатана стена.
Для патриота дело благородное
Указывать, где сломана она.
Но я придумал тему превосходную,
Которая понравиться должна.
А вы экономистов почитайте
И, кто из них умнее, — угадайте.

Песнь тринадцатая

1

Пора мне стать серьезным; в наши дни
Не следует смеяться над пороком:
Ведь шутка снисхождению сродни
И может стать греховной ненароком!
Лишь скорбь нам помогает искони
Достойно петь о строгом и высоком;
И величаво стих мой воспарит,
Как древняя колонна знаменит.

2

Итак, приступим: леди Аделина
Амондевилл была весьма знатна,
Ее норманнский гордый род старинный
Большие украшали имена;
Пленительно-прекрасной, как картина,
Считалась даже в Англии она
(А в Англии, как пишут патриоты,
Красавицы рождаются без счета!).

3

И я не собираюсь возражать,
Я принимаю доводы любые;
Согласен я, что можно обожать
И черные глаза и голубые.

Все вкусы я способен уважать,
Притом любовь — могучая стихия,
И некрасивых жепщин вовсе нет
Для всех мужчин моложе средних лет.

4

Лишь миновав сей возраст беззаботный
И перейдя заветную черту,
Мы на ущербе радостей охотно
Критиковать беремся Красоту.
И лень и равнодушие безотчетно
В нас усыпляют страстную мечту,
И зеркала советуют нам тоже
Оставить место тем, кто помоложе.

5

Иной еще пытается продлить
Цветенья ограниченную эру —
Но после равноденствия не скрыть,
Что счастье превращается в химеру;
Слабеющие силы оживить
Способны только добрая мадера,
Дискуссии, собранья, вечера,
Парламент и долги, et cetera.

6

Религия, налоги и реформы,
Война и мир, большое слово «Нация»,
Попытка управлять во время шторма
И фокусы земельной спекуляции,
Вражды взаимной твердая платформа
Сменяют все любви галлюцинации;
Мы часто любим наспех, но вражда
Способна длиться многие года.

7

Угрюмый Джонсон, моралист суровый,
Сказал: «Люблю я честную вражду!»
И лучше этой истины не новой
Я ничего, пожалуй, не найду.

Я просто зритель, ко всему готовый,
С людьми и с миром, кажется, в ладу;
Ни хижин, ни дворцов не порицаю,
Как Мефистофель, только созерцаю.

8

Я прежде ненавидел и любил,
Теперь умею только издеваться,—
И то, когда молчать не станет сил
И складно рифмы звонкие ложатся.
Я рад бы, как не раз уж говорил,
С неправдою и злобою сражаться,
Но эти все попытки — ерунда;
Читайте «Дон-Кихота», господа!

9

Всего грустнее в грустной сей истории,
Что мы смеемся,— а герой ведь прав,
Провозглашая славные теории
Борьбы с насильем и защиты прав.
Но мир его относит к категории
Безумцев, ничего не разобрав;
Весьма печальный вывод получился
Для тех, кто размышлять не разучился.

10

Святая месть, преследованье зла,
Защита слабых, сирых, оскорбленных,
Неукротимой доблести дела,
Туземцев избавленье угнетенных —
Ужель насмешка дерзкая могла
Коснуться этих истин просветленных?
Где идеала нравственный оплот?
Тогда Сократ ведь тоже Дон-Кихот!

11

Насмешкою Сервантес погубил
Дух рыцарства в Испании; не стало
Ни подвигов, ни фей, ни тайных сил,
Которыми романтика блистала;

Исчез геройский дух, геройский пыл —
Так страшно эта книга повлияла
На весь народ. Столь дорогой ценой
Достался «Дон-Кихот» стране родной!

12

Но заболтался я о сем предмете
И леди Аделине изменил.
Жуан мой не встречал еще на свете
Столь роковой красавицы и был
Взволнован. Рок и страсть нам ставят сети,
Мы валим все на них. Не разрешил
Я эту тайну, хоть и бьюсь упорно.
Я — не Эдип, а жизнь-то — Сфинкс, бесспорно.

13

Но «*Davus sum*»¹ — о ближних не сужу
И на Эдипа роль не претендую;
Я просто по порядку расскажу
Все в точности про пару молодую.
Миледи в свете я изображу,
Как роя пчел царицу золотую,
Мужчин восторги и молчанье дам
Я, как умею, точно передам.

14

Она была чиста, назло злословью,
И замужем за мужем именитым
И государственным. По хладнокровью
Амондевилл был настоящим бриттом;
Гордился он жены своей любовью,
Да и самим собой — надменным, сытым;
И потому он был уверен в ней,
Она же — в добродетели своей.

15

В кругах дипломатических встречался
С Жуаном часто лорд Амондевилл;
Он холодно и чопорно держался,
Но и его герой мой поразил:

---

¹ «Я — Дав» (лат.).

Талантами от всех он отличался
И гордо голову свою носил;
А это уваженье вызывало —
А с уваженьем дружба возникала.

16

Лорд Генри был немного суховат
От гордости и сдержанного нрава;
Судить о том, кто прав, кто виноват,
Он приобрел неписаное право;
Самоуверен, знатен и богат,
Он в обществе держался величаво
И благосклонно жаловал друзей
Презрением и милостью своей.

17

Однако эта милость и презренье
Имели незначительный изъян —
Они не подлежали измененью,
Как все законы персов и мидян.
Но эти предрассудки, без сомненья,
Имели некий смысл и даже план
И не являлись прихотью припадка,
Ведущего все чувства к беспорядку.

18

Не в силах мы судьбой повелевать,
Но есть один закон, который вечен:
Умей следить, рассчитывать и ждать —
И твой успех навеки обеспечен!
Умей давленью силы уступать —
И в жизни ты не будешь искалечен.
Пусть совесть будет гибкой, как атлет,
В рассчитанных движеньях — весь секрет.

19

Лорд Генри к превосходству был пристрастен,
Но эта страсть в любом из нас живет:
Ничтожному ничтожнейший подвластен,
И в этом равновесия оплот.

Надменный в одиночестве несчастен,
Нас бремя праздной гордости гнетет,
И мы спешим избавиться от груза,
На ближних навалив свою обузу.

20

Милорду Дон-Жуан не уступал
Ни в гордости, ни в знатности, ни в саче.
Конечно, втайне Генри полагал,
Что выше всех народов англичане,
Поскольку их правленье — идеал
Свободы слова, веры и собраний...
К дебатам долгим сам он склонен был
И целыми часами говорил.

21

Имел он слабость искренне считать,
Что он к тому ж хитер необычайно
И обладает даром проникать
Во все дипломатические тайны.
Любил он также младших поучать
И мимоходом, будто бы случайно,
Как экс-министр выпячивая грудь,
Свое значенье в свете подчеркнуть.

22

Испанец молодой ему понравился
Надменной, но изысканной учтивостью,
С которой он сановникам представился,
И тем, как он держался с ловкой льстивостью.
Не всякий добродетелью прославился;
Иной грешит горячностью и живостью.
Но что такое в юности грешки?
Лишь плодородной почвы сорняки.

23

Он говорил с Жуаном об Испании,
О турках и о нравах прочих стран,
Где каждый — раб чужого приказанья,
О скачках — давней страсти англичан,

И жеребцов рысистых воспитании.
Был истым андалузцем мой Жуан,
И кони слушались его любые,
Как венценосных деспотов — Россия.

24

Лорд Генри с ним встречался на балах,
На раутах в посольствах, за бостоном
(Жуан был принят в избранных кругах,
Как в братство тот, что сделался масоном);
Поскольку в лучших лондонских домах
Блистал он благородством прирожденным,
Гостеприимный лорд Амондевилл
Его в свой дом роскошный пригласил.

25

У сквера Икс имел он особняк...
Я улиц никаких не называю,
Чтоб не сказал какой-нибудь чудака,
Как будто я открыто намекаю
На чью-нибудь интригу или брак;
Заранее я громко заявляю:
«У сквера Икс имел он особняк!»
Уж тут намека не найти никак!

26

Я думаю, что есть у нас резоны
Не вспоминать о точных адресах.
Ведь, в самом деле, не было сезона
Без приключений в сих особняках;
«Сердцетрясений» грозные законы
И бури сплетен нагоняют страх
И научают каждого стараться
От точности большой остерегаться.

27

Я знаю — *pecadillos*¹ вовсе нет
На улице почтенной Пикадилли,
Но глупый или умный этикет
Мешает мне писать в шутиливом стиле

---

¹ Грешки (исп.).

О чипной этой улице — запрет
Ее окутал дымкою идилий;
Притом, признаться, позабыл уж я
План Лондона, любезные друзья.

28

Итак, в особняке Амондевилла,
У сквера Икс, как я уже сказал,
Мой Доп-Жуан был принят очень мило
И много лиц приятных повстречал.
Кому богатство придавало силы,
Кто саном, кто талантами блистал,
А кто — искусством модно одеваться
(Что поважнее прочих, может стать).

29

Сказал однажды мудрый Соломон:
«Чем больше мнений, тем верней решенье!»
Разумный сей совет или закон
Находит ежедневно подтвержденье.
В парламенте имеет силу он:
Ведь коллективный Разум, без сомненья,
Для Англии великой создает
Расцвета и могущества оплот.

30

Итак, мужской карьере помогает
Обширный круг друзей, а слабый пол
Обилием знакомств оберегает
Себя от искушений; я нашел,
Что лиц мельканье выбор затрудняет
И сильно умеряет ореол
Поклонников; мне совершенно ясно —
Толпа красивых франтов безопасна!

31

Но в хитростях подобных пикогда
Миледи Аделина не нуждалась:
Она была спокойна без труда,
Со всеми очень вежливо держалась;

Внимательна и ласково-горда,
Миледи никогда не увлекалась
Кокетством; хор восторженных похвал
Ее и без кокетства окружал.

32

Ей с детских лет привило воспитанье
Искусство быть любезной и простой
И льстить друзьям оттенками вниманья,
Не делая ошибки никакой;
Ее прекрасной светскости сиянье
Всех озаряло нежной теплотой —
И тех, кто был, и тех, кто слыл достойным,
Тщеславием терзаясь беспокойным.

33

А впрочем, посмотрите-ка на них —
На этих величавых, именитых
Марionеток почестей пустых;
Всегда волнует что-то и томит их,
Мечта удачи обольщает их,
Спасность непризнания страшит их,
Закатный нимб их лавровых венков
Непрочеп, как сиянье облаков.

34

Патрицианства лаком благородным
Была покрыта внешность Аделины;
Спокойно в этом зеркале холодном
Сменялись жизни пестрые картины.
Так, верные обычаям народным,
Не смеют восхищаться мандарины;
Как видно, наш английский высший свет
Занимствует в Китае этикет.

35

Гораций нас учил не удивляться:
Nil admirari¹ — вот наука счастья,
Которою пытались заниматься
Безрезультатно многие. Отчасти

---

¹ Ничему не удивляться (лат.).

Разумно равнодушным оставаться;
Приводят к бедам пламенные страсти.
По мнению света, тот, кто обуян
Энтузиазмом,— тот морально пьян.

36

Но не была миледи безучастной;
Так под снегами тающего лавою
Кипит вулкан et cetera — ужасны
Метафоры избитые и ржавые!
Оставим же скорей вулкан злосчастный;
Поэты беспощадною оравою
Сумели так его разворошить,
Что начал дым его нас всех душить.

37

Другое мне сравнение в ум приходит.
Вот если заморожена бутылка
Шампанского и в центре колобродит
Остаток влаги пенистой и пылкой,—
Все пламя жизни от него исходит,
Играя в нем, как солнечная жилка,
Вся страсть и сила жаркого вина
В сей капле золотой заключена;

38

Как эта квинтэссенция таится
Под коркою искусственного льда,
Так может скрытый нектар находиться
В характере холодном иногда.
На этом я спешу остановиться;
Мы утверждали с музою всегда,
Что лучшие сокровища порою
Под ледяной скрываются корою.

39

Нередко моряки, пускаясь в путь
К палящей Индии, стране мечтаний,
Должны холодный полюс обогнуть
И вынести немало испытаний;

Вослед за бравым Парри кто-нибудь
Достигнет цели этих изысканий,
А может быть — непроходимый лед
Его корабль у полюса затрет.

40

Пусть новички бросаются открыто
В пучину женской хитрости — но нам
Пора искать у пристани защиту,
Держась поближе к мирным берегам.
подагру и наследников сердито
Кляня, мы помогаем старикам
Спрягать, уже почти без интереса,
«Fuiimus»¹ — время прошлое от «esse»².

41

К воинственным забавам иногда
Бывает небо склонно, к сожаленью,
А все же этот мир приятен. Да,
Я это говорю не в утешенье.
Читал я Зороастра, господа,
О двух началах Сущего ученье —
Но и оно запутано. Увы!
Все верованья мира таковы.

42

Зима к июлю в Англии кончается,
А с августа уж снова тут как тут:
Зато в июле все преобразается,
И лошадям покою не дают.
В деревню на каникулы являются
Те, кто зимою в городе живут,
И их папаши проверяют строго:
Мол, знаний мало, а долгов-то много!

43

Английская зима, как я сказал,
Кончается в июле, а порою
Немного позже. Всякий испытал
Наш климат отвратительный зимою.

---

¹ Мы были (лат.).

² Быть (лат.).

Но, как ни нападает радикал
На бедный наш парламент, я не скрою —
Он наш барометр, и в любой сезон
Погоду нам показывает он.

44

Его усердье с наступленьем лета
Спускается к нулю, легко, как ртуть;
Коляски, кебы, фуры и кареты
Из города стремятся улизнуть;
А толпы кредиторов, видя это,
Вздыхая, говорят: «Счастливым путь!»
Что делать торгашам, хоть злись, хоть плачь
они:
Огромны их счета, по не оплачены.

45

Отложена оплата, говорят,
«До сессии осенней», а точнее —
До греческих календ. Они молчат,
Противиться судьбе своей не смея,
Но все надежду смутную таят
Когда-нибудь, немного попозднее,
В паграду за терпенье, может быть,
Хоть долгосрочный вексель раздобыть.

46

Но это пустяки. Скорей! Скорей!
Милорды платят щедрые прогоны,
Кареты их меняют лошадей
Быстрой, чем сердца пыл молодожены,
Крестьяне их встречают у дверей,
Фореиторов несутся легионы,
И, как колеса дегтем, души их
Подмазаны обильем чаевых.

47

На козлах возвышается великий
Лакей — дворян дворовый дворянин,
И камеристка — цветик бледноликий,
Чьей хитрости не видит ни один

Поэт. «Cosi viaggiano i ricchi!»¹
(Я часто без достаточных причин
Чужие языки употребляю,
Чтоб доказать, что я их точно знаю!)

48

Досадно в потном городе терять
Английское коротенькое лето,
Когда сама Природа, так сказать,
К лицу и очень празднично одета.
Как можно «заседать» и «обсуждать»,
Когда лужайки зеленеют где-то?
Когда чудесно соловей поет,
Как может жить в столице патриот?

49

Итак, пока покинули столицу
Все сорок сотен избранных. Они
Хотят в своих поместьях насладиться
До некоторой степени одни.
(Штук тридцать слуг — почтенные все лица —
И столько же соседей и родни,
Увеселенья, игры, угощенья —
Вот общий вид сего уединенья!)

50

Уединились в замок родовой
Амондевилл и леди Аделина.
(Наверное, лет тысячу с лихвой
Видала эта гордая руина.
Ее дубов отряд сторожевой
Имел довольно веские причины
Гордиться родословной тех могил,
Которые он тенью осенил.)

51

Мы любим знать подробности о тех,
До чьих страстей и дел нам дела нету;
О жизни нашей знати без помех
Мы узнаем — ведь есть на то газеты,

---

¹ Так путешествуют богачи! (*итал.*)

И «Морнинг пост», конечно, прежде всех
Провозгласил, что «отбыли на лето
В такой-то час, такого-то числа
Лорд Г. Амондевилл и леди А.

52

В свое великолепное именье,
Как нам известно, лорд Амондевилл
Для летнего времяпрепровожденья
Блестящий круг знакомых пригласил.
Источник, не внушающий сомненья,
Недавно нам любезно сообщил,
Что будет в этой избранной компании
Посланник русский, родом из Испании».

53

Как видите, не скроешь ничего
От каверзных статей «Морнинг поста»,
И русского испанца моего
От них упрятать было бы не просто.
Сам Поп давно прославил мастерство
Обедать, смело возглашая тосты.
В последнюю войну я все читал
О тех, кто ел, но не о тех, кто пал

54

В бою. Не раз бывали сообщения,
Что были на обед приглашены
Лорд А., лорд Б., затем — перечисленья
Их титулов и длинные чины;
И тут же рядом вести о сраженье —
Суровая статистика войны:
«В бою погибли (вновь перечисленья)...
Вакаансии открыты к замещенью».

55

Но ближе к делу. Лорд Амондевилл
Отправился в фамильное аббатство,
В котором архитектор проявил
Готической фантазии богатство:

Старинный монастырь построен был
Трудами католического братства
И был, как все аббатства тех времен,
Большим холмом от ветра защищен.

56

Пред ним цвела счастливая долина,
Друидов дуб зеленый холм венчал,
Как смелый Карактакус, он вершину
От громовой стрелы оборонял.
Порою эту скромную картину
Олень ветвисторогий оживлял,
Когда он стадо вел испить водицы
К потоку, щебетавшему как птицы.

57

Питаемое медленной рекой,
Внизу лежало озеро большое,
Как неба безмятежного покой,
Прозрачное и чисто-голубое.
К нему спускались шумною толпой
Густые рощи, шелестя листвою,
И в камышах, у мирных берегов,
Гнездились утки, выводя птенцов.

58

А дальше — речка прыгала с обрыва,
Густую пену кольцами крутя,
Потом бежала тихо, но игриво,
Как резвое, веселое дитя.
Ее излучил светлые извивы,
То прячась в тень, то весело блестя,
Казались то прозрачно-голубыми,
То синими, как небеса над ними.

59

Но монастырь был сильно поврежден:
От гордого старинного строения,
Свидетеля готических времен,
Остались только стены, к сожаленью.

Густым плющом увит и оплетен,
Сей мрачный свод, как темное виденье,
Напоминал о бурях прошлых дней
Непримиримой строгостью своей.

60

В глубокой нише были, по преданью,
Двенадцать католических святых,
Но в грозную эпоху состязанья
Кромвеля с Карлом выломали их.
Погибло в те года без покаянья
Немало кавалеров молодых
За короля, что, не умея править,
Свой трон упорно не желал оставить.

61

Но, случая игрою спасена,
Мария-дева с сыном в темной нише
Стояла, величава и скромна,
Всех разрушений, всех раздоров выше,
И вещею покоя тишина
Казалась там таинственной и тише;
Реликвии святыни каждый раз
Рождают в нас молитвенный экстаз.

62

Огромное разбитое окно,
Как черная пробоина, зияло;
Когда-то всеми красками оно,
Как оперенье ангелов, сияло
От разноцветных стекол. Но давно
Его былая слава миновала;
Лишь ветер да сова крылами бьет
Его тяжелый темный переплет.

63

Но в голубом тумане ночи лунной,
Когда глядит и дышит тишина,
Какой-то стон, какой-то отзвук струнный
Рождает эта хмурая стена;

Как ропот отдаленного буруна,
Как воздуха нездешнего волна,
Как эхо величавого хорала,
Она звучит печально и устало.

64

Иные говорят, что этот стон,
Как некий дух, возник из разрушенья.
Так на рассвете каменный Мемнон
Звучит навстречу солнца появлению
В Египте. Над стеной витает он,
Печальный и прозрачный, как виденье.
Мне довелось не раз его слышать,
Но я его не в силах разгадать.

65

Фонтан, из серых глыб сооруженный,
Был масками украшен всех сортов.
Какие-то святые и драконы
Выбрасывали воду изо ртов,
И струи пенились неугомонно,
Дробясь на сотни мелких пузырьков,
Которые бесследно исчезали,
Как радости земные и печали.

66

Монастыря старинного следы
Хранило это древнее строенье:
Там были келий строгие ряды,
Часовня — всей округи украшенья;
Но в годы фанатической вражды
Здесь были перестройки, измененья
По прихоти баронов. Уж давно
Подверглось реставрации оно.

67

Роскошное убранство анфилад,
Картинных галерей, большого зала
Смешеньем стилей ослепляло взгляд
И знатоков немного возмущало;

Как прихотливый сказочный наряд,
Оно сердца наивные прельщало.
Когда величье поражает нас,
Правдоподобья уж не ищет глаз.

68

Стальных баронов весело сменяли
Ряды вельмож атласно-золотых,
И леди Мэри чопорно взирали
На светлокудрых правнучек своих,
А дальше томной грацией блистали
В уборах прихотливо-дорогих
Красавицы, которых Питер Лили
Изобразил в довольно легком стиле.

69

Там были судьи с пасмурным челом,
В богатстве горностаевых уборов,
Карающие словом, и жезлом,
И холодом неумолимых взоров;
Там хмурились в багете золотом
Сановники с осанкой прокуроров,
Палаты Звездной сумрачный конклав,
Не признающий вольностей и прав.

70

Там были генералы тех веков,
Когда свинца железо не боялось;
Там пышностью высоких париков
Мальбрука поколение красовалось;
Щиты, ключи, жезлы, ряды штыков
Сверкали там, и скакуны, казалось,
Военной возбужденные трубой,
Скребя копытом, порывались в бой.

71

Но не одни фамильные титаны
Своей красою утомляли взоры:
Там были Карло Дольчи, Тицианы,
И дикие виденья Сальваторе,

Танцующие мальчики Альбано,
Верне голубоватые просторы,
Там пытки Спаньолетто, как во сне,
Пестрели на кровавом полотне.

72

Там раскрывался сладостный Лоррен
И тьма Рембрандта спорила со светом,
Там Караваджо мрак угрюмых стен
Костлявым украшал анахоретом,
Там Тенирс, краснощекий, как Силен,
Веселым сердце радовал сюжетом,
Любого приглашая пить до дна
Желанный кубок рейнского вина.

73

Читатель, если ты читать умеешь
(Хотя бы и не только по складам),
Ты называться все-таки не смеешь
Читателем, — ведь замечал я сам,
Что склонность ты порочную имеешь
Читать с конца! Тебе совет я дам:
Уж если ты с конца затеял чтение,
Начало прочитать имей терпенье.

74

Я мелочи такие описал,
Читателя считая терпеливым,
Чтоб Феб меня, пожалуй, посчитал
Оценщиком весьма красноречивым.
(Гомер такой же слабостью страдал;
Поэту подобает быть болтливим, —
Но я, щадя свой век по мере сил,
Хоть мебель из поэмы исключил!)

75

Настала осень бледно-золотая,
Обетованных радостей пора,
Охотники, усталости не зная,
В полях пустынных носятся с утра,

Пернатой дичью сумки наполняя;
Шумит охоты вольная игра!
Беда тетеревам, беда фазанам
И бракопьерством занятым крестьянам!

76

Отягощенных виноградных лоз
Совсем не знает осень Альбиона;
Пусть блещут эти гроздья ярче роз
Под солнцем голубого небосклона,
Зато у нас на вина лучший спрос;
К мадере все британцы благосклонны,—
Ведь, в сущности, хороший вишней склад
Получше виноградника в сто крат.

77

Нам неизвестна прелесть увяданья,
Которая на юге придает
Осенним дням весеннее сиянье,—
У нас зима сурово настает!
Лишь камелька приятное пыланье
Нам радости уюта создает.
Но наша осень — все согласны с нами —
Прекрасна золотистыми тонами.

78

Прекрасен звук рогов и лай борзых,
Отменно хороша villeggiatura¹,
Монах бы мог забыть своих святых,
Немврод бы мог покинуть степи Дура
Для первоклассных радостей таких.
Люблю я дичь! Не оскорбив цензуры,
Могу сказать, что «дичь» встречаю я
В любом высоком обществе, друзья!

79

Все львицы, все таланты, все светила
К Амондевиллу в гости собрались:
Мисс Бом-Азей О'Шлейф и леди Рылло,
Графипя Фиц-Фалк и княгиня Крyss,

---

¹ Сельская дачная жизнь (*итал.*).

Мисс Мак-Корсет, мисс Блеск и мисс Унылла,
Жена банкира миссис Мак-Ханжис
И миссис Сон, с улыбкою овечки
Ронявшая ехидные словечки.

80

Графини N, конечно, были там,
Блиставшие отменной чистотою
Фильтрованной воды. Но их чертам
Не повредило время прожитое.
О прошлом не узнать по паспортам,
И золотого свойство золотое
Не портится; терпим наш высший свет
К тому, кто соблюдает этикет.

81

Но это все до некоторой точки;
Нас учит пунктуации закон,
Что знаки препинанья — те же кочки,
Что неприятен ведьмам всех времен
Лишь окрик «стой!», а под покровом ночи
Есть у любой Медеи свой Ясон.
Гораций сообщает нам и Пульчи:
«Omne tulit punctum, quae miscuit utile dulci»¹.

82

Невинность часто трудно доказать,
Дурная слава вроде лотереи:
Честнейших жен способно доконать
Злословие насмешкою своею,
Меж тем как дамы «с прошлым», так сказать,
Являются, нимало не робея,
Как Сириус на светский небосвод,
Едва-едва страдая от острот.

83

Но я вернусь к гостям Амондевилла.
Их было тридцать три. Как я сказал —
Высокой касты лучшие светила,
Брамины мод и вкусов идеал!

---

¹ «Та получает всеобщее одобрение, которая соединяет приятное с полезным» (лат.).

Не по чинам их муза разместила,
А по капризу рифмы. Я видал
В блестящем их кругу абсентеистов,
Чей нрав ирландский пылок и неистов.

84

Там был и сэр Болл-Тун, большой смутьян,
Прославленный драчливостью словесной,
И юный бард столичный, граф Оман,
В салонах блестящий звездой небесной;
Там был веселых оргий капитан
Сэр Джон Пьювиски, пьяница известный;
Там лорд Пиррон, философ-радикал,
Возвышенные мысли изрекал.

85

Там граф Тирэ, большой аристократ,
Показывал прекрасные манеры,
Надменный щеголь с головы до пят;
Там были благороднейшие пэры,
Почти из средневековых баллад;
Там прелести чувствительной примеры
Являли шесть сестричек — мисс Баллетт,
Мечтавшие о свадьбе с детских лет.

86

Там были благородные вельможи
С не слишком благородным поведением,
Маркиз де Рюз там оказался тоже,
Чарующий парижским обхождением.
Краса и гордость светской молодежи,
В любой игре одним простым движением
Умел он, тонко проявляя власть,
К себе приворожить любую масть.

87

Там был и метафизик вдохновенный,
Любивший и науку и банкеты,
Там был и Пустослов достопочтенный,
И завсегда с каблуком скачек и балета

Сэр Генри Приз — большой любитель сцены;
Там были математики, поэты,
Там был и Август, лорд Плантагенет —
Держать пари любитель и эстет.

88

Там был гвардеец бравый Джек Жаргон,
Там был, в боях награды заслуживший,
Великий тактик генерал Мордон,
Десятки янки на словах сгубивший;
Там был судья и бравый солдафон,
Сэр Джеффри Грубб, язвительно шутивший,
Умевший прибаутки отпускать
И приговор остротами смягчать.

89

Все общество на шахматы похоже:
В нем есть и короли и королевы,
Слоны и пешки, есть и кони тоже.
Ведь жизнь всегда игра. Однако все вы
Вольны в своих поступках. Ну так что же?
Тем больше здравых поводов для гнева...
Но муза легкокрылая моя
Не любит жалить, милые друзья!

90

Тут был оратор; на последней сессии
Он с первой речью важно выступал:
От робости теряя равновесие,
Обширные проблемы освещал.
Потом прочел во всей английской прессе я
Его дебюту множество похвал:
Твердили все газеты в исступлении,
Что гениально это выступление!

91

Оратор этот был ужасно горд
И лавры предвкушал самовлюбленно;
Он был неглуц, в цитатах очень тверд
И наслаждался славой Цицерона.

429

К Амондевиллу в гости этот лорд
Был приглашен к открытию сезона,
И «гордостью отчизны» лести глас
Его провозглашал уже не раз.

92

Тут были два талантливый юриста,
Ирландец и шотландец по рождению, —
Весьма учены и весьма речисты.
Сын Твида был Катон по обхождению;
Сын Эрина — с душой идеалиста:
Как смелый конь, в порыве вдохновенья
Взвивался на дыбы и что-то «нес»,
Когда вставал картофельный вопрос.

93

Шотландец рассуждал умно и чинно;
Ирландец был мечтателен и дик:
Возвышенно, причудливо, картинно
Звучал его восторженный язык.
Шотландец был похож на клавишины;
Ирландец, как порывистый родник,
Звенел, всегда тревожный и прекрасный,
Эоловою арфой сладкогласной.

94

К Амондевиллу съехались они —
Эстеты, и политики, и пары.
Конечно, жизнь комедии сродни —
Смешны поступки, лица и манеры,
Но шутка увядает в наши дни;
Ни Конгриву, ни дерзкому Мольеру
Не оживить насмешкой прошлых лет
Прилизанный и чинный высший свет.

95

Смешные чудаки остепенились
И как-то отошли на задний план,
Профессию теряя, изменились
И хитрый шут, и ловкий шарлатан.

Ей-богу, все глупцы переродились,
Какой-то появился в них изъян.
Мы стали стадом, каждый это знает:
Толпа *скучна*, а меньшинство *скушает*.

96

Как рожь, я прежде Истину растил,
Теперь колосьев жалких мне довольно;
Коль ты намек, читатель, уловил,
Я буду — Руфь, ты — Вооз сердобольный.
Но я напрасно Библию открыл, —
Мне детство вспоминается невольно;
Я верю миссис Адамс больше всех:
«Упомянуть Писанье vsуе грех!»

97

В наш жалкий век мякины, сколь возможно,
Мы пожинать стремимся что-нибудь;
Так остряки етремятся осторожно
Свое словечко вовремя вернуть.
Один хитрец придумал способ сложный,
Как вовремя находчиво блеснуть:
Цитаты он уж с вечера готовил
И по программе ловко острословил.

98

Но остроумец должен подводить
К удобной точке тему разговора:
Он должен слово хитрое *пустить*,
Как ловкий псарь — обученную свору,
Он должен случай вовремя схватить,
Он должен смело, выгодно и скоро
Соперника смутить или убрать,
Чтоб выгодных позиций не терять.

99

Хозяева — лорд Генри и миледи —
Гостей своих умели угостить;
И призраки для столь роскошной снеди
Могли бы воды Стикса переплыть!

431

Мечту о восхитительном обеде
Голодным смертным трудно подавить;
С тех пор как Ева яблоко вкусила,
Владеет всеми нами эта сила.

100

Так злачный край медово-млечных рек
Сулил господь голодным иудеям;
А ныне любит деньги человек;
Мы устаем, слабеем и стареем,
Но золото мы любим дольше всех:
С любовницами, с другом и лакеем
Проститься легче нам, чем потерять
Тебя, платежной силы благодать!

101

Итак, охотой занялись мужчины.
Охота в юном возрасте — экстаз,
А позже — средство верное от сплина,
Безделье облегчавшее не раз.
Французское «ennui»¹ не без причины
Так привилось в Британии у нас;
Во Франции нашло себе названье
Зевоты нашей скучное страданье.

102

А те, кому минуло шестьдесят,
Газеты в библиотеке читали,
Оранжереи, дом, старинный сад,
Портреты, статуи критиковали
И, устремив глаза на циферблат,
Шести часов устало ожидали.
В деревне, как известно, ровно в шесть
Дают обед тому, кто хочет есть.

103

Никто ни в чем не ощущал стеснеңья;
Вставали каждый кто когда желал,
И каждому, по мере пробужденья,
Лакей горячий завтрак подавал.

---

¹ Тоска, скука (франц.).

Иной предпочитал уединенье,
Иной в приятном обществе гулял,
И лишь веселый колокол обеда
Всех собирал на общую беседу.

104

Иные леди красились чуть-чуть,
Иные с бледным ликом появлялись;
Способные изяществом блеснуть
На лошадях в окрестностях катались;
В ненастный день читали что-нибудь,
Иль сплетнями о ближних занимались,
Иль сочиняли в пламенных мечтах
Посланья на двенадцати листах.

105

И другу сердца и подругам детства
Охотно пишут женщины, — и я
Люблю их писем тонкое кокетство,
Люблю их почерк, милые друзья!
Как Одиссей, они любое средство
Пускают в ход, коварство затая;
Они хитрят изысканно и сложно;
Им отвечать старайтесь осторожно!

106

Бильярд и карты заполняли дни
Дождливые. Игры азартной в кости
Под кровом лорда Генри искони
Не знали ни хозяева, ни гости!
А то порой в безветрие они
Удили рыбу, сидя на помосте.
(Ах, если б Уолтон, злобный старичок,
Форелью сам был пойман на крючок!)

107

По вечерам с приятным разговором
Соединялись вина. Мисс Баллетт —
Четыре старших — томно пели хором,
А младшие, еще незрелых лет,

433

С румянцем на щеках и с нежным взором
На арфах элегический дуэт
Играли, обольстительно вздыхая
И ручками лебяжьими сверкая.

108

Порою танцы затевались там,
Когда не уставали свыше меры
Охотники от скачки по лугам...
Тогда изящной грации примеры
Являли туалеты милых дам
И ловкостью блистали кавалеры.
Но ровно в десять, должен вам сказать,
Все гости чинно уходили спать.

109

Политики, собравшись в уголку,
Проблемы обсуждали мировые,
И остроумцы были начеку,
Чтоб в нужный миг, как стрелы громовые,
Свои *bons mots* вонзить на всем скаку
В чужую речь; но случаи такие
Бывают, что теряет аромат
Воп mot, коль собеседник туповат.

110

Их жизни равномерное течение
Сверкало чистым блеском форм холодных,
Как Фидия бессмертные творенья.
Мы Уэстернов лишились благородных,
И Фильдингова Софья, без сомненья,
Была наивней леди наших модных,
Том Джонс был груб — зато теперь у нас
Все вышколены, словно напоказ.

111

К рассвету день кончается в столицах,
А в деревнях привыкли много спать:
И дамы, и прелестные девицы
Чуть смерклось — забираются в кровать,
Зато цветут их свеженькие лица
Бутонам роз полуденных под стать.
Красавицам ложиться нужно рано,
Чтоб меньше денег тратить на румяна.

Песнь четырнадцатая

1

Когда бы мироздания пучина
Открыла нам великие законы,
Путь к истине нашли бы мы единый,
Отвергнув метафизики препоны.
Друг друга поедают все доктрины,
Как сыновей Сатурн во время оно, —
Хотя ему супруга иногда
Подсовывала камни без труда.

2

Доктрины тем отличны от титана,
Что старшее съедают поколение;
Сие рождает споры постоянно
И разума вредит пищеваренью.
Философы нас учат, как ни странно,
Свидетельству простого ощущенья
Не доверять: хотя чего верней
Порука плоти собственной моей!

3

Что до меня — я ничего не знаю
И ничего не буду утверждать
И отвергать; мы все живем, считая,
Что рождены мы с тем, чтоб умирать.

Придет, быть может, эра золотая,
Бессмертья и покоя благодать.
Нам смерть страшна, но сну без колебанья
Мы уступаем треть существованья.

4

Блаженство услаждающего сна
Дает нам от трудов отдохновенье,
Но вечного покоя тишина
Пугает всех живых без исключенья;
Самоубийце — и тому страшна
В последнее жестокое мгновенье
Не жизнь, с которой он кончает счет,
А бездна смерти, что его влечет.

5

Из ужаса рождается дерзанье,
Когда несчастного со всех сторон
Теснят невыносимые страданья,
Когда он до предела доведен.
Так возникают дикие желанья
У путника, когда посмотрит он
С откоса в пропасть на тропинке горной,
Влеченью безотчетному покорный!

6

Конечно, хладным ужасом объят,
Отступит он от грозного обрыва;
Но почему в душе его горят
Такие непонятные порывы?
Нас тайны *неизвестности* манят,
Ужасного тревожные призывы;
Нас тянет глубина — куда? зачем?
Доселе не разгадано никем.

7

Вы скажете — к чему сия тирада,
Досужий плод досужих размышлений?
Люблю я поболтать, признаться надо,
И даже не чуждаюсь отступлений.

Мне самая высокая награда —
Порассуждать в минуты вдохновений
О том, о сем и даже ни о чем:
Ведь мне любая тема нипочем!

8

«По стебельку, — сказал великий Бэкон, —
Мы направленье ветра узнаем!»
Поэт, поскольку страстный человек он,
Колелеет мысли творческим огнем
Былинки слов. Нырлет целый век он,
Как змей бумажный в небе голубом.
А для чего, вы спросите, — для славы?
Нет! Просто для ребяческой забавы.

9

Огромный мир за мной и предо мной,
И пройдено немалое пространство;
Я знал и пылкой молодости зной,
И ветреных страстей непостоянство.
Неразделим со славою земной
Глас отрицанья, зависти и чванства.
Когда-то славою тешился и я,
Да муза неуживчива моя.

10

Поссорился я с тем и с этим светом
И, стало быть, попам не угодил:
Их обличенья, грозные запреты
Мой вольный стих навлек и заслужил.
В педелю раз бываю я поэтом —
Тогда строчу стихи по мере сил;
Но прежде я писал от страстной муки —
Теперь писать приходится от скуки.

11

Так для чего же книги издавать,
Когда не веришь славе и доходу?
А для чего, скажите мне, читать,
Играть, гулять, придерживаться моды?

Нам это позволяет забывать
Тревоги и ничтожные невзгоды:
Я что ни напишу, тотчас же рад
Пустить по воле ветра наугад.

12

Когда б я был *уверен* в одобренье,
Ни строчки новой я б не сочинил;
Да, несмотря на битвы и лишенья,
Я милым Девяти не изменил!
Такое состоянье, без сомненья,
Любой игрок отлично б оценил;
Успех и неудача, всякий знает,
В нас равное волненье вызывают.

13

Притом не любит выдумок пустых
Взыскательная муза — и не диво,
Что говорить о действиях людских
Она всегда старается правдиво
И славу оставляет для других,
Давно привычных к лжи красноречивой;
Излишнюю правдивость с давних пор
Поэтам ставить принято в укор.

14

Отличных тем на свете очень много —
Любовь, гроза, война, вершины гор!
Ошибки, обсуждаемые строго,
И общества критический обзор —
Вот истинно широкая дорога,
Для чувства и для разума простор.
Знай сочиняй! Октавы, может статья,
Хотя бы на оклейку пригодятся.

15

Я говорить хочу на этот раз
О той весьма приятной части света,
Где все на первый взгляд прельщает нас —
Брильянты, горностаи и банкеты;

Которые швейцар пересказал
(И то за чаевые, по секрету),
Да тем, что слышал выездной лакей
От камеристки барыни своей.

20

Но ныне все поэты стали вхожи
В beau monde и там приобрели влиянье,
А те, кто посмелей и помоложе,—
Завоевали прочное признание.
Теперь портреты каждого вельможи
И светских происшествий описанья
Верны, поскольку нам рисуют в них
Писатели почти себя самих!

21

«Haud ignara loquor»;¹ вот «Nugae, quarum
Pars parva fui»², право, легче мне
Рассказывать в октавах с должным жаром
О бурях, о гареме, о войне!
Я дорожу моим свободным даром
И принимаю формулу вполне:
«Vetabo Cereris sacrum qui vulgarit»³
(Высоких истин низкий ум не варит).

22

Я не хочу, чтоб и меня увлек
Тот идеал, излишне отвлеченный,
Который от реальности далек,
Как наш отважный Парри от Ясона.
И без того мой замысел глубок;
Такую широту диапазона
Непосвященным трудно, может быть,
Как следует понять и полюбить.

---

¹ «Я говорю о том, что всем известно» (лат.).

² «Пустяки, малой частью которых я был» (лат.).

³ «Я запрещу тому, кто разгласил таинства Цереры» (лат.).

Увы! Миры к погибели стремятся,
 А женщина, сгубившая нас всех,
 До сей поры не в силах отказаться
 От этих легкомысленных утех!
 Быть жертвою, страдать и унижаться
 Она обречена за этот грех;
 Досталось ей в удел деторожденье,
 Как нам бритве — за наши прегрешенья!

Бритве, увы! Бритве — жестокий бич.
 Весь род мужской бритвем порабощен.
 Но как страданья женщины постичь?
 О ней мужчина, если он влюблен,
 Твердит эгоистическую дичь!
 Смотрите-ка, за что мы ценим жен?
 Зачем нужны их красота и грация?
 Лишь для того, чтоб умножалась нация.

В призванье няньки счастье, правда, есть,
 Но есть свои тревоги в каждом деле.
 Подружек зависть и соперниц лесть
 Подстерегают женщин с колыбели;
 А там, глядишь, пришла пора отцвесть
 И золотые цепи потускнели, —
 А впрочем, можно их самих спросить,
 Приятно ли им женщинами быть.

Мы все под властью юбки с юных лет, —
 К чему искать иллюзии свободы!
 Из-под нее приходим мы на свет
 Для радости и для мирской невзгоды.
 От щуки карасю спасенья нет —
 Я чту и юбку, и закон природы;
 Будь из атласа, будь из полотна,
 Хранит величье символа она.

В невинные восторженные лета
 Я уважал и даже обожал
 Сию святую тайпу туалета,
 Скрывающую милый идеал.
 Так око вдохновенное поэта
 Провидит в ножнах блестящий кинжал,
 В конверте под печатью — мир блаженства,
 Под линиями платья — совершенство!

Когда сирокко гонит облака,
 Дождливую сгущая атмосферу,
 И старчески морщинится река,
 И море мутно-пенистое серо,
 И в небе неизбывная тоска,
 И солнце превращается в химеру, —
 Все ж и тогда какая благодать
 Красивую пастушку увидеть!

Героев с героинями, однако,
 Оставили мы в климате прескверном,
 Не подчиненном знакам Зодиака.
 К нему и рифм не подобрать, наверно;
 В густом тумане холода и мрака
 Скрываются под небом сим неверным
 Цветы, и зелень, и вершины гор —
 Все, что в других краях ласкает взор.

В закрытом помещенье грусть и скука,
 А под открытым небом грязь и слякоть;
 В такие дни поэту просто мука —
 Как пастораль прикажете состряпать?!
 Из мокрой лиры не извлечь ни звука,
 Уж где тут петь, гляди, чтоб не заплакать!
 Так бедный дух слабеет с каждым днем
 В боренье мсж водою и огнем.

Жуан мой был беспечен по природе
 И был любезен людям всех сортов;
 В селе и в замке, в море и в походе
 Всегда доволен, весел и здоров,
 При неудаче и плохой погоде
 Не падал духом он и был готов
 Любезным обхожденьем и речами
Приятным быть любой прекрасной даме.

Охота на лису — опасный спорт:
 Во-первых, можно с лошади сорваться,
 А во-вторых, тому, кто слишком горд,
 Мишенью шуток горько оказаться.
 Но Дон-Жуан в седле был смел и тверд
 И мог в искусстве этом состязаться
 С арабами; под ним скакун любой
 И всадником гордился и собой.

Он гарцевал, отлично брал барьеры —
 Кусты, ограды, мостики и рвы,
 Он мужества выказывал примеры,
 Однако *не теряя* головы.
 И только раз, зарвавшись свыше меры,
 На всем скаку он налетел, увы,
 Не удержав ковы в минуту злую,
 На сельских джентльменов и борзую.

Ну, словом, удостоился похвал
 Мой Дон-Жуан и даже удивленья.
 Тому, как он на лошади скакал,
 Охотников старейших поколенья
 Дивились. Многим он напоминал
 Их юности веселой развлеченья,
 И даже главный ловчий наконец
 О нем сказал с улыбкой: «Молодец!»

Трофеями сей воинской отваги
 И многолюдно-шумной суеты
 Бывали не знамена и не шпаги,
 А просто лисьи шкурки и хвосты.
 Но, обыскав дороги и овраги
 И, наконец, устав от пестроты,
 Он втайне с Честерфилдом соглашался,
 Что *дважды* в это дело б не пускался.

Но как бы мой Жуан ни уставал,
 Когда скакал он с гончими по следу,
 И как бы рано утром ни вставал, —
 Он даже после сытного обеда
 Не спал, и не дремал, и не зевал;
 Он мило слушал дамскую беседу,
 А — будь ты грешен или слишком свят —
 За это дамы всё тебе простят.

Он слушал их внимательно и живо,
 Порой умел любезно возражать,
 Умел и помолчать красноречиво,
 И вовремя беседу поддержать;
 Он знал, как надо тонко и учтиво
 На нежные их речи отвечать.
 Какой приятный, вежливый, прекрасный, —
 Ну, словом, собеседник первоклассный!

Серьезным англосаксам не дано
 Прелестное искусство Терпсихоры,
 Но Дон-Жуан вальсировал умно,
 Изысканно, без лишнего задора
 (Что на балах нелепо и смешно),
 С изяществом отменного танцора, —
 И ясно было каждому, что он
 Не балетмейстер, а испанский доп.

Он музыку отлично понимал;
 Порхая, как воздушная Камилла,
 Он элегантною грацией сиял,
 Умеренно выказывая силу;
 Такое чувство такта проявлял,
 Столь утонченно, вежливо и мило
 Умел вести танцующую с ним,
 Как будто духом танца был самим.

Так на картине Гвидо незабвенной
 Летит перед Авророй Час Рассвета.
 (Я посетил бы снова Рим священный,
 Чтоб только вновь увидеть фреску эту!)
 Так много было грации отменной
 Во всех его движеньях, что поэту
 (Прозаику тем боле) не суметь
 Его достойным образом воспеть.

Не диво, что такого Купидона
 Прекрасный пол старался обольстить.
 То сдержанно, но нежно, то влюбленно
 С ним начинали женщины шутить;
 Сама графиня Фиц-Фалк благосклонно
 С ним понемногу стала заводить
 «Tracasseries»¹, как говорят в Париже,
 Поскольку слово «пашни» рангом ниже.

Красивая блондинка в цвете лет,
 Не первый год она сияла в свете.
 О ней слегка злословил этот свет,
 Ее проказам расставляя сети.
 (По существу, мне дела даже нет,
 Правдивы или нет рассказы эти!)
 В то время, я слышал, ее «предмет»
 Был юный Август, лорд Плантагенет.

---

¹ Плутни (франц.).

Сие лицо с оттенком нетерпенья
 На новый флирт поглядывало. Но
 Оспаривать свободу поведенья
 У дамских корпораций мудрено,
 А затевать конфликты, объясненья
 В подобном положении неумно;
 Любая форма ссоры и огласки
 Приводит к преждевременной развязке.

Во всех салонах ими занялись —
 Приглядывались, щурились, шептались,
 Иные очень строго отнеслись,
 Иные даже словно сомневались;
 Шушукались хорошенькие мисс,
 И хмурые матроны совещались,
 И дружно сокрушался высший свет:
 «Ах, бедный Август, лорд Плаантагенет!»

Но о супруге, графе, как ни странно,
 Никто не вспоминал и не вздыхал.
 Он, впрочем, был в отлучке постоянно
 И никогда жену не упрекал.
 Вот это, други, истинно желанный
 Супружеского счастья идеал:
 Они настолько «изредка» встречались,
 Что узами любви не пресыщались.

Но что скажу о леди Аделине я?
 Чем объясню, что именно она
 Внезапно стала с милою графиней,
 Как строгая Диана, холодна?
 Соперницы «ошибочная линия»
 (Тем паче настоящая вина)
 Для женщины разумной и чувствительной
 Является всегда предосудительной.

Нам озаряет лица и сердца
 Возвышенное чувство сострадания;
 Оно принаряжает в кружевца
 Святую дружбу; ведь существоваше
 Немыслимо без милого лица
 И дружеского чувства излишня:
 «Я так и знал! Ну что я говорил!
 Эх, почему меня ты не спросил!»

Хоть даже Иов двух друзей имел,
 Но я скажу — и одного хватает
 В несчастье; при расстройстве наших дел
 Нам сострадание плохо помогает.
 Таков уж человеческий удел:
 Друзья, как листья, сами опадают,
 Когда придет несчастье. Ну так что ж?
 В таверне друга пового найдешь!

«Оставьте старых и утешьтесь новым!» —
 Разумно мне советуете вы.
 Не черепаха я — пред страшным словом
 Я никогда не прятал головы.
 На опыте достаточно суровом
 Я изучил приятелей, увы!
 Но я страдал и жил — и не жалею,
 Что сделался печальней и умнее!

Среди различных форм и формул зла
 Всего досадней поздние советы,
 Пророчества вчерашнего числа
 И фразы: «Мы предчувствовали это!»
 Друзей «непоправимые дела»
 Мы обсуждать умеем по секрету,
 Припоминая тут же каждый раз
 Какой-нибудь известный всем рассказ.

Но Аделина обсуждала шалость
 Хорошенькой подружки потому,
 Что нежную испытывала жалость
 К невинному герою моему.
 Такое увлеченье, ей казалось,
 Весьма опасно сердцу и уму;
 Она его оберегала — все же
 Он был на сорок дней ее моложе.

Она была еще в годах таких,
 Когда об этом говорят открыто
 Всем любопытным, отсылая их
 К разрядным книгам предков знаменитых.
 Из побуждений дружески простых
 Она под материнскую защиту
 Взяла Жуана, искренне гордясь,
 Что хоть на месяц раньше родилась.

Ей было далеко еще до года,
 Который, как давно известно всем,
 Плотиною поставила природа
 Для возраста красавиц: двадцать семь!
 Достигнув рокового перехода,
 Потом уже не движется совсем
 Седое Время — и на все расспросы
 Молчит и ждет, оттачивая косу.

Она была беспечно далека
 От зрелости и прочих неприятностей,
 И ежели держалась свысока,
 То лишь затем, что так велела знатность ей.
 Я намекну — беда не велика,
 Не повредит такая аккуратность ей:
 От двадцати семи отнимем шесть —
 Вот вам лета миледи все как есть.

В шестнадцать лет она явилась в свете
 И вызвала немало восхищений:
 Как Афродиту, свет ее заметил
 В блестящей пене шумных развлечений;
 А в восемнадцать ей расставил сети
 Любезный Гименей — лукавый гений,—
 И, будучи от Евы рождена,
 Адама ошастливила она.

Потом она сияла и царила
 Без перерыва три зимы подряд —
 И, как за нею сплетня ни следила,
 Ни слова не сказала невпопад,
 Ни одного faux pas¹ не совершила.
 За этот срок, однако, говорят,
 Уже имела леди Аделина
 И выкидыш, и маленького сына.

Ее, как рой веселых мотыльков,
 Скопленье светских фантов окружало,
 Но ни на миг ей не смутило кровь —
 У мотыльков ведь не бывает жала;
 Быть может, вера в «высшую любовь»,
 Быть может, гордость,— что-то ей мешало.
 Не все ль равно, раз женщина честна,
 Какую цель преследует она?

Противно о «мотивах» говорить;
 Так созерцать противно нам бутылки,
 Из коих — по ошибке, может быть,—
 Хозяева тебя не угостили;
 Противно мимо стада проходить,
 Когда оно вздымает тучи пыли;
 Противно, если пэры трону льстят
 И восхваляют трон лауреат.

---

¹ Ложный шаг (франц.).

В корнях причин не стоит разбираться:
 Кому охота землю разрывать?
 Позвольте нам листьями любоваться,
 А желудь, жизнь им давший, забывать!
 Печально сутью дела заниматься
 И тайные пружины открывать:
 «Все страны управляются прескверно!» —
 Сказал однажды мудрый Оксеншерна.

Итак, миледи охраняла честь
 Графини и невинного Жуана.
 (Он мог, пожалуй, сразу не учесть
 Опасностей подобного романа!)
 У всех народов свой обычай есть,
 А нашим щепетильным англичанам
 Присуще согрешивших не щадить
 И сразу репутации клеймить.

Сперва миледи меры обсуждала,
 Как роковой ошибке помешать;
 Ведь в простоте души она не знала,
 Что никогда не нужно ограждать
 Невинность — ни с костра, ни с пьедестала
 Ее нам, бедным смертным, не убрать.
 Заборчики ж потребны добродетели,
 Которую страшили бы свидетели.

Миледи беспокоил не скандал;
 Граф был супруг разумно-терпеливый
 И затевать развод едва ли б стал
 Себе в ущерб, судейским на поживу;
 Но сильную опасность представлял
 Пылающий ревностью драчливой
 И склонный позабыть про этикет
 Злосчастный Август, лорд Плантагенет.

Притом графине нравилось самой
 Считаться интриганкой, и Цирцеей,
 И, так сказать, пленительной Чумой,
 Которая, нисколько не жалея
 Несчастных жертв, из прихоти пустой
 Жестокой забавляется затеей —
 Чарует, замораживает, жжет
 И, главное, свободы не дает!

Она любила юношей несчастных,
 Как Вертера, в отчаянье держать.
 Понятно, что от чар ее опасных
 Решила Аделина защищать
 Жуана — ибо глаз ее прекрасных
 Наш юный друг не мог не замечать
 И ринуться был рад в пучину страсти,
 Не отличая счастья от несчастья.

Итак, миледи не щадила сил
 И мужа попросила откровенно,
 Чтоб он Жуана как-то защитил
 От этой обольстительной сирены.
 С улыбкой слушал лорд Амондевилл
 И, как сановник, с хитростью отменной
 Любезно отвечал, что он не прочь,
 Но все-таки — не в силах ей помочь.

Во-первых, он сказал, в дела чужие
 Он вмешиваться вовсе не привык,
 А во-вторых — догадки всё пустые,
 И мало основательных улик;
 Притом Жуан флиртует не впервые,
 Имеет разум, опыт и язык,
 И, наконец, к добру (известно это!)
 Приводят редко «добрые» советы.

Он намекнул, что было бы умней
 Оставить эту странную тревогу:
 О шалостях порядочных людей
 В кругу друзей не судят слишком строго;
 С годами страсти станут холодней,
 Жуан остепенится понемногу,
 И, наконец, ведь он же не монах,
 Чтоб запереться в четырех стенах!

И тут же, как сановник образцовый,
 Лорд Генри удалился в кабинет.
 Потомству пусть расскажет Ливий новый,
 Как облегчал он нации бюджет,
 Как почту разбирал; но я ни слова
 Здесь не скажу — мне труден сей сюжет;
 Зато я обещаю вам заранее
 Политикой наполнить примечания.

Лорд Генри у порога кабинета
 Любезные слова пробормотал
 (Как мелкую разменную монету
 Слова такие он употреблял!)
 И, наскоро пересмотрев пакеты,
 Миледи на ходу поцеловал —
 По праздникам мы так целуем чинно
 Сестрицу пожилую иль кузину.

Он был спокоен, холоден и горд
 Своим рождением, внешностью и саном;
 Он был по всем статьям отличный лорд,
 Краса и гордость тайного *дивана!*
 Присяге верен, в убеждениях тверд,
 Широкий в плечах, румян и строен станом.
 (Будь я на троне — был бы он, ей-ей,
 Одним из первых в челяди моей!).

Однако в нем чего-то не хватало,
 Как говорил лукавый слабый пол:
 В нем внутренних достоинств было мало,
 Хоть внешнею он многих превзошел.
 Здоровье в нем играло и сияло,
 Высок он был, как мачта или ствол —
 В любви и на войне гордился даром
 Всегда держаться перпендикуляром!

А все-таки в нем не было того
 «Je ne sais quoi»¹, которому, не скрою,
 Обязаны мы более всего
 Бессмертной эпопеей древней Трои,
 Из-за чего супруга своего
 Сменила на безусого героя
 Ты, греческая Ева, belle Hélène²
 Богиня всех супружеских измен!

Любовь — довольно сложное явление;
 В ней толком разобраться не сумел
 И сам Тиресий, знавший, без сомненья,
 Полов обоих горестный удел.
 Нас чувственность сближает на мгновенье,
 Но чувство держит нас в плену. Предел
 Несчастья — в их сращенье: не годится
 Сему кентавру на спину садиться.

Но сердце женщины все чего-то ждет
 И счастья ищет в чувстве беспричинном.
 Их пустота сердечная гнетет,
 И слишком часто грустно без причин им.
 Так лоцман в бурный час ладью ведет
 Без компаса по гибельным пучинам,
 И, может быть, на груды острых скал
 Швырнет его с размаху злобный вал!

¹ Не знаю что (*франц.*).

² Прекрасная Елена (*франц.*).

В Шекспировом саду неувядаемом
 Есть маленький цветочек; повинюсь
 Перед кумиром, всеми почитаемым,—
 Я к лепесткам прекрасным прикоснусь!
 Нам, рифмой и размером притесняемым,
 Бывает трудновато, признаюсь;
 Но, как Руссо, цветочек созерцаю,
 «Voilà la pervenche!»¹— я восклицаю.

Ах! Эврика! Я понял, почему
 Назвал Шекспир «любовью от безделья»
 Цветочек свой: лишь праздному уму
 Доступно страсти бурное похмелье;
 Кто делом занимается, тому
 Не может стать любовь единой целью.
 Уж ныне аргонатов корабли
 Медею бы с собой не повезли.

«Beatus ille procul»² от «negotiis!»³—
 Сказал Гораций; но не прав поэт.
 В его девизе: «Noscitur à sociis»⁴,—
 Точней и лучше выражен совет.
 Но если б даже на меня набросились
 Все те, кем возвеличен высший свет,
 Всем заявлю я тоном самым смелым:
 Счастливей вас любой, кто занят делом.

На плуг сменил идиллию Адам,
 Из листьев фи́ги платье сшила Ева
 (Искусству одеваться наших дам
 Божественное научило древо!),
 И с той поры понятно стало нам,
 Что зло, которое познали все вы,—
 Плод праздности; лишь отдых от работ
 Часам безделья цену придает.

¹ «Вот барвинок!» (*франц.*)

² «Блажен тот, кто далек» (*лат.*).

³ «Дел» (*лат.*).

⁴ «Каждый познается по своим друзьям» (*лат.*).

Но светская рассеянная праздность —
 Особый метод пытки развлечением,
 Стремление украшать однообразность,
 В которой счастье стало пресыщеньем!
 Отсюда — романтизма несуразность
 И синие чулки с пустым томленьем,
 Бесед философическая мгла
 И, главное, — романы без числа.

Романы в жизни я видал такие,
 Каких еще ни разу не читал,
 А перечисли их и Расскажи я,—
 Никто б и верить, кажется, не стал!
 Но тайны уважаю я чужие;
 Я знаю, что молчанье — идеал,
 А потому про тайные романы
 Рассказывать и сплетничать не стану.

«И устрица бывает влюблена», —
 И тоже, вероятно, от безделья;
 Вздыхает в одиночестве она,
 Как сумрачный монах в унылой келье.
 Уединенье, лень и тишина
 Опасней, чем греховное веселье;
 Нечистыми не зря со всех сторон
 Любой святой католик окружен.

О Уилберфорс, венчанный черной славой,
 Ты, Африки моральный Вашингтон!
 Колосс несправедливости кровавой
 Тобою осужден и побежден!
 Но если человеческого права
 Ты подлинным защитником рожден,—
 Освобождая *черных*, между делом
 Надень-ка цепи некоторым белым.

Сошли «святую тройку» в Сенегалию
 И Александра Лысого запри,
 Чтоб *развлеченья* рабства испытали и
 Запомнили тираны и цари.
 Пускай герои страшной вакханалии
 Огонь глотают сами! Присмотри,
 Чтоб новых нам не стоила миллионов
 Постройка королевских павильонов.

Открой Бедлам и к власти допусти —
 И, право, ты увидишь в изумленье,
 Что нам вреда не может принести
 Их *soi-disant* ¹ безумное правленье.
 А что теперь «нормальные» в чести,
 Так это — роковое заблужденье;
 Но я, как Архимед, без *point d'appui* ²
 Потратил тщетно доводы свои.

Один дефект имела Аделина:
 В ее холодном сердце, к сожаленью,
 Все было тихо, строго и пустынно.
 Претят таким натурам измененья
 И новизна. Но в страшные руины
 Подобный гордый храм землетрясенье
 Способно превратить в кратчайший срок,—
 А это вам, красавицы, урок!

Она любила мужа как умела,
 Сизифовой любовью, так сказать:
 Ведь собственное чувство то и дело
 Ей приходилось в гору поднимать.
 Но перемен миледи не хотела,
 Предпочитая мирно тосковать;
 Союз их был примерный, благородный,
 Счастливый, только несколько холодный.

---

¹ Так называемое, так сказать (*франц.*).

² Точка опоры (*франц.*).

Их разделяло не различье лет,
 А разность их натур, и однотонно,
 Подобная движенью двух планет,
 Текла их жизнь спокойной, неуклонно,
 Раздельно. Так свой сохраняет цвет,
 Стремясь сквозь Леман, голубая Рона,
 Когда кристальной глади забытье
 Объемлет и баюкает ее.

В ней быстро загорался интерес
 К тому, что занимало или льстило,—
 Тогда в ней чувство брало перевес,
 Захлестывало, даже уносило.
 Известно, как легко играет бес
 Большою впечатлительностью; сила
 Внезапных впечатлений тем страшней,
 Чем видимая сущность холодней.

Бесовское в ней было дарованье,
 Которому два имени дано:
 Когда успешны наши начинанья,
 Зовется гордой стойкостью оно;
 Но ежели бесплодны все дерзанья,—
 Простым упрямством. Только мудрено
 Определить границы и приметы,
 Явленье отличающие это.

Будь Бонапарт героем Ватерлоо,
 Примером стойкости считался б он;
 Теперь, когда ему не повезло,
 Он прозвищем упряма заклеимен.
 Но кто нам скажет — что добро? что зло?
 Я, право, озадачен и смущен!
 Вернусь-ка лучше к леди Аделине;
 Она у нас ведь тоже героиня.

Была ль она в Жуана влюблена?
 Она себя сама не понимала,
 А если б только поняла,— она
 От собственного сердца б убежала.
 Она была сочувствия полна,
 Поскольку Дон-Жуану угрожала
 Опасность несомненная, а он
 Был, ей казалось, плохо защищен.

Он был ее приятель, юный брат,—
 Но искренне, не в стиле оперетки.
 О платонизме часто говорят
 Лукавые французские кокетки,
 И немки романтические горят
 В какой-нибудь лирической беседке
 От чистых поцелуев,— но она
 Была для честной дружбы рождена.

Конечно, пола тайное влиянье,
 Слегка подогревающее кровь,
 Их дружбе придавало обаянье,
 Похожее немного на любовь.
 Ведь вредно только страсти состоянье
 Для нежной дружбы. Повторяю вновь,
 Что женщина как друг всего вернее;
 Лишь не ищи любовной связи с нею.

Но всякая любовь в себе таит
 Зародыш измененья — и не диво;
 Лишь на мгновенье молния блестит;
 Стихий неудержимые порывы
 Иметь не могут формы — все летит,
 Все движется, меняясь прихотливо,—
 А нежная любовь уж никогда
 Не может быть надежна и тверда!

Я часто слышал жалобы влюбленных
 На то, что страстью увлеклись они,
 А, как известно, страсть и Соломона
 В шута преобразила в оны дни!
 И даже добродетельные жены,
 Слывущие примером искони,
 Какому-нибудь тихому созданию
 Умели отравить существованье.

Но я на личном опыте узнал,
 Что женщины способны быть *друзьями*.
 Когда всеобщий суд меня терзал
 Допросами и злобными словами,
 Я цену женской дружбы испытал, —
 Она одна не расстается с нами
 И в бой за нас вступает каждый раз,
 Когда клеветает общество на нас.

Но дружбу Аделины и Жуана
 К высокому разряду относить
 Еще пока, пожалуй, слишком рано;
 За ними надо дальше последить.
 В разгаре их невинного романа
 Я их пока оставлю — так и быть:
 Такой прием зовется — задержание
 Читательского резвого внимания.

На лошадях, в коляске и пешком
 Они вдвоем прогулки совершали;
 Испанским занимались языком,
 Чтоб «Дон-Кихота» знать в оригинале;
 Наедине болтали вечером,
 Высокие вопросы обсуждали.
 Мне это все удастся, может быть,
 В дальнейшем как-нибудь изобразить.

Но предостерегаю вас заранее
 От выводов поспешных и пустых, —
 О леди Аделине и Жуане я
 Не высказал догадок никаких.
 Подробно расскажу об их романе я
 В октавах сатирических моих;
 Пока замечу только предварительно,
 Что их паденье все еще сомнительно,

Но в жизни все великие дела
 Рождаются из малых. Кто не знает,
 Как много неожиданного зла
 Пустячные причины порождают!
 Откуда катастрофа подошла,
 Порою и мудрец не угадает
 (А я держу пари хоть на миллиард,
 Что все пошло с простой игры в бильярд!).

Вы скажете, что это очень странно,
 Но правда всякой выдумки странней.
 Как помогли б правдивые романы
 Познанию жизни, мира и людей!
 Мир выплыл бы из мрака и тумана,
 Когда б Колумб этических морей
 Духовные открыл нам антиподы
 В характере у каждого народа.

Какие бездны есть в сердцах людских!
 Какие в них «пещеры и пустыни»!
 Как в душах всех правителей земных
 Нагромоздились айсберги гордыни!
 Как много в этих дебрях вековых
 Антропофагов водится поныне!
 Когда б историк правду молвить смел, —
 Сам Цезарь бы от славы покраснел!

Теснь пятнадцатая

1

Ах! Что же дальше? О любом предмете я
Могу воскликнуть так в своих стихах,
Ведь этим «ах» все выражу на свете я —
Надежду, грусть, унынье или страх.
Вся наша жизнь — сплошные междометия:
И «ну», и «ба», и «ух», и «ох», и «ах»,
И «фу», и просто «тьфу» — уж это «тьфу»-то
Мы произносим каждую минуту.

2

В противовес великому «еппиі»,
Все эти восклицанья выражают
Эмоции; эмоции сии
В пространствах бесконечности всплывают,
Как пузырьки на океане, и
В миниатюре вечность отражают:
И благо тем, кто знает благодать
Незримые явленья наблюдать.

3

Печально, если в душах цепенеют
Стремленья, погребенные навек,
Притворство всеми чувствами владеет,
И надевает маску человек.

Никто открыто действовать не смеет;
Мы наших мыслей сдерживаем бег.
Поскольку все поэты — лицемеры,
Мы принимаем вымыслы на веру.

4

Скажите мне, кто втайне хоть на час
Не вспомнит прежней страсти заблужденья?
И кто из нас не испытал хоть раз
О невозвратном прошлом сожаленья?
Пусть волны Леты увлекают нас, —
Печали не потопим мы в забвенье,
И, как ни блещет светлое вино,
Осадок опускается на дно.

5

Что до любви — рассказ неторопливый
Пойдет о госпоже Амондевилл...
Звук имени ее, такой красивый,
Мое перо недаром вдохновил.
Все музыка — и звон ручья игривый,
И шепоты травы, и шум ветрил;
Все музыкально в мире, все прекрасно,
И пенье сфер мы слышим ежечасно.

6

Миледи Аделина, господа,
Была близка к рискованным решеньям;
Ведь слабый пол, изменчивый всегда,
Изменчивым подвержен настроеньям.
Ярлык вина обманчив иногда,
И качество бывает под сомненьем,
А женщина — как легкое вино:
Испортиться и ей не мудрено.

7

Миледи я сравнил бы без прикрас
С вином первойшей марки, с золотыми
Чеканки самой новой; как алмаз,
Миледи, совершенствами своими

Блистая, только радовала глаз.
С докучными уликами пустыми
Природа — этот хмурый прокурор —
Еще не приставала к ней в упор.

8

Я знаю — Смерть упрямая стучится
К нам в дверь сперва как будто неумело
(Так в первый раз к вельможе подступиться
Купец, пожалуй, не решится смело);
Но если уж начнет она сердиться,
То грозно принимается за дело:
Чуть переступит за порог — она
Уплаты долга требует сполна!

9

Ты все съедаешь, Смерть! Но, ради бога,
Умей щадить бедняжку Красоту —
И без того добычи очень много,
И все пожрать тебе невмоготу.
Гурман костлявый! Подожди, не трогай
Невинную весну во всем цвету!
Бери героев — наций блеск и силу,
Но женственности прелести помилуй!

10

Миледи было свойственно хитрить,
Когда ее интрига увлекала;
Открыто благосклонность проявить
Ей воспитанье строгое мешало,
Но тем неосторожней, может быть,
Свое миледи сердце отдавала
И нежности своей невинный пыл
Тому, кто чувств таких достоин был.

11

Амурные истории Жуана
Во всех салонах сплетни вызывали.
Но леди Аделину, как ни странно,
Его грехи нимало не пугали.

Притом в английском климате туманном
В Жуане страсти как бы остывали;
Ведь был он как молодой Алкивиад —
К любой среде приспособляться рад.

12

Герой мой был тем более пленителен,
Что не старался никого пленять;
Он был умен, спокоен, обходителен,
Не претендуя лавры пожинать.
Назойливый дендизм предосудителен:
Его девиз — «блистать и ослеплять»,—
А фатовство и прочие чудачества
Роняют человеческие качества.

13

Мне хорошо известно — не всегда
Успех чванливым франтам доставался.
А мой Жуан был скромен, господа,
И сам собою всюду оставался;
Он искренним казался без труда
И голосом приятным отличался,—
А голосу приятному даны
Все пагубные чары Сатаны!

14

Он от природы был учтиво-нежен
И подозрений вовсе не внушал;
Изящен и спокойно-безмятежен,
Он весело победы предвкушал.
Герой такой мне попадался реже,
Чем фатоватый щеголь и нахал,—
А впрочем, скромность тоже дар отменный;
Она успех приносит несомненный.

15

Любезно-весел и приятно-мил,
Жуан со всеми вел себя тактично;
Он сплетничать о ближних не любил,
Он слабости собратьев знал отлично;

С надменными он сам надменен был
И намекнуть умел дипломатично,
Что цену знает и себе и им
И что доволен жребием своим.

16

Но дамам каждый раз являлся он
В том облике, в каком его хотели
Узреть. Таков неписанный закон.
Живей всесильной кисти Рафаэля
Воображенье их; кто наделен
Красивой внешностью, того умели
Они всегда поднять на пьедестал,
Чтоб он, как чудо света, заблистал.

17

Но Аделина просто приписала
Жуану качества свои и в нем
Все совершенства редкие искала;
И мудрецы порой повинны в том.
Нас учит опыт многому, но мало.
Мы горечь истин все же познаем,
А мудрецы упорно забывают,
Что и глупцы на свете ведь бывают.

18

Мудрейший Бэкон, Локк, Сократ и ты,
Божественный, чье чистое ученье,
Непонятое, как и все мечты,
Лишь породило новые гоненья,
Лишь укрепило силу темноты,—
За что ты принял это униженье?
Увы, примеров множество таких;
На совести людской оставим их.

19

Что до меня — о славе не мечтая,
Держаться я решил теперь скромней:
Я с холмика спокойно созерцаю
Мельканье лиц и пестроту идей,

Я безмятежно-весело болтаю,
Как на прогулке, с музою моей;
Легко дается мне стихосложение,
Без всякого оттенка напряженья.

20

Мне кажется, в уменье рифмовать
Заслуги нет, но в легком разговоре
Весьма приятно время коротать.
Когда поэты с музами не в ссоре,
Они умеют строчки сочетать
В изящном стиле «Improvisatore»;¹
В подобном стиле рад писать и я,
Но льстивою не будет песнь моя.

21

«Omnia vult belle Matho dicere — dic aliquando
Et bene, dic neutrum — dic aliquando male»².
За первым не стремись, коль не титан ты,
Второе в счастье нужно и в печали,
Для третьего потребны уж таланты,
Зато везде и всюду мы встречали
Четвертое; в поэме ж сей, друзья,
Вы все найдете, полагаю я.

22

Я прославляю скромность как систему,
И с гордостью я вовсе не в ладу;
Короткой я задумывал поэму,
И сам не знал, куда я забреду.
Хотелось мне представить эту тему
Цензуры благосклонному суду,
Польстить владык *дряхлающих* амбиции,—
Но я, увы, рожден для оппозиции!

---

¹ Импровизатор (*итал.*).

² «Матон хочет все говорить наилучшим образом, говори когда-нибудь и хорошо, говори средне, иногда говори и плохо» (*лат.*).

Я неизменно защищаю тех,
 Кто не в чести. И если час настанет,
 Когда толпы победной рев и смех
 Над бывшими избранниками грянет, —
 Я нападать на них сочту за грех.
 И, может быть, — меня на это станет —
 Примкну я к роялистам; мне претит
 И демократ, когда он властью сыт.

Я мог бы стать супругом превосходным,
 Не зная, как печален мой удел,
 Я мог бы, свойствам вопреки природным,
 Монахом стать, уйдя от светских дел,
 Но никогда в плаще поэта модном
 Я щеголять бы дерзко не посмел,
 Когда б мои стихи перо зоила
 Насмешкой злобною не заклеимило.

«Laissez aller»¹. В поэме, господа,
 Героям самым разным дверь открыта.
 Писать о них, казалось, нет труда;
 Не нужно Лонгина и Стагирита;
 Но вот в окраске фактов вся беда:
 Здесь подобает мудрому пииту
 Искусственное к естеству свести,
 В явленьях частных общее найти.

Когда-то люди создали манеры,
 Теперь манеры создают людей.
 Прилизаны, приглажены и серы,
 Не проявляем воли мы своей.
 Конечно, все поэты — лицемеры;
 Но как тут быть, каких искать путей?
 Куда мне обратиться — к темам прошлым
 Иль к современным, тягостным и пошлым?

¹ «Пусть все идет своим чередом» (*франц.*).

Так что же, друг мой муза, поспеши!
 Когда тебе докучен стиль высокий,
 Давай смеяться просто от души,
 Стегая шуткой мелкие пороки.
 Запомни или даже запиши
 Колумба наставленья и уроки:
 В ничтожной каравелле можно плыть —
 И все-таки Америку открыть.

Миледи Аделина увлекалась
 Блестящими талантами Жуана.
 В ней чувство постепенно разгоралось,
 Что, в сущности, по-моему, не странно,
 Неопытность его, как ей казалось,
 В опасности бывала постоянно.
 У женщин полумеры не в чести:
 Она Жуана вздумала «спасти».

Итак, миледи добрые советы
 Жуану безвозмездно расточала.
 Признательности мелкую монету
 Она за это часто получала;
 Но для спасенья милого предмета
 Она решила с самого начала
 Любимый дамский метод применить —
 Его безотлагательно женить.

Жуан ответил ей, что он мечтает
 Давно в такой союз сердец вступить,
 Но обстоятельства ему мешают
 Подобную мечту осуществить;
 А те, к кому он склонность ощущает
 И кто его могли бы полюбить,
 Души его прекрасные Цирцеи,—
 Уже давно в объятьях Гименей.

Для дочерей, племянниц и сестер
 Обдумывать прически, шляпки, платья,
 Подстроить встречу, тайный разговор —
 Вот милых дам любимое занятие!
 Они привыкли сватать с давних пор
 Всех братьев и кузенов без изъятия.
 Греха в том нету, ибо всякий брак
 Воздействует на нравы как-никак.

Все женщины, влюблявшиеся рано,
 За исключением дев и старых вдов,
 Охотно строят каверзные планы
 По части уловленья женихов.
 Необычайный замысел романа
 У них всегда заранее готов,
 Хотя порой действительность упрямо
 Его преобразует в мелодраму.

Всегда у них найдется чей-то сын,
 Какой-нибудь единственный наследник,
 Какой-нибудь веселый дворянин,
 Любезный и приятный собеседник,
 А то и лорд, доживший до седин,
 Какой-нибудь из отпрысков последних,
 Мечтающий природу удивить
 И новым браком «древо» обновить.

Для всех у них невесты под рукой;
 Богатый выбор — как не любоваться!
 Умом, деньгами, внешностью, душой
 Невесты эти могут красоваться;
 Одна имеет голос небольшой,
 Другая — дар прелестно одеваться,
 Та будет мать и добрая жена,
 А та — для сана леди рождена.

В Америке есть некая колония;
 Ее там Рапп, как секту, учредил,
 Назвал весьма торжественно «Гармония»
 И брак из быта вовсе устранил.
 Греховных увлечений беззаконие
 Он строгими законами смирил.
 Но я поспорить с ним имею мужество:
 «Гармония» нелепа без супружества!

А разделять гармонию и брак
 Никак нельзя, не оскорбив природу.
 (Быть может, Рапп, восторженный чудак,
 В Германии усвоил эту моду!)
 Хоть секта процветает как-никак,
 Растет и богатеет год от году,—
 А все-таки, скажу вам не тая,
 Название оспариваю я.

Но пылкие любезные матроны,
 И Мальтусу и Раппу вопреки,
 Потворствуют природному закону
 И поощряют милые грешки.
 К приросту населенья все мы склонны,
 Как трудности потом ни велики,
 И в результате — обнищанье нации.
 Разгул страстей приводит к эмиграции!

Я, право, не решаюсь присягнуть,
 Что Аделина Мальтуса читала.
 Одиннадцатой заповеди суть —
 Жениться грех, коль нету капитала!
 Судить о том я не хочу ничуть,
 Что нам перо столь славное писало,
 Но сей арифметический подход
 Нас к жизни аскетической ведет.

Миледи, впрочем, знала очепь точно,
 Что Дон-Жуан богат; его жена,
 Коль этот брак окажется непрочным,
 Вполне безбедно проживет одна.
 Ведь в пляске брака часто, как нарочно,
 Мужей отличных падает цена,
 И брак к печальной их ведет развязке,
 Как Смерть в Гольбейновой зловещей
 «Пляске».

Итак, Жуана брак был предрешен,
 И только за невестой дело было.
 Мисс Мак-Ин-Фольо был представлен он,
 Мисс Блик, мисс Шик и юной мисс Мак-Милло,
 Наследницам мисс Чек и мисс Купон
 (Всех Аделина в гости пригласила!).
 С любой из них любимец юных муз
 Мог заключить превыгодный союз.

Там нежная единственная дочка,
 Спокойная, как озеро, мисс Пруд,
 Была бела, как молоко в горшочке,
 Пока густые сливки не сольют.
 Не верьте этой милой оболочке;
 Под нею смесь простую узнают
 Воды и молока. Хотя для брачной
 Спокойной жизни эта смесь удачна.

Мисс Смеллоу, очень гордая собой,
 Богатая и бойкая девица,
 Об орденах и лейте голубой
 Мечтала. Но не каждый день случится,
 Что герцог, предназначенный судьбой,
 В ловушку сам собою залучится;
 Среди девиц подобных что ни год
 На турок и на русских спрос растет.

Там были... но к чему перечисленья!
 Скажу короче: там была одна,
 Прелестная, как светлое виденье,
 Как фея, как сиянье, как весна,—
 Аврора Рэби. Нежное волненье
 Рождала в сердце каждого она.
 Несмелое, но дивное творенье —
 Как роза накануне пробужденья!

Она осталась рано сиротой.
 Опекунами добрыми любима,
 Знатна, богата,— но немой мечтой,
 Раздумьем одиночества томима.
 Как будто силы юности златой
 Сломилась смерть, промчавшаяся мимо.
 (Так во дворце пустом болит сильней
 Душа в тоске о счастье прошлых дней!)

Она была младенчески нежна,
 Но что-то в ней таинственно сияло...
 Как серафим задумчивый, она,
 Казалось, непрестанно горевала
 О тех, кто согрешил и чья вина
 Несчастный род людской отягощала;
 Она казалась грустным духом тем,
 Что охранял покинутый Эдем!

Она держалась веры католической
 И верила всем сердцем и умом:
 Сей ветхий культ красою романтической
 И строгостью пленял ее. Притом
 Она гордилась славой героической
 Своих отцов, и словом и мечом
 Обычай старой веры защищавших
 И ей святую верность завещавших.

Она глядела кротко и светло
 На божий мир, его не понимая;
 В ней сердце безмятежное цвело,
 Как ландыш, в тишине благоухая.
 Всеобщее признание ей дало
 Какой-то гордый ореол; сияя
 Возвышенным спокойствием, она
 Была чудесной прелестью сильна.

Но почему-то в списки Аделины
 Аврора не была занесена,
 Хотя она имела все причины
 Затмить прелестных сверстниц имена;
 Любого благородного мужчину
 Такая дева, кажется, должна,
 Высокой добродетелью блистая,
 Склонить на путь супружеского рая.

Мой Дон-Жуан был очень удивлен
 (Как древний Рим, не видя бюста Брута
 В процессии Тиберия), и он
 Спросил о ней, но в эту же минуту
 Миледи, вдруг приняв надменный тон,
 Сказала очень резко почему-то:
 «Аврора мне не нравится: она
 Наивна и притворно холодна!»

«Но мы единой веры! — с удивленьем
 Сказал Жуан. — Нас легче обвенчать;
 Не пригрозит мне папа отлученьем,
 Не заболит от досады мать».
 Но леди Аделина с нетерпеньем
 Всех женщин, не желающих признать
 За оппонентом правоту и силу,
 Все тот же довод сухо повторила.

Так что же? Если доводы умны,
 Не портятся они от повторенья,
 А если глупы, — может быть, цены
 Прибавит им простое умножеье.
 Настойчивостью действовать должны
 Политики, поддерживая пренья:
 Противника старайтесь утомить —
 Его тогда нетрудно и затмить.

Но почему миледи Аделина
 С предубежденьем относилась к той,
 Чей кроткий облик, светлый и невинный,
 Лишь со святыми спорил чистотой?
 Миледи славилась не без причины
 Любезностью, умом и красотой, —
 Но (это испытал любой живущий)
 Капризы каждой женщине присущи.

Не по душе, наверно, было ей
 Спокойное Авроры отношенье
 К мельканью лиц и пестроте идей.
 Нет худшего на свете униженья,
 Чем превосходство ближнего. Больней
 Обиды это тайное сомненье
 В себе самом; Антоний это знал
 И от величья Цезаря страдал.

Но то была не зависть, — о, еще бы! —
 Миледи чувства этого не знала!
 То было не презрение — за что бы
 Она Аврору Рэби презирала?
 То не была тоска ревнивой злобы,
 Которая прекраснейших терзала,
 То не было... Но нет, вопрос не в том;
 Что́ это было — вот проблема в чем.

Аврору света праздные сужденья
 Не трогали; сияя простотой,
 Она была как светлое течение
 В потоке молодежи золотой,
 Сверкавшей, как пустые украшения,
 Напыщенной и чванной красотой.
 Аврора только кротко улыбалась —
 Столь детским это сердце оставалось!

Ее не ослеплял надменный вид
 Миледи; безмятежно рядом с пею
 Она цвела: светляк в ночи блестит,
 Но звезды и прекрасней и крупнее!
 Наш Дон-Жуан, как ни был знаменит,
 Был не замечен и не понят ею;
 Она ведь в небо устремляла взор,
 А он был только светский метеор.

Его весьма двусмысленная слава
 Чертовски чаровала женский род
 (Изящный блеск испорченного нрава
 Красавица любая предпочтет
 Смиренной добродетели; оправа
 Порочности обычно придает
 Героям цену), — но Авроры нраву
 Совсем не нравилась такая слава.

Жуан еще не знал натур таких;
 Погибшая Гайдэ в сравненье с нею
 Была дитя природы, волн морских
 Сердечней, простодушной и нежнее.
 Но отличалась каждая из них
 Особенно прелестью своею:
 Гайдэ — цветок, Аврора — самоцвет
 (Удачнее сравненья, право, нет).

Придумав это ловкое сравненье,
 Я стал опять «сзывать свою пехоту»;
 У Скотта взял я это выраженье —
 У лучшего на свете друга Скотта!
 Как он рисует рыцарей сраженья,
 Господ и крепостных, пиры, охоты!
 Когда бы не Вольтер и не Шекспир, —
 Поэта лучшего не знал бы мир.

Повсюду муза легкая летает,
 Везде я темы сразу нахожу;
 Я свет живопишу, и свет читает,
 И я его, признаться, не щажу.
 Врагов мой стих обычно порождает,
 Но жалкой дружбой я не дорожу;
 Уже давно я в ссоре с целым светом,
 А все же стал я неплохим поэтом!

Упрямство госпожи Амондевилл
 Жуана злило, и по сей причине
 Весь разговор их кисло-сладок был
 И очень неприятен Аделине.
 Но вот серебристый гонг провозгласил
 Тот час, когда на дамской половине
 Меняют туалет (хотя на глаз
 Для этой цели вряд ли нужен час).

Но чу! Звенят серебряные чаши,
 Стучат ножи, воинственно остры!
 (Поспорят ли с Гомером музы наши,
 Описывая пышные пиры!)
 Меню у нас, пожалуй, даже краше,
 Названья удивительно пестры;
 Таинственные смеси и приправы
 Напоминают древние отравы.

Там был отличный суп «à la bonne femme»¹
 (Дивлюсь я этой кличке безрассудной!),
 И суп «à la Beauveau», известный вам,
 И камбала с подливкой самой чудной;
 Там был (но, видит бог, не знаю сам,
 Как справлюсь я с такой октавой трудной!)
 Большой индюк, и рыба всех сортов,
 И поросята — гордость поваров.

Но мне в детали некогда вдаваться —
 Я все смешаю вместе! Как тут быть?
 Пожалуй, муза может растеряться
 И прозвище болтушки заслужить.
 Хотя и *bonne-vivante*² она, признаться,
 Но трудно ей о пище говорить,
 И потому сейчас я очень кратко
 Все яства перечислю по порядку.

Вестфальской ветчины окорока,
 Апиция достойные картины,
 И «sauces Gênévoises»³ для знатока,
 И дичь «à la Condé», и лососина;
 Там были — честь и слава погребка —
 Все Аммоно-убийственные вина,
 И пенистый шампанского бокал,
 Как жемчуг Клеопатры, закипал.

Там было бог весть что «à l'Espagnole»⁴
 И «à l'Allemande»⁵, «timballe»⁶, и «salpicon'ы»⁷
 (Не сразу нам понятно, в чем там соль,
 Но к экзотичным яствам все мы склонны);

¹ «Хорошей жены» (франц.).

² Любительница удовольствий (франц.).

³ Женевские соусы (франц.).

⁴ «По-испански» (франц.).

⁵ «По-немецки» (франц.).

⁶ Пирог с дичью (франц.).

⁷ Прямое рагу (франц.).

Там были «entremets»¹, которых роль —
Баюкать души негой полусонной;
Там сам Лукулл, великий чародей,
Венчал фазанов славой трюфелей.

67

Увы, сравнится ль блеск подобной славы
Со славой тех, пред кем народы ниц
Лежали? Где их призрак величавый?
Где грохот триумфальных колесниц?
Проходит все — тревоги и забавы,
Победы и обеды знатных лиц;
Едва ль затмит их временная слава
Бессмертную Лукуллову приправу!

68

Люблю я трюфеля, признаться вам,
И лакомое блюдо «ruits d'amour'ы»²
С вареньем или без — по вкусу дам, —
Как поучает нас литература
Кухмистерских. Я пробовал их сам,
Но даже вам скажу — «sans confiture»³,
Без всякого варенья, эти «ruits»
На вкус прелестны, милые мои!

69

Теряется мой разум в созерцанье
Чудесных блюд, которым счету нет.
Великих несварений процветанье
Их результат, а может быть — секрет.
Кто думать мог, что скромный акт питанья
Отца Адама через тыщи лет
Переродится в сложное ученье,
Дошедшее до грани изощрения!

70

Звенело рюмок тонкое стекло,
И челюсти работали отлично,
Гурманы задыхались тяжело,
А мисс и леди кушали тактично,

---

¹ Гарниры (*франц.*).

² «Кладези любви» (*франц.*).

³ Без варенья (*франц.*).

И юпоши, чье время не пришло
Любить еду, держались романтично:
Они обилью лучших вин и блюд
Прелестную соседку предпочтут.

71

Увы, не вклеить мне в мои октавы
Сальми и консоме! Ну как тут быть?
Пюре, gibier¹ и разные приправы
Мне очень трудно в строчки уложить.
На ростбиф каждый бритт имеет право,
Но трудно ростбиф с рифмой примирить;
Притом, покушав сытно, сын Парнаса
Воспеть не в силах даже и бекаса.

72

Люблю желе, бисквиты, марципан,
Мороженое, фрукты и закуски;
Желудок наш, изысканный гурман,
Страдает от излишней перегрузки!
В произношение трезвых англичан
Становится *подагрой* «goût»² французский.
Я не знаком еще с подагрой, но
Спасть от сей напасти мудрено.

73

Забуду ль о бесхитростных маслинах,
Союзницах первейших наших вин?
Закусывал я ими на вершинах
Гимета или Суния — один!
Я ел их с хлебом в Лукке и в Афинах
На изумрудной скатерти долин,
Пируя по примеру Диогена
(Он на меня влияет неизменно!).

74

Отягощенный стол напоминал
Роскошных павильонов вереницу,
Необычайный маскарадный бал
Из овощей, и рыб, и разной птицы;

---

¹ Дичь (франц.).

² Вкус (франц.).

Мой Дон-Жуан глазами пожирал
«А l'Espagnole» — конечно, не девицу,
А блюдо, что пленяло красотой,
Пикантностью и тонкой остротой.

75

Сидел мой Дон-Жуан на этот раз
Меж леди Аделиной и Авророй.
Претрудный случай, уверяю вас,
И это ощутил он очень скоро.
Он ежился, не поднимая глаз,
От ясно-проницательного взора
Миледи Аделины — этот взор
Его сверлил насмешливо в упор.

76

Мне кажется, у глаз бывают уши —
Иначе я не в силах объяснить,
Как удается женщинам подслушать
То, что никто не мог предположить.
Как пенье сфер, способны наши души
Таинственно звучать. И, может быть,
Поэтому порой посредством взора
Длиннейшие ведутся разговоры.

77

В спокойном равнодушии своем
Аврора на Жуана не глядела.
Обычно мы с досадой узнаем,
Что ближним нет до качеств наших дела.
Жуан мой не был фатом, но и в нем
Аврора самолюбие задела;
Себя он как бы лодкой ощущал,
Затертой между двух ледовых скал.

78

Он пошутить попробовал — напрасно.
Ему, конечно, вежливо ответили,
Но, глядя вдаль спокойно и бесстрастно,
Как будто шутки вовсе не заметили.

И скромность и заносчивость ужасны,
В каком бы облике мы их ни встретили.
Он видел, что миледи быстрый взгляд
Таил язвительной насмешки яд.

79

Она ему, казалось, говорила:
«Я так и знала!» Уверяю вас:
Подобное злорадство — это сила
Опасная и вредная подчас.
Герой, чье сердце шутка оскорбила,
Все выполнить старается как раз,
Что в мстительном намеке заключалось...
Глядишь — ан шутка правдой оказалась!

80

Но ловкий и любезный мой герой
Сумел искусно выказать внимапье
Своей соседке. Этою игрой
Он деликатно подчеркнул признанье
Ее достоинств. Я готов порой
Поверить сплетне! На его старанья
И на его веселые слова
Аврора улыбнулась раза два.

81

Могла ль от разговора воздержаться
Жуана миловидная соседка?
Сама миледи стала опасаться,
Что в ней проснется все-таки кокетка;
В холодном равновесии держаться
Нам трудно, и случается нередко,
Что мы... Но тут миледи не права:
Аврора уж совсем не такова.

82

Притом Жуан настолько был приятен,
Настолько гордо-скромнен, так сказать,
Себя умел так ловко показать он,
Так он умел покорность проявлять,

Умел он быть и весел и занятен,
Умел он тактом шутки умерять,
Людей на откровенность вызывая,
А собственные замыслы скрывая.

83

Аврора в равнодушии своем
Его к толпе обычной причисляла
Пустых людей, но и Аврора в нем
Особенные свойства увидала.
Он льстил с таким умом и мастерством,
Что даже ей приятно слушать стало;
Так похвалы изысканных льстецов
Завлечь способны даже гордецов.

84

Притом он был красив; а это свойство
Смущает женщин, мы должны признать;
Супружествам большое беспокойство
Оно способно часто доставлять.
Пленительную внешность и геройство,
Увы, трудней всего не замечать;
Когда прекрасный образ нас смущает,
Нас никакая книга не прельщает.

85

Аврора больше внешности пленительной
Любила книги. И, служа Афине,
К ней относилась с нежностью почтительной,
Любуясь ею даже на картине.
Но лишь в корсете старости медлительной
Надежна добродетели гордыня.
Сократ, блюститель этики, и тот
Прекрасного влиянье признает.

86

В шестнадцать лет все девы сократически
Чтят красоту невинно — вслед Сократу.
Что ж? Если этот славный муж аттический
И в старости мечтал замысловато

(Платон писал о том метафизически),
То девушкам уж вовсе трудновато
Без грез — ведь их природа такова!
Но скромность для девицы — *sine qua*¹.

87

Замечу вскользь: когда свои сужденья
Я, как великий Кук, вам излагаю,
О них всегда свое второе мнение
Я мнению первому предпочитаю,
А может быть, и третье есть решенье,
А может, вовсе нет — почему я знаю!
Но, будь поэт логичен, скуп и строг,—
Мир сущего понять бы он не мог.

88

Весь род людской себе противоречит —
Ну как же мне другим не подражать?
Все мелкой ложью истину калечат,
Но я правдив и не желаю лгать.
Коль нас от скептицизма не излечат,
Мы ничего не сможем отвергать.
Противоречий много в человеке;
Источник правды чист, но мутны реки.

89

И притчи и стихи способны лгать,
Хотя иной раз могут быть правдивы,
А басня может нравы исправлять,
Клеймя пороки очень справедливо.
Но кто поможет сущее познать?
Философы? Они всегда кичливы!
Религия? *Возможно*, если знать,
Какой из сект разумней доверять.

90

Конечно, каждый может ошибаться.
А впрочем, может быть, и каждый прав.
Спаси нас боже! Трудно продвигаться,
В тумане маяка не распознав.

---

¹ Неприменное условие (*лат.*).

Пора пророку новому заняться
Защитой смелых догматов и прав;
Изношенные мненья, в самом деле,
За два тысячелетья потускнели.

91

Но для чего запутался и я
В тенетах метафизики? Не мне ли
Противна эта вся галиматья?
Безумье и судьба мне повелели
О косяки загадок бытия
Напрасно биться лбом. Осточертели
Мне все проблемы эти навсегда;
К терпимости я склонен, господа!

92

Теолог я умеренный (не скрою!),
Пресвитерьянец и мыслитель, право.
Умеренно люблю я Тир и Трою,
Как Элдон, судия сей величавый.
О доле низших классов я порою
Толкую Джону Булю очень здраво,
И, словно Гекла, кровь кипит моя,
Коль произвол тиранов вижу я.

93

Политику, религию, смирение
Вы встретите не раз в стихах моих;
Я придаю огромное значение
Моральной пользе диспутов таких.
Я публике устроил развлечение
Из разных философских заливных.
Желая угодить любому праву, я
Загробной вас попотчую приправою.

94

От споров я отрекся, видит бог!
Теперь ни на какое искушенье
Поддаться бы я, кажется, не мог;
Я полное предвижу исправленье.

А то читатель к музе очень строг:
Опасными слывут ее сужденья,
Хотя она едва ли злее тех
Судей, чей труд велик, да мал успех.

95

Ты веришь ли, читатель, в привиденья?
Конечно, нет! Ты хмуришься? Так что ж!
Тревоги и приятные волненья
Ты в этой пестрой повести найдешь.
Я говорю без всякого глумленья,
Что этот мир таинственный — не ложь;
Я веские имею основанья
Уверовать в его существованье.

96

Серьезно? Вы смеетесь?! Как же быть!
А я предпочитаю улыбаться.
Ведь, право же, могу я допустить,
Что призраки способны появляться!
Я не хочу об этом говорить,
Чтоб на знакомство к ним не навязаться;
Сам Гоббс в себе души не замечал,
А посещения мертвых ощущал.

97

Я ночью эти песни сочиняю
То как сова, а то как соловей.
Минервы птица мрачная и злая
Над рукописью кружится моей;
Со старых стен, кольчугами сверкая,
Глядят портреты умерших людей,
И угольки в камине слабо тлеют,—
И мысли постепенно цепенеют.

98

И посему (хотя при свете дня
Я не привык писать) иные думы
Бывают в яркий полдень у меня;
Но полночи холодной мрак угрюмый

Меня смущает, сердце леденя,—
Мне бредятся таинственные шумы...
Кто знал такое состоянье, тот
Пусть это суеверьем назовет!

Меж двух миров, на грани смутной тайны
Мерцает жизни странная звезда.
Как наши знания бедны и случайны!
Как многое сокрыто навсегда!
Прилив столетий темный и бескрайный
Смывает грани, толпы и года,
Лишь мертвых царств угрюмые могилы
В пространствах мира высятся уныло.

Песнь шестнадцатая

1

Учили персы юношей при Кире
Стрелять из лука, ездить на коне
И правду говорить. И в новом мире
Мы это всё усвоили вполне;
Конечно — лук в музее, а не в тире,
Но конный спорт — по-прежнему в цене,
А что до Правды — то сия наука
Из моды вышла, как... стрела из лука.

2

Эффект дефекта этого велик,
Но сам «эффект сугубо дефективен», —
А почему — судить я не привык;
Одно лишь вам скажу: пусть я наивен,
Пусть часто заблуждаюсь, но язык
Патетики фальшивой мне противен.
Уже не раз предупреждал вас я,
Что муза очень искренна моя.

3

Ее неотразимые сужденья
Частенько бьют не в бровь, а прямо в глаз,
И горьким, вместо сладкого варенья,
Она гостей попотчует не раз, —

Зато правдивы все ее творенья;
Мы пишем с ней, предупреждаю вас,
Чтоб вы на нас и впредь не обижались:
«De rebus cunctis et quibusdam aliis»¹.

4

Весьма правдивым будет мой рассказ —
Рассказ о привиденьях, как ни странно,
И даже без особенных прикрас!
По кто постичь способен смысл туманный
Явлений тех, что окружают нас?
Нам скептики мешают постоянно;
Но рот давно пора закрыть тому,
Кто б возражал Колумбу самому.

5

В легендах и преданьях исторических
Нам рассказали Монмут и Турпин
О случаях чудесных и мистических,
Реальных не имеющих причин.
Всего искусней критиков скептических
Опровергал блаженный Августин —
Какими бы их возраженья ни были —
Своим упрямым «quia impossibile»².

6

Жить надо смертным в духе старины,
Придется предков следовать примеру:
Несбыточному верить вы *должны*
И невозможное принять *на веру*.
Столь таинства священные сложны,
Что мудрецы, рассудку зная меру,
В них верят, как в Писание. Они
От споров только крепче в наши дни.

7

И Джонсон думал, что на протяжении
Шести десятков горестных веков
Тревожат человечество виденья
И выходцы из призрачных миров.

---

¹ Обо всех вещах и еще о некоторых других (лат.).

² «Ибо невозможно» (лат.).

И тщетно им навстречу возраженья
Возводят вал из доводов и слов:
Есть в мире сила выше нашей силы,
Которую сознание не открыло.

8

Но между тем закончился обед
И даже ужин; танцы замирают,
Замолк оркестр, в гостиных меркнет свет,
Веселый шум и говор затихает...
И вот последний бальный туалет,
Как облачко на солнце, исчезает,
А в окна льются лунные лучи,
И гаснет свет слабеющей свечи.

9

Напоминает прошлых пиршеств чад
Шампанское на самом дне бокала,
Пустую пену пунша, легкий взгляд,
В котором тенью чувство пробежало,
Морскую зыбь, неясный аромат,
Круговорот пленительного бала,
Систем философических туман
И опиума радужный обман —

10

Покоя или счастья благодать,
Неясный бред, ничто, одно мгновенье...
Всего трудней бывает понимать
Души и мысли тайные движенья —
Искусство тирский пурпур добывать
Так позабыли наши поколения.
Но пусть же в мире сгинут поскорей
И пурпурные мантии царей!

11

Одеться перед балом, говорят,
Всем трудно, но труднее после бала
Надеть хандрой пропитанный халат,
Как Нессов плащ, и повторять устало,

Что вслед за Титом юноши твердят:
«Опять потерял день, и ночь пропала!»
По мне, однако, было бы умней
Вести учет удачных наших дней.

12

Мой Дон-Жуан один в своем покое
Большое беспокойство ощущал;
Глаза Авроры были ярче вдвое,
Чем он со слов миледи ожидал,
И знай он, что творится с ним такое,
Он, верно, философствовать бы стал;
Но, к философии не прибегая,
Он попросту мечтал, порой вздыхая.

13

Жуан вздыхал. А тут еще луна,
Богиня всех вздыхающих, сияла,
Настолько ослепительно ясна,
Насколько наше небо позволяло.
Лирической тоской уязвлена,
Душа героя нашего пылала,
В ней разгорался пафос нежных слов
И томно-восклицательных стихов.

14

Любовник, астроном и сочинитель,
Поэт или влюбленный свинопас
Луну — фантазий давнюю обитель —
Почтили вдохновеньями не раз,
Когда она, блестящая в зените,
Рождает и простуду и экстаз,
Приливами морей повелевает
И томные сонеты навевает.

15

Лирическим раздумьем обуян,
В готическом покое горделивом
Не думал о покое Дон-Жуан.
Он видел, как мерцает прихотливо

Гладь озера сквозь призрачный туман;
Вдали, конечно, наклонялась ива,
И водопад срывался с крутизны.
Сверкая пеной снежной белизны.

16

На столике — верней, на туалете
(Я точности придерживаться рад;
О самом незначительном предмете
Я говорить не стану невпопад!) —
Свеча горела тускло. В мутном свете
Героя моего усталый взгляд
Встречал картины, вазы, gobelены
И темные готические стены.

17

Он вышел в зал. В багетах темных рам,
В неясной мгле таинственного света
Мерцали величаво по стенам
Прекрасные старинные портреты
Давно почивших рыцарей и дам, —
Кольчуги, шлемы, розы, кастаньеты...
Портреты мертвых под лучом луны
Особенно печальны и страшны.

18

Суровый рыцарь и седой монах
При лунном свете будто оживают;
Шаги твои на дремлющих коврах
Таинственные шорохи рождают;
Во всех углах гнездится смутный страх,
Причудливые блики выплывают:
«Как смеешь ты блуждать в ночной тени,
Когда не спят лишь мертвые одни?»

19

Неуловимо-призрачно смеется
Красавица, почившая давно;
Ее истлевший локон резво вьется,
Ее лицо луной озарено...

Портрет навеки юным остается,
Ему бессмертье странное дано;
Ведь и при жизни все портреты наши
Всегда моложе нас — и часто краше!

20

Итак, Жуан мечтательно вздыхал
О том, что все подвластно измененью —
И женщины и чувство. Он шагал,
Стараясь заглушить свое волненье,—
И вдруг неясный шорох услышал...
Быть может, мышь? Быть может, привиденье?
(Никто не любит слышать в час ночной
Шуршанье между шторой и стеной!)

21

Но то была не мышь, а тень немая
Монаха в темной мантии, в шлыке;
Он подвигался, глаз не поднимая,
Сжимая четки в призрачной руке,
Нырля в тень и снова выплывая
На лунный свет, как лодка на реке,—
И только поравнявшись с Дон-Жуаном,
Его пронзил каким-то взором странным.

22

Жуан окаменел; хоть он слышал
О призраках в старинных замках этих,
Но как-то никогда не допускал,
Что человек способен лицезреть их.
Он рассказням совсем не доверял:
Что призраки? Вранье! Ведь мы не дети!
Но что-то вдруг мелькнуло перед ним,
Как облако иль стелющийся дым.

23

Три раза кряду это порожденье
Земных, небесных или темных сил
Прошло по галерее; без движенья
За ним Жуан испуганный следил,

И волосы его, как дуновение,
Неизъяснимый ужас шевелил.
Остановить монаха он пытался...
Увы! Язык ему не подчинился!

24

На третий раз таинственная мгла
Глубокого глухого коридора
Монаха поглотила. Там была
Простая дверь, а может быть, и штора;
Бесплотные и плотные тела
Способны от внимательного взора
Вдруг исчезать неведомо куда
Без явственной причины и следа.

25

Встревоженный Жуан не шевелился,
Не отрываясь глядя в полутьму,
В которой непонятно растворился
Ужасный дух, явившийся ему.
И каждый бы, я думаю, смутился,
Увидев непонятное уму.
Рассеянный и бледный, еле-еле
Он ощупью добрался до постели.

26

Здесь он протер глаза и поспешил
Ваглянуть вокруг: свеча на туалете
Горела безмятежно. Он решил
Найти забвенье в лондонской газете,
Где дипломат, и критик, и зоил
Охотно судят обо всем на свете —
О короле, о ваксе, о балах,
О внешних и о внутренних делах.

27

Здесь все напоминало мир живых,
Но все-таки его дрожали руки;
Прочел он несколько столбцов пустых
И, кажется, статью о Хорне Туке;

Под одеялом съежился, притих,
Ловя тревожно все ночные звуки;
И скоро сон — делитель слабых сил —
Его глаза усталые смежил.

28

Но часто просыпался он тревожно,
Не понимая, что же видел он:
Виденье ль? Сновиденье ль? Все возможно,
Хоть суеверный страх уже смешон.
К утру он задремал, но осторожно
Слуга прервал его недолгий сон,
Предупредив почтительно и чинно,
Что время одеваться господину.

29

Мой Дон-Жуан оделся. Сей обряд
Обычно развлекал его немало,
Но в этот день его унылый взгляд
И зеркало почти не занимало.
Он локоны расправил наугад
И застегнул жилет довольно вяло,
И галстук у него на левый бок
Подвинулся — почти на волосок.

30

Он появился к утреннему чаю;
Рассеянно к столу придвинул стул
И, на приветствия не отвечая,
Рассеянно из чашки отхлебнул,
Обжегся — и, смешков не замечая,
За ложечкою руку протянул.
Тут сразу угадала Аделина,
Что тайная тоска всему причина.

31

Он бледен был — она еще бледней.
Она украдкой что-то прошептала,
Лорд Генри невпопад ответил ей,
Что на тартинках масла слишком мало.

Графиня шалью шелковой своей
Спокойно и задумчиво играла,
Аврора же — святое существо —
Во все глаза глядела на него.

32

Печали без достаточной причины,
Как водится, не терпит высший свет.
«Здоровы ль вы?» — спросила Аделина.
Жуан ответил: «Да... Немножко... нет...»
Домашний врач осведомился чинно
По части сердца и других примет,
На что Жуан ответил лаконично,
Что, право, чувствует себя отлично.

33

«Да», «нет», «отлично» — странные слова,
И выглядел Жуан довольно странно:
У бедного кружилась голова,
Да и в глазах темнело непрестанно.
Он отвечал врачу едва-едва,
И понял тот по виду Дон-Жуана,
Что ежели недуг его лечить,
То не врача бы надо пригласить.

34

Лорд Генри между тем разговорился,
Свой шоколад откушав превосходный,
Сказал, что гость, наверно, простудился,
Хотя погода не была холодной,—
Потом к графине мило обратился:
«Что граф? И как недуг его природный —
Подагра, эта ржавчина господ,
Суставы благородные грызет?»

35

Жуану, как хозяин благосклонный,
Он улыбнулся: «Вид у вас такой,
Как будто наш монах неугомонный
Нарушил ваш полумочный покой!»

С гримасою притворно-удивленной,
Но все-таки бледней, мой герой
Сказал, тревогу тайную скрывая:
«Какой монах? Я ничего не знаю!»

36

«Помилуйте! Семейный наш монах!
Легенда, впрочем, часто привирает;
Но все-таки хоть в нескольких словах
Вам рассказать об этом подобает,
Хотя уже давно в моих стенах
Сей древний посетитель не бывает.
Не знаю — он ли стал смирней, чем был,
Иль наше зренье разум притупил».

37

«Ах, милый мой! — миледи возразила
(Взглянув на Дон-Жуана моего,
Она весьма легко сообразила,
Что эта тема трогала его), —
Я много раз, уж кажется, просила
Не говорить об этом ничего;
Шутить на эти темы неуместно,
А древнее преданье всем известно».

38

«Да я шутить совсем и не желал! —
Сказал милорд. — Припомни, дорогая,
Как нас он после свадьбы напугал,
По галерее в сумерки блуждая!»
Но тут он поневоле замолчал,
Увидев, что супруга молодая
Взялась за арфу, в струнах пробудив
Задумчивый и жалобный мотив.

39

«Баллада о монахе! Это мило! —
Вскричал милорд. — Но ты прибавь слова,
Которые сама же сочинила:
Без текста эта музыка мертва!»

Все общество тотчас же попросило
Хозяйку спеть, на что она сперва
Поколебалась, несколько смутилась —
И под конец, понятно, согласилась.

40

Прелестные певицы каждый раз
Разыгрывают милое смятенье,
Обычно умиляющее нас,—
И Аделина, начиная пенье,
Ни на кого не поднимала глаз,
Но проявила тонкое уменье
И высший дар изящной простоты
(Что для меня дороже красоты).

Песня леди Амондевилл

Спаси нас, помилуй, пречистая сила:
Монах на могиле сидит,
В полночной тиши за помин души
Молитвы и мессы твердит.
Когда разорил лорд Амондевилл
Обитель отцов честных,
Один не забыл священных могил
Почивших братьев своих.

Губя и дея мечом короля
Угодья господних слуг,
Топтали солдаты леса и поля
И села сжигали вокруг.
Но, строг и суров, не боясь оков,
Печален, угрюм и упрям,
В часовню и в дом, невидимый днем,
Монах приходил по ночам.

Порожденье злых или добрых сил —
Не нам рассуждать о том,—
Он в замке лордов Амондевилл
Обитает ночью и днем;
Он телью туманной мелькает, незванный,
На свадебных их пирах
И в смертный их час, не спуская глаз,
Стоит у них в головах.

Встречает он стоном, страданьем бессонным
Рожденье наследников их;
Предвидя невзгоду, грозящую роду,
Является в залах пустых.
Тревожную тенью скользит привиденье,
Но лик капюшоном закрыт,
И взор его странный тоской постоянной,
Могильной тоскою горит.

Спаси нас, помилуй, пречистая сила:
Хозяева в этих стенах
Днем — внуки лорда Амондевилла,
А ночью — этот монах.
В обители древней гнездится страх,
А тень продолжает блуждать,
Ни лорд, ни вассал еще не дерзал
Права его отрицать.

Не трогай монаха, что бродит по залам,—
И не тронет тебя монах.
Как ночи туманы, беззвучно, устало
Он движется тихо впотьмах.
Спаси его душу, пречистая сила,
От темных страстей защити,
И что бы страданьем его ни томило,—
Грехи его отпусти!

41

Слова замолкли. Слабое дрожанье
Последних струн растаяло, как сон,
И после трехминутного молчанья
(Обычный акустический закон)
Посыпались восторги, восклицанья
Наперебой, но все же в унисон:
Хвалили все в порыве восхищенья
И голос, и манеру исполненья.

42

Прелестная хозяйка им в ответ
Лениво и небрежно улыбалась.
Ведь *никакого* дива в этом нет,
Она давно уж этим занималась;

Она, мол, дилетант, а не поэт!
(И потому ей как бы позволялось
И творчество других знакомых дам
Причислить к дилетантским пустячкам!)

43

Так, в детской книжке я не раз читал,
Что киник Диоген в доме Платона
Платона гордость с гордостью топтал,
Его ковер порвав бесцеремонно.
На ссору он собрата вызывал,
Но тот хранил довольно непреклонно
В душе философический покой
И был весьма доволен сам собой.

44

Я вспомнил этот маленький рассказ,
Поскольку нашей леди Аделине
Случалось обесценивать не раз
Улыбкой дилетантскую гордыню
И восхвалений родственный экстаз,
Когда порой маркиза иль графиня
Пыталась проявить в кругу семьи
Таланты и способности свои.

45

О, нежные, чувствительные трио!
О, песен итальянских благозвучие!
О, «Mamma mia»¹ или «Amor mio!»²
И «Tanti palpiti»³ при всяком случае,
«Lasciami»⁴ и дрожащее «Addio»⁵
И, наконец, как верх благополучия,
Романсик португальский «Tu chamas»⁶
(Слова, непостижимые для нас!).

---

¹ «Мамочка моя!» (итал.)

² «Любовь моя!» (итал.)

³ «С таким трепетом» (итал.).

⁴ «Оставь меня» (итал.).

⁵ «Прощай» (итал.).

⁶ «Ты зовешь» (португ.).

Миледи пела мрачные баллады,
 Туманной Каледонии преданья,
 Унылые, как рокот водопада,
 И скорбные Ирландии рыданья,
 Что за морем изгнанникам отрада,
 Уже не ждущим с родиной свиданья.
 Стихи и эпиграммы иногда
 Миледи сочиняла без труда.

И не была чужда ее натуре
 Простая краска синего чулка,—
 То не был цвет возвышенной лазури,
 Оттенок бирюзы и василька,
 Что ныне принят так в литературе;
 Она ценила ясность языка,
 Считала Поэа подлинным поэтом
 И откровенно признавалась в этом.

Аврора Рэби по сравненью с ней
 Была скромна и говорила мало;
 Она невинной грацией своей
 Шекспира героинь напоминала.
 В стране фантазий, призраков и фэй
 Ее душа прелестная витала,
 Высоких чувств и мыслей глубина
 В ее очах была отражена.

Но грацией, достойной граций Греции,
 Графиня Фиц-Фалк затмевала всех;
 Как в небе легкомысленной Венеции,
 В ее глазах сиял лукавый смех.
 Но тонких яств отнюдь не портят специи —
 Лукавство не считается за грех.
 А чересчур безгрешная красавица
 Нам, грешникам, гораздо меньше нравится.

К романтике особого пристрастия
 Не проявляла, кажется, она;
 Героев демонических несчастья
 И героинь печальных имена
 В ней вызывали слабое участие;
 Она была довольно холодна
 К поэзии, однако признавала
 Сонеты (к ней самой) и мадригалы.

Но я не знаю все-таки, ей-ей,
 Что именно миледи побудило
 Пропеть о том, что, как казалось ей,
 Жуана волновало и томило;
 Быть может, милой песенкой своей
 Его развеселить она решила?
 А может быть, — кто женщину поймет! —
 В нем робость укрепить, наоборот?

Всего верней, она имела целью
 Ему покой душевный возвратить.
 Ни предаваться крайнему веселью,
 Ни слишком ощутительно грустить
 Не позволяет светское безделье;
 Аристократу следует носить,
 Как подобает возрасту и чину,
 Притворства благовидную личину.

И точно — оживился мой герой
 И принялся острить весьма охотно
 О призраках, полночною порой
 По комнатам гуляющих бесплотно
 В тоске и жажде мести родовой, —
 А юная графиня беззаботно
 Расспрашивать хозяев принялась,
 Откуда вера в чернеца взялась.

Никто не мог, конечно, проследить
 Источники старинного преданья.
 Иные полагали, может быть,
 Что этот миф имеет основанья;
 Но Дон-Жуан решился утаить
 Чудесные свои переживанья
 И на вопрос: «Смуцал ли призрак вас?»
 Едва ответил и не поднял глаз.

Тем временем в беседе беззаботной
 Уже за полдень стрелка перешла.
 Решили все, позавтракавши плотно,
 Что время приниматься за дела.
 Мужчины в поле двинулись охотно:
 Там гонка славная гостей ждала —
 Борзых отличных свора боевая
 И кровная кобыла скаковая.

Потом принес какой-то антиквар
 Хозяевам творенье Тициана;
 Сказал он, что на этот экземпляр
 Придворные нацеливались рьяно,
 Да им не по деньгам такой товар;
 Он даже королю не по карману,
 Поскольку урезают каждый год
 Теперь его величества доход.

Но лорду Генри — первому эстету,
 Имеющему щедрость и размах,
 Он рад бы подарить картину эту,
 Будь он, купец, немного при деньгах.
 Художники, артисты и поэты
 Так щедро рассыпались в похвалах
 Чутью милорда — мол, его сужденье
 Имеет колоссальное значенье.

Тут архитектор новый появился;
 Старинной готики туманный бред
 Он воплощал и выяснить стремился
 Столетиями нанесенный вред.
 Он с планом перемен таких носился,
 Что от Аббатства бы пропал и след.
 Гордился он подобной профанацией,
 Свой труд провозглашая *реставрацией*.

Английских денег не жалея, лето
 Здесь проводил недаром ловкий гот,
 И предъявил он выкладки и сметы:
 Одиннадцатитысячный расход.
 Он бойко уверял, что трата эта
 И выгоду и славу принесет,
 Способствуя красе и возрождению
 Почтенного старинного строепья.

Явились два юриста — обсудить
 Залог усадьбы и покупку леса.
 Любил лорд Генри тяжбы заводить
 И вскоре ждал судебного процесса,
 Потом пришлось свинарник посетить,
 Хозяйства соблюдая интересы;
 Там были свиньи самый первый сорт —
 Готовил их на выставку милорд.

Потом пришли попавшие в ловушку
 Два браконьера с хмурым лесником
 И девушка — смиренная пастушка
 В большом плаще пунцовом с башлыком.
 На вид она была совсем простушка;
 Но я с плащами этими знаком,
 И помню пылкой юности грехи я:
 Скрывают полноту плащи такие.

Но обсуждать не собираюсь я
 Естествознанья тайны и загадки,
 Притом и сплетни — тема не моя;
 Сограждан исправляя недостатки,
 Амондевилл, как мировой судья,
 Оберегал законы и порядки,
 И сельские констебли посему
 Виновную доставили ему.

О судьбах мира судьи мировые
 Пекутся, охраняя от потравы
 Луга, леса, и парки родовые,
 И сельские нетронутые нравы.
 Но как решить проблемы роковые?
 Как отличить проступок от забавы?
 Всего трудней охрана диких птиц
 И честности хорошеньких девиц.

Виновная бледна была ужасно,
 Как будто набелилась нарочито.
 (Обычно эти щечки были красны;
 Румян не знают сельские хариты!)
 Меж тем как леди именно прекрасны
 Той бледностью особо родовой,
 Что лишь от страсти или от стыда
 Сменяется румянцем иногда.

Хорошенькие глазки озорные
 Туманились слезами, но она
 Старалась не заплакать; ведь впервые
 Сюда она была приведена
 И помнила, что слабости такие
 Выказывать на людях не должна,
 Тревожилась, робела, трепетала
 И с ужасом допроса ожидала.

Не всех их, впрочем,— что легко понять,—
 У лорда в кабинете принимали.
 Юриста можно в комнаты позвать,
 А племенного кабана — едва ли;
 Да и крестьян не принято пускать
 В приемную, где бойко толковали,
 Как генералы, собираясь в бой,
 Купец и архитектор городской.

Констебли эль потягивали вяло
 С невозмутимым видом важных птиц,
 Вивонная в гостиной ожидала
 Прихода властью облеченных лиц,
 Которым совещаться надлежало
 О термине, зазорном для девиц,
 На языке юристов очень тонко
 Звучащем в двух словах: «отец ребенка».

Лорд Генри в каждом деле проявлял
 Энергию и подлинное рвенье;
 Всех поваров он воодушевлял,
 Готовивших большое угощенье.
 Амондевилл, как водится, давал
 Для всех своих друзей без исключенья
 Открытый день, когда в открытый дом
 Сбирались все соседи на прием.

В неделю раз такие дни бывали,
 Когда и приглашенья не нужны;
 Соседи все отлично понимали —
 Без приглашенья все приглашены.
 Столы большие накрывались в зале,
 И, будучи вином упоены,
 Все гости выражали без стесенья
 За кушаньем общественное мненье.

Лорд Генри предавался, как игрок,
 Предвыборных страстей соревнованью:
 Был выборам в парламент близок срок,
 А в округе меж тем имел влиянье
 Шотландский граф и с ним его сынок,
 И представлял, весьма стремясь к избранью,
 «Противный интерес» сей графский сын —
 Хоть интерес-то был у них один.

Амондевилл использовал отлично
 Предвыборные средства обольщенья;
 С иными он любезничал тактично,
 Иным давал он щедро заверенья.
 Конечно, эта мера непрактична
 И может довести до разоренья,
 Но он людей, однако, уважал —
 И слово по возможности держал.

Горячий друг свободы и не менее
 Горячий друг правительства, умел
 Он среднего придерживаться мнения:
 И патриота качества имел,
 И скромно получал вознаграждения,
 Поскольку он противиться не смел
 Монаршей воле; деньги, чин — пустое,
 Но колебать не следует устои.

Он «смел сказать» (подобный оборот
 Парламентский язык нам позволяет),
 Что дух прогресса в наши дни живет
 И новшества сторицей умножает.
 Пусть лести от него смутьян не ждет —
 Но для сограждан он на все дерзает.
 Что до чинов, то тяжки их плоды —
 Доход ничтожен, велики труды.

Тому порукой небо и друзья —
 Он был рожден для мирного уюта,
 Но короля и родину нельзя
 Оставить в столь опасную минуту,
 Когда, устоям общества грозя,
 В народе демагоги сеют смуту,
 Рубя, путем коварства и хулы,
 И гордиев и прочие узлы.

Нет, служит он из уваженья к сану
 И, будучи в делах неукротим,
 Работает упорно, неустанно,
 Предоставляя выгоды другим;
 Но он чины отстаивает рьяно,
 Недаром пыл его неистоим, —
 Как без чинов порядок бы хранился?
 Гордится он, что бриттом он родился!

Себя он независимым считал
 И был таким, конечно уж, не менее,
 Чем те, кто от казны не получал
 За независимость вознаграждения.
 Ведь не сравнится профессионал
 С непрофессионалами в умении —
 Так знать на чернь взирает свысока,
 А нищему лакей дает пинка.

Так говорил наш лорд Амондевилл
 (Последнюю октаву исключая).
 Предвыборный такой бывает пыл,
 Но я ни на кого не намекаю
 И лично никого не очернил,
 А все-таки разумно умолкаю —
 Тем более что гонг уже звенит
 И рой гостей в столовую спешит.

Я не хочу опаздывать к банкету,
 Хотя банкетов много я видал.
 Все как всегда — закуски, туалеты,
 Холодное жаркое, жаркий зал;
 Всем скучно, всё — в границах этикета
 (Британского веселья идеал):
 Остроты слабы, разговоры мелки,
 И гости — каждый не в своей тарелке.

Усердно сквайры кушают и пьют,
 Надменны снисходительные лорды;
 Вокруг лакеи чинные снуют,
 Держась довольно чопорно и гордо;
 Они по рангу яства подают,
 Чины гостей запоминая твердо
 (Ошибка в том для слуг и для господ
 Потерю *места* за собой влечет).

Здесь было много праздных болтунов,
 Отъявленных любителей охоты,
 Владельцев чистокровных скакунов,
 Борзых и гончих лучшего помета;
 Здесь были представители дельцов
 И пастыри высокого полета,
 Любители хоралов и псалмов
 И тонкие властители умов.

Здесь были и изгнанники столицы,
 Потрепанные франты всех пород,
 В деревню прискакавшие учиться
 Вставать с зарей и умножать доход.
 Со мною (не могу не похвалиться!)
 Сидел вероучения оплот,
 Великий Питер Пит — гроза и слава,
 «Гремящим» называемый по праву.

Его я прежде в Лондоне встречал,—
 И уж тогда, отмечу с восхищеньем,
 Он на себя вниманье обращал
 Остротами и тонким обхожденьем;
 Обеды у прелатов посещал
 И, взысканный разумным провиденьем,
 В Линкольне получил на третий год
 Богатый, но запущенный приход.

Увы! Его прекрасные тирады,
 Его остроты, выдержки, сравненья
 На паству — или, правильной, на стадо —
 Производили мало впечатленья;
 Ничьи улыбки нежные и взгляды
 Ему не выражали одобренья —
 И стал он эту паству наконец
 Бить шутками с размаху, как кузнец!

Есть разница, в народе говорится,
 Меж нищенкой и королевой... Да...
 Точней — *была*: трудненько стало житься
 Теперь и королевам иногда.
 Бифштекс английский, правда, не сравнится
 С похлебкою спартанской, господя,
 Но все же настоящего героя
 И то вскормить способно и другое.

Построен на контрастах белый свет;
 Закон контрастов, видно, самый древний,—
 Но большего различья в мире нет,
 Как меж столицей пышной и деревней;
 Не знаю я, что выбрал бы поэт,
 Но деревенский быт всего плачевней
 Для тех, кто пуст и сердцем и умом,
 Заботясь о тщеславии своем.

Но «en avant»!¹ Любви всегда вредит
 Обилие гостей и сытный ужин;
 Лишь тонко утоленный аппетит
 Для сердца впечатлительного нужен.
 Легенда древних правду говорит:
 С Церерой и с Кипридой Бахус дружен —
 Недаром же придумали они
 Шампанское и трюфли в наши дни!

Но мой Жуан скучал на самом деле
 И думал думу тайную свою;
 Вокруг него все гости пили, ели,
 Вокруг него согласно, как в бою,
 Ножи и вилки весело звенели, —
 Рассеянный и близкий к забытью,
 Услышал он лишь со второго разу
 Соседа умоляющую фразу.

С большого блюда добивался он
 Достать через Жуана «ломтик рыбки»...
 Жуан очнулся и со всех сторон
 Увидел изумленные улыбки.
 Рассержен, озабочен и смущен,
 Воткнул он вилку (как бы по ошибке)
 В огромный неразрезанный кусок —
 И весь его соседу поволок!

Просивший не в убытке оказался
 (Он был любитель рыбы, говорят),
 Но остальным любителям достался
 Лишь маленький кусочек и салат.
 И в том, что гость так явно растерялся,
 Лорд Генри оказался виноват:
 Он потерял трех верных избирателей
 За то, что плохо выбирал приятелей.

---

¹ Вперед! (франц.),

Что Дон-Жуан о призраке мечтал,
 Они не замечали, и не диво:
 Желудки всех гостей отягощал
 Избыток яств; все кушали ретиво,
 И каждый поневоле ощущал
 Телесности простейшие призывы;
 В телах с таким составом, так сказать,
 Духовный дух не может обитать!

Но быстрые внимательные взоры
 Помещиков и их лукавых жен,
 Конечно, уловили очень скоро,
 Что бледен Дон-Жуан и раздражен;
 И это стало темой разговора,
 Таков уж сельской психики закон —
 Все мелочи из жизни лиц известных
 Для мелкоты ужасно интересны.

Но ничего Жуан не замечал;
 Его томило новое явление:
 Глаза Авроры вдруг он повстречал,
 И странное в них было выражение.
 Конечно, этот взор не обещал
 Любви или надежды на сближение,
 Но он (не знаю, право, отчего)
 Совсем смутил героя моего.

Лицо ее, однако, выражало
 Лишь удивленье и участие, но
 Он сильно рассердился поначалу,
 Что было, несомненно, неумно.
 Подобное участие предвещало,
 Что штурмом крепость взять не мудрено;
 Но призрака вчерашнего явление
 Жуана привело в оцепененье.

Она была спокойна и мила;
 Она не покраснела, не смутилась,
 Глаза свои небрежно отвела
 И ни на миг в лице не изменилась.
 Аврора очень сдержанна была,
 Но чувство в ней заветное таилось;
 Так ясное спокойствие волны
 Скрывает тайну светлой глубины.

Тем временем, распределяя вина,
 Улыбки и зернистую икру,
 Вела весьма умело Аделина
 Тщеславия азартную игру.
 Имеющие мужа или сына
 В предвыборном парламентском жару
 Стремятся обезвреживать заранее
 Все рифы на пути переизбрания.

Но как миледи ни была умна,
 А все-таки Жуану показалось,
 Что этой ролью, в сущности, она,
 Как танцем, поневоле увлекалась.
 Хотя порой, слегка утомлена,
 Она ему печально улыбалась,—
 Он в искренности взглядов и похвал
 Все большее сомненье ощущал.

Она пленяла всем — и красотой,
 И грациозной лаской обхожденья.
 Мы часто называем пустотой
 Изменчивость такого поведенья,
 Рождаемого светской суетой.
 Искусство лжи ведь редкое явление;
 Порою даже просто не поймешь —
 Где искренность, где искренняя ложь?

Сей дар рождает множество актеров,
 Ораторов, героев, романистов,
 Поэтов, дипломатов и танцоров
 И — чрезвычайно редко — финансистов,
 Однако что ни век, то новый поров!
 Теперь и наши канцлеры речисты:
 Преподносить умеют нам они
 Не цифры, а метафоры одни.

Увы! Сии поэты арифметики
 Уже почти берутся доказать,
 По правилам финансовой поэтики,
 Что дважды три не шесть, а только пять,
 И принципы платежной новой этики
 Пытаются на этом основать, —
 И — как народу от того ни грустно —
 С балансом балансируют искусно.

Графиня ступешаваться предпочла,
 Пока миледи чары расточала;
 Мечтательна, лукава и мила,
 Она тайком смешное примечала;
 Так собирает светская пчела,
 Оружием которой служит жало,
 Злословия пленительного мед
 Для метких и безжалостных острот.

А между тем уж свечи зажигают,
 А там, глядишь, и ужин подают;
 Кареты торопливо запрягают,
 И сельские жеманницы встают.
 Их робкие мужья сопровождают,
 Как верные лакеи, тут как тут,
 Хваля закуски, сладкое и вина,
 Всего же пуще — леди Аделину.

Иные в ней ценили красоту;
 Другие — тонкой лести обаянье,
 Игру ума и сердца чистоту,
 Правдивости приятное сиянье;
 Иные — туалета простоту
 И тонкий вкус; такое сочетанье
 Арбитр Петроний — где-то я читал —
 «*Felicitas curiosa*»¹ называл.

Миледи, проводив гостей своих,
 Восстановив слабеющие силы,
 За каждый взгляд, потраченный на них,
 Старательно себя вознаградила;
 Коварная не только их самих,
 Но даже их семейства обсудила,
 Их жалкие наряды, глупый вид —
 И даже их нелепый аппетит!

Она, конечно, не судила прямо,
 А косвенно, как хитрый Аддисон:
 Друзей насмешки, злые эпиграммы
 С ее «хвалами» слились в унисон.
 Так музыка, вплетаясь в мелодраму,
 Трагический подчеркивает тон.
 (Не страшен враг, разящий нас открыто;
 Страшна друзей коварная защита!)

Но к фейерверку светской болтовни
 Аврора оставалась безучастна;
 Молчал и Дон-Жуан; они одни
 Держались равнодушно и бесстрастно.
 Мой юный друг старался быть в тени,
 Точней — вдали от общества; напрасно
 Блестящий дождь острог его прельщал —
 Он как бы ничего не замечал.

¹ «Удивительным счастьем» (лат.).

В глазах Авроры чувство одобренья
 Он мог, ему казалось, прочитатъ;
 Она предполагала, без сомненья,
 Что ближних он не любит осуждать.
 Прелестных глаз живое выраженье
 По-разному мы можем толковать,
 Но мы всего охотней в них читаем
 Лишь то, о чем мы сами же мечтаем.

На Дон-Жуана призрак оказал
 Отчасти благотворное влиянье —
 Мой юный друг задумываться стал
 И впал в непостижимое молчанье.
 Аврора Рэби — светлый идеал —
 Вновь разбудила прежние желанья
 В его груди — и начал он опять
 По-прежнему лирически мечтать!

О, лучших лет высокая любовь,
 Пора надежд, невинности небесной,
 Когда блестит в тумане светлых снов
 Грядущий мир волшебно-неизвестный,
 Когда везде мы слышим тайный зов
 Счастливых сил и радости чудесной,
 И в сердце, словно в озере — луна,
 Она, одна она отражена!

Кто не вздохнет, любезная Киприда,
 В ком сердце *было* или память *есть*?
 Мы все твои проказы и обиды
 Готовы вновь простить и перенести!
 Сменяется светильник Артемиды;
 Всему судьба, состарившись, отцвесь.
 Но, *Alma Venus*¹, ты воспета нами,
 Анакреона верными сынами.

---

¹ Благодатная Венера (лат.).

Что ж мой герой? Тревогою объят,
 Предчувствуя монаха приближенье,
 Он облачился в шелковый халат,
 Но спать не мог в подобном настроеньи.
 Мне скептики поверить не хотят;
 Но юности живой воображенью
 Рисуются туманы, и луна,
 И, вместо маков, ива у окна.

Как накануне, полночь наступила,
 Луна взошла на синий небосвод, —
 А на постели, съезжившись уныло,
 Сидел Жуан в халате, sans culotte¹.
 В нем сердце настороженное ныло,
 Предвосхищая призрака приход.
 (Кто не бывал в подобном состояньи,
 Того не убедят и описанья!)

Чу! Осторожный шорох за дверьми!
 Чу! Половица скрипнула немножко!
 Все ближе, ближе, ближе... не томи!
 Мелькнула тень у самого окошка...
 Но это, это что же, черт возьми?!
 Да это, в самом деле, просто кошка,
 Спешащая, как ветреная мисс,
 На первое свиданье — на карниз!

Но снова шорох... Ветра дуновенье?
 Шуршанье беспокойное листвы?
 Нет... Неподвижны люди и растенья...
 Из лунной возникая синевы,
 Монаха роковое привиденье
 Идет, не поднимая головы.
 Ничто остановить его не в силах,
 И кровь Жуана застывает в жилах.

---

¹ Без штанов (*франц.*).

Так от скрипенья мокрого стекла
 Мы ощущаем приступы озноба;
 Так ночью нас пугают зеркала,
 Хотя пугаться, в сущности, смешно бы —
 И вера б вас от страха не спасла,
 Когда б, приподнимая крышку гроба,
 Какой-нибудь общительный скелет
 Вам навязать стремился tête-à-tête.

И страх способен наносить увечья!
 Жуан открыл глаза и даже рот.
 Когда врата открыты красноречья,
 Ни звука наш язык не издает...
 Слаба, конечно, воля человечья,
 Когда момент ужасный настает.
 Итак — открылся рот, как говорилось,
 А вслед за сим — о ужас! — дверь открылась.

Казалось, петли издавали хрип, —
 «Lasciate ogni speranza voi ch'entrate»¹,
 Как Дантовы терцины, — и могли б
 Перепугать и бравого солдата...
 Ужасен каждый шорох, каждый скрип
 В глухую полночь, под лучом Гекаты,
 Когда дрожит — прости ее господь! —
 Перед бесплотным духом наша плоть.

Открылась дверь с каким-то плавным взмахом,
 Подобным взмаху птичьего крыла,
 И в тот же самый миг (клянусь аллахом!)
 Сама собой обратно отошла.
 И вот, колебля как бы тайным страхом
 Огонь свечи посереде стола,
 Явилось на пороге черной тенью
 Мопаха роковое привиденье.

---

¹ «Оставьте надежду все, сюда входящие» (итал.).

Сперва Жуан, понятно, задрожал,
 Но на себя тотчас же рассердился,
 Что пред бесплотным духом оплошал;
 В нем дух иного сорта пробудился;
 Он кулаки и зубы крепко сжал
 И доказать обидчику решился,
 Что, если плотью дух руководит,
 Бесплотный дух ее не победит!

Ужасный гнев Жуана охватил,
 Старинная вскипела в нем отвага.
 И что же? Призрак сразу отступил,
 Когда в его руке увидел шпагу.
 Однако вовсе он не уходил,
 Но пятился, не прибавляя шагу;
 Жуану он рукою погрозил
 И, очутившись у стены, застыл.

Жуан смотрел в упор на привиденье
 И, замирая страхом и тоской,
 Холодные стены прикосновенье
 Вдруг ощутил дрожащею рукой.
 (Всего страшней подобные явления:
 Какой-нибудь ничтожный домовый
 Героя напугать способен боле,
 Чем тысячное войско в ратном поле!)

Но все-таки монах не уходил.
 Жуан заметил глаз его сверканье,
 Он даже, как ни странно, ощутил
 Виденья осторожное дыханье
 И, приглядевшись ближе, различил
 Неясные живые очертанья:
 Румяные уста, изящный нос
 И легкий локон шелковых волос.

Тут мой герой невольно встрепенулся,
Решившись снова руку протянуть.
И что же? Неожиданно наткнулся
На нежную трепещущую грудь!
(Когда стены он давеча коснулся,
Он, видимо, ошибся как-нибудь!)
На этот раз рука не заблудилась:
Вздымалась грудь, и даже сердце билось.

Прелестный дух испуганно дышал,
Потупившись лукаво и смущенно;
Его лица почти не защищал
Унылый, мрачный траур капюшона —
Он медленно на плечи опадал...
Кого ж узрел герой мой удивленный
В игриво-нежном образе мечты?
Графини Фиц-Фалк милые черты!

Песнь семнадцатая

1

Мир полон сирот; говоря точнее,
Есть сироты в прямом значенье слова,
Но одинокий дуб порой пышней
Дерев, растущих тесно, бестолково.
Есть сироты, чья жизнь еще грустней:
Их нежности родительской сурово
В младенчестве лишил жестокий рок
И на сиротство их сердца обрек.

2

Единственные дети представляют
Особый случай; именно о них
Упрямо поговорка заявляет:
«Единственный ребенок — баловник!»
Я знаю точно, — если нарушают
Родители при воспитанье их
Любви границы, — бедное создание
Растет, как сирота, без воспитанья.

3

Словечко «сирота» рисует нам
Измученных ребят в приходских школах,
Носящихся по жизненным волнам,
Как жалкие обломки. Рок тяжел их;

Их мулами не зря назвали там.
Нам грустно видеть сирот полуголых;
Но если суть вещей уразуметь —
Богатых сирот надо бы жалеть.

4

Самим себе предоставляют рано
Подобных сирот их опекуны,
Хотя их охраняют неустанно
Закон и все законники страны;
А в результате все-таки неожиданно,
Как курица, они поражены,
Когда утенок, высиженный ими,
Бежит к воде, чтобы уплыть с другимп.

5

Есть пошлый довод; все им защищаются
От света новых истин искони:
«Когда ты прав, так, значит, ошибается
Весь мир», — а это ереси сродни.
Но и обратный довод представляется
Возможным — небывалый в наши дни:
«Раз ты не прав — так остальные правы!»
Но может ли так быть? Не знаю, право.

6

Свободу слова я бы учредил
Для всех и вся. Ведь это — благодать!
Пусть каждый век стремится что есть сил
Предшествующий бурно обвинять, —
Мол, был он зол, и глуп, и туп, и хил, —
А ведь того не хочет замечать,
Что прежний парадокс сугубо лют, ор-
тодоксом став; тому примером Лютер.

7

Из тайнств признавал он только два,
А ведьм и вовсе отрицал. Ну что же?
«К чему нам жечь старух?» — сии слова
Вполне гуманны, но — прости мне, боже, —

Есть суки, чья природа такова,
Что нужно бы подпаливать их все же!
А жечь старух невежливым считается,
Хотя сэр Мэтью Хейлс и огорчается.

8

Когда поставил солнце Галилей
На место, поместили Галилея
В тюрьму, чтоб он не совращал людей,
Провозглашая странную идею
Вращения Земли. И много дней
Томился он, слабея и старея;
А ныне мудрецом объявлен он.
Наверно, прах его весьма польщен!

9

Локк, Пифагор, Сократ — я мог бы с вами
Назвать десятки скорбных сих имен —
Все мудрецы считались чужаками,
Пока их тезис не был утвержден.
Умнейшие из них готовы сами
Откладывать до будущих времен,
Когда от лавров проку будет мало им,
Всю славу, коей мы великих ба́луем.

10

Но если и титаны так скромны, —
Мы, мелкий люд, на рок не обижаясь,
Уж вовсе быть покладисты должны.
Я, например, от всей души стараюсь, —
Да желчь меня замучила; вредны
Мне впечатленья — сразу я взрываюсь;
Я стал бы *totus teres*¹, как мудрец, —
Но дунет ветер — и всему конец!

11

Я выдержан, но часто не хватает
Мне выдержки; я скромн, но упрям;
Я тих, когда меня не раздражают,
Я весел, но грущу по пустякам.

---

¹ Совершенно гладкий, округлый (*лат.*).

Я — *semper idem*¹, но порой пылает
В моей крови *Hercules furens*² сам;
Во мне всегда, насколько мог постичь я,
Две-три души живут в одном обличье.

12

Итак, остался мой прекрасный дон
В том щекотливом, «лунном» положении,
Когда принять мужчина принужден
Без колебаний смелое решение.
Но сохранил ли добродетель он
Иль сгоряча поддался искушенью,—
Я не скажу, меня не подкупить;
Вот разве поцелуем, может быть.

13

Вопрос я оставляю нерешенным.
Итак, настало утро. Завтрак. Чай.
(Его не *петь*, а только *пить* дано нам.)
Но лиру я испортил невзначай,
Бренча хвалы влиятельным персонам —
Гостям Амондевилла. Примечай:
Последними изволили явиться
Графиня и Жуан невиннолицый.

14

От встречи ль с призраком (боюсь сказать)
Иль от чего другого — полусонным
Был мой герой. Он мог бы так устать,
Когда бы дрался с целым батальоном!
Он жмурился, стараясь не дремать;
Графиня тоже с видом истомленным
Сидела тихо и бледна была,
Как будто до рассвета не спала.

. . . . .

---

¹ Всегда один и тот же (*лат.*).

² Неистовый Геракл (*лат.*).

ПОСВЯЩЕНИЕ

6. Вордсворт получил как будто место не то в таможене, не то в акцизе, не говоря уже о месте за столом лорда Лонсдела, где этот поэтический шарлатан и политический паразит быстро и бойко подбирает все крошки. Раскаявшийся якобинец уже давно превратился в шута и сикофанта, потворствующего худшим предрассудкам аристократии.

11. Говорят, что две старшие дочери Мильтона похищали его книги и, кроме того, обманывали и мучили его во всевозможных домашних делах. По всей вероятности, его чувства отца и ученого были очень больно этим задеты. Хейли сравнивает его с Лиром. См. часть III «Жизни Мильтона» Уильяма Хейли.

12. Или так:

Не мог бы он стать низким лауреатом,
Продажным и презренным Искарриотом.

[Искарриот — Иуда.] Сомневаюсь, можно ли считать «лауреата» и «Искарриота» хорошими рифмами, но должен сказать то же, что Бен Джонсон сказал Сильвестеру, когда тот вызывающе предложил ему ответить стихами на следующий стишок:

Я, Джон Сильвестер твой,
Жил с твоей сестрой.

Джонсон ответил:

Я, Бен Джонсон,
Жил с твоей женой.

Сильвестер сказал: «Это не стихи». — «Верно, — ответил Бен Джонсон, — но зато это правда».

¹ Примечания приведены не полностью. Цифра в начале примечания обозначает номер соответствующей строфы. Пояснения к тексту Байрона даются тут же в прямых скобках. Перевод примечаний принадлежит Н. Дьяконовой.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

17. «Description des vertus incomparables de l'huile de Macassar». [«Описание несравненных достоинств макассарского масла для волос.»] См. объявления.

42. См. у Лонгина, раздел 10: «Желательно, чтобы она обнаруживала не одну страсть, а сочетание страстей». [Лонгин Кассий (213—273) — римский ученый, грамматик; ему приписывалось сочинение «О возвышенном».]

44. Это факт. Существует — или существовало — такое издание, в котором все непристойные эпиграммы Марциала были собраны вместе в конце.

88. Как будто это из «Гертруды из Уайоминга» Кэмбела. Кажется, это начало второй песни, но я цитирую по памяти. [Кэмбел Томас.— См. прим. к «Посвящению».]

148. Испанский *кортехо* — примерно то же самое, что итальянский *cavaliero servente*. [*Cavaliere servente*—признанный поклонник замужней женщины (и т. а. л.)].

Донна Юлия здесь ошиблась. Граф О'Рилли не только не захватил Алжир, но, наоборот, Алжир чуть не захватил его: вместе со своей армией и флотом он отступил от этого города с тяжелыми потерями и без всякой славы в 1775 году. [Граф О'Рилли (1722—1794) — испанский генерал, по происхождению ирландец.]

216. Me nec femina, nec puer
Jam, nec spes animi credula mutui,
Nec certare juvat mero;
Nec vincere novis tempora floribus.

[«Ни женщина, ни мальчик, ни доверчивая надежда взаимно расположенных душ, ни усердие над вином уже не радуют меня; и новым цветам не победить времени».]
Г о р а ц и й. Оды, IV, 1.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

7. *Фаццоли* — буквально: платочки; наиболее распространены в городе святого Марка [то есть Венеции; здесь — вуали.]

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

71. Наряд этот — мавританский, а браслеты и обруч носят так, как здесь описано. Читатель увидит из дальнейшего, что, поскольку мать Гайдэ была родом из Феса, ее дочь следовала моде этой местности.

72. Золотой обруч на ноге повыше щиколотки обозначает высокое происхождение женщин, принадлежащих к роду деев. Этот обруч носят также родственники деев. [Дей — один из титулов некоторых мусульманских правителей в Северной Африке.]

107. Εσπερε, πῶντα φέρεις.
Φέρεις οἶνον — φέρεις αἶμα
Φέρεις ματὲρ παιδα,

[«О Геспер, ты все приносишь: несешь вино, несешь коз, несешь матери ребенка» (фрагмент из Сафо).]

108. Era gia l'ora che volge 'l disio
A' naviganti, e' ntenerisce il cuore;
Lo di ch' han detto a'dolci amici a dio;
E che lo nuovo peregrin' d'amore
Punge, se ode Squilla di lontano,
Che paia 'l giorno pianger che si muore.

(Данте. Чистилище, песнь VIII)

[В тот самый час, когда томят печали
Отпльвших вдаль и нежит мысль о том,
Как милые их утром провожали,

А новый странник на пути своем
Пронзен любовью, дальний звон внимая
Подобный плачу над умершим днем...

(Перевод М. Лозинского)]

Эта последняя строчка — первая в «Элегии» Грея. Он воспользовался ею, не сославшись на свой источник. [Грей Томас (1716—1771) — автор «Элегии, написанной на сельском кладбище» (1750).]

109. Об этом смотри у Светония. [Светоний (ок. 75—150) — римский историк, автор «Жизнеописания Цезарей» (ок. 120).]

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

12. См. у Геродота [Геродот (ок. 485—425 до н. э.) — древнегреческий историк.]

59. Нередкий результат бурных и противоречивых страстей. Дож Франческо Фоскари, свергнутый в 1457 году, восьмидесяти лет от роду внезапно умер от разрыва кровеносного сосуда в груди, услышав звон колоколов в церкви св. Марка, возвещавший избрание его преемника.

«Кто думать мог, что в этом старике так много крови?»
[«Макбет», акт V, сц. 1.]

Мне еще не исполнилось шестнадцати лет, когда я оказался свидетелем печального воздействия противоречивых страстей на одну молодую особу, которая, правда, не умерла от их последствия в то время, но несколько лет спустя пала жертвой подобного приступа, случившегося после сильного душевного волнения.

86. Любопытно, что именно папа и султан выступают в роли главных покровителей такого рода ремесла, поскольку женщины не допускаются к пению в соборе св. Петра, и, вместе с тем, как стражи гарема не заслуживают доверия.

103. Колонна, воздвигнутая в память битвы под Равенной, находится на расстоянии двух миль от города на противоположном берегу реки, по дороге в Форли. Победивший в битве Гастон де Фуа был убит здесь. С обеих сторон пало двадцать тысяч человек. Состояние колонны в настоящее время и место ее расположения описаны в тексте поэмы. [Гастон де Фуа (1489—1512) — герцог Немурский, племянник Людовика XII, назначенный им на пост генерала французской армии в Италии; заслужил известность своей храбростью и героической гибелью в битве под Равенной в 1512 г.]

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

3. Это выражение Гомера вызвало много критических замечаний. Оно не соответствует нашим «атлантическим» представлениям об океане, но оно вполне применимо к Геллеспонту и Босфору, поскольку Эгейское море все усеяно островами.

55. Обычная принадлежность комнаты на Востоке. Я вспоминаю, как Али-паша принимал меня в большой комнате с мраморным полом, в середине которой бил фонтан.

87. *Гвоздь вопроса в том.* — Метафора во вкусе министров. «Гвоздь, на котором держится весь вопрос». Смотри «Семейство Федж» или послушай Каслрея. [«Семейство Федж в Париже» — сатирическая поэма Томаса Мура (1818).]

92. Несколько лет тому назад жена Мухтар-паши пожаловалась его отцу на неверность мужа. Он спросил: «С кем?» У нее хватило жестокости назвать двенадцать красивейших женщин Янины. В ту же ночь их всех схватили, зашили в мешки и утопили в озере. Один из присутствовавших при этом стражей сообщил мне, что ни

одна из жертв не вскрикнула и не обнаружила никакого ужаса при таком внезапном «прощании со всем, что знаем и что любим мы».

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

51. Суворов действительно делал все это сам.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

8. *Алла-гу* — собственно, боевой клич мусульман; с особенной силой они выкрикивают последний слог. Все вместе звучит дико и очень своеобразно. [Восклицание «алла-гу» означает: «Он бог».]

18. Смотри газетные отчеты о Ватерлоо. Я вспоминаю, что я тогда же сказал приятелю: «Вот что такое слава! Человек убит, имя его Гроз, а оня пишут Гров». Я учился с покойным Грозом в университете. Это был очень приятный и умный человек, всеми любимый и широко известный своим остроумием, веселостью и застольными песенками.

33. Считается, что этот мопах изобрел порох.

97. Русский военный орден.

133. В русском оригинале значитя:

Slava bogu! Slava vam!
Krepost vzata, i ya tam.

(Подобие двустия, ибо он был поэтом.)

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

1. Вопрос наборщика: «Не следует ли читать «О, Ней!»?» [См. коммент. к этой строфе.]

47. Он был великой страстью великой Екатерины. См. ее «Жизнь», подзаголовок «Ланской». [Одним из источников Байрона была «Жизнь Екатерины II» В. Тука, 1800, перевод одноименной французской книги Ж.-Х. Кастера, 1797.]

49. Это было написано задолго до самоубийства этого лица.

55. Г о р а ц и й. Сатиры, кн. I, сат. III.

79. Русские имена всегда оцениваются по количеству прикрепленных к ним рабов.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

15. Примечание наборщика: «Не следует ли читать: «судебный процесс?»» [Игра слов: английское слово «soot» (сажа) звучит почти так же, как слово «suit» (судебный процесс).]

25. Тиберий *Гракс*, будучи народным трибуном, именем народа потребовал введения аграрного закона, согласно которому все лица, земельные владения коих превосходили определенное количество акров, должны были отдать излишек в пользу беднейших граждан.

27. «*Mi ritrovai per una selva oscura*» (*Inferno*, *Canto I*). [«Я очутился в сумрачном лесу» (*Данте*. *Ад*, *песнь I*).]

34. Метафора, заимствованная из выражения «сорок лошадиных сил» паровой машины. Известный шутник, достопочтенный Сидни Смит, после обеда, во время которого он сидел рядом со своим собратом священником, сказал, что скучный сосед занимал его разговором «в двенадцать поповских сил».

49. Императрица ездила в Крым вместе с императором Иосифом уже не помню в каком году. [В 1787 г. в сопровождении Иосифа II Австрийского.]

58. В годы правления императрицы Анны ее фаворит Бирен присвоил себе имя и герб фамилии Биронов из Франции. Эта фамилия существует доныне как во Франции, так и в Англии. Некоторые курляндские принцессы до сих пор носят это имя, и я помню, что одну из них, герцогиню С., я видел в Англии в благословенный для союзников 1814 год. Английская герцогиня Сомерсет представила меня ей как тезку.

62. Святая Урсула и ее одиннадцать тысяч девственниц в 1816 году еще хранились в Кельне. Возможно, что они существуют там и сейчас. [Имеются в виду «мощи» в Кельнском соборе.]

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

73. Известно, что русские выбегают из горячей бани и погружаются в Неву — приятная практическая антитеза, которая, кажется, не причиняет им никакого вреда.

86. Некий скульптор предложил высечь из горы Афон статую Александра Македонского; предполагалось, что в руке он будет держать город, а из кармана его будет вытекать река: предполагалось и еще что-то в этом роде. Но Александра нет, а гора Афон по-прежнему стоит и вскоре, я верю, будет смотреть на свободный народ.

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

96. «Миссис Адамс возражала мистеру Адамсу, что кощунство говорить о Священном писании вне церкви». И эту догму она внушала своему мужу — лучшему хрис-

тианину, когда-либо изображенному в книгах, — см. «Джозеф Эндрюс» [роман Фильдинга].

106. По крайней мере, это бы научило его гуманности. Этот сентиментальный дикарь, которого романисты цитируют, чтобы показать свою симпатию к невинным развлечениям и старым песням, учит, как, эксперимента ради, зашивать лягушек и ломать им лапки, — не говоря уже об искусстве рыболовства, самом жестоком, хладнокровном и глупом из всех видов спорта. Пусть поклонники его толкуют о красотах природы, но рыболов помышляет только о вкусном рыбном блюде; у него нет времени оторвать глаз от реки, и один-единственный «клев» для него дороже, чем все пейзажи. К тому же некоторые рыбы лучше клюют в дождливый день. Охота на кита, акулу, тунца представляет некоторую опасность и потому как-то благороднее; даже ловля рыбы сетями и т. п. — и то гуманнее и полезнее. Но уженье! Ни один удильщик не может быть хорошим человеком. [Уолтон Исаак (1593—1683) — английский писатель, автор сочинения «Искусный удильщик, или Досуг созерцателя», в котором прославляются прелести рыбной ловли (1653).]

«Один из лучших людей, каких я когда-либо знал, — гуманный, деликатный, великодушный, во всех отношениях прекрасный человек, — был удильщиком. Правда, он удил на нарисованных мух и не был бы способен на крайности, свойственные И. Уолтону».

Вышеприведенное добавление было сделано одним из моих друзей при чтении моей рукописи. «*Audi alteram partem*» [«Выслушайте другую сторону» (л а т.)]. Привожу эту запись, чтоб уравновесить мое собственное мнение.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДАТАЯ

59. Знаменитый канцлер *Оксеншерн* [шведский канцлер Аксель *Оксеншерн* (1583—1654)] сказал своему сыну, изумленному тем, какие ничтожные причины порождают в политике великие следствия: «Ты видишь, сын мой, сколь мало мудрости у тех, кто правит государством».

ПЕСНЬ ПЯТНАДАТАЯ

18. Во избежание недоразумений, столь нежелательных в наше время, я заявляю, что под «Божественным» я разумею Христа. Если бог когда-то был человеком или человек богом, то он был и тем и другим. Я никогда не отвергал его учения, но я всегда возмущался тем, какое

употребление — или, вернее, злоупотребление — допускалось во имя его. Мистер Каннинг однажды пытался ссылками на христианство оправдать рабство негров, а мистер Уилберфорс не нашел никаких возражений в ответ. Неужели же Христос был распят для того, чтобы чернокожих били плетью? В таком случае уж лучше бы он родился мулатом — тогда и черные и белые имели бы одинаковое право на свободу или хотя бы на спасение души.

35. Эта необычайная и процветающая немецкая колония в Америке вовсе не исключает брака вообще, в отличие от «шекеров», но налагает на супругов известные ограничения, в результате которых в течение определенного числа лет рождается лишь определенное число детей, которые (по сообщению м-ра Холма) обычно появляются одновременно, как ягнята в фермерском хозяйстве. Говорят, что его «гармонисты», названные так по имени их колонии, — люди чрезвычайно зажиточные, спокойные и набожные. Смотри различные сочинения об Америке за последние годы. [Гармонисты эмигрировали из Вюртембергского герцогства в 1803—1805 гг. во главе с Георгом Раппом и обосновались в ста двадцати милях к северу от Филадельфии.]

38. Как указывает мистер Поп, Джекоб Тонсон имел обыкновение называть своих авторов «прекрасными перьями», «людьми чести» и, в особенности, «выдающимися мастерами». Смотри его «Переписку». [Тонсон Джекоб — известный английский издатель.]

66. Блюдо а ла Лукулл. Этот герой покорила Восток, но более известен тем, что впервые привез в Европу вишневые деревья, а также дал свое имя некоторым весьма хорошим блюдам. Если исключить несварение желудка, я не уверен, что его стряпня не сослужила большей пользы человечеству, чем его завоевания. Вишневое дерево стоит больше, чем окровавленные лавры, а он к тому же умудрился прославиться и тем и другим.

68. *Petits puits d'amour garnis de confiture* [маленькие колодцы любви, украшенные вареньем] — классическое и хорошо известное блюдо, представляющее часть гарнира для второго.

86. *Subauditur* поп [подразумевается «поп»] — пропущено ради благозвучия. [*Conditio sine qua* поп — необходимое условие (лат.).]

96. Гоббс, сомневаясь в существовании своей души, однако, оказывал душам других людей ту честь, что

отклонял их визиты и относился к ним с опасением. [Гоббс Томас (1588—1679) — английский философ-материалист.]

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

43. Насколько я помню, Диоген попирал ногами ковер со словами: «Вот так же попираю я гордость Платона!» — «С еще большей гордостью», — возразил тот. Но память, видимо, изменяет мне: ведь ковры для того и существуют, чтобы их попирали ногами. Так что, вероятно, речь шла об одежде, или ткани, или скатерти, или дорогой, непривычной для киника мебели.

59. «Ausu Romano, aere Veneto» [«Римской отвагой, венецианской медью» (лат.)] — такова надпись (уместная в данном случае) на стенах, ограждающих Венецию от Адриатического моря. Эти стены были делом республиканцев Венеции, а надпись как будто императорская, составленная Наполеоном I. Настало время вернуть ему этот титул, ибо вскоре будет еще и Наполеон II — *spes altera mundi* (новая надежда мира), — если ему суждено жить. Пусть же он не уничтожит эту надежду, как его отец. Во всяком случае, он будет лучше, чем *Imbéciles* [Болваны (франц.)]; имеются в виду французские короли Бурбоны]. Перед ним откроется поле славы, если он знает, как надо обрабатывать его. [Байрон имеет в виду сына Наполеона, герцога Рейхштадтского (1811—1832).]

97. По-французски — «mobilité» [изменчивость]. Я не уверен, что существует английское слово «mobility», оно выражает качество, более характерное для других стран, но иногда встречающееся и у нас. Его можно определить как чрезмерную чувствительность к непосредственным впечатлениям, не исключаящую, однако, память о прошлом. Хотя это свойство иной раз полезно для того, кто обладает им, оно очень мучительно и тяжело.

102. «Curiosa felicitas» [«удивительное счастье» (лат.)] — Арбитр Петроний [«Сатирикон», глава 118. Автор «Сатирикона», римский писатель *Петроний*, умер в 66 г. н. э.].

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

3. Итальянцы, по крайней мере в некоторых частях Италии, называют незаконнорожденных и найденных мулами, не могу сказать почему; может быть, они хотят сказать, что в законном браке рождаются ослы.

КОММЕНТАРИИ

ДОН-ЖУАН

Упоминания о «Дон-Жуане» (Don Juan) появляются в переписке Байрона в июле 1818 года. Песнь первую он начал еще в июне и кончил в ноябре 1818, вторую — в январе 1819 года. Несмотря на сопротивление Мерри, постоянного издателя Байрона, обе песни вышли из печати летом 1819 года. Поздней осенью того же года и ранней зимой следующего поэт работал над песнями третьей и четвертой. Раздраженный борьбой с Мерри и его «треклятым пуританским советом», протестовавшим против непристойности поэмы, Байрон лишь к концу 1820 года завершил песню пятую. Опубликовать новые песни ему удалось только в августе 1821 года.

Под впечатлением возмущенных рецензий и обвинений в безнравственности даже со стороны близких ему людей Байрон в течение полутора лет не прикасался к своей поэме. Возобновил он работу над «Дон-Жуаном» летом 1822 года и с необыкновенной быстротой, до весны 1823 года, написал одиннадцать песен (шестую — шестнадцатую и отрывок семнадцатой). Поэма осталась незавершенной из-за отъезда поэта в Грецию, где его целиком поглотила освободительная война греков против Турции.

В разгар работы над заключительными песнями Байрон передал «Дон-Жуана» новому издателю — Джону Ханту, известному своей политической смелостью. Благодаря его энергии все законченные поэтом песни были опубликованы в течение года. Последние (пятнадцатая и шестнадцатая) вышли в марте 1824 года, за несколько недель до его смерти.

Между 1824 и 1860 годами было напечатано, по крайней мере, сорок собраний сочинений Байрона. Почти все они включали и «Дон-Жуана». Начиная с издания 1833 года, в текст поэмы вошло и посвящение «двум Робертам» — Саути и Каслрею, поэту-лауреату и министру иностранных дел Англии. Поэт не позволил опубликовать посвящение в прижизненных изданиях, поскольку, находясь в добровольном изгнании в Италии, не мог дать удовлетворения адресатам посвящения. К тому же он вынужден был выступать анонимно и не хотел наносить удара «под покровом темноты».

Честь первого научного издания поэмы принадлежит Э.-Х. Колриджу, опубликовавшему в 1898—1904 годах Полное собрание поэтических произведений Байрона (*The Works of Lord Byron, Poetry, vols. 1—7*). «Дон-Жуану» предоставлен шестой том (1903). Здесь впервые появились четырнадцать строф незавершенной семнадцатой песни. Наряду с каноническим текстом приводятся первоначальные черновые варианты, а также краткий комментарий. Несравненно более обширный комментарий содержится в четвертом томе издания, осуществленного американскими учеными Т.-Г. Стеффаном и У.-У. Прэттом (*T. G. Steffan, W. W. Pratt. Byron's Don Juan, vols. 1—4. Univ. of Texas, 1957*). В первом томе дан беглый анализ идейно-художественных особенностей поэмы, во втором и третьем — полный текст ее, со всеми сохранившимися черновыми вариантами. Это издание следует считать самым авторитетным. Наиболее распространенным является многократно переиздававшееся *The Works of Lord Byron publ. by T. Moore, Scott, Crabbe etc.*, в которое, естественно, входит и «Дон-Жуан». Существует и советское издание поэмы на английском языке — *Byron. Don Juan. Moscow, Foreign Languages Publishing House, 1948*.

В России «Дон-Жуан» приобрел известность уже в двадцатые годы XIX века. Им восхищались многие русские поэты, начиная от Пушкина и Лермонтова. Переводить его тоже начали рано. Так, в 1825 году в «Московском телеграфе» появился прозаический перевод нескольких строф песни тринадцатой (описание Ньюстедского — у переводчика «Ньюстидского» — аббатства), а в 1829 году Н. Маркевич поместил там же свой опыт поэтического перевода из песни первой. Пренебрегая подлинником, Маркевич использует в своем переводе онегинскую строфу, допускает множество ошибок и отступлений. Впоследствии им была переведена вся песнь первая и опубликована отдельным изданием в 1863 году. Он же перевел отрывок из песни третьей. В те же годы «Московский телеграф» поместил довольно точный прозаический перевод песни четырнадцатой, подписанный буквой Ш.

Среди ранних переводчиков выделяется Иван Козлов, талант-

ливый поэт, переложивший хорошими стихами строфы 122—123 песни первой (1829).

В середине XIX века с переводами довольно значительных отрывков из «Дон-Жуана» выступили Н. Жандр и Д. Мин. II. Жандр опубликовал в 1846 году песнь первую, Д. Мин перевел описание гибели корабля и пребывания Жуана на острове пирата из второй песни и «Ave Maria» (песнь третья). Оба эти переводчика не возвысились над уровнем посредственности¹.

Первым полным русским «Дон-Жуаном» оказался более чем вольный, развязный и в высшей степени нехудожественный пересказ В. Любича-Романовича (1847). Никакого представления о Байроне он не дает. Такое представление русский читатель впервые получил по полному переводу Дмитрия Минаева, напечатанному в шестидесятые годы в журнале «Современник». Автор владеет стихом, передает мысль английского поэта, некоторые его приемы и интонации. Неточности и несовершенства труда Минаева вызвали, однако, потребность в более точном воспроизведении байроновского подлинника. Так появился хороший прозаический перевод Александра Соколовского, который, в свою очередь, имел неизбежные и очевидные недостатки и потери. Он вошел в известное издание «Сочинения лорда Байрона в переводах русских поэтов» под редакцией Н. В. Гербеля. Здесь же был напечатан и перевод Минаева.

На фоне этих, в целом неадекватных, попыток создать русского «Дон-Жуана» крупным событием стал перевод Павла Козлова. Он печатался в восьмидесятые годы в журнале «Русская мысль» и отдельным изданием вышел впервые в 1889 году. В течение более полувека этот перевод был фактически единственным, по которому русские читатели могли знакомиться с Байроном. Он многократно перепечатывался — например, в томе III Полного собрания сочинений Байрона (изд. Брокгауз и Ефрон, 1904), в издании «Всемирной литературы» под редакцией М. Л. Лозинского (1923). Несмотря на ряд достоинств, перевод П. А. Козлова не доносил до читателя блеск и разнообразие творения Байрона, его революционный дух, злую иронию, пристрастие к словесной игре, к озорным рифмам. На первый план выступают у Козлова банально-романтические, элегические интонации, а богатство идей, образов, каламбуров и рифм осталось невоспроизведенным.

В стремлении избежать этих ошибок и потерь Г. Шенгели в своем переводе, вышедшем в 1947 году, поставил перед собой невыполнимую цель — абсолютную точность и полноту. В результате, даже при замене пятистопного ямба подлинника шестистоп-

---

¹ Отметим также переводы отрывков поэмы в исполнении В. Карпова, Ф. Червинского, В. Лихачева и др.

ным ямбом, стих Г. Шенгели оказался слишком перегруженным, перевод чересчур буквальным, а потому недостаточно поэтическим. Тем не менее труд Г. Шенгели помог советскому читателю подробнее ознакомиться с «Дон-Жуаном».

Предлагаемый перевод, выполненный Татьяной Гнедич, издается в четвертый раз (первое издание — 1959 г.; второе издание — 1964 г.; третье издание — 1972 г.).

Из крупных поэтов-переводчиков к «Дон-Жуану» в советское время обращались также М. Кузмин (малоудачный перевод песен девятой и десятой в книге «Избранные произведения в одном томе» под редакцией М. Н. Розанова, 1935), М. Лозинский (14 строф песни семнадцатой в издании «Всемирной литературы») и В. Левик (песнь первая, строфы 122—127 в его сборнике «Из европейских поэтов», 1966).

ПОСВЯЩЕНИЕ

1. *...Как «в пироге волшебном хор дроздов...»* — Эта строка и первые три строчки второй строфы представляют собой слегка перефразированную цитату из известной фольклорной детской песенки о двадцати четырех черных дроздах, запеченных в пирог: «Когда пирог разрезали, дрозды запели, — разве такое изысканное блюдо не следовало бы подать королю?»

2. *Принц-регент* — с 1820 г. король Георг IV; правил с 1811 г. вместо своего отца, слепого и безумного Георга III. Реакционная политика и крайняя моральная распущенность принца-регента сделали его излюбленным предметом нападок радикальной печати.

Колридж-метафизик. — Намек на сложность критико-философского сочинения С.-Т. Колриджа «*Biographia Literaria*» («Литературная биография», 1817). Байрон резко осуждал мистицизм и туманный романтизм Колриджа, в особенности его прозы.

4. *«Прогулка»* — философско-дидактическая поэма У. Вордсворта, сопровождавшаяся прозаическим «Пояснением» (1814). Как и многие другие сочинения Вордсворта, она казалась Байрону искусственной и антипоэтичной. К тому же его раздражала выраженная в поэме философия смирения.

5. *Кезик* — местечко в Озерном крае, где жил Роберт Саути (1774—1843) и где бывали у него и другие лекисты (т. е. поэты «Озерной школы»): Уильям Вордсворт (1770—1850) и Сэмюел Тейлор Колридж (1772—1834).

...За океан озера принимать. — Намек на ограниченность тематики и эстетической системы лекистов.

6. *В акцизе служит Вордсворт...* — В 1813 г. Вордсворт благодаря покровительству лорда Лонсдела получил синекуру — место акцизного чиновника.

7. *Мур* Томас (1779—1852), *Роджерс* Сэмюел (1763—1855), *Кэмбел* Томас (1777—1844), *Крабб* Джордж (1754—1832) — английские поэты, которых Байрон ценил и противопоставлял Вордсворту и Колриджу. Следует отметить, что Байрон переоценивал заслуги Роджерса и Кэмбела.

10. *...Всю жизнь тираноборцем остается.*— Английский поэт Джон Мильтон (1608—1674), автор поэмы «Потерянный рай» (1667), был выдающимся деятелем английской буржуазной революции XVII в.

11. *Самуил* — библейский пророк. Разоблачая царский деспотизм, он предостерегал израильтян от избрания царя. Согласно библейской легенде, он был вызван из мертвых царем Саулом и предсказал ему гибель.

12. *Каслрей* Роберт Стюарт, маркиз Лондондерри (1769—1822) — министр иностранных дел Англии, один из вершителей ее реакционной внутренней и внешней политики. Каслрей не раз служил мишенью ожесточенных нападок Байрона (см. предисловие к песням шестой, седьмой и восьмой). Здесь и далее Байрон обрушивается на Каслрея за его расправу с ирландским восстанием 1798 г., за его борьбу против свободы в Англии и на континенте.

13. *...ты говоришь парадный вздор...*— Насмешка над слабостью Каслрея как оратора.

14. *Созвать конгресс...*— Речь идет о Венском конгрессе держав (1814—1815), переделавшем Европу после падения Наполеона. Тогда же был создан реакционный Священный союз монархов для подавления революционного движения в Европе.

15. *Евтропий.*— Байрон считает Каслрея «интеллектуальным евнухом» и сравнивает его с евнухом Евтропием, приближенным римского императора Аркадия (IV в.). Евтропий был казнен в 407 г.

17. *Цвет желто-голубой.*— Желтый и голубой — цвета клуба партии вигов и обложки влиятельного журнала вигов «Эдинбургское обозрение».

Юлиан Отступник (331—363) — римский император; отрекся от христианской религии и сделал попытку возродить языческую веру своих предков.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Начата в Венеции 6 сентября 1818 года и кончена 1 ноября. Байрон предпослал ей следующий эпиграф: «*Difficile est proprie communia dicere*» («Трудно говорить хорошо об обычных вещах». — Г о р а ц и й).

2. Байрон перечисляет здесь имена известных английских адмиралов и полководцев, карьера которых началась с блестящих успехов, но кончилась тяжелыми поражениями.

...Они потомством Банко предо мною, // Как пред Макбетом, в сумраке встают...— Намек на известную сцену из трагедии Шекспира, в которой, по велению вещей сестер, перед Макбетом прошли тени будущих королей Шотландии, потомков убитого им Банко («Макбет», акт IV, сц. 1).

3. Здесь перечислены имена известных политических деятелей и полководцев эпохи Французской революции 1789 г.; почти все они умерли насильственной смертью.

4. *Пельсон* Горацио (1758—1805) — знаменитый английский адмирал. Был убит в битве при Трафальгаре, где возглавляемый им английский флот нанес решающее поражение французскому флоту.

6. «*Середина дела*». — Фраза из Горация (послание «О поэтическом искусстве»). Гораций советует эпическому поэту начинать с сути дела, не отвлекаясь рассуждениями о предыстории событий.

9. *Идальго* — испанский дворянин.

10. По мнению биографов и комментаторов, описание донны Инесы и ее отношений с мужем включает многочисленные намеки на жену поэта, леди Байрон, и на историю ее разрыва с Байроном.

11. *Лопе* (Лопе де Вега; 1562—1635) и *Кальдерон* (1600—1680) — великие испанские драматурги.

Финэгл Грегор (1765—1819). — Изобрел систему, облегчающую процесс запоминания, которую пропагандировал в своих публичных лекциях.

12. *Шугила редко, но всегда аттически*. — Имеется в виду известное выражение «аттическая соль», то есть «утонченное остроумие» (от названия области в Греции — Аттики, центром которой были Афины, средоточие древнегреческой культуры).

15. *Ромили* Сэмюел (1757—1818) — известный юрист и судебный деятель. Когда он после смерти жены покончил с собой, следствие, всегда ведущееся в Англии в случае неожиданной смерти, установило, что он был ненормальным. Байрон ненавидел Ромили, так как тот при разрыве поэта с женой встал на ее сторону и вынудил Байрона дать согласие на неофициальный развод.

16. *Миссис Триммер* Сара (1741—1810) — автор «Элементарного введения в изучение природы» и ряда книг нравоучительного характера.

Эджуорт Мария (1767—1849) — автор популярных романов и нравоучительных книг для детей.

Целебс — герой назидательного романа «Целебс в поисках жены» (1809); автор его — английская писательница Ханна Мор (1745—1833), известная своей филантропической деятельностью. Триммер и Мор отвратительны Байрону ханжеством и лицемерием своих нравственных и религиозных идей, своей преданностью интересам господствующей церкви и монархии.

17. *Гаррисон Джон* (1693—1776) — известный в свое время часовщик.

21. *...Хватает веер, а в руке прелестной // Он хуже всякой плетки, как известно.*— Намек на строки из хроники Шекспира: «Черт поberi! Попадись мне сейчас на глаза этот мерзавец, я раскроил бы ему череп веером его жены» («Генрих IV», ч. I, акт II, сц. 3).

27. Эта строфа (как и строфы 28, 29, 32) включает много намеков на семейную драму Байрона: жена его, считая поэта безумным, посылала к нему врачей, чтобы выяснить его состояние. Последние строки в строфе: *Она считала (так она твердила), // Что честно перед богом поступила,* — почти буквально заимствованы из письма леди Байрон Августе Ли, сестре и другу поэта.

35. *Нума Помпилий* — легендарный царь Рима. По преданию, его царствование было мирным и спокойным.

42. *Мораль Анакреона очень спорна...*— Выдающийся древнегреческий поэт-лирик Анакреонт (ок. 570—487 до н. э.) воспевал в своем творчестве вино и любовь.

Кагулл (I в. до н. э.) — римский поэт-лирик.

Сафо — знаменитая древнегреческая поэтесса (VII—VI вв. до н. э.).

«Пастух Коридон к красавцу (Алексиду пылал...)».— Вергилий. Буколики, Эклога II.

43. *Лукреций Кар* (98—55 до н. э.) — римский поэт, автор материалистической философской поэмы «О природе вещей».

Ювенал — римский поэт I—II вв. н. э. Его сатира отличается резкостью и обличительным пафосом.

Марциал (ок. 42—101) — римский поэт, по происхождению испанец; прославился своими резкими, часто непристойными эпиграммами.

46. *Требник* — книга с записью церковных служб.

47. *Гомилии* — проповеди.

Августин (354—450) — святой католической церкви, христианский писатель.

56. *Мавры.*— В начале VIII в. Испания была завоевана арабами. Они пришли из Северной Африки, где население носило название мавров. Освобождение последнего мавританского центра, Гранады, произошло в 1492 г., после чего значительная часть мавров переселилась в Африку.

64. *Антоний* — святой католической церкви; известен тем, что удалился в пустыню и изнурял себя всевозможными лишениями. Байрон намекает, что холода помогали Антонию справиться с томившим его искушением.

66. *Облако Зевеса.*— Согласно греческому мифу, верховный

бог Зевс (Зевес) и супруга его Гера предавались любви, окутавшись облаком.

75. *Тарквиний* — сын Тарквиния Гордого, легендарного царя Древнего Рима, правившего, по преданию, в VI в. до н. э. На основании легенды о насилии, совершенном Тарквинием над добродетельной Лукрецией, имя его стало нарицательным для обозначения похитителя женской чести.

79. *Платон* (427—347 до н. э.) — греческий философ. Теория чистой любви, о которой иронически говорит Байрон, была частью учения Платона. Платонической любовью называют любовь духовную, противоположную чувственной.

85. *Серафическая* — ангельская, небесная.

86. *Медея* — колхидская царевна, волшебница, героиня греческого мифа. Влюбленный в нее Ясон увез ее на своем корабле «Арго», на котором он совершал странствия в поисках волшебного золотого руна. Когда Ясон покинул Медею, она из мести убила своих детей от брака с ним и улетела на колеснице, запряженной огненными драконами. Медея была воспета рядом античных поэтов, в том числе Овидием.

88. Первые четыре строчки этой строфы — цитата из поэмы Кэмбела.

95. *Гарсиласо де ла Вега* (1503—1536) и *Боскан Хуан* (1500—1544) — испанские поэты.

104. *Анакреон-Мур*. — Речь идет об английском поэте Томасе Муре, друге и биографе Байрона; Мур перевел сборник подражаний Анакреону, которые еще в XIX в. приписывались последнему.

113. *Двадцать первого июня* (вернее, 22 июня) — самый длинный день и самая короткая ночь.

118. *Ксеркс* (520—465 до н. э.) — персидский царь; возглавлял поход персов на Грецию в 480 г. до н. э.

120. *Аристотель* (384—322 до н. э.) — греческий философ. В своей «Поэтике» сформулировал ряд эстетических принципов, которые впоследствии, при возрождении интереса к античности, писателями-классицистами XVII—XVIII вв. были восприняты как абсолютные законы прекрасного. Сам Аристотель рассматривался ими как высший авторитет в области поэтики.

132. *Сэр Хэмфри Дэви* (1778—1829) — знаменитый химик, изобретатель безопасной лампы для шахтеров.

148. *О'Рилли*. — См. прим. Байрона к песни первой.

149. Итальянские фамилии *Кауцани* и *Корньяни* имеют непристойное значение.

Лорд Кобизаус — образчик комических фамилий, распространенных у Байрона (буквально: кофейня).

164. *Posse comitatus* (лат.). — В английской юридической

терминологии отряд из граждан, созываемый шерифом для подавления мятежа; здесь: в ироническом смысле.

166. ...*Кларенс, сей любитель вин.*— Намек на предание о том, что английского герцога Кларенса (1449—1478) утопили в бочке с вином. Достоверно лишь то, что он был казнен в лондонском Тауэре.

168. *Царь Давид* — царь Израиля (Библия).

186. *Иосиф.*— По библейскому мифу, Иосиф Прекрасный бежал от влюбленной в него жены военачальника Пентефрия, оставив в ее руках свою одежду.

189. *Герней* (Герни; 1777—1855) — известный стенографист-репортер, писал отчеты о судебных процессах.

198. *«Она всюду следует за вами».*— Печатка с таким девизом была у самого Байрона.

203. *Жуана черги в бездну утащили!*..— Намек на популярные пьесы, изображавшие страшный конец грешника Дон-Жуана.

204. *Стагирит* — Аристотель (из Стагиры). См. коммент. к I, 120.

205. Настоящая строфа и следующая — пародия на библейские заповеди.

Поп Александр (1688—1744) — английский поэт.

206. *Созби* Уильям (1757—1833) — посредственный английский поэт.

209—210. Редактор реакционного «Британского вестника» принял всерьез иронические стихи Байрона и опубликовал рецензию-опровержение.

212. *«Я не стерпел бы этого в дни пылкой юности».*— Гораций. Оды, III, XIV.

219. *Хеопс* — египетский фараон (III тысячелетие до н. э.), по приказу которого была воздвигнута самая высокая из египетских пирамид.

222. Первые четыре строки этой октавы принадлежат Саути и взяты из последней строфы его «Эпилога к песни лауреата».

Боб — Роберт Саути.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Начата в Венеции 13 декабря 1818 года. Окончена 20 января 1819 года. Опубликована вместе с песней первой 15 июля 1819 года.

8. *Ковчег Ноя.*— По библейскому преданию, в ковчеге спасся Ной, единственный праведник, которого пощадил бог во время всемирного потопа.

12. *Белея, гаюг берега Британии...*— Берега Англии кажутся белыми из-за полосы меловых скал.

16. *Так плакали Израиля сыны...*— Перифраза псалма («На реках вавилонских, там мы сидели и плакали»), повествующего о пленении иудеев в Вавилоне.

17. *«Прекрасные — прекрасной».*— «Гамлет», акт V, сц. 1.

27 и дальше. Рассказ о буре, гибели корабля и трагической судьбе всех уцелевших после крушения основан на действительных, в разное время опубликованных описаниях путешествий, на отчетах о кораблекрушениях и о страданиях потерпевших. Байрон не раз подчеркивал абсолютное соответствие своего рассказа с реальными фактами.

64. *Парка* — богиня, прядущая нить судьбы (римск. миф.). Когда нить обрывается, человек умирает.

83. *Уголино*.— В XXXIII песни «Ада» Данте рассказана история Уголино, который, будучи заточен в башню врагами, умер голодной смертью вместе со своими сыновьями.

95. *...Им и его оливковую веткой.*— Согласно библейской легенде, во время всемирного потопа Ной посылал из своего ковчега голубя, чтобы узнать, не спала ли вода. Во второй раз голубь вернулся с оливковым листком, что возвестило Ною о близости спасения.

101. *Ладья Харона* — лодка, в которой, по древнегреческому мифу, Харон перевозил тени умерших через реку Стикс в Аид, подземное царство мертвых.

105. *Геллеспонт* — древнее название пролива Дарданеллы, шириной около пяти километров. По греческому мифу, юноша Леандр не раз переплывал этот пролив между малоазиатским городом Абидосом и фракийским городом Сестом, где жила его возлюбленная Геро. Превосходный пловец, Байрон однажды тоже переплыл Геллеспонт.

119. *...Одной ирландской леди красота...*— Байрон имеет в виду известную в те времена красавицу леди Аделаиду Форбс.

120. *Баскина* — юбка (испан.).

127. *Циклады* — группа мелких островов в Эгейском море.

137. *«Повествовань».*— Имеется в виду «Рассказ достопочтенного Джона Байрона (начальника экспедиции во время кругосветного путешествия), содержащий отчет о великих страданиях, перенесенных им и его товарищами на берегах Патагонии, от 1740 г. до возвращения их в Англию в 1746 г. Написан им самим». Это знаменитое «Повествовань» было опубликовано в 1768 г.

155. *Минотавр* — по греческому мифу, чудовище, полубык-получеловек, плод любви Пасифаи, жены критского царя Миноса, и быка.

165. *Блер Хью* (1718—1800) — английский богослов, священник, автор известного сборника «Проповеди» (1777—1801) и «Лекций по риторике» (1783).

169. *Церера* — древнеримская богиня плодородия.

170. *Пан* — древнегреческий бог лесов и пастбищ.

Пептун — древнегреческий бог моря.

174. *Ио.*— По греческому мифу, *Ио* была по приказанию влюбленного в нее *Зевса* похищена *Гермесом*.

192. *Геенна* — евангельское название ада.

201. *...Романы принимаются строчить.*— Намек на леди Каролину Лэм, одну из возлюбленных Байрона. Покинутая поэтом, она изобразила его в самых черных красках в своем романе «Гленарвон» (1816).

203. *Каслрей.*— См. коммент. к Посвящению. Здесь Байрон намекает на налоговую политику торийского правительства Англии.

205. *Любовь! Сам Цезарь был твоим ценителем...*— Байрон намекает на любовь Цезаря к Клеопатре, египетской царице.

Антоний Марк — римский полководец, государственный деятель (82—30 гг. до н. э.). Пожертвовал славой и властью ради любви к Клеопатре.

Флавий — Тит Флавий Веспасиан (39—81 гг. н. э.), римский император (79—81 гг.); провел бурную молодость и был возлюбленным иудейской царицы Береники.

207. *Эпикур* (342—270 до н. э.) — греческий философ. Считал стремление к наслаждению движущим принципом человеческой деятельности.

Аристипп (V в. до н. э.) — греческий философ, учивший, что целью жизни является удовольствие.

Ешь, пей, люби и не грусти нисколько — // *Таков девиз царя Сарданапала.*— Античная легенда приписывала надпись такого содержания ассирийскому царю Сарданапалу.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Вечерне закончена 8 ноября 1819 года. Окончательный вариант датирован 30 ноября 1819 года. Переписана в 1820 году. Опубликована 8 августа 1821 года вместе с песнями четвертой и пятой.

9. *...любой пиит // О «Смерти» и о «Даме» уж молчит.*— Шутливый намек на старую английскую балладу «Смерть и дама».

10. *Мильтон* был действительно несчастлив в браке, но о семейной жизни Данте известно очень мало; намек Байрона опирается, по-видимому, на распространенные, но необоснованные представления. Беатриче воспета в «Божественной комедии» Данте; Ева — в поэме Мильтона «Потерянный рай».

16. *Маганап* — южная оконечность полуострова Пелопоннеса в Греции.

Триполи — город на средиземноморском побережье Африки (в современной Ливии).

17. *Левант* — название прибрежных областей восточного Средиземноморья.

Аликанте — город в Испании.

18. *Итака* — остров на западном побережье Греции. Итака — родина Одиссея, одного из героев Троянской войны, воспетого в гомеровских поэмах.

23. *Аргус* — пес Одиссея, узнавший своего хозяина, когда тот, переодетый нищим, через двадцать лет странствий вернулся на родную Итаку («Одиссея»).

25. *Гимен* (Гименей) — бог брака (греч. миф.).

29. *Дервиши* — члены религиозных мусульманских орденов, преимущественно нищенствующих. Во время проповеди они впадали в экстаз.

Пиррический танец — старинный греческий воинственный танец.

47. *Гвельф*.— Здесь: выпад Байрона против правящего Англией королевского дома Ганноверов, происходящих из немецкого дома Гвельфов.

56. *Ионийский*.— Среди древних греков ионийцы считались наиболее изнеженными и изысканными по своим вкусам.

57. *Циклоп*.— Намек на эпизод из «Одиссеи», в котором изображена ярость ослепленного Одиссеем одноглазого великана (циклопа) Полифема.

61—69. Байрон не раз подчеркивал точность своих описаний. В письме к Мерри 23 августа 1821 г. поэт писал: «Почти все в «Дон-Жуане» взято из действительной жизни, моей собственной или чужой. Кстати, многое из описания мебели в III песни заимствовано из книги Талли о Триполи, а остальное — из моих наблюдений».

65. *Валтасар*.— По библейскому преданию (Книга Даниила, гл. V), во время ночной оргии во дворце последнего вавилонского царя Валтасара (VI в. до н. э.) невидимая рука огненными буквами написала на стене пророчество о его близкой гибели.

Мемфис — древняя столица Египта. По словам древнегреческого историка Геродота, древние египтяне приносили на свои пиры мумии, чтобы веселящиеся не забывали о смерти.

70—72. Описание наряда Гайдэ также основано на данных книги Талли о Триполи (1816).

Джеллика — род безрукавки, надеваемой поверх сорочки.

76. «*Раскрашивать лилею...*» — Цитата из Шекспира («Король Джон», акт IV, сд. 2).

79. *Ангиякобинец образцовый*.— Имеется в виду Саути, ставший из ярого якобинца врагом революции.

Крэшоу Ричард (1613—1649) — английский поэт. Байрон намекает здесь на то, что Крэшоу из рьяного протестанта стал рьяным католиком.

84. «В Риме надо римлянином быть». — Намек на английскую поговорку: «Когда ты в Риме, поступай, как поступают римляне».

85. «Боже, храни короля!» — Начальные слова британского государственного гимна.

«Дело пойдет на лад!» — Припев песни Французской революции 1789 г.

Пиндар (ок. 518—422 до н. э.) — греческий поэт; в своих одах прославлял победителей гимнастических состязаний.

86. *Треченто* — XIV век, обозначение начала эпохи Ренессанса в Италии.

Де Сталь Жермен (1766—1817) — французская писательница, автор книги «О Германии» (1810), в которой дана характеристика немецкой литературы и философии.

Стр. 145. *Теосские и хиосские музы*. — Подразумеваются Гомер и Анакреон.

Саламинские скалы. — Саламин — остров у берегов Атики (в Греции), где в морском сражении (480 до н. э.) греческий флот разбил во много раз превосходивший его флот персидского царя Ксеркса. Это сражение и последовавшие за ним победы греков вынудили громадную армию Ксеркса, состоявшую из представителей десятков народов, очистить Грецию и привели к освобождению ее от персидского ига.

Стр. 146. *Самосское вино*. — Самос — греческий остров в Эгейском море; в древности славился своим вином.

Пиррова фаланга — древнегреческий военный строй. Пирр (318—277 до н. э.) — царь Эпира; прославился в войнах против Рима.

Кадм — мифический царь Фив в Греции; ему приписывалось изобретение греческого алфавита.

Поликрат — правитель (тиран) острова Самос (VI в. до н. э.), воевал с персами.

Мильтиад — один из греческих героев времен греко-персидских войн (V в. до н. э.); был впоследствии правителем на Херсонесе, полуострове Северной Греции.

Стр. 147. *Дорийцы* — древнегреческое племя, отличавшееся воинственностью. Байрон сравнивает с ним современных ему греков.

Гераклиды — потомки легендарного Геракла. К ним причислял себя дорийцы.

Франки. — Так назывались европейцы на всем Ближнем Востоке.

Сунийские скалы. — Суний — южная оконечность полуострова Атика в Греции.

90. *Хойль* Эдмунд (1672—1769) — автор книги «Игры» и «Краткого трактата о висте» (1742).

Мальборо Джон Черчилль, герцог Мальборо (1650—1722) — английский полководец; жизнь его описана Уильямом Коксом в «Воспоминаниях о Джоне, герцоге Мальборо» (1817—1819).

91. *Джонсон* Сэмюел (1709—1784) — английский писатель и критик, автор книги «Жизнь Мильтона».

92. *Лорд Бэкон* Фрэнсис (1561—1626) — английский философ, писатель и государственный деятель.

Стреляя чужих оленей сам Шекспир... — Байрон намекает на распространенное, но ныне опровергнутое предание о браконьерстве Шекспира.

93. «*Пантисократия*» («Всеобщее равенство»; греч.) — название общины, которую Колридж и Саути в середине 90-х годов XVIII в. собирались основать в Америке на берегах реки Сусквеханны. Предполагалось, что поэтов будут сопровождать их жены. В 1795 г. Саути женился на Эдит Фриккер, а Колридж — на ее сестре Саре. Ни та, ни другая не были модистками, как утверждает Байрон, но действительно до замужества занимались домашней работой в знакомых семьях в городе Бате.

94. *Ботани-бэй* — место ссылки английских преступников (Австралия).

95. *Сауткотт* Джоанна (1750—1814) — полубезумная «пророчица», популярная в Лондоне. Незадолго до смерти она объявила, что от нее должен родиться новый спаситель. Но «беременность» ее оказалась водянякой, от которой она и умерла.

98. «*Гомер порою спит*». — Цитата из Горация («Послание к Пизонам»).

«Возница» — поэма Вордсворта (опубл. в 1819 г.).

98—99. *Ладья, воздушный шар*. — Упоминаются в прологе к поэме Вордсворта «Питер Белл» (1819).

100. «*Возы*», «*Возницы*», «*Фуры*». — Намеки на стихи Вордсворта.

...глупых Кэдов приговор... — Кэд Джек — руководитель крестьянского восстания 1450 г. в Англии. Байрон упоминает его имя как собирательное обозначение необузданной черни.

Питер Белл — герой одноименной поэмы Вордсворта.

Ахитофель. — Имеется в виду поэма Джона Драйдена «Авессалом и Ахитофель» (1681—1682). Байрон был возмущен пренебрежительным отношением Вордсворта к Драйдену и Попу (см. коммент. к I, 205).

105. *...В лесу сосновом около Равенны...* — В I в. Равенна была римским портом на Адриатическом море. В V в., после вторжения на север Италии полчищ Алариха, Равенна стала резиденцией римских императоров. В сосновом лесу возле города вождь германцев Одоакр нанес римлянам решающее поражение. В этом лесу, по

рассказу Боккаччо («Декамерон», день V, новелла VIII), влюбленный в жестокую красавицу Настаджо дельи Опести увидел, как вооруженный всадник травит собаками обнаженную девушку. Оказалось, что эта травля — возмездие ада за ее жестокость. Этот сюжет обработан Джоном Драйденом в поэме «Теодор и Гонория».

107. *Геспер* — вечерняя звезда.

109. *Нерон* (37—68 гг.) — римский император, прославившийся жестокостью и развратом.

111. «*Поэтика*» — название труда Аристотеля (см. коммент. к I, 120).

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Написана в ноябре 1819 года. Переписана в январе 1820 года. Опубликована 8 августа 1821 года.

1. *Пегас* — крылатый конь, символ поэтического вдохновения (ант. миф.).

4. *Фетида* — богиня моря, мать героя Ахилла; выкупала его в реке Стикс и тем сделала его неуязвимым (греч. миф.).

6. *Пульчи Луиджи* (1432—1484) — итальянский поэт, автор комической рыцарской поэмы «Морганте» (1483), часть которой Байрон перевел.

52. *Кассандра* — одна из дочерей Приама, царя Трои. Обладала пророческим даром, но ее пророчествам окружающие не верили (греч. миф.).

75. «*Связан, скован, заточен.*» — Цитата из Шекспира («Макбет», акт III, сц. 4).

Сигейский мыс — мыс на троянском берегу.

77. *Скамандр* — река, протекающая возле Трои.

78. «...*Пастух, едва ль похожий на Париса...*» — Парис в юности пас стада своего отца Приама.

Улисс — Одиссей, герой Троянской войны.

«...*Ну, а фригийцы где?*» — Фригия в Древней Греции — средняя часть западного побережья Малой Азии с прилегающими островами; фригийцами называли также троянцев.

83. *Принципесса* — итальянская принцесса.

84. *Гротеска*. — Здесь: комическая певица.

88. *Раукоканти* — «хрипловое пение» (итал.).

91. *Фирман* — указ султана; здесь: разрешение на въезд в Константинополь.

96. «*Мечтами о снегах... // Жар пламени не может быть умерен.*» — Слегка измененная цитата из Шекспира («Ричард III», акт I, сц. 3).

98. *Прайор Мэтью* (1664—1721) — английский поэт; *Фильдинг* Генри (1707—1754), *Смоллет* Тобайас (1721—1771) — английские

писатели, и *Ариосто* Лодовико перечислены здесь Байроном с целью самозащиты; отводя от своей поэмы обвинение в безнравственности, Байрон ссылается на пример своих предшественников.

103. *О, юный де Фуа!* — См. прим. Байрона к этой строфе.

108. *О вы, чулки небесной синевы...* — Одна из многих насмешек Байрона над учеными женщинами. Первоначально синими чулками называли участниц литературного салона миссис Монтегью (ок. 1750 г.), так как один из постоянных и популярных посетителей этого салона (Стилингфлит) носил, вопреки моде, синие чулки.

Кастальский чай. — Намек на «чашки чая» в литературных салонах (Кастальский источник, согласно мифу, рождает поэтическое вдохновение).

109. *Йорика скворец.* — Намек на эпизод из романа английского писателя Лоренса Стерна (1713—1768) «Сентиментальное путешествие» (1768). Герой романа, пастор Йорик, проникся сочувствием к скворцу, который, сидя в клетке, повторял: «Мне не выбраться!»

110. *Подвязки... того же тона...* — Намек на голубой цвет ленты ордена Подвязки — одного из высших английских орденов.

112. *Гумбольдт* Александр (1769—1859) — немецкий ученый, естествоиспытатель и путешественник. Прибор, о котором говорит Байрон (кианометр), изобрел не Гумбольдт, а де Соссюр (1740—1799).

115. *Уилберфорс* Уильям (1759—1833) — английский политический деятель, поборник освобождения негров.

117. *Дуан.* — Прозаические поэмы «Песни Оссиана», написанные английским поэтом Джеймсом Макферсоном (1736—1796), разделяются на «дуаны» (песни).

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Начата в Равенне 16 октября и кончена 27 ноября 1820 года. Опубликована 8 августа 1821 года.

1. *Назон* — Овидий.

3. *Мэри Монтегью* — леди Мэри Уортли Монтегью (1689—1762), английская писательница, известная своим остроумием и светскими талантами, сблизившими ее со многими литературными знаменитостями века Просвещения. Байрон намекает на ее «Константинопольские письма» (1763).

4. *...пристрастен к имени «Мария»!* — Намек на детскую любовь Байрона к Мэри Дэфф и на его длительную неразделенную привязанность к Мэри Энн Чаворт.

15. *Видин* — город в Болгарии.

31. *Кандид* — герой одноименного романа (1759) Вольтера.

42. *...одному поэту...* — Возможно, Байрон имеет в виду самого себя или своего друга Томаса Мура. «Восточные» поэмы Байрона и

«Лалла Рук» (1817), романтико-описательная поэма Мура, способствовали возникновению в Европе моды на восточную «экзотику».

44. *Варфоломей*.— По преданию, со святого Варфоломея содрали кожу.

Исаа, по библейскому преданию, продал свое первородство брату Иакову за чечевичную похлебку.

60. *Навуходоносор* — вавилонский царь (604—562 до н. э.). Согласно библейской легенде, за свое высокомерие был наказан безумием и, вообразив себя быком, стал есть траву.

Даниил — легендарный библейский пророк. Был брошен в ров со львами, но появление ангела защитило его от их ярости.

Пирам и Фисба — легендарные влюбленные, воспетые в поэме Овидия «Метаморфозы».

Семирамида — легендарная царица Ассирии.

61. *Конь, конюх*.— В подлиннике непереводаемая игра слов: *conquer* (конь) и *courier* (курьер). Байрон здесь, как и в ряде других мест, намекает на постыдный бракоразводный процесс (1820) короля Георга IV и его жены Каролины, которую обвиняли в преступной любви к ее камергеру Бергами, в прошлом курьеру.

62. *Евреям верить не хотят они* — то есть не верят священной книге евреев — Библии, в которой содержатся древнейшие упоминания о Вавилоне.

Клавдий Джеймс Рич — председатель Ост-Индской компании при дворе багдадского паши, автор двух трудов о развалинах Вавилона, изданных в 1815 и 1818 гг. Привез в Европу кирпичи из дворца Навуходоносора с клинообразными надписями.

63. *«И, забыв о могиле, строишь дома»* (Г о р а ц и й).— Байрон дает этой цитате юмористически-неточное объяснение.

68. *Эфенди* — старинное турецкое обращение к знатному человеку.

86. *Константин* (274—337) — римский император; с 330 г. столицей Римской империи стала Византия, названная в его честь Константинополем (ныне Стамбул).

87. *...гвоздь вопроса в том!* — См. прим. Байрона.

96. *Пафосские глаза* — то есть глаза богини любви Афродиты; намек на храм Афродиты в городе Пафос на острове Кипр.

98. *Мария Стюарт* (1542—1587) — шотландская королева. Ее красота и трагическая судьба стали темой многочисленных произведений.

Нинон де Ланкло (1620—1705) — красавица, блиставшая во французских салонах XVII в., вдохновительница и друг многих писателей своего времени.

100. *«Ничему не удивляться»*.— Г о р а ц и й. Послания, кн. I, послание VI.

101. Первые две строки — цитата из «Подражаний Горацию» Александра Попа.

Мерри — лорд Мэнсфилд, друг Попа, к которому поэт обращается в VI послании первой книги «Подражаний Горацию» на тему «nil admirari».

Крич Томас (1659—1701) переводил Горация и, в частности, вышеупомянутое послание (1684).

102. ...*nape одному*... — Намек на обычай католиков целовать туфлю римского папы при приветствии.

104. *Атлант* — по греческому мифу, гигант, который держит на своих плечах небесный свод.

120. *Самаритянка*. — По евангельской легенде, женщина из враждебного иудеям племени самаритян напоила жаждавшего воды Иисуса. В Евангелии рассказывается также притча о милосердном самаритянине, оказавшем помощь раненному разбойниками иудею. Отсюда «самаритянин» — нарицательное обозначение милосердного человека.

131. *Федра* (греч. миф.) была отвергнута Ипполитом; *леди Буби* — Джозефом Эндрюсом, героем романа Фильдинга «Приключения Джозефа Эндрюса и его друга Абрахама Адамса» (1742).

136. «*Убить, убить, убить!*» — Цитата из Шекспира («Король Лир», акт IV, сц. 6).

142. Первые две строки — намек на признание Боба Эйкра из пьесы Шеридана «Соперники» (1775): «Да, моя смелость покидает меня. Она исчезает! Я чувствую, как она сочится из моих ладоней» (акт. V, сц. 3).

147. *Солиман* — Сулейман II (1495—1566), прозванный Великолепным; турецкий султан.

158. Эта строфа не была включена в первое издание поэмы. Заметив это, Байрон написал письмо Мерри: «На каком основании вы пропустили одну из заключительных строф, которые я послал дополнительно? Не оттого ли, что она кончается строками:

Когда живут кентавром муж с женой,
У них на вещи взгляд совсем иной.

Раз навсегда должен сказать вам, что никому в мире не позволю так свободно распоряжаться моими сочинениями только потому, что я сам далеко. Прошу восстановить все пропуски (кроме строфы о Семирамиде) — в особенности строфу о браке в Турции» (письмо к Мерри, 31 августа 1821 г.).

...*живут кентавром муж с женой*... — Байрон пронизивает по поводу принятого в европейском обществе единобрачия, когда муж и жена неотделимы друг от друга, как человеческая и лошадиная половины мифического существа — кентавра,

После длительного перерыва Байрон возобновил работу над «Дон-Жуаном» в июне 1822 года; VI, VII, VIII песни были опубликованы 15 июля 1823 года Джоном Хантом, который сменил испуганного смелостью поэмы издателя Мерри. Тогда же, в 1823 году, Байрон решил предпослать поэме следующий эпиграф: «Уж не воображаешь ли ты, что если ты добродетелен, то не бывать больше на свете ни пирогам, ни пиву? Будут! И имбирь все так же будет обжигать рот!» (Шекспир. Двенадцатая ночь, или Как вам угодно, акт II, сц. 3). Этот эпиграф значится на титульном листе первого издания шестой, седьмой, восьмой песней. Поскольку они вышли отдельным изданием через два года после опубликования песни пятой, Байрон счел нужным сопроводить новое издание предисловием.

Стр. 224. *«История России нового времени»* (полное название «Древняя и новейшая история России», 1-е изд., 1820); автор, маркиз Габриэль де Кастельно, некоторое время жил в Одессе, где встречался с герцогом Ришелье, участником осады Измаила.

Стр. 225. *Миссис Малапроп* — комический персонаж пьесы Шеридана «Соперники» (1775). Малапроп — от франц. mal à propos — «некстати». Питая пристрастие к «ученым» словам и оборотам, миссис Малапроп все время искажала их. Отсюда термин «малапропизм», то есть искаженное, неуместное выражение.

Уоддингтон Сэмюэл (1759—1821), *Уотсон* Джеймс (1766—1838) — известные радикалы. Уотсон участвовал в неудачном политическом заговоре в 1816 г., был обвинен в государственной измене, но оправдан.

«Вопли скорби, несущиеся...» — Цитата из Шекспира («Макбет», акт IV, сц. 3).

Коронер — следователь, производящий дознание в случае насильственной или скоропостижной смерти.

...Антония... достоин такого Цезаря. — Байрон имеет в виду речь Антония над телом Цезаря (Шекспир. Юлий Цезарь, акт III, сц. 2).

Сеяны Европы. — Сеян Луций Элий — временщик при римском императоре Тиберии; прославился жестокостью и произволом, в 31 г. н. э. был казнен за заговор против императора.

Граттан Генри (1746—1820) — ирландский патриот, боровшийся за независимость Ирландии.

Вергер — герой романа Гете «Страдания молодого Вертера» (1774); покончил жизнь самоубийством.

Каннинг Джордж (1770—1827) — английский государственный деятель, в 1822 г. сменивший лорда Каслрея («лорд К.») на посту министра иностранных дел. Байрон переоценил талант Каннинга и его либерализм.

Стр. 226. «...атеист». — Байрон имеет в виду Ричарда Карлейля (1790—1843), книгоиздателя и журналиста, известного своим свободолобием и политическим радикализмом. В 1819 г. он был приговорен к трехлетнему тюремному заключению за опубликование произведений Томаса Пейна и других «безбожных» сочинений. В тюрьме он стал издавать журнал «Республиканец», за что срок заключения был продлен еще на три года.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

1. *Приливы есть во всех делах людских...* — Цитата из Шекспира («Юлий Цезарь», акт IV, сц. 3).

2. *Якоб Беме* (1575—1624) — немецкий философ-мистик. Байрон не раз сравнивает с ним Вордсворта.

3. *...Любого в манихея превратит!* — Секту манихеев противники обвиняли в поклонении дьяволу.

7. *Катон* Марк Порций (95—46 гг. до н. э.). — Отдал своему другу Гортензию свою жену Марцию и взял ее назад после его смерти.

13. *...будет съеден царский прах // Слепыми якобинцами-червями...* — Здесь перефразированы известные слова Гамлета («Гамлет», акт IV, сц. 3).

17. *Святой Франциск* (1182—1226). — По преданию, святой Франциск бросался в снег («в объятия ледяной девы»), чтобы подавить свои страсти.

«Идя средним путем, ты идешь самым безопасным путем». — Байрон ссылается на Горация, который действительно высказывает аналогичную мысль («Послания», кн. I, XVIII), но приведенные слова взяты из «Метаморфоз» Овидия (кн. II).

18. *Просодия* — наука, излагающая правила стихосложения.

23. *Афанасий* (293—373) — епископ александрийский. На соборе в Никее (326 г.) провозгласил анафему арианской ереси.

26. *Хариты* — грации (греч. м и ф.).

27. *Один тиран.* — Имеется в виду римский император Калигула (12—41 гг.).

28. *Бриарей* — сторукий и пятидесятиглавый великан (греч. м и ф.).

31. *Кантемир* Димитрий (1674—1723) — молдавский господарь, ученый, автор «Истории возвышения и упадка Оттоманской империи» (англ. перевод — 1734 г.), отец русского поэта Антиоха Кантемира.

Де Тот Франсуа, барон (1733—1793) — упоминает о «мамаше дев» в книге «Мемуары о состоянии Турецкой империи», 1786.

42. «Сон убить». — Не совсем точная ироническая цитата из Шекспира («Макбет», акт II, сц. 2). У Шекспира речь идет о действительном убийстве, совершенном во время сна.

43. Пигмалион. — Согласно древнегреческому мифу, скульптор Пигмалион влюбился в созданную им статую, Галатею, и она превратилась в живую женщину.

55. «Лес (lucus) называется так потому, что там нет света (non lucendo)» — наивное этимологическое толкование древнеримских грамматиков.

56. Коринфская медь — сплав меди, золота и серебра, изготовлявшийся в Коринфе.

68. Лота онемевшая жена. — По библейскому преданию, жена Лота превратилась в соляной столб.

75. Дантов лес. — Описанием темного леса начинается «Божественная комедия» Данте: «В середине жизненного пути я очутился в темном лесу» («Ад», песнь I).

86. Каф-гора. — В мусульманской легенде Каф — гора на краю света. Байрон употреблял выражение «гора Каф» также и для обозначения Кавказа.

93. Законный внук. — Намек на распространенное мнение, что отец императора Александра I, Павел I, не был сыном Екатерины от ее мужа Петра III.

95. ...Она — для пышной гвардии своей. — Намек на то, что у Екатерины II среди гвардейцев были фавориты.

111. Саллюстий Гай (86—34 гг. до н. э.) — римский историк; в своей книге «Заговор Катилины» описывает Катилину как человека, лишенного всякого самообладания, и отмечает, в частности, неровность его походки.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

3. Соломон. — Древнееврейскому царю Соломону приписывается мрачная и скептическая по концепции мира книга Библии — «Екклесиаст», а также эротическая «Песнь песней».

4. Свифт Джонатан (1667—1745) — английский писатель; Ларошфуко Франсуа (1613—1680) — французский писатель, автор сборника изречений «Максимы» (1665); Макиавелли Никколо (1469—1527) — выдающийся итальянский политический деятель, историк и писатель; Лютер Мартин (1483—1546) — основатель протестантского (лютеранского) вероучения, немецкий писатель; Фенелон Франсуа (1651—1715) — французский писатель, автор популярного в XVIII в. сатирико-нравоучительного романа «Приключения Телемаха» (1699); Уэсли Джон (1703—1791) — английский

проповедник-моралист; *Тиллотсон* Джон (1630—1694) — английский богослов и проповедник. Названы Байроном как люди, трезво судившие и откровенно писавшие о жизни.

Диоген — (ок. 404—323 до н. э.) — древнегреческий философ. Утверждал, что счастлив только тот, кто ограничивает свои потребности самым малым. *Катон* (234—149 до н. э.), прозванный Цезарем, — римский писатель и государственный деятель. Байрон упоминает о них как о суровых судьях человеческих слабостей.

8. *Ее герой...* — Имеется в виду Суворов. Отношение Байрона к Суворову было сложным: отдавая должное его стратегическим талантам, воинской доблести и внимательному отношению к простым солдатам, Байрон тем не менее видел в нем одного из деятелей милитаристической политики европейских держав. В своем изображении Суворова Байрон опирался на одностороннюю характеристику его в книге Г. Кастельно «Древняя и современная история России».

9. *Измаил.* — Штурм Измаила суворовскими войсками начался 30 ноября 1790 г.

11. *Вобан* (1633—1707) — французский военный инженер, писатель и знаток фортификации.

13. *«Бисмилла!»* — «Во имя бога!» (а р а б.).

15—17. Байрон перечисляет комически искаженные фамилии русских военных руководителей, среди них, в соответствии со своим источником, Строганова, Чичагова, Разумовского, Шереметева, Куракина, Мусина-Пушкина.

Муфтий — высокое духовное звание у мусульман.

19. *Джимми* — имеется в виду английский поэт Джеймс Томсон (1700—1748).

...*Врага под Галифаксом оградил...* — Намек на шуточную песенку из фарса Джорджа Колмена, в которой упоминается смелый капитан Смит из Галифакса.

...*татарам он служил* — то есть русским. Еще в начале XIX в. русских в европейской печати иногда именовали татарами.

21. *Я слышал // В одной из пьес... // Такую ж мысль...* — Байрон имеет в виду слова Гамлета («Гамлет», акт IV, сц. 4).

26. *Лонгмен и Мерри* — известные книгоиздатели.

31—33. *Дамá*, граф (1765—1823), *Ланжерон*, граф (1763—1831), *де Линь*, князь (1735—1814) — иностранные офицеры, служившие в русской армии и участвовавшие в русско-турецкой войне. Де Линь был также автором военных воспоминаний (1795), о которых Байрон упоминает в следующей строфе. Первые четыре строки 32 строфы представляют пересказ отрывка из «Истории России» Кастельно.

35. *Де Рибас* (1737 — ок. 1797) — адмирал русской службы.

36—37. *Потемкин* Григорий Александрович, князь (1739—1791) —

русский полководец и государственный деятель, один из фаворитов Екатерины II. Описание его заимствовано Байропом из книги Кастельно, а также из «Жизнеописания Екатерины II» Тука (1800).

44. *Джон Буль* — шутовское прозвище англичанина.

55. *Мом* — бог шутки (а н т. м и ф.). Для нравственной характеристики Суворова Байрон использует, кроме названных трудов, также «Жизнь фельдмаршала Суворова» Л.-М.-П. Траншан де Лаверна, 1814, и книгу «Суворов» полковника Сполдинга.

79. *Омир* — Гомер.

82. «*Комментарии*» Цезаря. — Имеется в виду книга Юлия Цезаря «Записки о галльской войне» («*Commentarii de bello Gallico*», 52—51 гг. до н. э.).

84—85. ...*свинья // Способна видеть ветер.* — Подразумевается: чувствовать приближающуюся бурю.

87. *Алла* — бог (а р а б.).

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

10. *Шапо-Бра.* — Судя по первому варианту текста поэмы, имеется в виду герцог Ришелье (1767—1822), в те годы офицер русской армии и участник осады Измаила.

22. *Под Мольвиццем* — намек на длительное исчезновение Фридриха II, короля Пруссии, с поля битвы под Мольвиццем (20 апреля 1741 г.).

23. Вся строфа представляет насмешку над ирландскими «учеными»-националистами, которые пытались установить родство своих предков (кельтов) с карфагенянами (пунийцами).

Патрик — характерное ирландское имя.

Эрин — поэтическое название Ирландии.

29. *Аякс* — один из героев «Илиады» Гомера.

34. *Генерал Ласси* Морис. — Командовал одной из первых колонн, вступивших в атаку при штурме Измаила.

38. ...*Не так, как «духи бездн», о ком туманно // Нам Хотспер говорит...* — Намек на слова персонажа Шекспира Перси Хотспера («Генрих IV», ч. I, акт. III, сд. 1).

41. ...*туманный путь, // Которого и Гамлет опасался...* — Имеется в виду монолог Гамлета («Гамлет», акт III, сд. 1), в котором выражен страх перед таинственным царством смерти.

49. *Гнейзенау* Август (1760—1831) — прусский полководец, участник разгрома Наполеона при Ватерлоо.

50. *Храни нам, боже, короля!* — Иронический намек на британский национальный гимн «Боже, храни короля!».

Иов — праведник, которому бог, по библейской легенде, желая испытать его, послал тяжелые и незаслуженные страдания. Символ долготерпения.

51. *Давид* — библейский царь Израиля. В юности, будучи простым пастухом, вступил в единоборство с филистимлянским великаном Голиафом и убил его камнем из пращи.

60. *Каупер* Уильям (1731—1800) — английский поэт. Байрон приводит известную цитату из поэмы «Задача», кн. I (буквально: «Бог создал деревню, а человек создал город»).

61—64. *Бун* Дэниель (1735—1820) — один из первых европейских поселенцев в североамериканской колонии Кентукки (впоследствии штате). До глубокой старости жил в глуши, оставаясь неутомимым охотником и питая восторженную любовь к природе. Байрон дает здесь несколько идеализированный портрет Буна.

76. *Есуцкой* — русский подполковник; в «Истории» Кастельно, использованной Байроном, упоминается как командир Полоцкого полка.

79. *Мекноп* Теодор — генерал русской армии, командовал одной из колонн, начавших штурм Измаила.

Сераскир — военачальник (турецк.).

84. *...На мякоти, которую зову я // Твоим достойным именем, Ахилл!* — Имеется в виду пята, — согласно мифу, единственное уязвимое место у неуязвимого героя Ахилла (см. коммент. к IV, 4).

107. *Шведский Карл* — король Швеции Карл XII (1682—1713). Байрон намекает на упрямство, проявленное Карлом после поражения под Полтавой. Отступив (1 августа 1709 г.) до городка Бендеры, тогда принадлежавшего Турции, он упорно добивался возобновления войны, а после заключения Прутского мира согласился уехать из Турции только тогда, когда был взят в плен турками.

121. *Бей* — высокий турецкий чин.

Кто три хвоста на бунчуже имеет... — Имеется в виду трехбунчужный паша, один из высших турецких военных чинов.

125—126. В обеих строфах Байрон говорит о тяжелых для английского народа последствиях длительной войны с Францией. Особенно мучительно было положение Ирландии, население которой по-настоящему голодало. В августе 1821 г. Георг IV совершил поездку в Ирландию и был подобострастно встречен местной аристократией. Байрон с негодованием говорит об этом в поэме «Ирландская аватара» (1821, сентябрь), противопоставляя страдания народа официальным восторгам газет по поводу царственного гостя.

131. *Сабинянок удел.* — Намек на легенду о похищении древними римлянами женщин из племени сабинян.

133. *Тимур* (1336—1405) и *Чингис-хан* (ок. 1155—1227) — знаменитые восточные завоеватели, прославившиеся своей жестокостью и произведенными опустошениями.

«Крепость взята, и я там!» — В английском переводе книги Ж.-Х. Кастера «Жизнь Екатерины II», которой Байрон пользовал-

ся при написании песни седьмой, эти стихи приводятся по-русски и по-английски. Суворов написал их по поводу взятия Туртукая.

134. «Мене, Мене, Текел» (в Библии: «Мене, мене, текел, уффарсин»).— По библейскому преданию,— таинственные слова, написанные огненной рукой на стене пиршественного зала вавилонского царя Валтасара (см. коммент. к III, 65) и возвестившие его гибель.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

Написана в августе — сентябре 1822 года. Опубликована вместе с песнями десятой и одиннадцатой 29 августа 1823 года.

1. Этот каламбур по адресу герцога Веллингтона повторялся во многих французских газетах после Ватерлоо.

...о Ней. — Здесь в подлиннике непереводаемая игра слов: «Nau» по-английски значит «нет», но Байрон в примечании спрашивает, якобы от имени наборщика, не следует ли читать «Neu» (Ней). Ней Мишель (1769—1815) — наполеоновский маршал, известный храбростью. В то время, когда Веллингтон был командующим оккупационными силами во Франции, Ней был расстрелян по приговору роялистской палаты пэров за переход на сторону Наполеона при его временном возвращении во Францию.

2. *Киннерд* и *Марине*. — Байрон считал, что Веллингтон злоупотребил тайной лорда Киннерда, который по секрету сообщил ему, со слов неизвестного, что на него готовится покушение. Этот неизвестный (как оказалось, некто Марине), был в феврале 1818 г. арестован в Париже по приказу Веллингтона, у которого Киннерд в то время гостил. Возмущенный этим вероломством, Киннерд выразил свой протест в обращении во французскую палату пэров и в открытом письме к герцогу Веллингтону. Это последнее и явилось источником намека Байрона.

3. ...*Рестаурации в угоду, // Ты спас легитимизма костыли*.— Байрон имеет в виду, что победа Веллингтона при Ватерлоо и его дальнейшая военная и государственная деятельность привели к восстановлению «законной» (легитимной) власти во Франции и Испании. В подлиннике также названа Голландия.

...*Хоть не дается бардам тема эта*.— Имеются в виду неудачные, с точки зрения Байрона, стихи Скотта («Поле Ватерлоо»), Вордсворта («По поводу битвы при Ватерлоо») и других поэтов.

4. «*Головорез лихой*».— Байрон ссылается на Шекспира. Макбет называет наемного убийцу «лучшим из головорезов» («Макбет», акт III, сд. 4).

7. *Цинциннат*. — Байрон иронически сравнивает Веллингтона, получившего в дар от правительства огромную пенсию и богатое поместье, с римским консулом Цинциннатом (V в. до н. э.),

который по зову государства оставил плуг, а исполнив свой долг, вернулся к сельскому труду в своем скромном хозяйстве.

Сабинская ферма. — Здесь Байрон ошибается. Сабинское имение принадлежало не Цинциннату, а поэту Горацию.

8. *Эпаминонд* (418—362 до н. э.) — греческий полководец, известный своей храбростью и бескорыстной преданностью родине. Бедность его засвидетельствована Плутархом.

Вашингтон. — Несколько идеализируя Вашингтона, Байрон подчеркивает его бескорыстие, так как он во время войны отказался от жалованья главнокомандующего, а после победы — от ценного дара, предназначенного для него Конгрессом.

Питт Уильям (1759—1806) — английский государственный деятель, с 1783 г. до своей смерти премьер-министр (с коротким перерывом). Был вдохновителем всех европейских коалиций против революционной Франции, организатором похода против демократических свобод в Англии, защитником торговых и колониальных интересов английской буржуазии. Отвергая реакционную политику Питта, Байрон иронически восхваляет его бескорыстие; известно, что Питт отказался от предложения лондонского купечества заплатить сто тысяч фунтов его долгов.

14. *«Быть или не быть...»* — «Гамлет», акт III, сц. 1.

Александр. — Имеется в виду Александр Македонский.

15. *«О! крепкие желудки жнецов!»* — Г о р а ц и й. Эподы, III, 4.

17. *Монтень* Мишель, де (1533—1592) — французский писатель, автор книги «Опыты» (1588), сборника философских размышлений. Свое скептическое отношение к религиозному и философскому догматизму выразил в формуле: «Что я знаю?»

18. *Пиррон* (365—275 до н. э.) — древнегреческий философ-скептик.

19. *«Что небо для молитвы всем открыто...»* — Неточная цитата из Шекспира («Отелло», акт II, сц. 3).

«И воробей без промысла не пал.» — Не совсем точная цитата из Шекспира («Гамлет», акт V, сц. 2).

20. *Ликантропия.* — Байрон обыгрывает двойное значение этого слова: 1) способность оборотня превращаться в волка; 2) вид безумия, при котором больной воображает себя волком.

21. *Меланхтон* (1497—1560) — один из идейных вождей и теоретиков Реформации в Германии, отличавшийся мягкостью и нерешительностью.

Моисей — библейский пророк, которому приписывается законодательство, отличавшееся суровостью. Байрон говорит о его доброте иронически.

28. *...У шпанской мухи и пчелы аттической.* — Намек на освободительное движение в Испании и Греции.

30. *...измучен тряской...* — Пушкин отмечал неточность этой фразы Байрона: «Измаил взят был зимою, в жестокий мороз... Зимняя кибитка не беспокойна, а зимняя дорога не камениста. Есть и другие ошибки, более важные. Байрон много читал и расспрашивал о России. Он, кажется, любил ее и хорошо знал ее новейшую историю»¹.

32. *Фермер-дворянин* — землевладелец, лично наблюдающий за обработкой своих земель.

Цереры обессиленное тело... — Образ Цереры (см. коммент. к II, 169) используется Байроном иронически для характеристики печального состояния сельского хозяйства Англии.

...Пал Бонапарте — волею судеб // Монархи падают с ценю на хлеб. — После окончания войны с Наполеоном высокие цены на хлеб упали.

35. *...То на мозоли лордов наступае...* — Намек на слова Гамлета («Гамлет», акт V, сц. 1).

37—39. В этих строфах Байрон излагает космогоническую теорию французского ученого Жоржа Леопольда Кювье (1769—1832). Согласно этой теории, мир испытывает периодические катастрофы, вследствие которых прежние живые организмы уничтожаются, а новые создаются в результате нового акта творения; эти новые организмы более мелки по сравнению с ископаемыми организмами предыдущей геологической эры.

39—40. *Георг Четвертый.* — См. коммент. к Посвящению, 2. Здесь Байрон намекает на тучность короля, над которой немало потешались сатирики и карикатуристы десятых — двадцатых годов XIX в.

41. *Мир вывихнут...* — Цитата из Шекспира («Гамлет», акт I, сц. 5).

53. *Парис, Менелай.* — Согласно греческому мифу, Парис, сын троянского царя Приама, похитил у царя Спарты Менелая его жену Елену, что и явилось причиной десятилетней осады Трои (Илиона) греческими войсками.

55. *«Teterrima causa» всяких «belli»* («Худшая причина... войн»; лат.). — Цитата из Горация («Сатиры», книга I, сатира III).

62. *...в своем расцвете...* — Байрон допускает неточность: в девятидесятых годах XVIII в. Екатерине II было за шестьдесят лет.

66. *«...горы, лобзавшей облака».* — Цитата из Шекспира («Гамлет», акт III, сц. 4).

Меркурий — вестник богов (римск. миф.).

72. *Мессалина* (I в. н. э.) — жена римского императора Клавдия, отличавшаяся жестокостью и развратным поведением.

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 6-ти томах, т. V. М., Гослитиздат, 1950, с. 41—42.

80. *Клитемнестра*.—Сравнивая Екатерину с Клитемнестрой, убившей своего супруга, царя Агамемнона, верховного вождя греков, Байрон намекает на причастность Екатерины к убийству ее мужа, императора Петра III.

81. *Елизавета I* (1533—1603) — английская королева; приказала казнить своего фаворита, графа Эссекса, возглавившего в 1601 г. заговор против нее.

84. *Испытательница*.—Лица, близкие ко двору, называли так Протасову, статс-даму Екатерины, за то, что царица будто бы поручала ей проверять качества претендентов на положение фаворита.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

Закончена 5 октября 1822 года. Опубликована 29 августа 1823 года.

1. ...*О яблоке разумное сужденье*...—Намек на библейскую легенду о грехопадении Адама и Евы, вкусивших яблоко с древа познания добра и зла. Шутка Байрона основана здесь на игре слов: падение (человека) и падение (яблока), за которым наблюдал Ньютон.

6. ...*как голубь молодой // Из книги псалмопевца-иудея*.—Намек на 6 стих 55 псалма, приписываемого, как и все библейские псалмы, израильскому царю Давиду.

11—16. *Джеффри* Фрэнсис (1773—1850) — английский критик, редактор влиятельного и популярного журнала «Эдинбургское обозрение», в котором была напечатана резкая и несправедливая рецензия на поэтический сборник Байрона «Часы досуга» (1807). Поэт ошибочно считал автором этой рецензии Джеффри и высмеял его в сатире «Английские барды и шотландские обозреватели» (1809). В дальнейшем журнал изменил свое отношение к поэту, и он примирился с Джеффри. Называя его «судьей», Байрон намекает на его профессию юриста.

16. «*Давние времена...*» — Слова из песни Роберта Бернса (1759—1796), взятые им из народной песни. До сих пор «*Auld Lang Syne*» (на слова Бернса) является любимой национальной шотландской песней.

18. *Дий, Дон* — реки в Шотландии.

19. ...*Во мне шотландца сердце закипело, // Когда шотландца брань меня задела*. — Байрон считал себя шотландцем, так как его мать Кэтрин Гордон происходила из старинного шотландского рода. К тому же до десяти лет Байрон жил в шотландском городке Эбердине. Шотландцем был и Фрэнсис Джеффри.

35. *Вильгельм Завоеватель* — герцог норманнский, покоривший Англию в 1066 г. Его сторонники (норманны) отобрали земли у побежденных англосаксонских племен.

42. *Закоцитные страны* — загробный мир. Коцит (греч. м и ф.) — одна из рек, окружающих преисподнюю.

Эскулап — латинское имя древнегреческого бога врачевания; нарицательное обозначение врача.

45. *...Фетиду брита любой // Считает юридически рабой.* — Намек на притязание Англии быть владычицей морей (Фетида — богиня моря).

58. *Курляндия* — герцогство на территории современной Латвии. *Бирон* (1690—1772) — герцог Курляндский, фаворит русской императрицы Анны, фактический правитель России в 1730-е годы, отличавшийся грубой жестокостью.

59. *«Моя старая гвардия!»* — Воскликание Наполеона после битвы при Ватерлоо.

Анжамбеман (франц. enjambement) — перенос из одного стиха в следующий слов, связанных по смыслу с первым стихом.

Костюшко Тадеуш (1746—1817) — деятель польского национально-освободительного движения, участник войны американских колоний за независимость, руководитель польского восстания 1794 г.

60. *Кант Иммануил* (1724—1804) — знаменитый немецкий философ, проживший всю жизнь в Кенигсберге.

...В Германию герой мой покатил... — Под Германией Байрон имеет в виду объединение из тридцати пяти государств (так называемый Германский союз), в который не входило Прусское королевство.

64. *Остров свободы* — ироническое обозначение Англии.

66. *...семь лет — обычный срок изгнания // И высылки...* — Байрон имеет в виду свою вынужденную разлуку с родиной: он уехал из Англии в 1816 г.

67—68. Здесь Байрон характеризует реакционную роль феодально-буржуазной Англии во внешней политике Европы, подчеркивая ее готовность везде подавлять свободу.

71. *Кентерберы* — город в Англии; в Кентерберийском соборе похоронен епископ Томас Бекет (1117—1171), который был убит вследствие длительной вражды с английским королем Генрихом II.

73. *Шлем Эдуарда.* — Эдуард — сын английского короля Эдуарда III, по прозвищу «Черный Принц» (1330—1376), известный своими подвигами во время Столетней войны с Францией.

75. *Назаряне* — то есть христиане.

78. *Фазгон* — сын Гелиоса, бога солнца. Пытался управлять солнечной колесницей и, не совладав с конем, погиб.

Йорк — город в Англии.

79. *Великий флорентинец.* — Подразумевается Маккиавелли.

80. *«Кокни»* — пренебрежительное обозначение лондонцев, отличающихся своеобразным и очень выразительным говором.

84—86. *Миссис Фрай* Элизабет (1780—1845). — Была известна своей филантропической деятельностью, проповедовала благочестие и смирение среди заключенных. Байрон дает ей иронический совет начать свою проповедь нравственного совершенствования с Карлтона — резиденции Георга IV.

86. *Кертис* Уильям (1752—1829) — лондонский буржуа, член парламента, дважды лорд-мэр Лондона, пользовался благосклонностью Георга IV и получил от него дворянское звание. Байрон сравнивает этого «толстого рыцаря» с Фальстафом, а Георга — с принцем Галем. *Галь* — фамильярное сокращение имени принца Генриха, сына английского короля Генриха IV, вступившего на престол под именем Генриха V. Похождения его молодости в обществе Фальстафа и его веселой компании описал Шекспир в исторической хронике «Генрих IV».

87. *Роландов рог*. — Граф Роланд, герой французского эпоса «Песнь о Роланде» (XI в.), обладал волшебным рогом.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

Закончена 17 октября 1822 года. Опубликована 29 августа 1823 года.

1. *Беркли* Джордж (1685—1753) — английский философ, представитель субъективно-идеалистического направления в философии. В «Трактате об основах человеческого познания» (1710) отрицал объективное существование материи, независимое от воспринимающего ее сознания. Строфы 1—2 посвящены шутиливой полемике с Беркли.

7. *Тилбукту* — город в Африке, расположенный на реке Нигер.

9—10. Размышления Дон-Жуана, приведенные здесь, представляют собою пародию на приятие в официозной печати слогословия английской свободе и английской веротерпимости, противопоставлявшихся фанатизму и жестокости католической церкви.

20. *Кеннингтон* — район в южном Лондоне.

25. *Друидов роци* — священные дубовые роци, в которых совершали свои обряды друиды (жрецы кельтского населения древней Британии).

Стоун-хендж — древнее сооружение из гигантских камней, имевшее культовое назначение.

Бедлам — больница для душевнобольных около Лондона.

Рагуша. — В подлиннике — Mansion House, резиденция лондонского лорд-мэра.

Аббатство. — Подразумевается Вестминстерское аббатство.

26. *Черинг-Кросс* — один из районов Лондона.

...*Украшие фонари...* // *Не лампами, а просто подлецами...*—

Намек на события Французской революции 1789 г., когда на фонарях вешали враждебных народу аристократов.

28. ...*И если Диогену наших дней... пришлось искать...*— Байрон имеет в виду известные слова, приписываемые греческому философу Диогену, — «Ищу человека». В поисках настоящего человека Диоген, по преданию, ходил днем по улицам города с зажженным фонарем.

29. ...*Дворец Сент-Джеймский и Сент-Джеймский «ад».*— В подлиннике непереводаемая игра слов: Сент-Джеймский дворец — резиденция короля, и Сент-Джеймский «ад» — игровой дом.

30. *Феи пафосские.* — Здесь: уличные женщины.

38. *Как Эрин, подчиняющийся власти.*— Намек на подобо-страстный прием, оказанный ирландской знатью английскому королю Георгу IV во время поездки в Ирландию в августе 1821 г.

51. *Иппокрена* — источник, в котором черпали вдохновение поэты. Байрон шутливо утверждает, что под влиянием ученых («синих») дам воды Иппокрены становятся синими.

54. ...*Как тени перед Банко...*— См. коммент. к I, 2.

55—56. Сравнивая себя с Наполеоном, Байрон сопоставляет его поражения под Москвой, под Лейпцигом и т. п. с собственными литературными неудачами. Известно, что поздние произведения Байрона, в частности «Марино Фальеро» и «Каин», имели очень мало успеха по сравнению с его ранними поэмами.

La belle Alliance (ф р а н ц.).— Здесь игра слов: Байрон называет союз монархов, победителей Наполеона, не Священным союзом, а Прекрасным союзом, намекая на название деревни Belle Alliance возле Ватерлоо, где союзники нанесли Наполеону окончательное поражение.

57. *Мур и Кэмбел.*— См. коммент. к Посвящению, 7.

Ханжи-поэты.— Намек на поэта-священника Джорджа Кроли (1780—1860).

58. *Евнух Спор* — приближенный римского императора Нерона. Евнухом Спором Байрон называет посредственного поэта Генри Гарта Милмена (1791—1868). Резкость его характеристики объясняется отчасти тем, что Байрон ошибочно подозревал Милмена во враждебном отношении к «Дон-Жуану» и в воздействии на Мерри с целью заставить его отказаться от публикации поэмы.

59. *Эвфус* — герой романа английского писателя Джона Лили (1553—1806) «Эвфус, или Анатомия остроумия» (1578); Байрон называет именем этого героя, отличавшегося изысканностью выражений, поэта Барри Корнуолла (настоящее имя Проктер Брайан Уоллер, 1787—1874), потому что критики подчеркивали его нравственность и изящество по сравнению с грубостью и безнравственностью Байрона, которому Корнуолл подражал,

Лэндор Уолтер Сэвидж (1775—1864) — английский поэт, который, по мнению Байрона, слишком высоко оценил Саути.

60. *Китс* Джон (1795—1821) — выдающийся английский поэт, рано умерший от туберкулеза. Байрон полагал, что Китс убила враждебная ему критика; автором одной из самых резких рецензий Байрон без достаточных оснований считал Милмена (см. коммент. к XI, 58).

Богов Эллады голос... — Намек на античные мотивы в творчестве Китса (поэмы «Эндимион», «Гиперион» и др.).

61. *...тиранам тридцати своим...* — Байрон имеет в виду «тридцать тиранов», то есть римских императоров во времена междоусобных войн (III в. н. э.).

62. *Преторианцы*. — Составляли императорскую гвардию в Древнем Риме. Они пользовались рядом привилегий и оказывали большое влияние на политическую жизнь Рима, провозглашая и свергая императоров.

65. *...Геркулес... отравлялся... платьем.* — Согласно античному мифу, Геркулес (Геракл) погиб, надев платье, пропитанное отравленной кровью кентавра Несса.

76. *Юнг* Эдвард (1683—1765) — английский поэт; цитируемая Байроном мысль высказана в его известной лирико-философской поэме «Жалоба, или Ночные думы о жизни, смерти и бессмертии» (1745) и повторена в поэме «Смирение» (1762).

77. *Шеридан* Ричард Бринсли (1751—1816) — английский драматург и выдающийся политический оратор. Байрон имеет в виду его парламентскую деятельность.

Королева, полная тревог. — См. коммент. к V, 61.

Англии любимая принцесса — принцесса Шарлотта, дочь Георга IV и Каролины; умерла в 1817 г. Ей приписывались либеральные взгляды. Байрон посвятил ей стихотворение «Строки, обращенные к плачущей девушке» (1814).

И где проценты... — Намек на падение ценности биржевых бумаг.

78. *Бреммель* Брайан Джордж (1778—1840) — известный в те времена щеголь и остролов. В 1816 г. бежал во Францию, скрываясь от кредиторов.

Уэлсли Уильям (1788—1857) — племянник герцога Веллингтона, известный своими светскими успехами. В 1822 г. была объявлена распродажа его имущества.

И Третьюго Георга схоронили, // Да только завещанья не нашли! — Намек, основанный на разногласиях между Георгом IV и его младшим братом герцогом Йоркским по поводу наследия их отца Георга III (ум. в 1820 г.). В связи с этими разногласиями распространились слухи об исчезновении подлинного завещания Георга III.

Четвертого ж внезапно полюбили // Шотландцы...— Насмешка над демонстрацией верноподданнической преданности шотландцев Георгу IV, поводом для которой послужила поездка Георга в Шотландию в 1822 г.

Соуни — фамильярно-ироническое прозвище шотландца.

79. *Где клики Дублина?* — Намек на волнения в Ирландии.

Гренвиллы — Уильям Уиндам Гренвилл (1759—1834) и его братья, известные деятели партии вигов. Гренвилл ушел в отставку в 1807 г.

Что виги? Совершенно в том же виде. — Партия вигов была оттеснена от власти партией тори на протяжении почти тридцати лет (см. также строфу 82).

80. *«Морнинг пост»* — консервативная газета, в которой значительное место занимала светская хроника.

81. *...ей достался только младший брат...*— Младшие сыновья английских аристократов не наследуют ни состояния, ни титула своих отцов.

83. *...Как пыл политиканского трезвона // И герцога в болвана превратил.* — Намек на герцога Веллингтона, вступившего после победы при Ватерлоо на политическую арену.

...И освистал монарха гнев народа // И как потом его ласкала мода.— Речь идет о Георге IV.

84. *Гнусные судебные процессы* — бракоразводный процесс королевы Каролины (см. прим. к V, 61).

...И низости великого конгресса...— То есть Веронского конгресса Священного союза (1822), принявшего решение о подавлении революции в Испании.

...Я видел, как народы, возмущаясь, // Дворян и королей швыряли в грязь.— Намек на революционное движение в Италии и Испании.

85. *...Я видел, как топтал холуй лихой // Копытами коня людей бесправных...*— Вероятно, намек на расправу солдат с обранением безоружных рабочих Манчестера 16 августа 1819 г.

86. *«Лови мгновение».* — Гора ций. Оды, 1, II.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Закончена в декабре 1822 года, опубликована вместе с песнями тринадцатой и четырнадцатой 17 декабря 1823 года.

5. *Ротшильд, Беринг* — известные банкиры, имевшие значительное политическое влияние.

6. *Лафитт Жак* (1767—1844) — французский финансист и государственный деятель, директор Французского банка.

7. *...И киников, и множества святых.*— Киники — последователи «кинической» школы греческой философии, учившей, что

правственным долгом человека является подавление страстей и предельное ограничение потребностей.

12. *Лампа Аладдина*.— Намек на известную сказку из «Тысячи и одной ночи»; бедняк Аладдин нашел волшебную лампу, с помощью которой получил возможность выполнять все свои желания.

13. Первые строки — цитата из поэмы В. Скотта «Песнь последнего менестреля» (песнь II, строфа 2).

14 и 21. *Мальтус* Томас Роберт (1766—1834) — английский экономист, автор трактата «О принципах перенаселения» (1798), в котором утверждал, что причины возрастающей нищеты лежат в чрезмерном увеличении численности населения, за которым не поспевает рост продуктов питания. Поэтому Мальтус ратовал за ограничение браков и деторождения среди бедняков. Трактат Мальтуса был одобрен английскими правящими кругами, так как снимал с них ответственность за страдания народа. Байрон, как и все передовые мыслители его времени, с отвращением относился к теориям Мальтуса.

16. *...Всегда его в пример мне Джеффри ставил*. — Здесь Байрон намекает на статью Джеффри в «Эдинбургском обозрении», т. 36 (1822, февраль, с. 451), в которой Скотт противопоставляется автору «Каина» как образец нравственности.

22. «*Филогения*» — шутливо-научный термин, с помощью которого Байрон обозначает пристрастие к воспроизведению себе подобных.

25. «*Тангализация*». — Здесь: искушение, намек на мнимую добродетель дам, подвергающих своих поклонников мукам Тантала, который, согласно мифу, карался в аду вечным голодом и зрелищем роскошных яств.

26. *Ослица Валаама*.— По библейскому преданию, с пророком Валаамом однажды заговорила ослица, на которой он ехал верхом.

33. *Столь ли...*— Начало крылатого выражения, заимствованного из «Энеиды» Вергилия (кн. 1, стих 11): «Столь ли велик гнев в небесных душах?»

38. *И вправду жаль, и жаль, что правда это!* — Слова Полония из «Гамлета» (акт II, сд. 2).

42. «*Сообщество по устранению зла*». — Имеется в виду «Общество по борьбе с пороком», одно из многочисленных в начале XIX в. филантропических обществ, которые под видом борьбы за нравственность во имя бога проповедовали низшим классам покорность судьбе, воздержанность и трудолюбие. По свидетельству историков, эти общества, открыто ополчаясь против всех проявлений вольномыслия, в особенности в религиозных вопросах, оказывали немалые услуги правительству в борьбе с революционным брожением масс.

51. *...прежний мэр... // Прежнему ладью передает*.— Намек на

старинный обычай, согласно которому новоизбранный лорд-мэр Лондона совершал свой путь в резиденцию короля по реке на особом судне, которое передавалось каждому новому мэру как реликвия.

Раковина Цитереи.— Венеру часто изображали стоящей на раковине среди вод.

58. *Игра в «гуська»* — азартная игра в кости, при которой на каждой четвертой или пятой клетке разграфленного стола изображен гусь. Если игрок, согласно выпавшим костям, попадает в клетку с гусем, он двигается на двойное количество клеток (очков).

64. *Я становлюсь болтливым, о боги, боги!* — Неточная цитата из Шекспира («Венецианский купец», акт I, сц.1).

78. *Марий Кай* (156—86 до н. э.)—римский полководец и государственный деятель. После захвата Рима диктатором Суллой вынужден был бежать. Скрывался одно время в развалинах Карфагена. Марий, сидящий на развалинах Карфагена,— нарицательный образ падшего величия.

82. *Грей Чарльз* (1764—1847) — английский государственный деятель, представитель партии вигов.

84. *Принц* — будущий английский король Георг IV. Отзыв Байрона, противоречащий его обычным высказываниям о Георге IV, характеризует те надежды, которые в 90-е и 1800-е годы возлагались на наследника престола в вигийских кругах. Эти надежды поддерживались отчасти внешней привлекательностью Георга, а еще более либеральными взглядами, которыми он щеголял, чтобы досадить своему отцу, Георгу III.

89. *...Традиций всех расшатана стена.* — Байрон имеет в виду не только тяжелое финансовое положение Англии (в частности, огромный национальный долг), но и вообще критическое состояние английской экономики.

А вы экономистов почитайте...— То есть политико-экономические сочинения Джеймса Милля, Томаса Тука, Давида Рикардо и других членов «политико-экономического клуба», образованного в 1821 г.

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Написана в феврале 1823 года. Опубликована 17 декабря 1823 года.

12. *Эдип.*— Согласно мифу, Эдип разгадал загадки, предложенные ему Сфинксом.

13. *«Я — Дав».*— Слова из пьесы римского комедиографа Теренция «Андрия» (акт I, сц. 2): «Я — Дав, а не Эдип».

17. *Законы персов и мидян.* — Скрытая цитата из Библии («Книга Даниила»).

39. *Парри* Уильям Эдуард (1790—1855) — английский исследователь Арктики; руководил экспедициями, ставившими целью открыть северо-западный проход (1819—1820 и 1822—1823).

41. *Зороастр* — мифический пророк, почитавшийся в Иране; по преданию, создатель религии, основанной на учении о борьбе в мире двух начал — добра и зла.

45. ...*До греческих календ.* — Календами у римлян назывался первый день месяца, когда производились все платежи (уплачивались долги). У греков календ вообще не было; отсюда ироническое выражение: *ad calendas graecas solvere* — заплатить, когда настанут греческие календы, то есть никогда.

53. *Сам Поп давно прославил мастерство // Обедать, смело возглашая тосты.* — Имеется в виду поэма Попа «Дунсиада».

55—72. Описание замка в этих строфах в точности соответствует внешнему и внутреннему облику фамильного замка Байронов — Ньюстедского аббатства. Такое название объясняется тем, что прежде здесь помещался монастырь, основанный в XII в. В 1539 г., когда король Генрих VIII во времена Реформации разогнал монахов и закрыл монастыри, он подарил старинное здание предку поэта, сэру Джону Байрону. В 1817 г. Байрон вынужден был продать Ньюстедское аббатство.

56. *Карактакус* (Карактак) — вождь бриттов, воевавший против римлян (I в. н. э.).

60. *Кавалеры.* — Так называли в Англии в годы гражданской войны XVII в. сторонников Карла I.

64. *Каменный Мемнон.* — Мемнон, по греческому мифу, сын Зари. В Египте «колоссами Мемнона» называли две огромные статуи царя Аменхотепа III. Одна из них обладала свойством издавать на заре странный звук, возникавший вследствие прохождения воздуха через трещины сооружения.

67—72. Описание картинной галереи воспроизводит как бы в миниатюре историю английских нравов и вкусов на протяжении нескольких столетий.

68. *Лили* (Лели) Питер (1618—1680) — английский художник, прославившийся портретами знатных лордов и придворных красавиц.

69. *Звездная палата* — высшее административно-судебное учреждение Англии в XV—XVII вв., превратившееся в орудие борьбы с врагами английского абсолютизма. Упразднена в 1641 г., в период буржуазной революции.

71—72. *Карло Дольчи* (1616—1686), *Тициан* Вечеллио (1477—1576), *Сальваторе* (Сальватор Роза; 1615—1673), *Альбано* (Альбани) Франческо (1578—1660), *Караваджо* Микеланджело Меризи (1573—1610) — итальянские художники; *Лоррен* Клод (1600—1682) — французский художник; *Тенирс* (Теньерс) Давид

(1610—1690) — фламандский художник; *Спаньолетто* — прозвище испанского художника Хосе де Рибейра (1588—1652), изобразившего в ряде своих полотен мученичество святых.

78. *Немерод* — по Библии, царь Вавилона и знаменитый охотник.

79. Многие из имен, названных Байроном здесь и дальше, для современников заключали намеки на всем известных лиц. Но даже лучшие комментаторы Байрона считают невозможным полностью расшифровать эти намеки. Большая часть имен представляет характеристику наиболее распространенных общественных типов.

81. *«Та получает всеобщее одобрение, которая соединяет приятное с полезным».* — Слегка переделанная цитата из Горация («Послание к Пизонам»).

83. *Абсентеисты* — буквально: отсутствующие (прозвище ирландских помещиков, покинувших свою родину).

84. *Пиррон*. — Байрон иронически дает своему философу имя древнегреческого философа Пиррона (см. коммент. к IX, 18).

86. *Маркиз де Рюз*. — Рюз (Рузе) — по-французски «хитрость». Есть предположение, что здесь имеется в виду граф де Монтрон (1768—1843) — друг Талейрана, игрок и остро слов, известный своей безнравственностью. Он провел два года в Англии (1812—1814).

88. *Генерал Мордон* (в подлиннике — *Fireface*). — Имеется в виду сэр Джордж Провост (1767—1816), известный своими военными неудачами.

92. *Твид* — река в Шотландии.

Картофельный вопрос. — Картофель в течение ряда столетий был основным предметом питания для беднейшего населения Ирландии.

96. *Руфь*. — Согласно библейскому преданию, Руфь, покинув свою опустошенную голодом страну, собирала колосья на поле богача Вооза.

Миссис Адамс — комический персонаж из романа Фильдинга «Джозеф Эндрюс».

106. *Уолтон*. — См. прим. Байрона.

110. *Фидий* (V в. до н. э.) — греческий скульптор.

Софья Уэстерн, Том Джонс — герои романа Фильдинга «История Тома Джонса, найденыша» (1749).

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Написана в феврале — марте 1823 года. Опубликована 17 декабря 1823 года.

1. *...Как сыновей Сатурн...* — В римской мифологии титан Сатурн (у греков — Кронос) пожирал собственных детей, боясь, что они отнимут у него власть. Жена его, Рея, спасла одного

из сыновей, Юпитера (Зевса), подсунув вместо него Сатурну камень, завернутый в пленку.

8. Приведенная цитата (не вполне точная) заимствована из «Естественной истории» Бэкона (см. коммент. к III, 92).

12. *...милым Деятели...* — Подразумевается: музам.

21. *«Я говорю о том, что всем известно».* — Вергилий. «Энеида», II, 91.

«Я запрещу тому, кто разгласил тайнства Цереры» (быть со мной под одним кровом). — Начало цитаты из Горация («Оды», III, 2). Байрон в шутку дает перевод заведомо неправильный.

22. *Парри, Ясон* — ироническое сравнение современного Байрону полярного исследователя Парри (см. коммент. к XIII, 39) и мифического мореплавателя Ясона (см. коммент. к I, 86).

35. *Честерфилд* Филипп Дормер Стэнхоп, граф (1694—1773) — английский политический деятель: известны его «Письма к сыну», опубликованные в 1774 г. Они содержат правила светского поведения.

39. *Камилла* — быстроногая прислужница Дианы (римск. миф.).

40. *Гвидо* Рени (1575—1642) — итальянский художник. В его фреске летящую перед восходящим солнцем Аврору сопровождают Горы (часы).

48. *Иов*. — Когда Иов (библ. миф.) был в беде, друзья убеждали его покаяться и признать грехи, в которых он не был повинен. Друзья Иова — распространенный образ безответственных и равнодушных советчиков.

64. *Вергер*. — См. коммент. к предисловию Байрона к песням шестой, седьмой и восьмой.

70. *Диван* — совет при восточном монархе.

73. *Тиресий*. — Согласно античному мифу, пастух Тиресий был на семь лет превращен в женщину, после чего опять стал мужчиной. Поэтому, когда Юпитер и Юнона заспорили о том, который из двух полов испытывает большее любовное наслаждение, они обратились к Тиресию с просьбой разрешить их спор.

75. *В Шекспировом саду неувядаемом...* — Имеется в виду цитата из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь» (акт II, сц. 1), в которой упоминается цветок, названный девушками «любовью от безделья».

«Вот барвинок!» — Эти слова взяты из романа Руссо «Новая Элоиза».

77. *«Блажен тот, кто далек от дел».* — Слегка переделанная цитата из Горация («Эподы», II).

«Каждый познается по своим друзьям». — Латинская поговорка, которую Байрон ошибочно приписывал Горацию.

81. *«И устрица бывает влюблена»* (буквально: «И устрица бывает несчастлива в любви»). — Цитата из комедии Шеридана «Критик» (акт III).

83. *«Святая тройка»*. — Намек на Священный союз, заключенный в 1815 г. государями России, Австрии и Пруссии для подавления революционного движения в Европе.

Александр Лысый. — Имеется в виду русский император Александр I.

84. *Точка опоры*. — Намек на известные слова Архимеда: «Дайте мне точку опоры, и я переверну землю».

86. *Сизифова любовь*. — Намек на греческий миф о Сизифе, который за свои грехи был осужден вечно поднимать на гору камень, упорно скатывающийся вниз («сизифов труд»).

102. *«Пещеры и пустыни»*. — Цитата из трагедии Шекспира «Отелло» (акт. I, сд. 3).

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

Написана в марте 1823 года. Опубликовано 26 марта 1824 года.

11. *Алкивиад* (451—404 до н. э.) — греческий полководец и политический деятель. Замечание Байрона об умении Алкивиада приспособляться к любому окружению основано на его биографии, написанной Плутархом.

21. *«Магон хочет все говорить наилучшим образом, говори когда-нибудь и хорошо, говори средне, иногда говори и плохо»*. — М а р ц и а л. Эпиграммы, X, 46.

24. *...Когда б мои стихи перо зоила // Насмешкой злобною не заклеямило*. — См. коммент. к X, 11—16.

25. *Лонгин* (213—273) — древнегреческий ученый. «Поэтика» Аристотеля и трактат «О возвышенном», приписывавшийся Лонгину, считались руководством для поэтов.

35. *Рапп*. — См. прим. Байрона.

39. *Гольбейн* (1497—1543) — немецкий художник, автор серии рисунков «Образы смерти» (часто называемые «Пляска смерти»).

53. *...Антоний это знал // И от величья Цезаря страдал*. — В подлиннике не совсем точная цитата из «Макбета» (акт III, сд. 1).

59. *Я стал опять «сзывать свою пехоту»*. — Несколько измененная цитата из поэмы Вальтера Скотта «Песнь последнего менестреля».

63. *Суп «хорошей жены»*. — Здесь и далее Байрон иронизирует над французской номенклатурой аристократической кухни.

65. *Апиций* (I в. до н. э.) — римский гастроном. До нас дошла приписываемая ему книга о кулинарном искусстве.

Аммоно-убийственные вина. — Намек на невоздержанность

Александра Македонского, который, по преданию, умер от пьянства (Александр провозгласил себя сыном бога Аммона).

66. *Лукулл* (106—66 до н. э.) — римский богач, полководец и государственный деятель, прославленный блестящими пиршествами, которые он устраивал для своих друзей.

71. *Сальми* — рагу из жареной дичи.

Консоме — крепкий бульон.

72. *Goût*. — В подлиннике непереводаемая игра слов. Французское слово *goût* (вкус) пишется так же, как английское слово *gout* (подагра), хоть произносится иначе.

73. *Лукка* — город в Италии; во времена Байрона — центр маленького государства, герцогства Лукка.

87. *Кук* Эдуард, лорд (1552—1634) — английский юрист и политический деятель, известный подробным изложением и обоснованием английской правовой системы.

92. *Пресвитерьянец*. — Байрон иронически причисляет себя к умеренным пресвитерианцам, религиозному течению, влиятельному в Шотландии, где прошли детские годы поэта.

Умеренно люблю я Тир и Тройу... — Намек на стих из «Энеиды» Вергилия: «Я не делаю различия между Тиром и Троей».

Элдон, граф — реакционный государственный деятель Англии. С 1801 по 1827 г. — лорд-канцлер. Байрон здесь иронически говорит о мнимом беспристрастии Элдона как председателя суда.

Гекла — вулкан в Исландии.

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Начата 29 марта и окончена 6 мая 1823 года. Опубликована 26 марта 1824 года вместе с песней пятнадцатой.

1. *Кир*. — Греческий историк Ксенофонт в своей книге «Воспитание Кира» («Киропедия») сообщает, что древние персы учили мальчиков стрелять из лука, ездить верхом и говорить правду. Так, по Ксенофону, был воспитан Кир Старший, основатель персидской монархии (553—528 до н. э.).

2. *Но сам «эффект сугубо дефективен»*. — Не вполне точная цитата из Шекспира («Гамлет», акт II, сц. 2).

5. *Монмут* (умер в 1155 г.) — автор хроники о легендарных королях древней Британии.

Турпин — архиепископ Реймский (умер ок. 800 г.); ошибочно считался автором легендарной латинской хроники о деяниях Карла Великого и Роланда.

«*Quia impossibile*» — часть формулы, употреблявшейся так называемыми отцами католической церкви для защиты свидетельств Священного писания; «*Certum est quia impossibile est; credo quia*

absurdum est» — «Это достоверно, потому что невозможно; я верю, потому что это бессмысленно». Байрон ошибочно приписывает эту формулу Августину.

10. *Тирский пурпур* — драгоценная краска, изготовлявшаяся в финикийском городе Тире.

11. *Тит* Флавий Веспасиан (39—81 гг. н. э.) — римский император (79—81 гг.); по свидетельству историка Светония, Тит сожалел о тех днях, когда ему не удавалось сделать доброго дела.

27. *Тук* Джон Хорн (1736—1812) — английский писатель и политический деятель.

43. См. прим. Байрона.

46. *Каледония* — древнее наименование Шотландии.

47. *...То не был цвет возвышенной лазури...* — Здесь и дальше насмешка над романтической неясностью, которой Байрон противопоставлял классическую точность и ясность стиля Александра Пова.

72—75. Эти строфы являются пародией на обычный стиль парламентских речей.

81—83. *Питер Пит.* — Намек на известного проповедника Сидни Смита (1771—1845), автора «Писем Питера Плимли».

84. *...трудненько стало житья // Теперь и королевам иногда.* — См. коммент. к V, 61.

104. *...как хитрый Аддисон...* — Имеются в виду резкие строки Попа, который подчеркивал умение Аддисона —

Губить хвалой, со всеми соглашаться
И, не смеясь, учить других смеяться.

(«Послание доктору Арбетноту», 1735)

Аддисон Джозеф (1672—1719) — английский журналист, поэт и драматург.

109. *Благодагная Венера.* — Начальные слова поэмы римского поэта Лукреция Кара (98—55 гг. до н. э.) «О природе вещей».

116. *«Оставьте надежду все, сюда входящие».* — Надпись на воротах ада в поэме Данте «Божественная комедия» («Ад», песнь III).

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

Четырнадцать строф этой песни написаны в мае 1823 года. Отправляясь в Грецию, Байрон взял их с собой. Они были обнаружены среди бумаг поэта после его смерти и переданы его другу Хобхаузу. Впервые они были опубликованы в Собрании сочинений Байрона под редакцией Э.-Х. Колриджа в 1903 году.

7. *Сэр Мэтью Хейлс* (точнее, Хейл; 1609—1670) — английский судья, известный широтой и гуманностью своих взглядов. Однако, следуя предрассудкам своего времени, он в 1664 г. все же осудил двух женщин на смерть за колдовство.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«ДОН-ЖУАН»

Посвящение	7
Песнь первая	12
Песнь вторая	68
Песнь третья	123
Песнь четвертая	154
Песнь пятая	184
Предисловие (к шестой, седьмой и восьмой песням)	224
Песнь шестая	227
Песнь седьмая	258
Песнь восьмая	280
Песнь девятая	316
Песнь десятая	338
Песнь одиннадцатая	361
Песнь двенадцатая	384
Песнь тринадцатая	407
Песнь четырнадцатая	435
Песнь пятнадцатая	461
Песнь шестнадцатая	487
Песнь семнадцатая	520
Примечания Байрона к «Дон-Жуану»	524
<i>Комментарии Н. Дьяконовой</i>	533

Байрон Джордж Гордон

Б17 Сочинения. В 3-х томах. Редакционная коллегия:
О. Афонина, М. Кургинян, В. Левик. Т. 3. Дон-Жуан.
Поэма. Пер. с англ. Т. Гнедич. Комментар. Н. Дьяконовой.
М., «Худож. лит.», 1974

576 с.

В третий том «Сочинений» Дж. Г. Байрона входит его поэма «Дон-Жуан»
в известном переводе Т. Гнедич.

Б $\frac{70404-212}{028(01)-74}$ 160-74

И(Англ)

Байрон Джордж Гордон

Том 3

Редактор

Э. Шахова

Художественный редактор

Л. Калитовская

Технический редактор

О. Ярославцева

Корректор

Т. Кузина

Сдано в набор 6/XII—1973 г.

Подписано в печать 30/IV—1974 г.

Бумага типогр. № 1. Формат 84×108^{1/32}.

18 печ. л. 30,24 усл. печ. л. 29,57 уч.-изд. л.

Тираж 100 000 экз. Заказ 880.

Цена 1 р. 16 к.

Издательство

«Художественная литература»

Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Киевская книжная фабрика

республиканского производственного

объединения «Полиграфкнига»

Госкомиздата УССР, Киев, Воровского, 24

